
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)
Проект Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел



СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»
под редакцией Г.А. Бордюгова

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Н.Г. Смирнов

РАПАВА, БАГИРОВ
И ДРУГИЕ

Антисталинские процессы
1950-х гг.

Рукопись подготовлена к печати
С.Н. Смирновым

Москва
2014

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»
ОСНОВАНА В 1994 ГОДУ

Книга издана при содействии
АНО «Проекты для будущего:
научные и образовательные технологии»

Дизайн и верстка: Сергей Щербина

Смирнов Н.Г.

Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. / Рукопись подготовлена к печати С.Н. Смирновым. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 368 с. + 12 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова). – ISBN 978-5-91022-274-2.

В книге заслуженного юриста России рассказывается о процессах, состоявшихся после смерти И. Сталина, на которых были осуждены непосредственные исполнители репрессий против своего собственного народа. Автор, бывший секретарем судебного присутствия на Тбилисском процессе 1955 г. (А. Рапава и другие) и Бакинском процессе 1956 г. (М. Багиров и другие), оперируя фактами, показывает бесчеловечность созданной сталинским режимом машины преследования неугодных. Она использовалась и во внутрипартийных разборках и для чистки аппаратов силовых структур. Но в абсолютном большинстве случаев ее жертвами становились обычные советские люди – рабочие, инженеры, колхозники, деятели культуры. Пытки, порой весьма изощренные – неотъемлемые элементы этой машины. Автор показывает, к каким страшным последствиям может привести вера в непогрешимость одного человека, отсутствие нормально функционирующей правовой системы, контроля общества за силовыми структурами.

Для широкого круга читателей.

© Смирнов Н.Г., 2014

© Смирнов С.Н., предисловие, указатель
имен, подбор фотографий, 2014

© АИРО-XXI – оформление, 2014

ISBN 978-5-91022-274-2

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ.....	17
Часть I	
РАПАВА И ДРУГИЕ	
Тбилиси, сентябрь 1955 года.....	23
Часть II	
БАГИРОВ И ДРУГИЕ	
Баку, апрель 1956 года.....	152
Часть III	
И ДРУГИЕ... ..	281
Дело Г.А. Пачулии.....	281
Дело С.С. Давлианидзе.....	287
Дело М.М. Хухунашвили.....	293
Заклучение	
ПРАВОТА ЮРИСТА.....	296
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	303
ПУБЛИКАЦИИ Н.Г. СМИРНОВА	352
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	354

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая Вашему вниманию книга была написана ее автором достаточно давно. Во всяком случае, издательский отзыв на нее, в котором отмечено, что «издание займёт достойное место в ряду книг ... посвященных сталинской эпохе репрессий», датирован 28 ноября 1996 г. Но рукопись опубликовать тогда не удалось, и отец ушел в другие проекты. Из под его пера вышли еще две книги – «Вплоть до высшей меры» и «Репрессированное правосудие», несколько статей. А рукопись этой книги в машинописной копии была передана в общество «Мемориал». Еще одна копия хранилась в архиве отца, откуда и была извлечена мной некоторое время назад. Перечитав ее, я понял, что вот именно теперь настало время для ее издания. Почему?

Во-первых, к середине 1990-х народ наелся до отвала мемуаристикой и серьезными исследованиями о мрачных годах сталинщины. Казалось, Сталин занял своё место в истории, и поднять его из этого места на пьедестал, уже не будет никакой возможности. Ан, нет! Минули каких-то два десятилетия, и его «эффективное менеджёрство» стало рассматриваться как образец для подражания. Тем более, что российская бюрократия, погрязла в коррупции, бороться с которой, по мнению значительной части населения, можно только «твёрдой рукой» (хорошо хоть «ежовые рукавицы» изгладились из памяти). Вот в этих условиях опять возобладали принципиально неверная оценка личности Сталина: репрессии-то, конечно, были, но ведь для страны он сделал так много! Как говаривал Н.С. Хрущев: «Мы нашего Сталина никому не отдадим!». Нет, он не стал пока добрым «дедушкой Сталиным», но в опросах общественного мнения этот человек с явными признаками паранойи становится зачастую чуть ли не главным героем страны.

Во-вторых, политическая ситуация в России, сложившаяся в начале второго десятилетия XXI в., до боли напоминает зарницы сталинской эпохи. Во всяком случае, доминирование политического заказа над правовым механизмом достаточно очевидно. Нет, без расстрелов, конечно, но со всяческим унижением человеческой личности. В книге наглядно показано, как это происходило в то, бесспорно более страшное время.

Восстановление исторического опыта, четкая диагностика полей, на которых можно и прогнуться, а на которых нужно стоять до конца, – необходимое условие, чтобы сталинская эпоха с ее режимом ручного управления, в том числе и в правовой сфере, доминированием государственных интересов над интересами личности, стремлением сделать из людей «гвозди»¹ не возродится. Даже в форме комедийного фильма ужасов.

Автор книги – мой отец пришёл в военную юстицию в 1953 г. уже после смерти вождя. В феврале он защитил диплом в Военно-Юридической Академии (ВЮА) под названием «Руководящая и направляющая роль Болгарской коммунистической партии в национально-освободительной борьбе и победе народной демократии в Болгарии». В своей работе он дежурными фразами поливал «подлого предателя болгарского народа» Трайчо Костова. И искренне верил в это. «На процессе выяснилась вся отвратительная физиономия злейшего врага болгарского народа – Трайчо Костова, его связь с англо-американской разведкой и предательской бандой Тито, волю которых он выполнял» – типовая газетная фраза. Но не в газете, увы, а в дипломе отца. Но кто же кинет камень в 27-летнего офицера, коммуниста, вступившего в ВКП/б/ в 19 лет, успешшего повоевать и менее чем за пять месяцев на фронте за реальный подвиг награжденного орденом Красной звезды, которым он из всех своих 26 государственных наград дорожил более всего? Вот, кстати, описание этого подвига, выписанное мной из наградного листа (стиль, орфография и пунктуация оригинала сохранены).

«9 февраля 1945 года в боях за город ЭЛЬБИНГ² при атаке пикирующих бомбардировщиков противника на наступающую

¹ Гвозди бы делать из этих людей / В мире бы не было крепче гвоздей (Н. Тихонов).

² В настоящее время транскрибируется как Эльблонг.

пехоту 98 СК³ и позиции полевой артиллерии, тов. Смирнов первый открыл своим взводом огонь и меткими очередями сбил ведущего Ю-87, который упал на южной окраине города. При повторной атаке пикировщиков, тов. Смирнов, не смотря на арт-обстрел района позиции батареи, продолжал вести прицельный огонь, благодаря чему – самолеты противника были рассеяны. Следуя в боевых порядках наступающей пехоты 46 СД⁴ батарея попала в районе ж/д станции МИРОТКИН 21.02.45 года – под огонь немецких танков. Тов. Смирнов организовано вывел технику из под обстрела, лично вынес из зоны огня двух раненых бойцов и продолжал выполнять боевую задачу. За сбитый боевой самолет врага, за мужество и офицерскую доблесть, проявленную в боях при прорыве обороны противника на реке НАРЕВ и при наступлении в Восточной Пруссии тов. Смирнов достоин награждения орденом КРАСНАЯ ЗВЕЗДА,

КОМАНДИР 1586 ЗЕНИТНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА
47 ЗЕН[ИТНОГО] АРТ[ИЛЛЕРИЙСКОГО]
ВЕРХНЕДНЕПРОВСКОЙ ДИВИЗИИ РКГ⁵
ПОДПОЛКОВНИК ЩЕННИКОВ
2 марта 1945 года».

Замечу, что отцу до 19-летия оставалось всего несколько дней, и шел всего второй месяц его пребывания на фронте (в наградном листе указано, что участвует в Отечественной войне с 1 января 1945 г.) в звании младшего лейтенанта и в должности командира огневого взвода упомянутых полка и дивизии, носившей, кстати, имя Богдана Хмельницкого. А попал он на фронт после окончания Севастопольского училища зенитной артиллерии (СУЗА), которое после захвата Севастополя немецкой армией в 1942 г. было эвакуировано в Уфу.

Родился же отец 23 февраля 1926 г. в деревне Удеревка Троицкого района Оренбургской области в ставшей к тому времени простой крестьянской семье. Родители – Гавриил Аркадьевич

³ Стрелковый корпус.

⁴ Стрелковая дивизия.

⁵ Резерв Главного командования.

Смирнов (1904–1954) и Ульяна Осиповна Смирнова (урожденная Бучина, 1905–1969). Кстати, в наградном листе указано иное отчество матери – Иосифовна. Как-то, отвечая на мой вопрос, почему так, отец ответил, что очень хотелось хоть чем-то походить на Сталина. Вот 17-летний почти мальчишка и «отредактировал» отчество матери. Между тем стремление походить на Сталина имеет исторические корни. Дело в том, что прадед отца Константин Петрович Смирнов был юристом в Святейшем Правительствующем Синоде, пожалованным дворянином, но за поддержку Польского восстания 1863–1864 гг. был сослан в Башкирию. Впоследствии он осел в Оренбургской губернии, где до сих пор живут его нисходящие. Женат же он был на дворянке Зинаиде Петровне Бульвинской, которая работала учительницей.

Но гены не убьешь, и вряд ли, если бы у отца была простая крестьянская родословная, он бы достиг того немалого, чего достиг в своей жизни – получил высшее образование, стал военным юристом, полковником юстиции, заслуженным юристом РСФСР. Завершал же свою военно-юридическую карьеру начальником отдела обобщений Военной коллегии Верховного Суда СССР. После выхода в отставку в 1988 г. он до марта 2000 г. работал помощником Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

Ему повезло, что он пришел в Военную коллегия уже после смерти Сталина, сразу же, окунувшись в реабилитационные процессы. Историю о ржавых пятнах крови на протоколах допросов М.Н. Тухачевского я узнал в юности именно от него, а не парой десятилетий позже из перестроечных публикаций. В декабре 1953 г. он был запасным секретарем судебного присутствия на процессе Л.П. Берии и других. В это время они с моей будущей мамой отдыхали в подмосковном санатории «Лунёво». На фотографиях отец все время в военной форме – на случай оперативного вызова на процесс. И я никогда не сомневался в спекулятивности публикаций, в которых утверждалось, что Берия был убит сразу после ареста. Ну, а в 1955 и 1956 гг. отец был уже действующим секретарем судебного присутствия на тбилисском и бакинском процессах, которые и составили основной сюжет этой книги.

В начале 1970-х гг. отец стал писать статьи и книги. «Писательский зуд» охватил его после того, как было принято решение

издать сборник статей о громких судебных процессах советского периода (заговор Локкарта, дела Савинкова, Власова, Паулюса...). Отец написал для него статью о судебном разбирательстве 1926 г., фигурантом которого был виновник гибели 26 бакинских комиссаров Ф. Фунтиков. Сначала она была опубликована в некогда популярном журнале «Человек и закон», а потом уже в том самом сборнике, получившем название «Неотвратимое возмездие» (1973 г.). Сборник получил хорошую прессу, выдержал еще два издания (1979 и 1984 гг.) и был переведен на болгарский и чешский языки. А отец погрузился в архивные розыски, результатом которых стали книги и брошюры «Расстреляны на рассвете» (1979 г.), которая была издана не только на русском, но и на азербайджанском языке (1984 г.), «Ушедшие в бессмертие» (1986 г.) и «Бакинская Коммуна и ее комиссары» (1987 г.).

Этот опыт пригодился отцу и в годы перестройки, и в новой России. Так, в 1990 г. он опубликовал брошюру «Высшие суды революции», а в дальнейшем сконцентрировался на теме сталинских репрессий. В 1997 г. была опубликована книга «Вплоть до высшей меры» о судьбах советских военачальников, а в 2001 г. – «Репрессированное правосудие». Именно последнюю я ставлю в особую заслугу отца перед историей: в ней рассмотрены судьбы невинно пострадавших в военных юристов. Аналоги этой публикации мне неизвестны. После этого отец собрал еще 30 папок и тетрадей архивных материалов, но подготовить новую книгу ему помешала болезнь. Эти выписки я также передал в архив «Мемориала».

Но даже не в профессионализме отца проявились «правильные» гены его не столь уж далеких предков. Безусловная порядочность, способность однозначно воспринимать чёрное как чёрное и белое как белое, борьба за справедливость – вот далеко не полные общественно-значимые качества отца. Не могу не привести небольшую цитату из его письма маме, написанного в июле 1972 г. из военного санатория «Хмельник» в Винницкой области тогдашней Украинской ССР. «Только что имел “приятное” объяснение с одним из молодых черносотенцев, который предлагает Ойстраха, Рихтера [...] вешать и ничуть не меньше. Выдал я ему по первое число, жаль через несколько балконов был от меня, а то бы получил он по физиономии (ей богу не сдержался бы)».

И при этом – тонкое чувство юмора, которое он в общем-то сохранил до своих преклонных лет.

А как он умел дружить, собирая близких и далеких – соучеников по СУЗА, ВЮА! Многие из его сокурсников в Военно-юридической академии стали друзьями на всю жизнь – будущий Председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции Г.И. Бушуев, председатели военных трибуналов различных военных округов генерал-майоры юстиции М.И. Сергеев, М.Д. Токарев, Н.Н. Толкачев... Стены, помнящие этих и других военных юристов (именно, что стены, поскольку здание с обрушенными внутренностями, судя по всему, не может обрести хозяина) до сих пор стоит в Москве в отступе от красной линии Смоленского бульвара за домом 19.

Святым для отца был День Победы, когда с 1975-го он ежегодно, в течение более, чем четверти века отправлялся на встречу ветеранов в ЦПКиО.

Он был счастлив и в семейной жизни, в течение почти четырёх десятилетий пронеся любовь к моей матери – кандидату исторических наук Валентине Акимовне Смирновой (1927–1990), к сожалению, достаточно рано ушедшей из жизни. Не помню, чтобы хоть раз они ссорились по-крупному, но даже, если что-то не складывалось – отец просто ненадолго надувался и общался короткими фразами. Ни шума, ни тем более, крика. В семейной жизни отец был типичным «подкаблучником», впрочем эта роль ему самому нравилась. Ему было важно угодить любимой женщине во всем – тяжёлой физической работой, уборкой квартиры, лепкой пельменей, мытьем посуды, наконец. А его отношения с тещей, моей бабушкой преподавательницей биологии Марией Николаевной Калужиной (1901–1979) были идеальными – он ласково называл ее «мамкой». Единственный как бы конфликт возник, когда у бабушки в 1976 г. случился инсульт, и она попросила пригласить в дом священника. Отец, крещеный, но член партии с 1944 г., не одобрил эту идею.

Впрочем, вот еще один факт того же порядка: очень легко перешагнув Сталина, отец не перешагнул Ленина, так и не осознав, сколько вреда причинила эта «сладкая парочка» стране, так и не поняв порочность созданной ими системы. И на всех выборах новейшего времени он голосовал исключительно за КПРФ и её кан-

дидатов – будь то кандидат в Президенты или в депутаты муниципального собрания. Впрочем, многие из того поколения остались на рубежах XX и XXII съездов КПСС и, если можно так выразиться, «советской весны».

Работа над рукописью книги потребовала определённых усилий. Дело в том, что в моем распоряжении была машинописная копия, причём не первый ее экземпляр. Поэтому пришлось осуществить постраничное сканирование рукописи. Потребовалась также определенная несущественная редакция рукописи. Мной был также подготовлен именной указатель. Во всём остальном – это оригинальный текст отца.

Вообще, читая книгу, порой мне было страшно, ибо государство, называвшее себя социалистическим, очень недалеко ушло от восточных деспотий. Отравления, тайные убийства, изощрённые пытки – всё это находилось в арсенале органов государственной безопасности страны. Но всё это использовалось не против врагов режима, а против двух категорий граждан – во-первых, соратников, которые по тем или иным субъективным причинам выпадали из доверия Сталина и его присных. Во-вторых, это обычные люди – рабочие, колхозники, интеллигенция, которые под пытками давали показания, на основе которых можно было делать выводы о наличии в стране огромной пятой колонны.

Вот этих-то жалко больше всего. Ибо, что касается первых, то они, мягко говоря, во многих случаях они были ничем не лучше своих палачей. Развратник и сластолюбец А. Енукидзе, «северный диктатор» Зиновьев, пачками посылавший людей на расстрел, фабриковавшие дела чекисты из команд Ягоды и Ежова... Или вот, скажем, один из расстрелянных заместитель наркома просвещения Абхазской АССР А.М. Цхомария, по воспоминаниям учителя И.Т. Колбая «направо и налево швырял [...] учителями Абхазии»⁶. Даже интеллигентному А.И. Рыкову мы обязаны Постановлением СНК СССР от 2 ноября 1923 года «Об организации Соловецкого лагеря принудительных работ», которое он подписал в качестве заместителя председателя Совнаркома.

Впоследствии репрессированный член ЦИКа Рухула Алы Оглы Ахундов ударил по лицу пассажира в вагоне-ресторане поезда

⁶ Леонид Колбая. Апостол просвещения Абхазии.

Москва – Харьков за то, что пассажир отказался закрыть занавеску у окна. При составлении дознания тов. Ахундов выложил свой циковский билет. Сей случай был описан В. Маяковский в стихотворении «Помпадур».

А, впрочем, Бог им судья, ибо никого из героев книги отца – ни репрессированных, ни их палачей давно уже нет в живых. Важно другое – чтобы модель общественно-политического устройства, допускавшая конвейерное беззаконие, никогда не возродилась. Книга отца, на мой взгляд, является небольшим, но всё-таки препятствием на пути к этому возрождению.

Не могу не упомянуть тех, без кого я бы не смог подготовить эту рукопись к печати. Это большие друзья нашей семьи – прежде всего, недавно ушедшая Майя Давыдовна Дворкина (1927–2014). Именно с ней более года назад я поделился своим замыслом, который она одобрила, а в дальнейшем постоянно подстегивала меня. Это д.и.н. Борис Григорьевич Тартаковский (1911–2002), мемуары которого «Воспоминания об исчезающем поколении» послужили во многом образцом для меня. Это моя жена к.э.н. Ирина Моисеевна Смирнова (1955–2014), оказывавшая мне моральную поддержку и, не сомневаюсь, доживи она до завершения работы над рукописью книги, стала бы первым её читателем и редактором. Это, уже упоминавшаяся, моя мама, к. и. н. Валентина Акимовна Смирнова – гены историка порой просыпаются и во мне, экономико-географе. Ну, и естественно, это автор книги – мой отец. Подготовку рукописи и издание книги я считаю выполнением своего поколенческого долга – не только перед ним, но и вообще перед «шестидесятниками», в кругу которых я рос и которые научили меня отличать белое от черного. Как оказалось – на всю оставшуюся жизнь.

*Сергей Н. Смирнов,
доктор экономических наук,
директор Института социальной политики
и социально-экономических программ
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

Памяти однокашников — выпускников
Военно-юридической академии 1953 года,
ушедших из жизни,
посвящается

ВВЕДЕНИЕ

В период перестройки и в новой России было издано немало работ, в которых исследуется история утверждения режима сталинской диктатуры, история превращения государственного и партийного аппарата в послушных исполнителей единоличной воли Сталина, история формирования карательных органов этой диктатуры, боровшихся с так называемыми «врагами народа» во всех без исключения сферах жизни советского общества.

В определенной мере пониманию причин, обусловивших и обеспечивших неограниченную власть одного человека – Сталина, способствует ознакомление с материалами судебных процессов над теми, кто не только беспрекословно выполнял сталинские указания по уничтожению ни в чём не виновных людей, но и проявлял завидную инициативу в «разоблачении» как можно большего числа «врагов», демонстрируя тем самым свою преданность лично вождю и созданному им режиму.

Некоторые из этих процессов проходили в открытом режиме. Присутствовавшие на заседаниях, а их были сотни, могли воочию убедиться, как нарушалась законность в период сталинского правления в нашей стране, насколько бесправны и беззащитны были советские граждане перед могущественным аппаратом ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ, ставшим над всеми конституционными органами власти.

В современной России немало людей, считающих Сталина «эффективным менеджером». Зачем ворошить прошлое, ведь этот менеджер все делал на благо страны, борясь с её врагами. Но вот как-то так получилось, что среди этих врагов оказались миллионы на самом деле ни в чём не виновных людей – деятели культуры, науки, медицины, активные участники октябрьских событий, видные военачальники и простые труженики. Мрачная сталинская страница в истории страны перевёрнута, но реальные ужасы

её забыты. Ушло из жизни большинство репрессированных – те, кому «повезло» не быть расстрелянными, а быть заключёнными на долгие годы во всевозможные «лагги». И сейчас уже эта страница идеализируется. На мой взгляд, этого допустить ни в коем случае нельзя.

Материалы судебных процессов, о которых я хочу рассказать, и на которых я – в то время молодой военный юрист – выполнял функции секретаря судебного присутствия, на мой взгляд, раскрыли весь страшный механизм сталинских репрессий. Не должны быть забыты не только герои советской эпохи, но и её палачи, люди, которые были не только простыми исполнителями, но и инициаторами репрессий. Система, в которой нарушаются права человека, как свидетельствует исторический опыт, обречена. Не случайно, что всего через три года после смерти «вождь и учитель» оказался, как пел А. Галич, «не отцом, а сукою».

Конечно, материалы судебных процессов по делам тех, кто творил беззаконие, не могут быть исчерпывающими источникам для уяснения и понимания истории во всей её полноте. Тем не менее, некоторые выводы, как и почему возник сталинизм, возможны.

После осуждения в декабре 1953 г. Специальным судебным присутствием Берии и его ближайших подручных, вместе с ним активно участвовавших в репрессиях против честных людей, были рассмотрены дела и в отношении других работников органов НКВД-МВД-МГБ, которые также беспощадно уничтожали старых членов партии, выступавших или могущих выступить с разоблачением Берии, либо принижали роль Сталина в революционном движении, деятелей науки и культуры, представителей интеллигенции, но более всего простых советских людей, на своих плечах вынесших все тяготы создания нового общества после октябрьского переворота.

Два основных судебных процесса состоялись в сентябре 1955 г. в Тбилиси и в апреле 1956 г. в Баку.

На первом из них рассматривалось дело по обвинению бывших ответственных работников органов государственной безопасности Грузии А.Н. Рапавы, Н.М. Рухадзе и других, а на втором – дело по обвинению бывшего первого секретаря ЦК КП/б/ Азербайджана М. Багирова и бывших ответственных работников

органов государственной безопасности этой республики Р.А. Маркаряна, Х.И. Григоряна и других.

Судебные процессы были открытыми, и ежедневно на заседаниях присутствовали сотни граждан, впервые узнавшие о многочисленных фактах фальсификации уголовных дел в отношении невиновных, бесчеловечного отношения к необоснованно арестованным. Фактически эти процессы внесли свой вклад в разрушение фундамента сталинской системы.

Отмечу, однако, что оба процесса проходили всё ещё под воздействием сложившегося в те годы стереотипа: перед судом предстали враги народа, изменники Родины, ставившие перед собой цель свержение советской власти и реставрацию капиталистического строя. Особенно это проявлялось при рассмотрении Рапавы, Рухадзе и других. Хотя почти за два года до процесса был осуждён Берия, Сталин всё ещё продолжал оставаться «великим продолжателем дела Ленина», которого обманывал «подлый враг Берия и его подручные. Так, на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС во всех выступлениях его участников Сталин прославлялся как выдающийся политический деятель, вождь советского народа. Никто не задавал себе вопрос, а не является ли Берия порождением самого Сталина, той тоталитарной системы, над созданием которой последний так упорно трудился?

Подтверждением сказанному могут служить следующие факты.

Бывший министр государственной безопасности Грузинской ССР Рухадзе пытался объяснить, что грубейшие нарушения закона в деятельности органов НКВД-МВД-МГБ осуществлялись с ведома Сталина. Эта попытка была пресечена самым решительным образом в начале судебного процесса. Государственный обвинитель заявил: «ссылка подсудимого Рухадзе на Главу правительства является провокационной, и я прошу устранить подобные его заявления. Рухадзе предъявлены конкретные обвинения в совершении конкретных преступлений, за которые он и должен отвечать». Присутствовавшие в зале суда заявление государственного обвинителя встретили возгласами: «правильно!». Председательствовавший на судебном заседании указал, что замечание государственного обвинителя является правильным. В дальнейшем судебном разбирательстве имя Сталина не упоминалось.

Второй судебный процесс – по делу Багирова и других в некоторой степени отличался от первого. Это отличие обуславливалось тем, что к этому времени состоялся XX съезд КПСС, на котором был заслушан доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» и принято соответствующее постановление. Вряд ли необходимо еще раз говорить о его значении для деятельности правоохранительных органов.

При рассмотрении дела Багирова и других имя Сталина уже не ограждалось от вполне обоснованных ссылок, что беззаконие творилось прежде всего по его указаниям. Таким образом, этот судебный процесс в определенной степени стал и судом над Сталиным и созданной им системой. Хотя, естественно, официально ему никакого обвинения не предъявлялось, и решения о его виновности не выносились. Однако данные судебного разбирательства свидетельствовали, что именно по вине Сталина не только в Азербайджане, но и во всей стране господствовало беззаконие, следствием чего стала гибель миллионов невинных людей. Нельзя было не согласиться с Багировым, когда он заявил в суде: «Должен сказать, что без Сталина я ничего не мог изменить в Азербайджане». Впрочем, как сам Багиров, так и другие осужденные на описываемых процессах лица, и не стремились что-либо менять. Все они были верными исполнителями воли Сталина, безотказными частями механизма, искоренения так называемых «врагов народа».

Тем не менее, оглядываясь назад и анализируя обстоятельства, при которых совершались преступные действия, вмененные в вину подсудимым, мотивы этих действий, вряд ли можно согласиться с тем, что осужденные на процессах были изменниками Родины, участниками контрреволюционного антисоветского заговора, ставившего своей целью свержение советской власти и реставрацию капитализма в СССР. Вместе с тем все они совершили тяжкие преступления в отношении народа, за что и должны были понести суровое наказание.

Подсудимых допрашивал в основном государственный обвинитель. Судьи задавали не так уж много вопросов, которые сводились в основном к уточнению тех или иных обстоятельств. Защитники подсудимых активно участвовали в процессе.

Однако вряд ли было правильным, когда государственный обвинитель еще до того, как допросить подсудимого по конкретному обвинению, сам оглашал показания этого подсудимого, данные им на предварительном следствии. У подсудимого выяснялось только, подтверждает ли он эти показания. Кроме того, в ходе допроса подсудимого государственный обвинитель оглашал показания других подсудимых, данные ими на предварительном следствии, хотя эти подсудимые судом еще не допрашивались. Подсудимых чьи показания оглашались, спрашивали, подтверждают ли они оглашенные показания. В большинстве случаев они подтверждали их. Как правило, это были показания, изобличавшие в совершении тяжких преступлений подсудимого, которого допрашивали в данный момент.

Точно также оглашались показания свидетелей, данные ими в ходе предварительного следствия, хотя в суде их еще не допрашивали. Более того, оглашались показания и тех свидетелей, которые в суд не вызывались. Защитники тоже оглашали показания подсудимых, данные ими на предварительном следствии, хотя не во всех случаях это вызывалось необходимостью установить истину. Таким образом, нарушался принцип непосредственности и устности исследования судом доказательств по делу.

К сожалению, даже в 1955–1956 гг. судьи Верховного Суда СССР не могли себе позволить отказаться от сложившегося порядка судебного разбирательства подобных дел.

Книга состоит из трёх частей. В первых двух рассказывается об открытых судебных процессах в Тбилиси и Баку, а в третьей части – о некоторых других делах того же направления.

В основу работы положены данные судебных разбирательств, а также материалы о реабилитации лиц, дела в отношении которых были сфальсифицированы с участием осужденных на описываемых процессах. Цитируются документы, которые наглядно свидетельствуют, как развертывалась борьба с «врагами народа», какие методы использовались для этого органами НКВД-НКГБ-МГБ. В этой связи интересны выступления Багирова на партийных активах, конференциях и съездах, где он не только формулировал задачи по «разоблачению вражеских элементов», но и давали конкретные указания, как именно это следует делать.

Следует сказать вот еще о чем. У читателя может сложиться мнение, что беззаконие, творившееся в Закавказье, было присуща только этому региону. Это не так. Правовой произвол, насаждавшийся Сталиным и его приспешниками царил во всей стране. Повсеместно одними и теми же методами фальсифицировались дела в отношении невинных людей. Везде применялось физическое воздействие по отношению к арестованным, в результате чего они вынуждены были оговаривать и себя, и многих других в совершении выдуманных преступлений. Везде, как правило, сначала арестовывали будущих подсудимых, а уж потом собирались «доказательства», царницей которых являлось признание арестованного. Творившееся беззаконие носило общесоюзный характер. Так было.

Часть I

РАПАВА И ДРУГИЕ

Тбилиси, сентябрь 1955 года

С 7 по 19 сентября 1955 г. в городе Тбилиси в доме культуры железнодорожников в открытых судебных заседаниях, военная коллегия Верховного суда СССР в составе председательствующего генерал-лейтенанта юстиции А.А. Чепцова, членов – полковников юстиции А.А. Долотцева и А.А. Костромина при секретарях: капитанах М.В. Афанасьеве и авторе настоящей работы с участием представителя государственного обвинения генерального прокурора Союза ССР действительного государственного советника юстиции Р.А. Руденко и защиты – адвокатов К.Н. Апраксина, В.Л. Гаврилова, С.К. Галкина, А.В. Зверева, В.А. Зорина, С.Е. Санникова и Р.И. Уголева рассмотрела дело по обвинению бывших ответственных работников НКВД-МВД-МГБ Грузинской ССР и СССР А.Н. Рапавы, Н.М. Рухадзе, Ш.О. Церетели, К.С. Савицкого, Н.А. Кримиана, А.С. Хазана, Г.И. Парамонова и С.Н. Надарай.

В ходе судебного разбирательства отчетливо высветились те черты характера, которые позволили обвиняемым в течение длительного времени работать в органах НКВД-МВД-МГБ, занимать в них высокие должности, получать генеральские звания и обогащаться за счет имущества, изымавшегося у необоснованно репрессированных по делам, которые фальсифицировались этими лицами. Все они были послушными исполнителями воли Сталина и Берии, который до июня 1938 г. в Закавказье фактически являлся заместителем Сталина. Затем, оказавшись в Москве, держал под неослабным своим контролем складывавшуюся ситуацию в этом регионе.

Результаты судебного разбирательства дела показали, что все подсудимые были лишены элементарной порядочности и совести. Они не только старательно выполняла преступные указания Берии и его ближайших сподвижников Гоглидзе и Кобулова, но и проявляли завидную активность в своей практической деятельности по разоблачению «врагов народа», завоёвывая таким образом авторитет у Берии и других руководящих лиц. Они были бесчеловечны. Но именно в таких людях нуждалась созданная Сталиным и его ближайшими соратниками система, обеспечившая утверждение единоличной власти Сталина и уничтожившая миллионы ни в чём не повинных людей, выдавая всё это за необходимое условие построения социалистического общества.

Перед судом предстали бывшие наркомы внутренних дел и министры государственной безопасности Грузии, начальники отделов и отделений этих ведомств.

Вот они.

Авксентий Нарикиевич Рапава. Родился в 1899 г. в селе Корцехи Зугдидского уезда Грузии, грузин. Имел высшее юридическое образование. В органах ГПУ-НКВД-МВД-МГБ Грузии работал на разных должностях с 1924 г. В 1934–1935 гг. являлся начальником транспортного отдела Управления Государственной Безопасности НКВД Грузинской ССР. В 1935 г. был назначен заместителем Гоглидзе – народного комиссара внутренних дел Грузии. С 11 августа до 17 октября 1937 г. – председатель «тройки» при НКВД Грузинской ССР. В 1938 г. Рапава некоторое время был председателем Совета Народных Комиссаров Абхазской АССР, и в том же году его назначили народным комиссаром внутренних дел Грузии. В этой должности состоял до января 1948 г., когда его сменил Рухадзе. После этого Рапава назначается министром юстиции Грузинской ССР. Последняя его должность – министр государственного контроля Грузинской ССР. Воинское звание – генерал-лейтенант.

Николай Максимович Рухадзе. Родился в 1905 г. на станции Рустави, грузин. Имел среднее образование. В органах ГПУ-НКВД-МВД-МГБ Грузии работал с 1926 г. До 1927 г. был сотрудником информационного отдела Закавказского ГПУ, затем – уполномоченным ОГПУ Аджарской АССР. В 1930 г. назначается начальником Кобулетского районного отдела ОГПУ Аджарской АССР,

а в 1931 г. – начальником секретно-политического отдела ГПУ той же республики. Затем работал начальником Лангхутского и Махарадзевского районных отделов НКВД Грузинской ССР. С марта 1935 г. по 1936 г. являлся начальником Гагрской пограничной комендатуры, а с 1936 г. – начальником Гагрского городского отдела НКВД Грузии. В 1937 году Рухадзе командирован в Тбилиси, где работал руководителем группы совпартконтроля при ЦК КП/б/ Грузии. С назначением Рапава в октябре 1938 г. народным комиссаром внутренних дел Грузии Рухадзе становится начальником дорожно-транспортного отдела Закавказской железной дороги. В марте 1939 г. его назначили начальником следственной части НКВД Грузинской ССР. В марте 1941 г. Рухадзе назначается заместителем наркома внутренних дел республики, а в августе того же года – начальником особого отдела Закавказского военного округа. В этой должности (в период войны округ был преобразован в Закавказский фронт) он пребывал до января 1948 г., когда был назначен министром государственной безопасности Грузии. Рухадзе являлся депутатом Верховного Совета СССР. Военское звание – генерал-лейтенант.

До того, как Рапава и Рухадзе было предъявлено обвинение по делу, о котором я пишу, они уже побывали в тюремных камерах, куда в своё время сами отправляли большое число ни в чём не виновных людей.

Дело в том, что Рапава был арестован на излёте сталинской эпохи – 11 ноября 1951 г. и обвинён в принадлежности к так называемой «мингрело-националистической группе». Следствие по его делу вёл как раз Рухадзе.

Как показал Рапава в суде, Рухадзе вёл следствие с грубым нарушением закона. Ему создали невыносимые условия, в течение 160 суток он фактически не спал. Ночью допрашивали, а днём спать не давали, помещали его в холодные и горячие камеры, 35 суток держали в карцере.

Сотрудник внутренней тюрьмы МГБ Грузии свидетель Ф.В. Будников в суде показал, что арестованного Рапава помещали в холодную камеру раздетым и в наручниках.

Но вот в чём парадокс. Впрочем, даже не парадокс, а обычный ход событий в то время. Так называемое «мингрельское дело» было прекращено, Рапава из-под стражи освободили. Рухадзе же

11 июля 1952 г. арестовали и предъявили обвинение в том, что он являлся турецким шпионом и готовил террористический акт в отношении Сталина. В вину Рухадзе вменялось и то, что он женат на бывшей жене врага народа Арутюнова – бывшего секретаря бывшего председателя ГПУ Грузии Д.С. Киладзе. Только после ареста Берии эти несурзные обвинения с Рухадзе были сняты, но из-под стражи его не освободили, поскольку ему предъявили обвинения, которые рассматривались и исследовались Военной коллегией Верховного Суда СССР в ходе описываемого судебного процесса.

Шалва Отарович Церетели родился в 1894 г. в местечке Сачхере Сахерского района Грузии в семье дворянина, грузин. Имел среднее образование. В чине унтер-офицера служил в царской армии. В 1915–1917 гг. находился в плену у немцев, где поступил на службу в грузинский легион. Там ему было присвоено воинское звание «лейтенант», а затем и «обер-лейтенант». В легионе командовал ротой. По возвращении в Грузию служил в 1918–1921 гг. в войсках меньшевиков в чине штабс-капитана. В органах НКВД Грузии занимал различные должности. Будучи начальником Управления милиции НКВД Грузии, являлся членом тройки при НКВД Грузинской ССР с 11 августа 1937 г. до 13 июля 1938 г. В 1938 г., когда Берия уехал в Москву и стал народным комиссаром внутренних дел СССР, вместе с Гоглидзе, Кобуловым и другими он взял с собой и Церетели, назначив его заместителем начальника 3-го спецотдела. Был заместителем у П. Судоплатова, возглавлявшего группу, которой Берия поручал выполнять специальные задания. В 1941 году Церетели был назначен первым заместителем народного комиссара внутренних дел Грузии. Перед арестом Церетели – заместитель министра внутренних дел республики и начальник управления пограничных войск Грузинского военного округа. Воинское звание – генерал-лейтенант.

Константин Сергеевич Савицкий родился в 1905 г., русский, имел высшее образование. Его отец – полковник русской армии. В органах НКВД Савицкий работал с 1931 г. до апреля 1939 г., в 1942–1946 гг. и три с половиной месяца в 1953 г. В НКВД Грузинской ССР являлся начальником 1-го отделения и помощником начальника 4-го отдела УГБ НКВД Грузинской ССР. В 1942 г. Савицкий был назначен заместителем начальника 4-го отделения

2-го отдела 4-го Управления НКВД СССР. В 1943 г. он стал секретарём заместителя народного комиссара государственной безопасности СССР Кобулова. В июне 1948 г. из органов МГБ был уволен по болезни. Когда Кобулова направили на работу в Главное управление советского имущества за границей (ГУСИМЗ) заместителем начальника, Савицкий поступил на работу в это Управление на должность его помощника, и этой должности состоял до марта 1953 г., после чего был назначен помощником заместителя министра внутренних дел СССР Кобулова. Воинское звание – полковник.

Никита Аркадьевич Кримян родился в 1913 г. в городе Карсе, армянин. Имел высшее педагогическое образование. В органах НКВД Грузии стал работать со второй половины 1932 г. До 1933 г. был практикантом экономического отдела ГПУ Грузинской ССР, а затем до 1935 г. – уполномоченным 4-го отделения экономического отдела. В 1935 г. он был назначен оперативным уполномоченным 3-го отделения того же отдела. В 1937 г. Кримяна переводят в секретно-политический отдел НКВД Грузинской ССР, начальником которого был Кобулов. С ним он работал до конца 1939 г. В 1939–1940 гг. Кримян являлся заместителем начальника следственной части УНКВД Львовской области, а затем заместителем начальника УНКВД. В дальнейшем до 1943 г. Кримян работал в той же должности в Ярославской области, а затем до 1945 г. был там же начальником УНКГБ. В 1945 г. Кримян возвращается в Закавказье на должность народного комиссара (затем министра) внутренних дел Армянской ССР. В этой должности он состоял до 1947 г., после чего был назначен начальником УМГБ Ульяновской области. В 1951 г. был уволен со службы в звании полковника.

Александр Самойлович Хазан родился в 1906 г. в городе Одессе, еврей. Имел высшее образование. В 21 год начал работать народным следователем. После окончания юридического факультета университета перешел на работу в органы НКВД в Одессе¹. В 1933 г. был переведен на работу в Закавказье. С мая

¹ Любопытно, что при этом Хазан имел связь с родственниками в США и был в дружеских отношениях с троцкисткой Упштейн, поддерживая связь с ней и с её единомышленниками вплоть до её второго ареста (См. https://ru.wikipedia.org/wiki/Хазан_Александр_Самойлович).

1935 г. он – начальник 1-го отделения 4-го отдела НКВД Грузинской ССР. С января 1937 г. по 1938 г. Хазан являлся помощником начальника этого отдела, возглавлявшегося Кобуловым. 31 января 1938 г. Хазан был арестован. Ему предъявили обвинение в применении незаконных методов ведения следствия, в результате чего допрашивавшиеся им арестованные оговаривали невиновных лиц, а также Рапаву, Кобулова и Меркулова. Эти показания Хазан передал Кобулову, а через некоторое время он был арестован. Разумеется, названные лица не могли смириться с тем, что на них получены показания. Реальная власть была в их руках, и Хазан «на всякий случай» был арестован. Но он был «своим» человеком, и через несколько месяцев содержания под стражей Хазан был освобожден. В апреле того же года его уволили из органов НКВД. После освобождения он работал в Грузинском индустриальном институте и преподавателем в межкраевой школе НКВД. Перед арестом Хазан – юристконсульт в проектно-институте. Воинское звание – подполковник.

Георгий Иович Парамонов родился в 1907 г. в городе Баку, русский. Окончил 6 классов единой трудовой школы, другого образования не имел. Его отец – счетный работник, мать – сельская учительница. В 1927 г. Парамонов стал работать курьером в ГПУ Грузинской ССР. В 1928–1929 гг. работал делопроизводителем Горийского отдела ГПУ. В последующие годы был регистратором в учетно-статистическом отделе, помощником уполномоченного и уполномоченным в различных подразделениях НКВД Грузинской ССР. В 1936–1938 гг. являлся начальником отделения 4-го отдела НКВД Грузинской ССР. Затем отчетливо проявляется такая закономерность: куда направляется на работу Гоглидзе, туда же следовал и Парамонов. В конце 1938 г. его направили в Ленинградскую область на должность инспектора при начальнике областного УНКВД. Затем там же был назначен начальником секретариата УНКВД, а позже – особоуполномоченным при начальнике УНКВД и заместителем начальника следственной части. Начальником УНКВД всё это время был Гоглидзе. В 1941 г. Парамонова направили в Молдавию помощником уполномоченного ЦК ВКП/б/ и СНК СССР Гоглидзе. В том же году его перевели в Хабаровский край, где он занимал должности начальника экономического отдела УНКВД края, начальника следственного

отдела, а в 1944–1950 гг. – заместителя начальника Управления НКГБ-МГБ Хабаровского края по кадрам. Начальником названного управления всё это время был тот же Гоглидзе. В 1953 г. Парамонова назначили заместителем начальника следственной части по особо важным делам МВД СССР. Гоглидзе в это время был заместителем Берии – Министра внутренних дел СССР.

Сардион Николаевич Надарая родился в 1903 г. в селе Селиста Абашского района Грузинской ССР, грузин. Был заместителем, а в 1937–1938 гг. – начальником внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР. С 1939 г. являлся заместителем начальника личной охраны Берии, а в 1953 г. был назначен ее начальником.

В ходе судебных заседаний выяснялось, когда и при каких обстоятельствах сотрудники НКВД Грузии стали применять незаконные методы ведения следствия.

Как показал Рухадзе, такие методы стали применяться с июля 1937 г., когда народный комиссар внутренних дел Абхазской АССР Жужунава вызвал начальников отделов НКВД, в том числе и его, Рухадзе, на совещание в Сухуми и передал установку Берии о применении к подследственным физических мер воздействия. Возвратившись в Гагры, он передал это указание оперативному составу городского отдела НКВД.

Свидетель Васильев – в то время заместитель Рухадзе, подтвердил это и пояснил в суде, что Рухадзе потребовал от сотрудников горотдела НКВД приступить к активному разоблачению преступников. Под этим Рухадзе, как он разъяснил, понимал упрощённое ведение следствия и применение к арестованным физических мер воздействия. Он также предупредил, что проявление «мягкосердечия» к подследственным будет расцениваться как пособничество врагам народа. «Кто не бьёт, тот сам враг народа», – заявил Рухадзе на этом совещании. Ещё он разъяснил, что всем сотрудникам будут выданы специальные жгуты для избияния арестованных и валериановые капли для приведения в чувство тех, кто в результате избияния потеряет сознание.

Рапава не отрицал того, что в бытность его народным комиссаром внутренних дел Грузии подчиненные ему сотрудники применяли к арестованным меры физического воздействия. Однако сначала он утверждал, что никогда не давал указаний о применении таких мер к арестованным, а когда исследованными судом

доказательствами это утверждение оказалось опровергнутым, то заявил, что если и давал санкцию на применение физических мер воздействия к арестованным, то делал это по распоряжению Берии.

Рапава стремился представить себя жертвой окружавших его фальсификаторов.

Хазан в суде рассказал о совещании, на котором народный комиссар внутренних дел республики Гоглидзе говорил, что народный комиссар внутренних дел СССР Ежов не признаёт достаточными методы следствия, установленные его предшественником Ягодой, для быстрой ликвидации вражеского троцкистского подполья в стране. Гоглидзе при этом ссылаясь на зверства, творившиеся фашистами в отношении коммунистов, и указывал на необходимость жестокой расправы с разоблачёнными врагами. Такое же совещание, показал далее Хазан, было и у Берии, где последний потребовал жестоко избивать арестованных врагов народа, что явится ответом на зверства фашистов.

Получалось, что коль скоро ты был арестован органами НКВД, значит ты уже враг, значит тебя надлежит жестоко избивать. Вряд ли этот силлогизм нуждается в комментариях.

И потом. Нет сомнений в том, что фашисты действительно жестоко обращались с коммунистами, равно как и с социал-демократами. Но они ведь применяли указанные меры к действительным своим врагам, которые боролись или пытались бороться с фашизмом. Конечно, это ни в коей мере не оправдывает массовый террор, развязанный фашизмом. Однако здесь просматривается всё же определенная логика борьбы противостоящих друг другу политических сил. А с кем боролись органы НКВД? Выходит, и с коммунистами тоже, не говоря уж о других, гражданах Советского Союза, которые в большинстве своём не были противниками существующего строя. Напротив, по мере сил своих стремились укрепить этот строй. Сейчас известно, что в годы сталинщины коммунистов было уничтожено значительно больше, чем в годы гитлеризма во всей Европе.

Как пояснил Савицкий, он присутствовал на выступлении Берии, который говорил о необходимости интенсивных допросов арестованных врагов народа, о применении к ним физических мер воздействия. При этом Берия, показал Савицкий, ссылаясь на

указание инстанции, «называя имя человека, произнести которое у меня сейчас не поворачивается язык». Понятно, имя какого человека не мог назвать Савицкий, это – имя Сталина.

Можно себе представить, каково было тем сотрудникам НКВД, у которых совесть не вся ушла, узнать, что сам Сталин дал указание избивать арестованных. Тем же, кто эту совесть и человеческую порядочность потерял, такая информация ещё больше развязала руки в их несправедливой деятельности, в ещё большем развёртывании беззакония и произвола в отношении арестованных невинных людей.

Суд выяснял, кто из подсудимых, и в каких конкретных случаях избивал арестованных, и как подсудимые воспринимали указание о применении к арестованным физических мер воздействия.

Рухадзе, Савицкий, Кримян, Хазан, Парамонов подтвердили, что они избивали арестованных. Рухадзе показал, что он применял к арестованным меры физического воздействия как в 1937–1938 гг., так и в 1950 г. Он считал, что избивал преступников, врагов. Но это утверждение Рухадзе прозвучало крайне необедительно. Уж очень неправдоподобно много получалось врагов в нашей стране.

На вопрос, за что избивали арестованных, Савицкий ответил так: «Считалось, что арестованные являются врагами и скрывают свою враждебную деятельность, а поэтому необходимо любыми способами их разоблачить».

На другой вопрос, были ли у него сомнения в правильности следственной практики в НКВД Грузии, Савицкий ответил: «К сожалению, никаких сомнений по этому вопросу у меня не было. Кто знал, что Берия враг народа?».

Было установлено, что с сомневающимися в правомерности существовавшей следственной практики в органах НКВД беспощадно расправлялись те же органы НКВД. У Савицкого, как видим, на этот счёт сомнений не было.

Кримян пояснил, что он, как и многие другие сотрудники НКВД Грузинской ССР, применял к арестованным меры физического воздействия: бил их плёткой, веревкой, ремнями. Кроме того, он давал указание своим подчиненным избивать арестованных. Иногда заходил к Савицкому и Парамонову, которым помогал избивать тех, кого они допрашивали.

Эти свои действия Крымян объяснял в суде тем, что находился под влиянием авторитета Берии, Гоглидзе, Рапавы, Рухадзе. Он не имел никакого представления об их преступной деятельности и только после разоблачения этих лиц понял, что они использовали его и многих других в 1937 г. для осуществления террористических расправ с неугодными им честными советскими людьми. Крымян считал, что он был слепым орудием в руках врагов народа.

Свои противоправные действия Хазан объяснил тем, что он не мог в то время разглядеть «вражеское лицо Берия, Кобулова, Гоглидзе и других». Поэтому в числе других сотрудников НКВД Грузии тоже избивал арестованных и привлекал к этому двух своих подчиненных. Он не задумывался, как могло случиться так, что, например, Серго Орджоникидзе стал контрреволюционером. В то время он, Хазан, «был одержим другой манией». Эта мания у него выражалась, как было установлено, в том, что в каждом человеке он видел неразоружившегося врага. Об этом убедительно рассказали допрошенные в суде свидетели. Хазан полагал, что всё творившееся было «вызвано необходимостью скорейшего уничтожения пятой колонны в СССР».

Парамонов, признавая, что он тоже избивал арестованных по указанию своих начальников, вместе с тем считал допустимым применение мер физического воздействия к врагам.

Снова и снова приходилось слышать, что арестовывались заведомые враги, которых можно было избивать. Но ведь сначала, как известно, нужно убедительно доказать, что тот или иной человек преступник, враг, не говоря уж о том, что избиение арестованных, кем бы они ни были, в высшей степени безнравственно. Но эти общечеловеческие постулаты сотрудникам НКВД не прививались, да и как они могли руководствоваться общечеловеческими нормами, если избиение «врагов» было санкционировано самим «отцом народов»?

Парамонов подтвердил, что путём избиений он добивался от арестованных признания в совершении ими тяжких преступлений. Следствия, как такового, заявил Парамонов, в то время фактически не велось. В ходе так называемого расследования от арестованного должны были быть обязательно получены показания о его террористической деятельности. Савицкий и Хазан, показал

далее Парамонов, говорили: «Если арестованный не показывает о террористической деятельности, то он полностью не разоблачён». В связи с этим следователи «разоблачали» арестованных по меньшей мере в их «террористических намерениях», а то и в подготовке террористических актов в отношении руководителей КП/б/ Грузии и правительства республики. Впрочем, такие «разоблачения» осуществлялись не только в Грузии, а во всех регионах страны. Вот только ни одного террористического акта не было совершено. Но это не смущало сотрудников НКВД, и они продолжали «разоблачать террористов».

Помимо того, что арестованные избивались с целью получения показаний об их преступной деятельности, их также помещали в «холодные» и «горячие» камеры, оборудованные по указанию Берии во внутренней тюрьме НКВД Грузии. Сажали арестованных в эти камеры с той же целью – добиться от них признания в преступной деятельности. Начальником тюрьмы в это время был Надарая.

Кроме того, Кобуловым была создана целая система камерных провокаций. Специальные лица помещались в камеры к содержащимся там арестованным. Они подсказывали, кого следует называть при допросе как опасных государственных преступников. И нещадно избиваемые арестованные называли как врагов лиц, фамилии которых были подсказаны им провокаторами.

Использовались и другие методы «разработки» арестованных, содержащихся в камерах внутренней тюрьмы НКВД Грузии. Об этом рассказал в суде свидетель С.С. Давлианидзе, генерал-майор запаса. В 1937 г. Давлианидзе был заместителем начальника 4-го отдела НКВД Грузинской ССР.

Начальникам этого отдела являлся Кобулов, а Давлианидзе непосредственно руководил 8-м отделением, занимавшимся проведением агентурных мероприятий по вскрытию антисоветских террористических групп. Это делалось при помощи специальной техники, которая устанавливалась в тюремных камерах для подслушивания разговоров арестованных, Давлианидзе знакомился со стенограммами этих разговоров. В основном арестованные говорили об избиениях, которым они подвергались, о том, как им подсказывают фамилии других лиц, которых они должны были оговорить в совершении тяжких преступлений. Давлианидзе за-

помнилась запись содержания разговора между арестованными бывшим председателем СНГ Грузии Г.А. Мгалоблишвили и бывшим председателем ЦИК Азербайджана Г.М. Мусабековым. Их разговор касался в основном к избияния арестованных, и в этой связи упоминались фамилии Хазана, Кримяна, Савицкого, как лиц, жестоко избивавших арестованных.

Давлианидзе утверждал, что Хазан был арестован по его инициативе. При обыске в кабинете Хазана обнаружили картотеку на сотрудников НКВД Грузии, в отношении которых Хазан, видимо, намеревался возбудить уголовные дела. Были обнаружены также плётки, верёвки, шомпола и другие орудия избияния, которые использовались во время допросов арестованных.

О своей же деятельности в органах НКВД Грузии Давлианидзе рассказывал весьма сдержанно. Это не удивительно – ведь он тоже участвовал в фальсификации уголовных дел в отношении невиновных. Не без оснований Савицкий характеризовал Давлианидзе как жестокого человека, активно применявшего меры физического воздействия к арестованным. Кримян же в суде утверждал, что Давлианидзе – неразоблачённый враг. Именно он давал указания сотрудникам применять к арестованным физические меры воздействия. Позже было установлено, что это соответствовало действительности.

Вот такая «технология» сбора доказательств в отношении необоснованно арестованных лиц, которые ни в чём не были виноваты, существовала в органах НКВД в годы сталинщины.

Органом же, который принимал окончательное решение по делам, расследовавшимся сотрудниками НКВД, в большинстве случаев являлась тройка при НКВД Грузинской ССР – несудебный орган, наделенный большими правами.

Здесь, пожалуй, уместно коротко рассказать о тем, какие несудебные органы, решавшие судьбу советских граждан, существовали на протяжении нашей истории.

Известно, что сразу же после Октябрьской революции для борьбы с контрреволюцией и саботажем была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), наделенная декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 21 февраля 1918 г. правом внесудебного рассмотрения дел. На основании решения ВЧК лица, совершившие контрреволюционные тяжкие преступления

и некоторые другие опасные общеуголовные преступления, могли быть расстреляны на месте совершения этих преступлений.

В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» ВЧК могла заключать классовых врагов в места лишения свободы, а лиц, участвовавших в белогвардейских организациях, заговорах и мятежах – расстреливать. Постановление Чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов от 6 ноября 1918 г. «Об амнистии» положило конец красному террору в республике. Со временем внесудебные права органов ЧК были ещё больше ограничены.

Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия упраздняется, а её функции возлагаются на Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. В составе этого наркомата было образовано Государственное политическое управление (ГПУ). Сначала право внесудебного рассмотрения дел органами госбезопасности было отменено, но 16 октября 1922 г. ВЦИК предоставил ГПУ право «внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налётах и вооруженных ограблениях». Кроме того, этим же постановлением Особой комиссии НКВД по высылкам разрешалось высылать и заключать в лагерь принудительных работ деятелей антисоветских политических партий и рецидивистов.

26 марта 1924 г. ЦИК СССР создаёт Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Согласно утвержденному «Положению о правах ОГПУ в части административных высылки и заключения в концентрационный лагерь», решения об этом принимались Особым совещанием при ОГПУ, состоявшем из трёх членов коллегии ОГПУ с обязательным участием прокурора. Одновременно с Особым совещанием внесудебную деятельность продолжала осуществлять и коллегия ОГПУ.

Циркулярами ОГПУ от 29 октября 1929 г. и от 8 апреля 1931 г. в центральном аппарате были образованы тройки для предварительного рассмотрения законченных следственных дел и последующего их доклада на заседаниях Коллегии или Особого совещания при ОГПУ. В состав троек входили руководители оперативных управлений – отделов ОГПУ и полномочный представитель ОГПУ в Московском военном округе. Эти тройки рас-

сматривали следственные дела, представляемые центральным аппаратом и местными органами ОГПУ. Циркуляром 1931 г. предписывалось обязательное участие в заседаниях троек представителя прокуратуры ОГПУ.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 февраля 1930 г. ОГПУ предоставляется право на время проведения кампаний по ликвидации кулачества (осень 1930 г. – лето 1931 г.) передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел полномочным представительством ОГПУ в краях и областях с тем, чтобы такое рассмотрение дел производилось с участием представителей краевых (областных) исполкомов, прокуратуры и партийных органов. Состав этих «троек» утверждался не органами советской власти, а Коллегией ОГПУ.

Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. ОГПУ как самостоятельный орган было ликвидировано. На правах управления оно вошло в состав Наркомата внутренних дел (НКВД) СССР.

В НКВД действовало также Особое совещание при наркомате внутренних дел. Особому совещанию предоставлялось право выносить постановления о заключении в исправительно-трудовые лагеря, о ссылке и высылке на срок до пяти лет или о высылке за пределы СССР лиц, «признаваемых общественно опасными». В состав Особого совещания, возглавлявшегося наркомом, входили: заместители наркома, уполномоченный НКВД СССР по РСФСР, начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции и нарком внутренних дел союзной республики, на территории которой возникло уголовное дело. В заседаниях Особого совещания предусматривалось обязательное участие прокурора СССР или его заместителя.

Убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. послужило поводом для усиления репрессий в отношении тех, кого арестовывали органами НКВД. Вечером 1 декабря 1934 г. по инициативе Сталина (решение Политбюро об этом было оформлено опросом только через два дня) секретарь Президиума ЦИК А.С. Енукидзе подписал следующее постановление:

«1/ Следственным властям – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2/ Судебным органам – не задерживать исполнения приговоров к высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3/ Органам Наркомвнудела – приводить в исполнение приговора о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров».

Это постановление не вносилось на утверждение сессии ЦИК СССР, как это предусматривалось Конституцией СССР.

Все положения названного постановления были внесены в уголовно-процессуальные кодексы. В УПК РСФСР их внесли 10 декабря 1934 г. Устанавливалось, что следствие по делам о террористических организациях и террористических актах должно быть закончено в срок не более десяти дней.

Вновь введенными нормами, регламентировавшими порядок расследования и рассмотрения судами дел указанной категории, существенно ущемлялись правовые гарантии лиц, обвинявшихся в совершении названных преступлений. По существу это были античеловеческие нормы – не допускалась даже подача ходатайств о помиловании. Вряд ли можно найти подобный пример в новейшей истории любых других государств.

14 сентября 1937 г. такой же процессуальный порядок судопроизводства был установлен и по делам о вредительстве и диверсиях.

27 мая 1935 г. приказом Наркома внутренних дел СССР в составе НКВД-УНКВД республик, краев и областей были организованы «тройки», на которые распространялись права Особого совещания. В них входили: председатель – начальник УНКВД или его заместитель, члены – начальник управления милиции и начальник соответствующего отдела, сотрудники которого расследовали дело, которое представлялось на рассмотрение «тройки». Участие прокурора в заседаниях «тройки» было осязательным. «Тройки» могли принимать решения о высылке, ссылке или заключении в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет. Считалось, что это наказание подлежало назначению виновным в совершении преступлений. Фактически же, как об этом свиде-

тельствует практика деятельности этих «троек», на основании их решений подвергались репрессиям по сфальсифицированным делам те, кто никаких преступлений не совершал.

Приказом Народного комиссара внутренних дел СССР от 30 июля 1937 г. были созданы республиканские, краевые и областные тройки, которым было предоставлено право применять к признанным виновными высшую меру наказания – расстрел, либо лишение свободы на срок от 8 до 10 лет. Этим же приказом утверждался персональный состав троек: председателями являлись наркомы внутренних дел республик, начальники краевых или областных управлений НКВД, а их членами – первые секретари ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов ВКП/б/, а также республиканские, краевые и областные прокуроры.

В соответствии с приказами Народного комиссара внутренних дел СССР от 11 августа 1937 г. (этот приказ был санкционирован И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, Л.М. Кагановичем и С.В. Кошиором) и от 20 сентября 1937 г. было введено рассмотрение уголовных дел двойками, состоявшими из наркомов внутренних дел республик и начальников УНКВД и прокуроров республик, краёв, областей.

Помимо указанных органов, действовала и так называемая высшая двойка в составе Председателя Верховного Суда СССР и Прокурора СССР.

Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП/б/ от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» приказом НКВД СССР от 26 ноября 1938 г. двойки и тройки при НКВД были упразднены,

При этом продолжало действовать и Особое совещание при НКВД, а затем МГБ СССР. Оно было упразднено Указом Президиума Верховного Совета СССР только 1 сентября 1953 г.

Именно такой тройкой при НКВД Грузинской ССР рассматривалось большинство дел, следствие по которым проводилось сотрудниками НКВД республики. Не только в Грузии, но и в других регионах СССР тройки творили вопиющее беззаконие. Помимо того, что они сами были незаконными в системе правоохранительных органов, тройки, принимая решения по конкретным делам, совершенно не считались с действовавшим законодательством. Послушаем, как рассказывал о деятельности троек Рапава.

Давая объяснения о работе тройки при НКВД Грузинской ССР и отвечая на вопрос, почему под его председательством она принимала решения о расстреле лиц, обвинявшихся в преступлениях, за совершение которых такое наказание действовавшим законодательством не предусматривалось, Рапава заявил: «Мы фактически были выведены из уголовно-процессуального законодательства специальной инструкцией о работе тройки». Здесь Рапава был прав. Тройки были безотказными карательными органами в руках всемогущего НКВД, с их помощью беспощадно расправлявшегося с «врагами народа».

Выше приведены некоторые биографические данные подсудимых на процессе. Не лишне упомянуть и о некоторых документальных данных, характеризующих их работу, а также и о собственных оценках своей деятельности в органах НКВД, характеристиках, которые давались обвиняемым допрошенными на процессе свидетелями.

Что на самом деле представлял из себя Рухадзе, отчётливо видно из содержания написанной им так называемой оперативной биографии, в которой он указывал на свои заслуги в борьбе с «врагами народа» и всячески подчеркивал свою близость к Берии. Рухадзе писал: «В 1935–1936 г. г, и по октябрь 1937 г. работал в Гаграх в должности коменданта Гагрской особой погранкомендатуры, а затем – начальника Гагрского отдела НКВД Грузинской ССР [...] Лично вскрыл немецкую резидентуру, возглавляемую пчеловодом Леткеманом Г., имевшим связь с немецкими колонистами в Ставропольском крае. По нашим ориентировкам там также была вскрыта и ликвидирована немецкая резидентура. По делу Леткемана по Гаграм было выявлено и разоблачено 17 шпионов немецкой разведки. Все осуждены были к ВМН. Под моим непосредственным руководством (агентурные и следственные мероприятия) было разоблачено и арестовано до 700 человек врагов народа, изобличенных во вредительстве, диверсионной и террористической деятельности. Большая часть была осуждена к ВМН. Остальные к разным срокам наказания [...]»

Принял непосредственное участие в следствии, организации, а затем расстрела участников контрреволюционного шпионского и диверсионного центра в Абхазии (Ладария, М. Лакоба и другие, всего 17 человек).

По поручению товарища Берия арестовал и разоблачал как участников контрреволюционного заговора в аппарате НКВД Абхазии Жужунава, Волковского, Петросяна и других. Был вызван из Гагр в оперативную [командировку. – Н.С.] в Тбилиси в НКВД СССР, где проводил следствие по врагам народа (Вардзиели, Санакоев, Джичоев, Киладзе, Чхаидзе и др.) [...]

По указанию товарища Л.П. Берия в июне 1939 г. был назначен на должность начальника следственной части НКВД Грузинской ССР и проработал в этой должности по апрель 1941 г.».

Вот так оценил Рухадзе свои скромные заслуги в борьбе с «врагами народа».

По делу было установлено, что Рапава своим ростом по службе целиком обязан Берии, хотя обвиняемый и пытался утверждать, что он не был близок к Берии. В суде оглашались показания Гоглидзе, из которых следовало, что Рапава был близок к Берии. Кроме того, это было подтверждено и показаниями самого Рапавы в суде. Он рассказал, что в 1938 г. секретарь ЦК КП/б/ Грузии К.Н. Чарквиани сообщил ему о договоренности с Берией относительно назначения его, Рапавы, народным комиссаром внутренних дел Грузии. И Рапава был назначен на эту должность.

Или вот такой факт. Брат жены Рапавы – Георгий Жордания в 1928 г. выстрелом из пистолета, принадлежавшего Рапаве (он тогда работал в особом отделе), убил своего товарища. Испугавшись ответственности, Жордания бежал в Турцию.

Как показал Рухадзе, о побеге Жордания в Турцию было известно. Стало известно и то, что Жордания затем перебрался в Париж, состоял в антисоветской организации. С началом войны Жордания поступил на службу к немцам, служил в разведке. В 1943 г. он находился в Пятигорске. Был составлен план ликвидации Жордания, который представили Рапаве на утверждение, но он не утвердил этот план.

Как заявил Рапава в суде, он не помнит, чтобы Рухадзе обращался к нему по вопросу о Жордания.

Согласно существовавшему в то время порядку, органы НКВД внимательно следили и выявляли, у кого из советских граждан, какие и в какой стране имелись родственники. При этом степень родства не имела значения. К таким людям относились обычно с большим недоверием и у них не имелось возможности занимать

сколько-нибудь ответственные должности. Рапава же избежал недоверия. Логично возникает вопрос: не потому ли Рапава не спешил привлекать к ответственности племянника жены Берии – Шавдию, изменившего Родине во время Великой Отечественной войны, а затем заботами Берии переправленному в Грузию? Выходит, и здесь Берия с Рапавой были нужны друг другу. Допрошенный арестованный Шавдия показал, что пока министром государственной безопасности в республике был Рапава, его не привлекали к уголовной ответственности.

Допрошенный в суде свидетель Д.С. Твалчрелидзе, служивший в НКВД-МГБ Грузии до 1948 г. и уволенный по компрометирующим основаниям с должности помощника министра госбезопасности республики по хозяйственным вопросам, привёл некоторые факты, характеризующие Рапаву и Рухадзе далеко не с лучшей стороны и в бытовом плане. Твалчрелидзе показал, что в день проведения денежной реформы в декабре 1947 г. его вызвал Рапава, дал ему деньги для обмена их на новые денежные знаки. Через финансовый отдел министерства госбезопасности, которое возглавлял Рапава, он обменял 4000 рублей в соотношении один к одному и передал их Рапаве. Между тем, при проведении денежной реформы наличные деньги подлежали обмену в соотношении десять к одному, то есть 10 рублей старых денежных знаков обменивались на рубль новых денег.

Твалчрелидзе также показал, что на ремонт квартира Рухадзе было израсходовано 200 тысяч рублей государственных денег.

Теперь о Церетели, которого Хазан охарактеризовал как тупого, ограниченного и жестокого человека. И действительно, по сравнению с другими подсудимыми он воспринимался именно таким, хотя и имел высокое воинское звание. Складывалось впечатление, что звания, ответственные посты он получал за какие-то особые заслуги. В центральном аппарате НКВД СССР, как уже говорилось, он являлся заместителем Судоплатова, возглавлявшего специальную группу. Судоплатову и Церетели было поручено организовать эту группу в 5–6 человек, которые должны были выполнять весьма конфиденциальные задания по похищению людей. Церетели поручалось составить инструкцию о работе данной группы.

Церетели участвовал в аресте бывших народного комиссара внутренних дел СССР Ежова и его заместителя Фриновского. Один только этот факт свидетельствует, каким доверием пользовался Церетели у Берии. Ведь недаром его называли цепным псом последнего. Между прочим, Церетели был награждён 14-ю орденами. Столько орденов, по крайней мере только советских, не было у полководцев Великой Отечественной войны Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского.

В одном из писем Берии Церетели писал: «Мне неоднократно приходилось выполнять [...] специальные серьёзные задания [...] под личным руководством Л.П. Берия [...]. Свой долг я выполняю как ученик достойного учителя Л.П. Берия».

Конечно же, такие люди, как Церетели и ему подобные очень нужны были Берии, а также сложившейся тоталитарной системе.

В суде была оглашена аттестация Крима, данная ему народным комиссаром внутренних дел Грузии Гоглидзе. В ней указывалась: «Тов. Крима – молодой, растущий, талантливый чекист – оперативник, подающий большие надежды на дальнейший рост [...]».

С июня 1938 года т. Крима неутомимо осуществлял борьбу по вскрытию и разгрому контрреволюционного подполья Грузии. Ещё до этого вскрыл и провёл следствие по делу ряда серьёзных контрреволюционных формирований [...]».

Тов. Крима совместно с Савицким [...] ведёт [...] дела [...] членов центра “правых”: Орахелашвили, Элиава, Матикашвили [...] В большинстве арестованные на этих делах признались и дали развернутые показания о своей диверсионно-шпионской и террористической деятельности и связях, в результате чего вскрыты [...] шпионско-фашистская организация среди писателей и буржуазно-националистической интеллигенции, возглавляемая [...] Джавахишвили».

В суде была оглашена и выдержка из акта, имеющегося в личном деле Хазана. Вот она: «С мая 1935 года возглавляет I отделение 4 отдела УГБ НКВД Грузинской ССР по борьбе с антипартийными контрреволюционными формированиями. За это время при непосредственном участии т. Хазана изъято 1400 человек членов контрреволюционной троцкистской организации Грузин и ликвидирован ряд троцкистских групп [...]».

Содержание приведенной выдержки наводит на невеселые размышления. Конечно же не столько по поводу Хазана и его «заслуг» в борьбе с «врагами народа», а больше относительно той тоталитарной системы, которая к середине 1930-х гг. была сформирована и безупречно действовала отнюдь не в интересах народа, да и не в интересах правящей партии, которая сама оказалась в тисках этой системы. Внутри партии правили бал партократические структуры, в руках которых фактически и находилась власть. Именно с целью обеспечения главенства этих структур во всей государственной и хозяйственной системе принимались решительные меры по обеспечению «единства партии», никакого инакомыслия не допускалось. Оказывается, в органах НКВД существовали подразделения, призванные бороться с «антипартийными контрреволюционными формированиями». Получалось, что партия сама была не в состоянии бороться со своими политическими противниками, если они где-то появлялись. К чему это привело, известно.

Характеристика Хазана была бы неполной, если не сказать, что он занимался ещё и литературным трудом. Им была написана книга «О моральном облике советского человека», которая была издана тиражом в 25 тысяч экземпляров под псевдонимом Александров².

В книге с претензией на глубину и убедительность исследовались проблемы морали буржуазной и пролетарской, соотношение личного и общественного в социалистическом государстве, моральные критерии, определяющие отношение к труду и социалистической собственности, рассказывалось о советском патриотизме, товариществе и дружбе, о семье и браке в новом социалистическом обществе. Одним словом, эта книга написана в духе того времени, когда всё было ясно, когда большинство было уверено в том, что только советский народ выбрал единственно правильный путь движения к светлому будущему. Как бы там ни было, но насколько нравственным было писать о морали человеку, в высшей степени аморальному? Но ведь писали, и не только Хазан.

Парамонов – преемник Гоглидзе, оценивая степень своей подготовленности для выполнения обязанностей по занимавшимся

² Александров А.С. О моральном облике советского человека. – М.: Московский рабочий, 1948.

им должностям, в суде вполне справедливо заявил, что для выполнения работы заместителя начальника следственной части по особо важным делам МВД СССР его шестиклассного образования было явно недостаточно.

В ходе судебного разбирательства суду и присутствовавшим в зале суда неоднократно приводилось убеждаться в том, что ответственные работники НКВД плохо знали действовавшее законодательство. Кримиан прямо заявил, что он мало был знаком с процессуальными нормами, регламентировавшими порядок ведения предварительного следствия. Впрочем, зачем Кримиану и другим нужно было знать закон? Его ведь следовало хотя бы в какой-то мере соблюдать. А когда закон не знаешь, ничто тебя не связывает, и ты действуешь по собственному усмотрению, выполняя, разумеется, указания вышестоящих начальников.

Помимо того, что подсудимые фальсифицировали уголовные дела в отношении невиновных, они не отказывали себе в удовольствии присутствовать при расстрелах лиц, которых приговаривали к этой мере наказания суды, либо «тройка» при НКВД Грузинской ССР. Как пояснил Парамонов, он из любопытства выезжал на эти расстрелы. Хазан дважды присутствовал при приведении в исполнение приговоров Военной коллегии Верховного Суда СССР о расстреле. Там же был и Главный военный прокурор Розовский. Савицкий также присутствовал при исполнении этих приговоров Военной коллегии.

По делу были установлены ещё более страшные факты – избивание подсудимых, приговорённых к расстрелу перед тем, как их должны были расстрелять.

Савицкий и Парамонов подтвердили в суде, что лиц, подлежащих расстрелу, перед тем, как расстрелять, жестоко избивали. При этом Савицкий привёл слова Берии: «Прежде, чем идти на тот свет, набейте им морду».

Бывший сотрудник НКВД Грузии М.М. Глonti рассказал в суде, как Кримиан, Савицкий, Парамонов избивали этих лиц. Рассказал и о том, что ещё до исполнения постановления тройки при НКВД Грузинской ССР о расстреле Дзидзигури Кримиан, Савицкий и Гамсахурдия убили его ударами рукояток пистолетов. Кримиан участвовал и в избивании К. Слободы перед его расстрелом. После этого Слобода не мог сам выйти из машины и идти

к месту расстрела. Его вынесли на руках, а затем расстреляли. Бывших сотрудников НКВД Морковина и Максимова, показал Глonti, по пути к месту расстрела избивали Савицкий, Крымян и Парамонов.

Бывшие сотрудники внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР С.Л. Ковшов и Я.В. Тестов подтвердили в суде, что Савицкий, Крымян, Хазан, Парамонов жестоко избивали приговорённых к расстрелу перед приведением приговоров в исполнение.

Свидетель В.Н. Окрошидзе, бывший начальник тюрьмы, рассказал в суде об избииении Крымяном приговорённого к расстрелу Двали, добываясь от него дополнительных показаний.

Приведенные факты свидетельствуют, насколько безнравственны были те, кто решал судьбу людей, кто, казалось бы, должен был защищать не только советское государство, но и каждого его гражданина.

В ходе судебного разбирательства было убедительно установлено, какую зловещую роль играли органы НКВД в утверждении безграничной, диктаторской власти Сталина. Для них законы не были писаны, даже и формально действовавшие в стране законы, поскольку мало кто из работников НКВД знал их. Этого не требовалось, поскольку руководящим началом в деятельности НКВД являлось выполнение «мудрых указаний товарища Сталина». Соблюдение же законодательства лишь мешало борьбе с «врагами народа».

В подтверждение тезиса о всеилии органов НКВД в годы сталинщины можно сослаться на конкретные дела, обстоятельства которых исследовались в судебных заседаниях по делу Рапавы, Рухадзе и других.

Так, 8 сентября 1938 г. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных, ст. ст. 58-7 (вредительство), 58-8 (совершение террористических актов), 58-10 (антисоветская агитация), 58-11 (участие в антисоветской организации) УК РСФСР был арестован заведующий отделом руководящих партийных органов Аджарского обкома КП/б/ Грузии В.С. Чакаберия. Путём избийений его принудили признать себя виновным в совершении тяжких преступлений.

29 мая 1939 года дело Чакаберии рассматривалось военным трибуналом Закавказского военного округа. В суде Чакаберия от-

казался от своих показаний, как от вынужденных. Допрошенные свидетели не дали показаний о преступной деятельности Чакаберии. Военный трибунал оправдал его и освободил из-под стражи. Однако, такое решение никак не устраивало Рапаву и Рухадзе – они вновь арестовали Чакаберию и предъявили ему те же самые обвинения, по которым он был оправдан. Постановление об аресте Чакаберии подписал Рухадзе, а утвердил Рапава. 26 апреля 1940 г. Прокурором СССР было дано категорическое указание об освобождении Чакаберии. Это указание Рапавой не было выполнено, Чакаберия продолжал содержаться в тюрьме, где и умер 28 июля 1942 г. Таким образом, после оправдательного приговора Чакаберия более трёх лет незаконно содержался в тюрьме. О какой законности можно было говорить, если законные указания даже Прокурора СССР не выполнялись?

Показания Рапавы и Рухадзе в суде о том, что они не знали об оправдании Чакаберии военным трибуналом и об указании Прокурора СССР о немедленном освобождении Чакаберии из-под стражи, прозвучали весьма неубедительно.

Другой подобный пример. 24 сентября 1936 г. без санкции прокурора был арестован комендант-завхоз армянского дома культуры в Тбилиси Леван Барнабович Габелашвили по подозрению в попытке совершить террористический акт в отношении Берии. Доказательств в подтверждение этого обвинения не имелось. Поэтому 14 октября 1936 г. временно исполнявший должность военного прокурора Закавказского военного округа вынес постановление о прекращении дела в отношении Габелашвили и освобождении его из-под стражи. Однако Габелашвили не освободили, а продолжали и дальше фальсифицировать его дело. В конечном итоге Рапава утвердил обвинительное заключение по делу Габелашвили и направил дело на рассмотрение тройки при НКВД Грузинской ССР. Дело Габелашвили было рассмотрено на заседании тройки под председательством Рапавы. Габелашвили был признан виновным в том, что он пытался совершить террористический акт в отношении Берии, высказывал суждения террористического содержания в отношении того же Берии. На основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР от 10 октября 1937 г. Габелашвили был расстрелян.

В подтверждение тезиса о всесии НКВД можно сослаться и на многочисленные факты убийств его сотрудниками арестованных граждан в ходе предварительного следствия, когда за эти убийства никого не привлекли ни к какой ответственности.

Вот конкретные примеры.

Хазан, Крымян и Савицкий вместе с Кобуловым сфальсифицировали дело в отношении командира 63-й грузинской дивизии Федора Моисеевича Буачидзе. Единственная его «вина» заключалась в том, что в 1930 г. он выступил против выдвижения Берии на пост секретаря ЦК КП/б/ Грузии. Конечно же, официально Буачидзе обвиняли не в этом, а в принадлежности к антисоветской организации, ставившей своей целью совершение террористического акта в отношении Берии.

Буачидзе был арестован 30 июля 1937 г. Перед этим из уже арестованных других лиц буквально выбили показания о его враждебной деятельности. Такие показания были получены от Чихладзе, Буду Мдивани, в допросе которого участвовали Крымян и Савицкий, от бывшего председателя СНК Грузии Мгалоблишвили, заявившего, что именно он завербовал в организацию правых комдива Буачидзе. Эти показания были получены Кобуловым, Хазаном и Крымяном при допросе ими Мгалоблишвили 14 июля 1937 г.

После ареста Буачидзе подвергался жесточайшим избиениям. Это подтвердил в суде бывший начальник тюрьмы № 1 НКВД Грузинской ССР, в которой содержался Буачидзе, В.Н. Окрошидзе.

В деле Буачидзе имеются два протокола его допросов, один из которых от 4 августа 1937 г. им не подписан.

На первом допросе, как это следует из содержания протокола, Буачидзе признал, что он выступал против выдвижения кандидатуры Берии в секретари ЦК КП/б/ Грузии, считая, «что если Берия придёт к руководству партийной организацией, партийными органами будут руководить чекистскими методами». И далее: «Конкретно мы не обсуждали, в чём должны заключаться чекистские методы руководства, но представляли себе этот метод как излишнюю жестокость в руководстве».

Приходится лишь удивляться, как более шестидесяти лет тому назад отдельные члены партии (увы, только отдельные) чётко

представляли себе, что чекистские методы руководства партией, её организациями ни к чему хорошему не приведут. Так оно и получилось. Чекистские методы в руководстве СССР доминировали практически на всех этапах существования страны.

Второй протокол допроса Буачидзе от 4 августа 1937 г. им не был подписан. В этом протоколе значится, что Буачидзе признал себя виновным в причастности к контрреволюционной террористической организации.

Следствие по делу Буачидзе не было закончено, поскольку после допроса 4 августа 1937 г. он умер спустя два дня, 6 августа, в тюремной больнице. Буачидзе фактически убили после того, как он отказался оклеветать себя. Подлинник свидетельства о его смерти не был обнаружен, а в копии этого документа указано, что причиной явился «паралич сердца».

13 июня 1954 г. военное прокуратурой Закавказского военного округа дело по обвинению Буачидзе было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Допрошенный в суде свидетель И.Г. Курели, работавший в 1937–1944 гг. врачом больницы внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР, показал, что он оказывал медицинскую помощь жестоко избитому комдиву Буачидзе, который через несколько дней умер.

Курели опроверг утверждение бывшего начальника названной тюрьмы Надараи об отсутствии в ней «горячих» и «холодных» камер. В больницу на излечение поступало значительное число сильно избитых и истощенных арестованных, в том числе с сыпью на теле, что являлось следствием содержания их именно в «горячих» камерах. Случалось, что в результате длительного содержания в них арестованные умирали от паралича сердца. Трупы умершие, как правило, не вскрывали, а если и делали это, то в актах не назывались истинные причины смерти арестованных.

Свидетель Курели также показал, что врачи, которые посещали тюрьму для оказания помощи избитым арестованным, не должны были спрашивать их фамилии. Буачидзе же он знал, поскольку ранее служил в дивизии, которой тот командовал.

Допрошенные в суде бывший фельдшер внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР Т.С. Тестова и бывшие надзиратели той же тюрьмы И.И. Маргиев и Е.М. Сурмава подтвердили, что в ука-

занной тюрьме действительно были «горячие» и «холодные» камеры. Находившиеся там арестованные испытывали неопишуемые муки, случалось, и умирали. Как пояснила свидетель Тестова, в «горячих» камерах вдоль стен были проложены специальные трубы, по которым подавался пар. В «холодных» камерах зимой на пол набрасывался снег, и арестованный помещался в нее раздетым.

Была репрессирована и жена Буачидзе – Людмила Алексеевна. На основании постановления Особого совещания при НКВД СССР от 16 декабря 1937 г. её, как члена семьи изменника Родины, лишили свободы на 8 лет.

Но не один комдив Буачидзе не дождался ни суда, ни хотя бы заседания тройки при НКВД Грузии, а был забит на допросах вскоре после ареста. Среди них – заместитель постоянного представителя Грузинской ССР при Правительстве СССР Леон Александрович Вермишев, к которому с неприязнью относился Берия.

Вермишева шифровкой вызвали из Москвы в Тбилиси. Он явился в ЦК КП/б/ Грузии, где его и арестовали, а затем доставили в НКВД республики. Вести следствие по делу Вермишева было поручено Кримяну как наиболее результативному, активному и очень напористому следователю. Берия дал указание о применении к Вермишеву мер физического воздействия, то есть избивать его. И Кримян так избил Вермишева, что тот после первого же допроса скончался. Как заявил в суде Савицкий, «Кримян забил досмерти Вермишева на первом же допросе».

Допрошенная в суде сестра Вермишева – Е.А. Вермишева показала, что 25 ноября 1937 г. она встретила на вокзале приехавшего из Москвы брата, который показал ей телеграмму Берии с предложением прибыть в Тбилиси. Брат отправился в ЦК КП/б/ Грузии и оттуда уже не вернулся. О судьбе брата ей ничего не было известно, хотя она обращалась в различные инстанции с просьбой сообщить, где её брат и что с ним случилось.

Как следует из показаний бывшего помощника Кримяна В.Г. Арзанова, он видел, как Кримян избивал Вермишева, которому стало плохо, и его увели в камеру. Утром прибежал надзиратель и спросил, где Кримян. Поскольку Кримяна в это время на службе не было, то к Вермишеву пошел он, Арзанов. Вермишев еле дышал, всё время твердил, что ни в чём не виноват. Вермишева вынесли из камеры, и он умер.

Установлено, что после смерти, вернее убийства Вермишева, все документы о его аресте были уничтожены по указанию Берии.

15 июня 1937 г. по постановлению Хазана был арестован бывший народный комиссар социального обеспечения Грузинской ССР, член партии большевиков с 1905 г. Валериан Вашакидзе. Хазаном же было предъявлено обвинение Вашакидзе в «проведении контрреволюционной троцкистской работы». Вести следствие по делу Вашакидзе было поручено подчиненному Хазана – сотруднику НКВД Грузинской ССР Айвазову. Возвратившись в камеру с первого допроса от Айвазова, Вашакидзе через несколько минут скончался. 19 июня 1937 г. был составлен акт, в котором указывалось, что Вашакидзе скончался «от паралича сердца». Очевидно, что и этот акт – фальсификация, целью которой являлось сокрытие совершенного убийства необоснованно арестованного Вашакидзе.

В деле Вашакидзе имеется справка, подписанная Кобуловым, из содержания которой следует, что Вашакидзе был арестован за то, что скрыл отрицательные высказывания Павла Константиновича Орджоникидзе (брата Серго Орджоникидзе) в отношении Берии. Эта справка фактически явилась основанием для возбуждения дела в отношении Вашакидзе. Хазан в суде пояснил, что подобные справки составлялись на основании негласных агентурных донесений, которые поступали в возглавлявшееся им отделение.

В который раз приходилось убеждаться в том, что созданная система слежки за всеми действовала исправно. Поступавшие в органы НКВД доносы позволяли сотрудникам этих органов возбуждать многочисленные дела по обвинению ни в чём не виновных лиц. Обвиняли же их в совершении особо тяжких государственных преступлений. Поскольку сами по себе доносы не могли служить доказательствами виновности лиц, на которых они писались, сотрудники НКВД добывали нужные доказательства весьма своеобразными способами.

На основании постановления Хазана от 14 июня 1937 г. в Кисловодске был арестован профессор Тбилисского государственного университета Г.А. Нанейшвили. Тот же Хазан и предъявил ему обвинение в проведении контрреволюционной деятельности. Обвинение, как видим, весьма неконкретное. Но какое значение

это имело, если стояла задача искоренить «врагов», проникших во все сферы общественной жизни?

2 июля 1937 г. профессора Нанейшвили доставили в Тбилиси и поместили во внутреннюю тюрьму Грузинской ССР, а 24 июля 1937 г. он умер. В тот же день врачами было дано заключение о причине его смерти – порок сердца. Как обычно, это заключение было ложным, составленным с целью скрыть убийство профессора Нанейшвили.

Замечу, что в деле Нанейшвили отсутствуют протоколы его допроса, равно как и другие материалы, которые подтверждали бы обоснованность обвинения, предъявленного ему Хазаном.

При отсутствии каких-либо материалов, свидетельствовавших о преступной деятельности директора Боржомского курорта Немсицверидзе, на основании постановления Хазана он 9 июля 1937 г. был арестован и тоже обвинён в проведении контрреволюционной работы. В суде Хазан показал, что арест Немсицверидзе был произведён по указанию Кобулова.

10 июля 1937 г. Немсицверидзе доставили в Тбилиси, а уже 17 июля дежурный комендант НКВД Грузинской ССР рапортом донес, что «Немсицверидзе 41 года, в 7.35 после болезни скончался».

Из личного тюремного дела Немсицверидзе видно, что он в ночь с 16 на 17 июля 1937 г. находился на допросе в 4 отделе НКВД Грузинской ССР, помощником начальника которого был Хазан. Но в деле Немсицверидзе нет ни одного протокола его допроса и других материалов, которые бы свидетельствовали о совершении им каких-либо преступлений.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что Савицкий и Крымян при расследовании дела бывшего председателя Госплана Грузии Ш.С. Матикашвили путём избиения принудили его оговорить многих лиц в совершении ими особо тяжких государственных преступлений и среди них – начальника табачного управления народного комиссариата земледелия Грузинской ССР Микелова.

Арестованного 16 июля 1937 г. Микелова допрашивали 25 июля те же Крымян и Савицкий. После их допроса Микелов умер. В тот же день Крымян и Савицкий составили подложный акт, который подписал и Хазан. В нем указывалось, что Микелов при

допросе признал себя виновным в участии в троцкистской организации, но не смог подписать протокол допроса, так как почувствовал себя плохо. Как показал в суде Хазан, Микелов погиб в результате избиения его Кримяном и Савицким. Указанный же акт был составлен, чтобы скрыть факт убийства Микелова во время его допроса.

Хазаном был арестован бывший секретарь бывшего председателя ГПУ Грузии Д.С. Киладзе – Георгий Арутюнов (на его жене впоследствии женился Рухадзе), убитый в ходе следствия, которое вёл Хазан.

В суде исследовались и невыразимо жуткие обстоятельства гибели секретаря Каспского райкома КП/б/ Грузии Варвары Кевлишвили. Её арестовали, когда у неё была пятимесячная беременность. Во время допросов Кевлишвили жестоко избивал подчинённый Хазана Ковальчук, в результате чего плод погиб, а сама обвиняемая умерла от общего заражения крови.

Как же вышли из этого положения сотрудники НКВД Грузии?

Хазан в суде пояснил, что поскольку Ковальчук фактически был адъютантом Кобулова, то последний прикрыл фактически совершенное подчинённым убийство. Сделал это он путём оформления постановления тройки при НКВД Грузинской ССР о расстреле Варвары Кевлишвили за совершенные ею тяжкие преступления. Затем якобы состоялось постановление этой тройки об отсрочке исполнения постановления о расстреле Кевлишвили в связи с ее беременностью. После этого было составлено подложное заключение о причинах смерти Кевлишвили. Вот так было скрыто тяжкое преступление.

Эта бесчеловечная акция никому из подсудимых в вину непосредственно не была вменена. Но она имела место в то время, когда Рапава занимал должность заместителя народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР, а Хазан, Кримян, Савицкий и Парамонов работали в аппарате этого наркомата. Сказанным автор не стремится, помимо суда, признать кого-то из названных лиц непосредственными виновниками гибели Варвары Кевлишвили. Данный факт приведен для того, чтобы показать, в каких условиях оказались советские люди нашей страны в то страшное время, когда жизнь любого человека могла оборваться в любое время, и никто за это не нёс никакой ответственности.

Кроме того, действовавшее в то время законодательство включало возможность применения расстрела в отношении беременных женщин. Но Варвару Кевлишвили, ждавшую ребенка, как уже сказано, зверски избивали, убили ребёнка во чреве, и таким способом – и саму Варвару Кевлишвили. Затем всё это оформили официальными (разумеется, подложными) документами. Такую ситуацию невозможно себе представить в элементарно цивилизованном обществе. Но это было и было у нас, это надо знать, и об этом надо помнить, ибо, как писал А.Т. Твардовский, «Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу...».

На процессе были установлены и такой, не укладывающийся в сознании нормального человека, факт, как практиковавшиеся Рухадзе избиения одними арестованными других арестованных с тем, чтобы заставить последних признаться в совершении вменявшихся им в вину преступлений.

Допрошенной по делу свидетель Айба рассказал о том, как арестованный убил своего, тоже арестованного, брата в ходе предварительного следствия.

Однажды на допрос вызвали арестованных братьев Нестора и Исната Кетия. Возвратившись в камеру, Иснат Кетия рассказал следующее. Ему с Нестором провели очную ставку, в ходе которой Иснат должен был рассказать о преступной деятельности своего брата Нестора, ни в чём себя не признававшего виновным. Иснат под воздействием пыток и для того, чтобы не убили его самого, на очной ставке утверждал, что он и брат Нестор занимались антисоветской преступной деятельностью. Нестор не подтвердил этих показаний. Следователь, проводивший очную ставку, приказал Иснату бить своего брата, и он вместе со следователем стал бить Нестора. Били его до тех пор, пока он не потерял сознание, Нестора вынесли из кабинета, в котором проводилась очная ставка. После этого Нестор Кетия в камеру не возвращался, показал свидетель Айба, содержавшийся в одной камере с братьями Кетия.

Рухадзе в суде рассказал ещё об одном случае убийства арестованного. Он показал, что в бытность его начальником Гагрского городского отдела НКВД Грузинской ССР, когда он находился в командировке в НКВД республики, он и ещё один сотрудник НКВД избили арестованного, которого должен был допрашивать

Рапава. На следующее утро начальник внутренней тюрьмы доложил, что избитый ими арестованный скончался. Об этом доложили Рапаве, который приказал убитого похоронить, не вскрывая его тело. Таким образом, совершенное Рухадзе убийство было скрыто Рапавой.

Не все арестованные выдерживали жестокие истязания, которым они подвергались в ходе следствия. Одни из них, как уже сказано, умирали, а некоторые кончали жизнь самоубийством.

В бытность Рухадзе министром государственной безопасности Грузии была арестована Нина Беришвили, которой предъявили обвинение в совершении особо опасных государственных преступлений. Но нужно было добыть «доказательства» её виновности, то есть, чтобы она «чистосердечно» призналась в их совершении. С этой целью было применено испытанное средство – жестокое избиение. Избивали её по указанию Рухадзе, который подтвердил данное обстоятельство в суде. На третий день, не выдержав жестоких истязаний, Беришвили повесилась в камере. Рухадзе считал, что её самоубийство – результат «недосмотра надзорсостава тюрьмы». Но очевидно, что не это явилось причиной самоубийства Беришвили, а бесчеловечное отношение к ней после ареста, когда Рухадзе дал санкцию на избиение этой ни в чём не виновной женщины.

Объективным доказательством применения физических мер воздействия к арестованным уже в относительно «либеральные» пятидесятые годы служат данные об обращении арестованных за медицинской помощью. Так, по далеко неполным сведениям с 1 января 1950 г. по 7 октября 1951 г. за медицинской помощью обращалось более 350 арестованных, числившихся за МГБ Грузинской ССР. Эти арестованные получили различные телесные повреждения в ходе допросов, проводившихся сотрудниками МГБ.

Здесь названы далеко не все убитые и покончившие с собой в ходе предварительного следствия, осуществлявшегося сотрудниками НКВД-МВД-МГБ Грузии. Дело в том, что к моменту рассмотрения дела Рапавы, Рухадзе и других ещё не все такие факты были выявлены. Но и того, что уже было известно, оказалось вполне достаточно, чтобы представить себе и осознать, как велось следствие в то время в органах государственной безопасности. Фактически его и не было, а материалы возбуждавшихся дел

фальсифицировались. На основании этих материалов невиновных людей расстреливали. В лучшем для них случае они подвергались лишению свободы на длительные сроки.

Вот на таком фоне велась борьба с вымышленными врагами народа, которых не было, но они существовали в сознании «великого кормчего». А коли так, то этих врагов необходимо было найти. И находили. Врагами оказывались деятели культуры, науки, искусства, военные, политики, простые советские граждане.

К 1955 г. ещё не все дела в отношении необоснованно репрессированных деятелей науки, культуры и искусства были пересмотрены, но уже были реабилитированы некоторые из тех, кто стал жертвой сфальсифицированных процессов.

При активном участии представших перед судом лиц были истреблены поэт Тициан Табидзе, писатель Михаил Джавахишвили. Поэт Паоло Яшвили, застреленный борцами с «врагами народа», покончил жизнь самоубийством.

В суде была предпринята попытка выяснить, имели ли какое-либо представление подсудимые, в частности Парамонов и Хазан, участвовавшие в фальсификации дел в отношении Т. Табидзе и М. Джавахишвили о грузинской культуре. Парамонов на заданный ему вопрос ответил: «Можно сказать, что не имел». Хазан же, который по уровню своего интеллекта выделялся среди других подсудимых, пояснил, что он, знал, кто такой Тициан Табидзе.

По делу был установлен такой любопытный факт. Именно «интеллектуальный» Хазан распорядился завести дело-формуляр на Георгия Саакадзе (1580–1629) – грузинского полководца и политического деятеля. Конечно, это было смешно, но в то же время и грустно слушать объяснения Хазана, как это могло случиться, когда на человека, умершего более трёхсот лет тому назад, было заведено дело-формуляр. Хазан пояснил, что он знакомился с одним из протоколов допроса, в котором содержались показания в отношении некоторых лиц, и там же в связи с чем-то упоминался Георгий Саакадзе. Поскольку тогда существовал порядок, согласно которому на всех, кто упоминался в показаниях допрашиваемого, должны были заводиться дела-формуляры, он распорядился завести его на Георгия Саакадзе, сделав на протоколе допроса такую надпись: «Взять на картотеку для разработки».

Присутствовавшие в зале суда в очередной раз увидели, в какой обстановке тотальной подозрительности они жили. Это уже не было смешно, это была трагедия, в которую втянули всё советское общество те, кто фактически правил страной.

Несколько слов об упомянутых представителях грузинской литературы.

Тициан Юстинович Табидзе родился 2 апреля 1895 г. В 1913 г. окончил гимназию. С 1912 г. в кутаисских и тифлисских газетах стали публиковаться его стихи. В 1917 г. Табидзе окончил филологический факультет Московского университета. Как и многие поэты, в своём творчестве отдал дань символизму, являлся одним из организаторов символистической группы «Голубые роги» и редактировал её печатный орган «Баррикады». После установления в Грузии в 1921 г. советской власти многое сделал для укрепления дружбы между народами Советского Союза. Тициана Табидзе связывала большая дружба со многими писателями и поэтами разных республик. Он оказал значительное влияние на развитие грузинской поэзии.

Михаил Саввич Джавахишвили (настоящая фамилия Адамашвили) родился 20 ноября 1880 г. в крестьянской семье. В 1901 г. окончил Ялтинское училище садоводства и виноградарства, служил на Алавердском медеплавильном заводе. В 1903 г. был опубликован его первый рассказ. С 1904 г. редактировал газету «Иверия». Публиковал рассказы о жизни обездоленных тружеников. В 1906 г. привлекался к судебной ответственности за публикацию в редактировавшейся им газете «Крестьянин» статей, направленных против самодержавия. Ему удалось скрыться за границу. С 1907 г. в Парижском университете изучал литературу, искусство и политическую экономию, долго путешествовал, побывал в Италии, Швейцарии, Северной Америке, Англии, Бельгии, Германии, Турции. В 1909 г. с паспортом на чужое имя вернулся на родину. Джавахишвили – автор романов «Квача Квачантирадзе», «Джакос Хизнеби». Им же написан исторический роман о крестьянском революционном движении в начале XIX в. «Арсен из Марабды», который Максим Горький включил в серию лучших исторических романов.

Паоло Джабраилович Яшвили родился 29 июня 1895 г. в дворянской семье. Начал печататься в 1911 г. В 1913 г. закончил

гимназию, после чего уехал в Париж, где изучал живопись в Институте искусств при Лувре. В конце 1915 г. вернулся в Кутаиси, основал упоминавшуюся ранее литературную группу грузинских символистов «Голубые роги». Паоло Яшвили считал высшим принципом литературы выражение героического пафоса нового времени, призывал к укреплению дружбы между народами Советского Союза. Переводил на грузинский язык стихи А.С. Пушкина, В.В. Маяковского, Ш. Бодлера, А. Рембо и других. В 1924 г. был избран кандидатом в члены ЦИК Грузии, а в 1934 г. – в члены ЦИК Закавказской федерации. Покончил с собой 22 июля 1937 г. В предсмертной записке он написал: «Мне не стоит больше жить, так как моё имя оскорблено врагами грузинского народа. [...] Будьте уверены, ухожу с этого света и уношу с собой безграничную ненависть к людям, которые пытались погубить Грузию и зверски вредили её счастливому процветанию. Прошу [...] помочь моей семье: дать возможность моей 13-летней дочери закончить образование и стать полезным членом общества».

Непосредственное участие в фальсификации дел в отношении Т. Табидзе и М. Джавахишвили приняли Кримян, Хазан и Парамонов. Сбор клеветнических материалов на них, а также на Паоло Яшвили производился по указанию Берии.

Так, Парамонов, допрашивая арестованного Сакварелидзе, добился от него показаний о враждебной деятельности Тициана Табидзе.

23 апреля 1937 г. Кобулов вместе с Савицким и Кримяном допрашивал Буду Мдивани. Они сумели получить от него показания, что поэт Паоло Яшвили является врагом существующей власти и занимается в связи с этим преступной деятельностью.

Хазан, фальсифицируя вместе с Кобуловым уголовное дело в отношении бывшего начальника управления по делам искусств при СНК Грузинской ССР Татаришвили, получил от него ложные показания, что писатель М. Джавахишвили, поэты Т. Табидзе и П. Яшвили не только были вовлечены в контрреволюционную организацию, но и подготавливались на случай необходимости совершения терактов.

Как показал в суде Хазан, он «вполне законными методами получил от троцкистки Л.Л. Гасвиани показания об участии Табидзе в деятельности контрреволюционной антисоветской троц-

кистской организации». Получил он показания на Табидзе и от упоминавшегося ранее Г.А. Мгалоблишвили.

Утверждение Хазана о получении от Гасвиани показаний на Табидзе законными методами присутствовавшими в зале было встречено ироническим смехом. Для всех всё отчётливее прояснялось, что «законными методами» получения нужных следствию показаний работники НКВД считали применение любых мер физического и психического воздействия с тем, чтобы допрашиваемый ими арестованный не только «чистосердечно» признался в своей враждебной деятельности, но и «разоблачил» других известных ему «врагов народа».

М. Джавахишвили арестовали в июне 1937 г., а документально его арест оформили лишь 18 августа.

Было установлено, что его жестоко избивали, избивал его и Лаврентий Берия. 21 июня 1937 г. Джавахишвили вынужден был написать заявление на имя наркома внутренних дел Грузии Гоглидзе, в котором он «признался» в том, что является вдохновителем и организатором контрреволюционной группы писателей.

Кроме указанного заявления Джавахишвили, к делу приобщена копия протокола его допроса от 19 августа 1937 г. и копии заявлений от 21 и 31 августа 1937 г. на имя наркома внутренних дел Грузии. Подлинники этих документов в деле отсутствуют. В связи с этим невольно возникает вопрос: а писал ли в самом деле эти заявления Джавахишвили? Не исключено, что не писал. Такой обман в следственной практике сотрудников НКВД случался.

Обвинение Джавахишвили было предъявлено в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-10 и 58-11 УК Грузинской ССР. Осуждён же он был 30 сентября 1937 г. к расстрелу Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. ст. 58-1 «а», 58-8 и 5-11. Причём Джавахишвили не объявлялось об окончании предварительного следствия, что тоже явилось одним из грубейших нарушений закона. Известно, что за преступления, предусмотренные ст. ст. 58-10 и 58-11, которыми были квалифицированы вменявшиеся в вину Джавахишвили действия, наказание в виде смертной казни не предусматривалось. А вот за измену Родине (ст. 58-8) и террористическую деятельность, в чём он был признан виновным, расстрел допускался. Таким образом, до суда Джавахишвили не объявляли, как в конечном итоге квалифици-

руются его действия, в совершении которых он вынужден был оговорить себя.

В приговоре Военной коллегии Верховного Суда СССР было указано, что Джавахишвили «являлся одним из руководителей антисоветской террористическое фашистской организации и входил в состав межпартийного комитета, созданного всеми антисоветскими организациями в Грузии для объединения своих, сил в борьбе с Советской властью».

Остаётся лишь удивляться, как могла устоять Советская власть, если по всей стране было создано неисчислимое множество разного рода организаций, главной целью которых являлась борьба с Советской властью и её свержение? Понятно, что никаких таких организаций не было и в помине. Однако созданные структуры реальной власти, развязав невиданное в истории беззаконие, обеспечили наличие на территории Советского Союза многочисленных «антисоветских организаций». Конечно же, все это явилось результатом фальсификации многих сотен тысяч уголовных дел.

Было бы любопытно взглянуть на такую схему. Известно, что в органах НКВД нередко составлялись схемы «разоблачённых» ими антисоветских организаций. На таких схемах отражалась не только структура этих организаций, но и их связь с другими подобными организациями. Делалось это для того, чтобы придать большую солидность и убедительность результатам своей деятельности до разоблачению «врагов народа». Вот взять бы эти схемы и наложить на карту Советского Союза. Можно себе представить, какая жуткая картина предстала бы перед нашим взором. Но об этом руководящая верхушка страны совершенно не задумывалась – народу вбивался в голову тезис об обострении классовой борьбы в ходе строительства социализма. Так учил Сталин.

Отмечу ещё и такую деталь, связанную с делом Джавахишвили. Участвовавший в его расследовании начальник 3 отделения 4 отдела УГБ НКВД Грузинской ССР Абашидзе, который вместе с Берией и Кобуловым допрашивал Джавахишвили, вскоре после расстрела последнего был арестован, а затем и расстрелян. Такое было в порядке вещей в деятельности органов НКВД и тех, кто фактически руководил ими – оставлять поменьше свидетелей их преступной деятельности. Поэтому и уничтожались и те, кто

фальсифицировал дела в отношении ни в чём не виновных людей. Эти борцы, с «врагами народа» тоже становились таковыми. И их, как правило, расстреливали.

На основании составленного Кримином постановления об избрании меры пресечения, которое было утверждено Гоглидзе, ордера, подписанного Рапавой, Кримиан 9 октября 1937 г. арестовал Тициана Табидзе и произвёл у него обыск. Тот же Кримиан составил постановление о предъявлении Табидзе обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-10 и 58-11 УК Грузинской ССР. Это постановление Табидзе не объявлялось.

Арестованного допрашивал Кримиан. Сначала допросы проводились без составления протоколов, и только через два месяца, 10 декабря 1937 г., появляется отпечатанный на машинке протокол допроса Табидзе, в котором значится, что обвиняемый является участником контрреволюционной организации, и в эту организацию он завербовал поэта Паоло Яшвили, а также Михаила Джавахишвили. Кроме того, указывалось в протоколе этого допроса, Табидзе был связан с членами контрреволюционного сообщества, известными писателями и поэтами – Н. Тихоновым, П. Павленко, М. Бажаном, М. Рыльским, П. Тычиной, А. Корнейчуком и другими.

Вот такие показания Кримиан сумел получить от Табидзе, подвергнув того жесточайшим избиениям.

Упомянувшийся выше свидетель Арзанов, который работал вместе с Кримином, подтвердил, что Кримиан жестоко избивал Тициана Табидзе, требуя от него признаться в принадлежности к «шпионской и какой-то ещё вражеской организации». Табидзе вынужден был подписать содержащийся в деле протокол допроса.

Как уже сказано, обвинение Табидзе фактически не предъявлялось. Из содержания приобщённых к делу копий протоколов допроса других арестованных определённо не следует, кем и при каких обстоятельствах он был завербован в контрреволюционную организацию. Так, Г.Г. Элиава показал, что среди 65-ти лиц, завербованных им в эту организацию, значился и Табидзе, которому «были поручены задачи по внедрению французского влияния в писательские круги». Что это такое, вряд ли могли объяснить те, кто добился таких показаний от Элиавы. Может быть, уже тогда власть предрешающие предвидели, что со временем советские писатели и поэты подпадут под влияние космополитических воззрений и станут руководствоваться ими в своём творчестве?

Г.А. Мгалоблишвили утверждал, что вербовщиками Табидзе были Татаришвили и Горделадзе. Сам же Табидзе в указанном протоколе допроса указал, что в антисоветскую организацию его завербовал Паоло Яшвили.

Как видим, Табидзе в антисоветскую организацию «вербовали» многие. Но ведь только одно это обстоятельство уже само по себе свидетельствует, что дело в отношении Табидзе было сфальсифицировано.

Имеется немало данных, свидетельствующих, что истинной причиной ареста, а затем и уничтожения поэта явилось высказанное им мнение относительно методов руководства, использовавшихся Берией. Как показал арестованный, а затем и осужденный Д.К. Церетели, Табидзе в группе писателей вёл разговоры о зажиме критики со стороны секретаря ЦК КП/б/ Грузии Берии и что созданные им условия не дают возможности работать и творить. Для выхода из этого положения, необходима смена руководства республики и, в том числе, Берии.

Несомненно, если Табидзе такие разговоры вёл «в группе писателей», то их содержание не могло не стать известным Берии. Также известно, что такое Берия не прощал никому. Ну а дальше всё шло по установившейся схеме: добывались показания о враждебной деятельности несогласного с Берией, его арестовывали, и уж затем получали от него «чистосердечное признание» в совершении тяжких преступлений, причём не только им, но и многими другими известными и неизвестными ему лицами. Так было и с Тицианом Табидзе.

Дело Табидзе на рассмотрение суда направить не решились – оно было рассмотрено 15 декабря 1937 г. тройкой при НКВД Грузинской ССР, которая признала его виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-6 (шпионаж), 58-7 (вредительство) и 58-11 (участие в антисоветской организации) УК Грузинской ССР, и постановила расстрелять обвиняемого. Приговор был приведен в исполнение.

Не в этой книге, разумеется, нужно анализировать поэтическое творчество Тициана Табидзе и Паоло Яшвили, но вот что поражает: задолго до своей трагической гибели они предчувствовали её.

В написанном в 1919 г. Паоло Яшвили стихотворении «Тициану Табидзе» есть такие строки: «Кошмары буйные нам гибелью грозят»³. Тициан Табидзе в гораздо более позднем стихотворении «Сергею Есенину» писал: «Шкурой слышу, как сзади на нас насадет – всех настигнет нас лихолетье и прикончит подряд». И далее: «И когда как орехи градобоем сшибает с лещины / В неизвестных пределах, однако в назначенный час / Наши головы скатятся гулко – в канаву! в лошину! / Как тебя поминаю, не знаю помянут ли нас»⁴.

Действительно, лихолетье наступило и, как выразился Табидзе, очень многих прикончили, в том числе и его.

Немало лет минуло, прежде чем вспомнили Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Михаила Джавахишвили и многих других деятелей культуры и искусства Грузии, ставшими жертвами сталинщины.

В качестве примера расправы с неугодным ученым-практиком можно привести следующее дело.

10 мая 1937 г. в Москве был арестован профессор Московского инженерно-строительного института, управляющий трестом «Гидроэнергопроект» Наркомата топливной промышленности (НКТП) СССР, действительный член учёного совета Ленинградского научно-исследовательского института гидротехники, член Государственной квалификационной комиссии НКТП СССР, эксперт Госплана СССР по строительству канала Волга–Москва–Рыбинск, Угличского гидроузла и Туломской гидростанции Виссарион Алексеевич Чичинадзе. Он был крупным советским энергетиком.

Справка, в которой перечислялись «преступления» Чичинадзе, была составлена в УГБ НКВД Грузинской ССР. После ареста Чичинадзе этапировали в Тбилиси. Спустя 15 дней после прибытия в Тбилиси, Чичинадзе дал развернутые показания о своей, как указывалось в протоколе его допроса, преступной деятельности. О содержанке этих показаний несколько ниже. А сейчас необходимо сказать вот о чём.

Берии было известно, что Чичинадзе пользовался большим доверием и авторитетом у Серго Орджоникидзе. Берия же, как

³ Яшвили П. Стихи. Перевод с грузинского. – Тбилиси, 1968. С. 92.

⁴ Дружба народов. 1991. № 8. С. 121.

известно, всячески пытался скомпрометировать Серго даже после его смерти путём ареста честных руководящих работников, крупных специалистов, пользовавшиеся доверием и поддержкой Орджоникидзе. Как показал Крымян, арест Чичинадзе готовился Берией ещё в 1933–1934 гг., но он не был осуществлён лишь благодаря вмешательству Орджоникидзе. После смерти Серго желание Берии было удовлетворено.

Было установлено, что Рапавой, Савицким, Крымяном путём жестоких избиений других арестованных были получены показания о якобы проводившейся Чичинадзе враждебной деятельности. На основании этих показаний и составили указанную справку, а Чичинадзе арестовали.

Из материалов дела до обвинению Чичинадзе видно, что его фактических непрерывно допрашивали с 1 по 4 июня 1937 г. Протокол допроса отпечатан на пишущей машинке. По заведённому тогда правилу так оформлялись «обобщённые» и отредактированные протоколы допросов арестованных.

В указанном протоколе допроса Чичинадзе изложены его развернутые показания о якобы проводившемся им вредительстве в народном хозяйстве Грузии, Армении, Азербайджана. Он также показал о существовании в Грузии «Грузинского национального центра», «в который объединились меньшевики, национал-демократы, троцкисты и федералисты». Он назвал 15 членов этого центра и среди них М.Д. Орахелашвили, Ш.З. Элиаву и других. Перечислил также 37 членов организации национал-демократов, заявив, что эта организация включает в себя 2000 человек. В числе членов контрреволюционной троцкистской организаций назвал 30 человек и среди них П.К. Орджоникидзе, Л.Д. Гогоберидзе, Буду Мдивани и других, которые, как записано в протоколе допроса Чичинадзе, готовили террористические акты в отношении Берии и Гоглидзе. В протоколе допроса значатся названные Чичинадзе 11 членов «организации федералистов», 20 участников «контрреволюционной организации правых» и 32 члена «контрреволюционной меньшевистской организации». Чичинадзе также назвал 11 вредителей в планировании народного хозяйства в Грузии, 6 – в Азербайджане и 5 – в Армении.

В протоколах последующих допросов Чичинадзе значится, что он показал о вредительстве в больших масштабах в энергетиче-

ческом хозяйстве и в промышленности страны. В числе исполнителей этих акций названы автор проекта Днепрогэса И.Г. Александров, его строители А.В. Винтер и Б.Е. Веденеев. Были названы также 7 членов правительства РСФСР, с которыми Чичинадзе якобы находился, как указано в протоколе его допроса, в контрреволюционной связи. Вдобавок обвиняемый признал, что являлся агентом германской, английской и японской разведок.

Всего, таким образом, Чичинадзе назвал как участников контрреволюционных организаций более 300 человек, во всяком случае, так указано в протоколе его допроса на предварительном следствии.

Чичинадзе жестоко избивали, и его «развёрнутые» показания – результат этих избиений. Примечательно, что проводившие расследование дела Чичинадзе начальник одного из отделов НКВД Грузинской ССР П.М. Мхеидзе и его заместитель Польшин после осуждения Чичинадзе также были осуждены в 1937 г. к расстрелу. Их признали виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1 «а», 58-8 и 58-11 УК Грузинской ССР.

Дело Чичинадзе направили в суд, где оно было рассмотрено 4 октября 1937 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда о ССР под председательством И.О. Матулевича.

Согласно приговору, Чичинадзе был признан виновным в том, что являлся одним из руководителей диверсионно-террористических, шпионских и повстанческих организаций, объединённых в так называемый «Грузинский национальный центр», действовавший в Грузии и ставивший своей целью свержение Советской власти. Чичинадзе, указывалось в приговоре, был руководителем всей контрреволюционной, террористической, шпионской, вредительской и повстанческой деятельности антисоветских организаций Грузии, входивших в названный центр и подготовлявших террористические акты в отношении руководителей КП/б/ и Советского правительства Грузии. Он же являлся агентом германской, японской и других иностранных разведок (чьих именно, указано не было), начиная с 1921 г. и вплоть до дня ареста «за крупные денежные вознаграждения сообщал и передавал этим разведкам сведения, составляющие государственную тайну СССР». Чичинадзе, признанный виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1 «а», 58-8 и 58-11 УК Гру-

зинской ССР был приговорён к расстрелу. 5 октября 1937 г. приговор был приведен в исполнение.

Проверкой, проведённой в связи с жалобами жены и сына Чичинадзе, было установлено, что он, как и многие другие, осуждён необоснованно, а дело в отношении него сфальсифицировано. Были получены заключения авторитетных экспертов, согласно которым многочисленные гидроэлектростанции, строительством которых руководил Чичинадзе, построены технически правильно, с хорошим качеством. Все эти объекты функционировали с полной проектной нагрузкой. Это лишь небольшая часть доводов в опровержение многочисленных необоснованно предъявленных обвинений Чичинадзе, много сделавшему для энергетического обеспечения не только Закавказья, но и всей страны.

После реабилитации В.А. Чичинадзе 30 июля 1955 г. его сыну объявили, что его отец, отбывая наказание, умер 2 декабря 1938 г., хотя он, как уже сказано, был расстрелян 5 октября 1937 г. Дело в том, что в начальный период работы по реабилитации необоснованно репрессированных родственникам расстрелянных не сообщалась правда о приведении в исполнение приговоров и постановлений внесудебных органов о расстреле, а произвольно называлась ложная дата их смерти, якобы наступившей во время отбывания наказания. Сейчас трудно объяснить, зачем был установлен такой порядок. Видимо, партийное руководство опасалось обнародования фактических данных о большом количестве необоснованно расстрелянных. Позже от такого порядка уведомления родственников расстрелянных отказались, и им стали сообщать правду.

Здесь рассказано о трагической судьбе лишь трёх выдающихся представителей грузинской литературы и одного известного учёного-практика. К сожалению, список незаконно репрессированных представителей грузинской творческой интеллигенции очень и очень велик.

Перед судом прошли события, участниками которых являлись сотрудники НКВД, активно фальсифицировавшие уголовные дела на группы людей, на целые семьи, которые вследствие этого были почти полностью уничтожены. Были уничтожены близкие родственники Григория (Серго) Константиновича Орджоникидзе. Попутно уничтожались и его друзья, которых принуждали давать ложные показания в отношении Орджоникидзе.

Представшие перед судом принимали активное участие в фальсификации материалов, дискредитирующих Серго Орджоникидзе, Этим они занимались как при жизни Серго, так и после его трагической гибели.

Григорий Константинович Орджоникидзе родился в 1886 г. Прошёл трудный путь профессионального революционера, с 1903 г. состоял в партии большевиков. Принимал активное участие в революции 1905–1907 гг. На 6-й (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП в 1912 г. его избирают в состав ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП. Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 г. Орджоникидзе встретил в Якутии, где его избрали членом Якутского Совета. В июне 1917 г. он возвратился в Петроград. Являлся членом Петроградского совета. Принимал активное участие в организации перехода В.И. Ленина на нелегальное положение, дважды посещал его в Разливе, информировал о положении дел, получал указания дня партии. Орджоникидзе являлся делегатом VI съезда РСДРП/б/, выступил с докладом, в котором категорически высказался против явки Ленина на суд Временного правительства, не в пример Сталину, допускавшему такую возможность, «[...] если суд будет демократически организован, и будет дана гарантия, что их не растерзают»⁵.

Государственный обвинитель в своей речи на процессе, обоснованно отмечая, что Серго Орджоникидзе выступал против явки Ленина на суд Временного правительства, утверждал вместе с тем, что Серго выступил вместе со «Сталиным против требований подлых изменников – Троцкого, Каменева, Рыкова о добровольной явке Ленина на суд озверелой контрреволюции после расстрела июльской демонстрации в 1917 г.». В 1955 г. это прозвучало как само собой разумеющееся. Не все могли в то время познакомиться с протоколами VI съезда РСДРП/б/. Такое ознакомление сразу внесло бы ясность: Троцкий и Каменев, содержащиеся в то время в тюрьмах Временного правительства, на съезде не присутствовали и никогда не высказывались за то, чтобы Ленин явился на суд Временного правительства. Не говорил об этом и А.И. Рыков, являвшийся делегатом съезда с совещательным голосом.

⁵ Протоколы шестого съезда РСДРП/б/. – М., 1934. С. 28, 31, 32.

Как известно, по вопросу о явке В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева на суд Временного правительства съездом была принята резолюция, предложенная Н.И. Бухариным, которая отвергала возможность явки вождя партии на суд, поскольку в то время не было «[...] абсолютно никаких гарантий не только беспристрастного судопроизводства, но и элементарной безопасности привлекаемых к суду»⁶.

В этой связи невозможно не вспомнить, что, согласно приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 марта 1938 г., Н.И. Бухарин, наряду с совершением и других «преступлений», был признан виновным в том, что он вступил в сговор с эсерами, и прямым результатом этого сговора явилось совершённое Ф. Каплан 30 августа 1918 г. покушение на жизнь Ленина.

Парадокс: в августе 1917 г. Н.И. Бухарин активно защищал Ленина, а через год он оказывается фактическим соучастником покушения на его жизнь. Удивляться не приходится: в годы разгула беззакония на такие мелочи не обращали внимание. В действительности никаких парадоксов не было – они присутствовали лишь на бумаге как следствие «признательных» показаний, полученных в результате жесточайших физических и психологических пыток, широко применявшихся по указанию «великого кормчего».

Хотя в данной работе не ставится цель осветить все страницы нашей многострадальной истории, но невозможно, рассказывая о преступлениях Рапавы, Рухадзе и других, отвлечься от того, что предшествовало беспредельному беззаконию, господствовавшему в годы сталинщины, и чем это обуславливалось.

Серго Орджоникидзе принимал участие в вооружённом октябрьском перевороте в Петрограде. 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г. по новому стилю) он был назначен временным чрезвычайным комиссаром района Украины, а в апреле 1918 г. – Южного района. В 1919 г. являлся членом Реввоенсоветов ряда армий. С 1920 г. – член РВС Кавказского фронта и председатель Северо-Кавказского ревкома. С апреля 1920 г. Орджоникидзе – председатель Кавказского бюро ЦК РКП/б/. В 1922–1926 гг. – первый секретарь Закавказского крайкома партии и Северо-Кавказского

⁶ Там же. С. 253–254.

крайкома ВКП/б/. В 1926–1930 гг. Орджоникидзе – председатель ЦКК ВКП/б/ и нарком РКИ, заместитель Председателя СНК и СТО СССР. В ноябре 1930 г. возглавил ВСНХ, а в 1932 г. был назначен наркомом тяжелой промышленности. С 1926 г. Орджоникидзе – кандидат, а с 1930 г. – член Политбюро ВКП/б/. Он был также членом ВЦИК, а затем ЦИК СССР.

Берия ненавидел Серго, но открыто этого не выражал, напротив, не упускал ни одного случая, чтобы продемонстрировать дружеское к нему отношение. Орджоникидзе же презирал Берию, зная его тёмное прошлое, был свидетелем, как Берия, не пренебрегая самыми подлыми приёмами, делал свою карьеру. Но помешать возвышению Берии не мог. Берия же внимательно следил за отношением Сталина к Орджоникидзе и ждал момента, когда сможет непосредственно подогреть неприязнь Сталина к Орджоникидзе. Первая попытка была предпринята им в ноябре 1936 г., когда по его указанию арестовали брата Серго – Павла (Папулию) Константиновича Орджоникидзе. Он являлся начальником политотдела управления Кавказской железной дороги. Попытка Серго Орджоникидзе обратить внимание Сталина на незаконность ареста его брата, ни к чему не привела. Серго просил Сталина, чтобы тот сам допросил Павла и убедился в его невиновности. В ответ Сталин заявил: «Я полностью доверяю НКВД, и не приставай ко мне с этим делом больше»⁷.

П.К. Орджоникидзе основательно разрабатывался сотрудниками НКВД Грузии. Допрошенный в суде свидетель М.М. Глonti, работавший в дорожно-транспортном отделе НКВД Грузинской ССР, показал, что по указанию впоследствии расстрелянного начальника этого отдела Дзидзигури он вёл наружное наблюдение за П.К. Орджоникидзе, но никаких компрометирующих данных не установил. Но это, как мы уже убедились, не имело никакого значения, если уже было решено расправиться с Серго Орджоникидзе путём преследования его близких. Очевидно, что без санкции Сталина Берия никогда бы не решился на арест брата Серго Орджоникидзе.

Обвинённый в приведении контрреволюционных разговоров, П.К. Орджоникидзе на основании постановления Особого сове-

⁷ См.: Берия: конец карьеры. – М., 1991. С. 42.

щания при НКВД СССР от 23 ноября 1936 г. был отправлен в ссылку на 5 лет. Год спустя, уже после смерти Серго Орджоникидзе, он был расстрелян.

Сбор компромата на Серго Орджоникидзе продолжался. 16 декабря 1936 г. Кобулов рапортом наркому внутренних дел Грузии Гоглидзе доносил: «Излагая беседу с Левоном Гогоберидзе в Сухуми в 1933 г., Агниашвили показал, что Левон Гогоберидзе контрреволюционные, клеветнические измышления о прошлом т. Берия передавал со слов т. Серго Орджоникидзе [...] Изложенное в протоколе допроса мною не внесено».

После смерти 19 февраля 1937 г. Серго Орджоникидзе Берия развернул активнейшую деятельность по вымогательству от необоснованно арестованных клеветнических показаний на Серго. В этом неблагоприятном деле участвовали Рапава, Кримян, Савицкий и Парамонов.

Клеветнические показания в отношении Серго Орджоникидзе были получены от бывшего секретаря ЦК КП/б/ Грузии Самсона Мамулии, которого допрашивали Савицкий и Парамонов.

В сборе клеветнических показаний на Г.К. Орджоникидзе участвовал и Хазан. Допрашивая вместе с Кобуловым Дарахвелидзе 12 октября 1937 г., они вымогали у него показания о враждебной деятельности Серго и его ближайшего товарища М.Д. Орахелашвили. Этот протокол допроса Дарахвелидзе находится в деле Е.А. Бедии, о котором тоже будет рассказано.

Особенно жестоко истязали, добиваясь показаний на Серго Орджоникидзе, бывшего секретаря Закрайкома ВКП/б/ М.Д. Орахелашвили, члена партии с 1903 г., активного участника революционного движения в Закавказье.

Орахелашвили арестовали 26 июня 1937 г. на основании справки, составленной Кобуловым. Вместе с Кобуловым избивал Орахелашвили и добивался от него нужных показаний Кримян. До этого Кримян подписал постановление об избрании меры пресечения (арест) и постановление о предъявлении обвинения М.Д. Орахелашвили. Кримяном же подписано и постановление о предъявлении Орахелашвили дополнительного обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1 «а», 58-6, 58-7 и 58-8 УК Грузинской ССР.

До допроса 7 августа 1937 г. Орахелашвили ни в чём не признавал себя виновным, но затем был сломлен и оговорил не только себя, но и многих других, в том числе активных участников революционного движения, таких как Шалву Элиаву, Тенгиза Жгенти и других.

Орахелашвили попросил прервать этот допрос, поскольку, как отмечено в протоколе допроса, он «сейчас очень устал». Не нужно обладать большим воображением, чтобы понять причину «усталости».

В ходе судебного разбирательства было установлено, что Кримиан путём всевозможных истязаний добился от Орахелашвили показания о «враждебной деятельности» многих ни в чём не повинных людей.

В суде были оглашены показания Орахелашвили, полученные от него Кобуловым и Кримианом 15 августа 1937 г. В этих показаниях он «уличает» своего близкого товарища – Серго Орджоникидзе во враждебной антипартийной и антисоветской деятельности.

В протоколе допроса записаны следующие показания Орахелашвили: «Лично я очень многим обязан Серго Орджоникидзе, но даже чувство благодарности и преданности не мешает мне осветить его действительную роль в событиях, в которых зарождались враждебные ВКП/б/ и советской власти группировки и контрреволюционные организации. Прежде всего, я, будучи очень тесно связан с С. Орджоникидзе, был свидетелем его покровительственного и примиренческого отношения к носителям антипартийных и контрреволюционных настроений [...] Я был одним из близких Серго, но, конечно, не самым близким и поэтому, думаю, что и высказывания Серго в разговорах со мной не были предельными, что с другими он был более откровенным [...]».

В протоколе допроса от 9 сентября 1937 г., проведённого Кобуловым и Кримианом, показания Орахелашвили об организующей роли Орджоникидзе в контрреволюционной деятельности изложены более конкретно: «Надо со всей откровенностью признать, что Серго Орджоникидзе фактически возглавлял нашу контрреволюционную борьбу против партийного руководства Грузии и лично секретаря ЦК КП/б/ Грузии Лаврентия Берия». И далее: «Мне стало известно, что Серго Орджоникидзе вкупе с Леваном Гогоберидзе и Петром Агниашвили ведут самую актив-

ную борьбу против секретаря ЦК КП/б/ Лаврентия Берия, распространяя по его адресу заведомо клеветнические и возмутительные вымыслы [...] Серго Орджоникидзе дал мне задание смазать роль Лаврентия Берия по работе парторганизации Закавказья и Грузии, прямо заявив мне – о нём особенно не распространяться».

Не только содержание этих показаний Орахелашвили, но и стиль их изложения свидетельствуют, что они были выбиты из него. Как это следует из показаний в суде свидетеля Ю.И. Ароян, фельдшерицы внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР, в то время она оказывала медицинскую помощь Орахелашвили, вся спина которого была в кровоточащих ранах. Она же рассказала об избииении многих других арестованных, в том числе и женщин.

В конечном итоге Орахелашвили обвинили в связи с союзным центром правых, в том, что он непосредственно руководил «всей диверсионной и террористической работой контрреволюционной организации правых в Грузии и принимал руководящее участие в подготовке террористических актов против руководителей ВКП/б/ и Советского правительства. Осуществлял активную шпионско-разведывательную работу в пользу разведки некогого (подчёркнуто мной. – Н.С.) иностранного государства», то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1 «а», 58-6, 58-7, 58-8, 58-11 УК Грузинской ССР.

Обвинительное заключение по делу Орахелашвили составил и подписал Кримаян.

3 декабря 1937 г. по докладу Кримаяна дело Орахелашвили было рассмотрено тройкой при НКВД Грузинской ССР, по постановлению которой Орахелашвили был расстрелян. Перед тем, как раздалась выстрелы, Орахелашвили успел крикнуть: «Да здравствует Советская власть!».

Вот так погиб один из активных борцов за Советскую власть, погиб в стране, где считалось, что существует власть Советов. Как же надо было всё деформировать, чтобы именем власти Советов уничтожались истинные её защитники!

Несколько ранее, 17 сентября 1937 г., на основании приговора Военной коллегии верховного Суда СССР была расстреляна и жена Орахелашвили – Мария Платоновна, член партии с 1906 г. Перед арестом она возглавляла Управление школ Наркомпроса РСФСР.

Постановление на арест Марии Орахелашвили вынес и подписал Хазан. 13 июня 1937 г. допросил её. В суде Хазан пояснил, что Кобулов распорядился избить арестованную. Это распоряжение он передал секретарю Кобулова Ниловой, и та избила Марию Орахелашвили. Как видим, женщина в нашей стране и в этой сфере пользовалась равными правами с мужчиной.

Марию Орахелашвили признали виновной в том, что она являлась активной участницей контрреволюционной, вредительской, диверсионной и шпионской организации правых, ставившей своей задачей совершение террористических актов в отношении руководителей ВКП/б/ и Советского правительства. Было признано, что она организовывала вредительско-диверсионные акты в народном хозяйстве Грузии и занималась шпионажем в пользу иностранных государств. По своей враждебной деятельности была связана с Московской группой центра правых в Грузии, в состав которой входили её муж, Элиава и Енукидзе. Во враждебную деятельность, указывалось в приговоре, была вовлечена своим мужем. Вмененные ей в вину действия квалифицированы по ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Таким образом, М.П. Орахелашвили была признана виновной в совершении особо тяжких государственных преступлений, но обвинение её сформулировано в общей, декларативной форме – ни одного конкретного преступного деяния, которое она якобы совершила, в приговоре не приведено. Кроме того, если признать, что Орахелашвили действительно была виновна в названных преступлениях, то её действия надлежало квалифицировать ещё и по ст. ст. 58-1 «а», 58-6 и 58-7 УК РСФСР. Всё это ещё раз подтверждает, что в то время совершенно не придавалось никакого значения юридическому обоснованию предъявлявшимся обвинениям. Да и как могло придаваться этому какое-то значение, если обвинение фальсифицировалось, обвиняемых принуждали оговаривать себя и других в совершении тяжких преступлений. В большинстве случаев суду, а тем более тройкам было безразлично, как квалифицировать предъявленное подсудимым обвинение, главным было, что они судили тех, кого арестовывали сотрудники НКВД, а органы не ошибались, и арестовывали только врагов народа. Такая аксиома настойчиво вбивалась в сознание всех. И, надо сказать, небезуспешно.

Получив «доказательства», избличавшие Серго Орджоникидзе в том, что он фактически возглавлял враждебные ВКП/б/ и Советской власти группировки, Берия и его пособники стал беспощадно расправляться с родственниками Серго, обвиняя их в особо опасных государственных преступлениях, которые они никогда не совершали.

В августе 1937 г. по распоряжению Берии был повторно арестован П.К. Орджоникидзе, поскольку, как указывалось в постановлении на его арест, «[...] выявились новые обстоятельства контрреволюционной организационно-террористической деятельности осуждённого П.К. Орджоникидзе».

Постановление о возбуждении уголовного дела в отношении П.К. Орджоникидзе было подписано Рапавой.

Разумеется, никакой враждебной деятельностью П.К. Орджоникидзе не занимался. Его стали жестоко избивать, добиваясь признания в принадлежности к контрреволюционной организации, а также в проведении антисоветской агитации и в намерении совершить террористический акт в отношении Берии, о чём якобы знал Серго Орджоникидзе. Сначала арестованный все предъявлявшиеся ему обвинения отрицал, но затем вынужден был во всём «признаться».

Несоответствие его показаний действительности усматривается даже из того, как они изложены в протоколе допроса, продолжавшегося с 27 августа по 3 сентября 1937 г., то есть в течение недели. Сам по себе этот факт уже о многом говорит. Признав себя виновным в проведении антисоветской агитации, П.К. Орджоникидзе, как это изложено в протоколе допроса, заявил: «В чём конкретно выражались эти контрреволюционные высказывания, я постараюсь вспомнить». Видимо, у допрашивавших его не хватило фантазии, чтобы в уста Орджоникидзе сразу же вложить высказывания, по своему содержанию и направленности образующие состав антисоветской агитации. Скорее же всего, в ходе доноса он тоже «очень устал» и поэтому не мог вспомнить свои «контрреволюционные высказывания».

9 ноября 1937 г. Гоглидзе утвердил обвинительное заключение по делу П.К. Орджоникидзе. Ему предъявлялось обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-8, 58-9 и 58-11 УК Грузинской ССР. В тот же день дело рассмотрено было

тройкой при НКВД Грузинской ССР под председательством Гоглидзе и с участием Церетели. Было принято решение о расстреле обвиняемого. Приговор был приведен в исполнение на следующий день.

Была репрессирована и жена П.К. Орджоникидзе – Нина Давыдовна. Сначала на основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР от 29 марта 1938 г. её лишили свободы сроком на 10 лет. Но этого Берии, а скорее всего, Сталину, показалось мало. 14 июня 1938 г. дело Н.Д. Орджоникидзе было рассмотрено всё той же тройкой, которая постановила расстрелять обвиняемую. На следующий день приговор был приведён в исполнение.

Несмотря на жестокие избиения, которым подвергалась Н.Д. Орджоникидзе, эта мужественная женщина ни в чём не признала себя виновной. Доказательств её виновности в совершении каких-либо преступлений в деле не имеется. Основанием к расправе с ней явилось лишь то, что она была женой брата Серго Орджоникидзе.

Были репрессированы и другие родные братья Серго – Константин и Иван, а также жена последнего.

Иван Константинович Орджоникидзе и его жена Антонина Михайловна были арестованы 29 августа 1938 г. Постановления об их заключении под стражу и предъявлении обвинения составлены Савицким. Более года длилось следствие по их делу, и лишь 29 ноября 1939 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР они были приговорены к лишению свободы сроком на три года каждый. Обвинительное заключение по их делу подписал Рухадзе, а утвердил Рапава.

Супругов Орджоникидзе обвинили в проведении антисоветской агитации. Следствие по их делу заканчивалось в дорожно-транспортном отделе, начальником которого в то время был Рухадзе. В качестве доказательства виновности И.К. и А.М. Орджоникидзе имелось единственное показание свидетеля – их бывшей домашней работницы Д.М. Нечипуренко, что А.М. Орджоникидзе якобы высказывала недовольство руководителями партии и правительства, которые не обеспечили соответствующий уход за больным Серго Орджоникидзе (ведь по указанию Сталина было объявлено, что Серго скончался от разрыва сердца, а не покончил с собой), а Иван Константинович якобы возмущался арестом своего брата Павла Константиновича. Ничего другого

в их деле не имеется. Впрочем, ведь не требовалось доказательств их виновности, достаточно было того, что они являлись родственниками Серго Орджоникидзе.

5 мая 1941 г. был арестован младший брат Серго – Константин Константинович. Следствие по его делу велось более трёх лет. Вернее сказать, он просто содержался под стражей, и за это время его лишь три раза допросили. По постановлению Особого совещания при НКГБ СССР от 24 августа 1944 г. К.К. Орджоникидзе был лишен свободы сроком на 5 лет как «социально вредный элемент». 30 ноября 1946 г. то же Особое совещание добавляет ему ещё 5 лет, а в марте 1953 г. – ещё 5 лет. А уже в сентябре того же года К.К. Орджоникидзе был реабилитирован. Всего, таким образом, К.К. Орджоникидзе незаконно содержался в местах лишения свободы более двенадцати лет.

Не избежали горькой участи и двоюродные братья Серго – Дмитрий Георгиевич и Иван Георгиевич Орджоникидзе.

Летом 1937 г. на основании разработки, произведённой Давлианидзе, Хазан подписал постановление об избрании Д. Орджоникидзе меры пресечения – заключение под стражу, хотя, как он сам показал в суде, никаких материалов об антисоветской деятельности арестованного не было. Тем не менее, его обвинили в связи с «врагом народа П. Орджоникидзе». По постановлению тройки при НКВД Грузинской ССР от 21 декабря 1937 г., принятому с участием Церетели, он был расстрелян.

И. Орджоникидзе, обвинённый в проведении антисоветской агитации, постановлением той же тройки от 2 марта 1938 г. был лишен свободы на 10 лет. 11 июля 1940 г. Рапава утвердил постановление об отказе в удовлетворении жалобы И.Г. Орджоникидзе, в которой тот просил о пересмотре его дела, считая решение о лишении его свободы необоснованным.

В расследовании дела Д. Орджоникидзе вместе с Савицким участвовал и Парамонов. Насколько объективно велось расследование этого дела, может свидетельствовать хотя бы следующий вопрос, заданный Савицким арестованному на допросе 5 сентября 1937 г. Вот дословная цитата: «Мы вас предупреждаем, что в распоряжении, следствия имеются исчерпывающие материалы, избличающие вас как члена антисоветской организации правых. Будете ли Вы сами говорить правду, или же мы вынуждены будем

приступить к избличению вас документальными данными и очными ставками?». Савицкий объяснил, что это был шаблонный вопрос, который ставился перед каждым арестованным. Здесь Савицкий был прав, действительно, каждому арестованному задавался такой вопрос-угроза, после чего следователи начинали «изобличать» этого арестованного. Как именно? Об этом уже сказано.

Постановление на арест Д. Орджоникидзе вынесено Хазаном, а утверждено Рапавой, который подписал также ордер на его арест. Д. Орджоникидзе было предъявлено обвинение в проведении антисоветской агитации и в принадлежности к антисоветской организации, то есть в преступлениях, подлежащих при их доказанности квалификации по ст. ст. 58-10 и 58-11 УК Грузинской ССР, санкции за которые не предусматривали такой меры наказания, как расстрел. Однако, Д. Орджоникидзе был расстрелян. Как отмечалось, это подобный случай не был единичным в деятельности внесудебных органов в годы сталинщины.

По постановлению тройки при НКВД Грузинской ССР от 3 марта 1938 г. был расстрелян ещё один двоюродный брат Серго Орджоникидзе – Георгий Абессаломович, преподаватель математики Тбилисского военного училища. Его признали виновным в том, что он входил в контрреволюционную организацию и «занимался вредительской работой в области подготовки курсантов училища». Как и другие дела, дело в отношении Г.А. Орджоникидзе тоже было сфальсифицировано.

На основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР от 16 января 1938 г. «за участие в контрреволюционной организации правых» также по сфальсифицированному делу был расстрелян троюродный брат Серго Орджоникидзе – Савва Валерианович.

Эти дела свидетельствуют об активном участии Рапавы в бытность его народным комиссаром внутренних дел Грузии, в расправе над родственниками Серго Орджоникидзе.

В судебном заседании Рапаве предъявлялись соответствующие документы с его подписями, санкционировавшими конкретные действия в отношении родственников Серго Орджоникидзе. Ознакомившись с этими документами, Рапава стал утверждать, что он не может категорически заявить об исполнении этих под-

писей именно им. Он не исключал, что подпись об утверждении обвинительного заключения по делу Ивана и Антонины Орджоникидзе мог выполнить Рухадзе. Это заявление присутствовавшими в зале суда было встречено смехом, для такой реакции оснований было более чем достаточно.

В связи с тем, что Рапава и Церетели отрицали своё участие в заседаниях тройки при НКВД Грузинской ССР, суд определил предъявить им подлинные протоколы заседаний этой тройки с их собственноручными подписями. После предъявления этих протоколов Рапава заявил, что на протоколах заседании тройки при НКВД Грузинской ССР подписи его. Церетели заявил: «Это не мои подписи. Кто-то их подделал». Тогда Церетели предъявили подлинный протокол заседания тройки при НКВД Грузинской ССР, на котором рассматривалось дело Дмитрия Орджоникидзе. При этом его фамилию закрыли листом бумаги. Церетели подтвердил, что под этим протоколом стоит его подпись. Когда же ему показали, в отношении кого им подписан данный протокол, Церетели стал утверждать, что эта подпись от его имени подделана.

Следует сказать, что обстановка в зале судебных заседаний была какой-то гнетущей. Удивляться этому не приходилось. Невеликая радость присутствовать при рассмотрении уголовного дела, но дело, которое рассматривалось в Тбилиси, было не просто уголовным делом – судили фальсификаторов, по вине которых погибли многие невинные люди. Поэтому все присутствовавшие с напряженным вниманием следили за ходом судебного разбирательства. Тем не менее, неуклюжие попытки обвиняемых отрицать очевидное вызывали смех присутствовавших.

Разумеется, Рапава и Церетели отчетливо представляли и понимали, какую неприглядную роль они сыграли в расправе над родственниками Серго Орджоникидзе. Поэтому не удивительно, что они всячески пытались как-то преуменьшить степень своей причастности к этому несправедному деянию.

Таким образом, Берия с помощью своих подручных жестоко расправился с родственниками Серго Орджоникидзе, которого он ненавидел и боялся, обоснованно опасаясь за свою карьеру и судьбу. В то же время, без санкции на эту расправу со стороны Сталина Берия не смог бы сделать ни шагу. Ведь Сталин стремил-

ся отстранить Серго от политической и хозяйственной деятельности, поскольку тот во всё большей и большей степени становился неудобным партнером. Он был одним из немногих, кто мог в чём-то не согласиться со Сталиным и даже возражать ему. Сталин своего добился. Читатель, разве это не напоминает современную российскую ситуацию с господством абсолютной серости в высших эшелонах власти?

Не были обделена вниманием Берии и его подручных и жена Серго – Зинаида Гавриловна. За каждым её шагом, в том числе и поездкой в Закавказье осуществлялось пристальное наблюдение, она постоянно находилась под «колпаком». Допрошенный на предварительном следствии бывший начальник 2-го спецотдела НКГБ Грузии Гудушаури, показания которого исследовались в суде, пояснил, что осенью 1940 г. его вызвал Рапав и предложил в филиале института Маркса–Энгельса–Ленина в Тбилиси, где работала, собирая материалы З.Г. Орджоникидзе, провести «литерное мероприятие», что и было сделано. Он установил подслушивающее устройство на месте, где работала Зинаида Гавриловна. Результаты этого мероприятия ежедневно докладывались Рапаве. Кроме того, за вдовой Серго была установлена «наружка», то есть постоянное наружное наблюдение за её передвижением, за теми людьми, с кем она встречалась.

Суд всесторонне исследовал обстоятельства расправы Берией руками его подчиненных с Нестором Лакобой, его ближайшими родственниками и товарищами по работе. Берия люто завидовал Нестору Лакобе, в первую очередь, потому, что Сталин благоволил ему.

Нестор Аполлоношч Лакоба, член партии с 1912 г. Председатель ЦИК Абхазской автономной Республики, он был известен и популярен не только в Абхазии, но и во всей Грузии, пользовался авторитетом и у Сталина. Берия, являвшийся до ноября 1931 года председателем Закавказского ГПУ, затем – вторым секретарём Закавказского крайкома ВКП/б/ и первым секретарем ЦК КП/б/ Грузии, а с октября 1932 г. – первым секретарём Закрайкома с оставлением его первым секретарём ЦК КП /б/ Грузии, ревниво относился к тому, что Нестор Лакоба близок Сталину, а он, Берия, никак не может приблизиться к нему. Он упорно добивался, чтобы Лакоба посдействовал его приему Сталиным, который

почти каждый год отдыхал в Абхазии и встречался с Лакобой. Встреча Сталина с Берией состоялась в конце сентября 1931 г. Фактически по рекомендации Лакобы Берия выдвигается на партийную работу. Вследствие своего характера и карьеристских устремлений Берия не мог примириться с тем, что Сталин отдавал предпочтение Лакобе, который, как считал Берия, закрывал ему доступ к Сталину. Но ведь теперь известно, что Сталин специально сталкивал друг с другом своих сторонников, укрепляя своё единовластие. Именно так он строил свои отношения с Лакобой и Берией.

После возвращения с Чрезвычайного VII Всесоюзного съезда Советов, на котором принималась Конституция СССР, Лакобу срочно вызвали к Берии в Тбилиси на партактив. Вечером 27 декабря 1936 г. он был на ужине у Берии. Затем пошли в театр, откуда Лакоба, почувствовав себя плохо, вскоре ушел. 28 декабря в 4 часа 20 минут он умер. В правительственном сообщении говорилось, что смерть наступила от сердечного приступа. 31 декабря Нестора Лакобу похоронили с большими почестями в городе Сухуми в Ботаническом саду в специально построенном склепе.

Многие видные государственные и партийные деятели, а также деятели науки выразили своё глубокое соболезнование в связи со смертью Нестора Лакобы. Среди них – академик Н. Вавилов, М. Цхакая, Г. Петровский и другие. Берия на похороны не приехал. Сталин не прислал даже телеграммы, хотя 7 декабря 1935 г. он на своей фотографии, подаренной Лакобе, сделал такую надпись: «Товарищу и другу Лакобе от И. Сталина».

Из опубликованных к настоящему времени документов следует, что по просьбе жены Лакобы – Сарии Ахмедовны личный врач Лакобы И.Г. Семерджиев тщательно осмотрел тело Лакобы и пришёл к выводу, что тот был отравлен. Свидетельством этого является изъятие почти всех внутренних органов Лакобы – желудка, печени, мозга и гортани.

Памятник Нестору Лакобе простоял недолго. Уже летом 1937 г. как памятник, так и сама могила были уничтожены, всё было сделано так, чтобы невозможно было узнать место первоначального его погребения.

На этом Берия не остановился. С помощью Рапавы, Рухадзе и других он создаёт дело по обвинению убитого им Нестора Лако-

бы в совершенной особо опасных государственных преступлений. С этой целью арестовали Сарию Ахмедовну – его жену и пятнадцатилетнего сына Рауфа, брата – Михаила Аполлоновича, двоюродного брата Василия Дмитриевича и других, якобы составлявших антисоветскую организацию, которую возглавлял Нестор Лакоба.

Все они были затем осуждены, кроме Сарии Лакоба – её фактически убили ещё до суда.

Арестованной 21 августа 1937 г. Сарии Лакоба предъявили обвинение в том, что она являлась активной участницей контрреволюционной организации, существовавшей в Абхазии и возглавлявшейся её мужем, после смерти которого распространяла контрреволюционную клевету и провокационные слухи в отношении Берии и участвовала в подготовке террористического акта в отношении него.

Первый раз её допросили через три месяца после ареста. На этом допросе она ни в чём себя не признала виновной. Её стали жестоко избивать, и в результате добились «признаний» от обвиняемой в совершении мифических преступлений. Однако на допросе у военного прокурора 2 февраля 1938 г. она от этих признаний отказалась как от вынужденных, данных ею в результате того, что её жестоко избивали.

Содержавшаяся в одной камере с ней и допрошенная в суде свидетель М.Д. Васина рассказала, каким жестоким издевательствам подвергалась Сария Лакоба. Присутствовавшим в зале суда трудно было поверить, что таким издевательствам подвергалась женщина. Но это было...

Как показала Васина, Сария Лакоба находилась в ужасном состоянии, о её «мучениях можно написать целую книгу». Её, Васиной, муки по сравнению с тем, что приходилось переносить Сарии Лакоба, «ничего не стоят». Так рассказала Васина, на долю которой также вышло немало мучений и унижений.

Кто такая Васина? Перед арестом 7 декабря 1937 г. она работала в Главлите Грузии, являлась цензором-политредактором. После ареста следователь Твалчрелидзе настойчиво убеждал её в том, что в антисоветскую организацию она была завербована директором филиала Института Маркса–Энгельса–Ленина в городе Тбилиси Е.А. Бедией, вместе с которым она вела вредительскую

работу. Васина не признавала себя виновной. Твалчрелидзе в ответ разъярил, что если она не подпишет составленный им протокол допроса, то найдутся средства, чтобы заставить её сделать это. Затем он открыл шкаф, в котором были жгуты, палки и другие предметы и заметил: «Всё, что Вы видите, будет на Вашем теле». Но и после этого Васина отказалась подписать сфальсифицированный протокол допроса. Тогда Твалчрелидзе вызвал трёх женщин, и они жестоко её избили.

Далее Васина показала, что после того, как она написала заявление на имя наркома внутренних дел Грузии Гоглидзе, в котором указала на свою невиновность в предъявлявшихся ей обвинениях, её вызвал Кобулов и тоже стал настойчиво убеждать в том, что она является членом антисоветской организации. Получив ответ, что это не соответствует действительности, Кобулов ударил её пресс-папье по голове. Затем её стали избивать трое неизвестных ей мужчин. Позже её неоднократно избивал Твалчрелидзе и заставлял это делать других.

В результате Васина вынуждена была оговорить не только себя, но и других, в том числе бывшего третьего секретаря ЦК КП/б/ Грузии В. Гогишвили, бывшего секретаря Орджоникидзевского райкома партии В. Мирцхулаву и упоминавшегося выше Бедию.

Васина была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-8, 58-11 УК Грузинской ССР, и на основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР была лишена свободы сроком на 10 лет. Её мытарства на этом не закончились. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 26 мая 1951 г. Васина «за принадлежность к антисоветской организации» была направлена на поселение в Акмолинскую область Казахстана под надзор органов МВД.

Но вернёмся к рассказу о жене Нестора Лакобы.

Турчанка Сария Лакоба была красивой женщиной с пышными волосами. Однажды, когда она возвратилась с очередного допроса, Васина увидела, что половина волос у неё вырвана, а сама она была сильно избита. Сария сообщила ей, что Кримян, Савицкий и Твалчрелидзе таскали её за волосы и выбили челюсть. В следующий раз Сарию принесли с допроса с перебитыми рёбрами. В камере она рассказала, что арестованного сына Рауфа избивали на

её глазах, требуя, чтобы она призналась в том, что хотела отравить Сталина,

В феврале 1939 г. Сарию из их камеры забрали, и что с ней было дальше, Васина не знала.

А было с ней вот что. Хотя Сария Лакоба на допросе у военного прокурора 2 февраля 1939 г. и отказалась от выбитых из неё показаний, тем не менее дело в отношении её следствием было закончено и передано в суд.

22 февраля 1939 г. определением подготовительного заседания военного трибунала Закавказского военного округа Сария Лакоба была предана суду по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 19, 58-8, 58-10, ч.1, 58-11 УК Грузинской ССР (подготовка террористического акта, проведение антисоветской агитации, участие в антисоветской организации). Однако суд над ней не состоялся – состояние её здоровья становилось всё хуже и хуже, и 16 мая 1939 г. она умерла. Но не от туберкулеза легких, как это указано в справке, приобщённой к её личному теремному делу, а от тяжких телесных повреждений, причинённых ей во время допросов сотрудниками НКВД Грузии – подчинёнными Рапавы. Сария Ахмедовна Лакоба – жена Нестора Лакобы фактически была убита.

30 октября – 2 ноября 1939 г. специальное присутствие Верховного Суда Абхазской АССР рассмотрело дело по обвинению 13 человек: В.К. Ладарии – бывшего секретаря Абхазского обкома партии, М.И. Чалмаза – бывшего наркома земледелия Абхазской АССР, М.А. Лакобы – бывшего управляющего конторой «Абтабаксырьё», К.П. Инал-Ипы – бывшего директора Гагрского курортного управления, В.Д. Лакобы – бывшего управляющего абхазским отделением «Азнефтесбыта», Д.И. Джергении – бывшего председателя Гагрского райисполкома, А.Ф. Энгелова – бывшего уполномоченного представителя Абхазии в Грузинской ССР (он был рядом с Нестором Лакобой в трагический вечер накануне его смерти, случайно встретив его, когда тот возвращающегося из театра), Я.А. Сейсяна – бывшего заместителя заведующего земельным отделом Гагрского райисполкома, С.С. Туркии – бывшего управляющего делами ЦИК Абхазской АССР, М.И. Кишмарии – бывшего председателя Чировского сельсовета, С.Е. Эбжноу – бывшего заместителя председателя колхоза, Х.П. Чанбы и К.Д. Ахубы – колхозников. Дело в отношении ука-

занных лиц было сфальсифицировано Кобуловым, Гоглидзе, а также Савицким и Кримином. Десять обвиняемых были приговорены к расстрелу, М.И. Кишмария, Х.П. Чанба и К.Д. Ахуба – соответственно к 20, 15 и 10 годам тюремного заключения. Замечу, что все приговорённые к лишению свободы скончались в местах лишения свободы.

Согласно приговору специального присутствия верховного Суда Абхазской АССР, все тринадцать человек были признаны виновными в том, что являлись участниками контрреволюционной диверсионно-вредительской шпионско-повстанческой организации, существовавшей в Абхазской АССР и ставившей своей целью свержение Советской власти и отторжение Абхазии от Советского Союза. Руководителем этой организации, указывалось в приговоре, являлся бывший Председатель ЦИК Абхазской АССР Нестор Лакоба. Таким образом, не только представшие перед судом, но и убитый Берией в декабре 1936 г. Нестор Лакоба официально был признан судом врагом народа.

Сегодня это звучит дико. Мы привыкли слышать, что тот или иной необоснованно осужденный в годы репрессий человек реабилитирован посмертно, а вот посмертное осуждение кажется какой-то дикостью. Но чему, собственно, удивляться? Во времена сталинщины это был не единственный случай. Достаточно вспомнить, в каких только тяжких преступлениях не обвинялись «во время» умерший известный военачальник С.С. Каменев, а также покончившие с собой бывшие руководитель советских профсоюзов М.П. Томский и начальник Главного политического управления Красной Армии и Военно-Морского флота Я.Б. Гамарник.

Неправедный суд признал установленным, что в 1931–1932 гг. указанная контрреволюционная организация, возглавлявшаяся Н. Лакобой, установила связь с организатором право-левацкого (название-то какое! – *Н.С.*) блока Б. Ломинадзе и с московским «параллельным троцкистским центром», а также с грузинским центром контрреволюционной организацией правых.

По заданию этих центров В. Ладария, М. Чалмаз, М. Лакоба, К. Инал-Ипа, Д. Джергения, Я. Сейсян и В. Лакоба якобы развернули активную антисоветскую деятельность: вовлекли в организацию новых членов, проводили диверсионно-вредительскую работу в колхозах, других отраслях народного хозяйства Абхазии

(кстати, в приговоре не приведено ни одного конкретного примера такого вредительства. – *Н.С.*). Признано, что они готовили вооружённое восстание и организовывали террористические акты в отношении руководителей ВКП/б/ и Советского правительства, с целью развала колхозов и создания недовольства среди колхозников. Они вовлекли в свою организацию С. Эбжноу, Х. Чанбу, К. Ахубу, М. К. Кишмарию и других сельских жителей, и в этом случае в приговоре не указано, что именно делали обвиняемые, чтобы развалить колхозы и вызвать недовольство среди колхозников.

Неправедный суд также признал, что осенью 1933 г. террористическая группа во главе с А. Микеладзе (председатель ГПУ Абхазской АССР) по заданию Н. Лакобы пыталась совершить террористический акт в отношении Сталина в районе мыса Пицунда путём обстрела катера, на котором тот находился.

Об этом «деле» стоит рассказать несколько подробнее.

В сентябре 1933 г. Сталин отдыхал в Абхазии. 23 сентября он решил совершить прогулку на катере пограничной охраны. О том, что на этом катере находился Сталин, естественно, никто не знал. Когда катер проходил мимо пограничного оперативного поста «Пицунда», служившие этом посту решили катер остановить, чтобы на нём отправить в Гагры красноармейца Чигашева с бельём, мишенями и ружейным маслом для гагрского оперативного поста. Именно с этой целью командир отделения Лавров открыл стрельбу из винтовки в сторону катера (но не по катеру!) с тем, чтобы привлечь внимание команды катера и добиться его остановки.

В 1933 г. обстоятельства стрельбы в сторону катера, на котором находился Сталин, были тщательно расследованы. В результате установлено, что указанное событие явилось следствием случайного стечения обстоятельств.

Убедившись в этом, Сталин распорядился виновных наказать в дисциплинарном порядке и навести уставной порядок в несении пограничной службы. Однако, постановлением коллегии Закавказского ГПУ от 5 января 1934 г. Лавров и другие должностные лица пограничной службы были лишены свободы на различные сроки.

В 1937 г., когда начались аресты участников «лакобовской организации», случаи с обстрелом пограничного катера, на борту

которого находился Сталин, приписали Нестору Лакобе, как неудавшийся террористический акт в отношении Сталина, совершенный участниками антисоветской организации.

29 июля 1937 г. арестовали Микеладзе, 4 августа – оперативного уполномоченного Пилию и только 23 февраля 1940 г. бывшего пограничника Лаврова.

Пилия и Лавров не признали себя виновными в принадлежности к антисоветской «лакобовской организации», в обстреле катера с целью убийства Сталина. Они категорически отрицали показания Микеладзе, «изобличавшего» их в совершении данного преступления.

Небезынтересно отметить, что Микеладзе не был осуждён вместе с Пилией и Лавровым, хотя, как это следовало из материалов дела (разумеется, сфальсифицированного), Микеладзе вместе с ними был причастен к террористическому акту в отношении Сталина. На основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР Микеладзе расстреляли через 5 дней после окончания судебного процесса по делу Ладарии и других.

Приём не новый, нередко применявшийся в практике НКВД. Необходимо было получить железные доказательства «виновности» того или иного лица или группы лиц в совершении особо опасных государственных преступлений. Для этого из такой группы выводился один из её «участников», которому обещали сохранить жизнь, но он должен был за это «изобличить» своих «соучастников» в совершении тяжких преступлений. Потом и этого человека тоже расстреливали, как это случилось и с Микеладзе. Вполне правомерно предположить, что Микеладзе вынужден был сыграть подобную роль. Конечно же, на такого человека воздействовали не только обещаниями сохранить жизнь, но и путём жесточайших избиений.

В расследовании дела по обвинению Микеладзе участвовал Хазан.

Кроме того, в приговоре особого присутствия Верховного суда Абхазской АССР утверждалось, что Н. Лакоба, К. Инал-Ипа и М. Лакоба были связаны с «контрразведкой одного из иностранных государств», снабжая это государство секретными сведениями об экономическом и политическом состоянии Абхазии.

В целях объединения антисоветских сил, контрреволюционная организация, руководимая Н. Лакобой, указываюсь далее в приговоре, установила связь с нелегальной дашнакской контрреволюционной организацией (об этой «организации» я ещё расскажу).

Рухадзе в суде подтвердил свои показания, данные им на допросе в ходе предварительного следствия: «должен отметить, что когда осуждённых доставили к месту исполнения приговор, Ладария, сидя над ямой, попросил передать Берии примерно следующее: «Вова Ладария умирает за партию и за коммунизм. Да здравствует Сталин!». Но тут раздались выстрелы, и он повалился в яму». Как пояснил Рухадзе, подобные заявления рассматривались как «обычные маневры врагов».

Если бы это в действительности было так! На самом же деле абсолютное большинство необоснованно осужденных, а затем расстрелянных, искренне были убеждены в том, что их уничтожают вопреки воле Сталина, которого вводили в заблуждение враги народа Ягода, Ежов, а затем и Берия. Они и представить себе не могли, что главным «режиссером» расправ с людьми, искренне преданных социалистической идее, являлся Сталин.

В деле Ладарии и других имеется донесение начальника одного из отделов НКВД Грузинской ССР на имя Рапава. В нем сообщалось, что на одной вечеринке, где присутствовал и Ладария, был провозглашен тост за здоровье Берии как вождя грузинского народа. Ладария же заявил, что у советского народа только один вождь – товарищ Сталин, за здоровье которого он и предложил выпить. Рапав заявил, что не помнит, докладывал ли он об этом донесении Берии.

В ходе судебного разбирательства приходилось убеждаться в том, что Рапав «не помнил», совершал ли он те или иные действия, которые характеризовали его далеко не с лучшей стороны, несмотря на то, что имелись убедительные доказательства его виновности в совершении вменявшихся ему конкретных преступных действий.

В результате дополнительной проверки, проведённой Главной военной прокуратурой, было установлено, что дело в отношении В. Ладарии и других было сфальсифицировано. Все обвиняемые (Н. Лакоба посмертно) были необоснованно признаны виновными в совершении тяжких преступлений. Поэтому Военной коллегией

Верховного Суда СССР приговор в отношении всех осуждённых по указанному делу отменён. дело в отношении их прекращено за отсутствием состава преступления.

При проверке было установлено, что подсудимых тщательно готовили к судебному процессу с тем, чтобы они не отказались от своих показаний, выбитых из них на предварительном следствии. С этой целью накануне и в ходе судебного разбирательства их хорошо кормили, давали вина. Цель была достигнута – все тринадцать подсудимых признали себя виновными в преступлениях, которые они никогда не совершали.

Особой обработке подвергался Инал-Ипа, которого обещали вывести из дела, если он будет изобличать других арестованных. В результате он «изобличал» других обвиняемых как на очных ставках в ходе предварительного следствия, так и в суде. Инал-Ипу обманули: его тоже приговорили к расстрелу, однако, как отмечается в заключении Главного военного прокурора по результатам дополнительной проверки, при оглашении приговора Инал-Ипы в зале суда не было, и вместе с другими он не был расстрелян. После судебного процесса его этапировали в Тбилиси, где он использовался как провокатор и лжесвидетель. Был ли Инал-Ипа впоследствии расстрелян, Главная военная прокуратура по состоянию на сентябрь 1955 г. сведениями не располагала. Допрошенный в суде бывший нарком внутренних дел Абхазской АССР Г.А. Пачулия утверждал, что Инал-Ипа был расстрелян.

Вместе с определением об отмене приговора в отношении В. Ладарии и других и прекращении их дела в отношении них, Военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла частное определение, которым довела до сведения Главного военного прокурора, что активное участие в фальсификации дела по обвинению Ладарии и других принимали бывший народный комиссар внутренних дел Абхазской АССР Пачулия и сотрудник НКВД этой республики Кадагишвили. Определение было направлено Главному военному прокурору для расследования обстоятельств, выявленных при пересмотре дела Ладарии и других, и привлечения названных лиц к ответственности.

Кроме Рауфа Лакобы – ученика 8 класса, арестованного 31 октября 1937 г., были арестованы другие дети – родственники

обвиняемых: его двоюродный брат Н.М. Лакоба-Григолия, ученик 7 класса, троюродный брат Т.В. Лакоба, ученик 6 класса и К.К. Инал-Ипа, ученик 8 класса.

Единственным основанием к аресту этих 14–15-ти летних учеников явилось то, что были репрессированы их родители, а что касается Рауфа Лакобы, то, как уже сказано, его погибший отец тоже был объявлен врагом народа. Как тут не вспомнить лицемерное заявление Сталина, что дети за отцов не отвечают?

В судебном заседании с большим эмоциональным напряжением присутствовавшие выслушали, как фальсифицировалось, а потом рассматривалось дело по обвинению этих подростков.

В течение длительного времени арестованные подростки содержались под стражей, и сотрудники НКВД Абхазии и Грузии буквально выколачивали из них показания об их «враждебной деятельности». Несмотря на жестокие избиения, все они ни в чём не признавались. Да и в чём было признаваться, если они действительно никаких преступлений не совершали?

Уж очень хотелось от этих подростков получить показания о допусках ими «контрреволюционных высказываниях», о «недовольстве по отношению к органам Советской власти». Рухадзе стал лично вести следствие по этому делу, допрашивал Рауфа Лакобу. Именно Рухадзе сделал его и «вредителем», и «террористом». «Вредительство» же заключалось в том, что Рауф иногда нарушал школьную дисциплину, шалил на уроках.

Рапава и Рухадзе разработали программу ведения следствия по этому делу и дали указание о её неукоснительном выполнении. Эта программа заключалась в следующем.

«Следствие не приняло всех оперативно-следственных мероприятий, могущих полностью доказать и подтвердить их виновность в инкриминируемых обвинениях по ст. ст. 58-10, ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

1. Не выявлены и не допрошены свидетели из числа учащихся, могущие подтвердить факты антисоветской и контрреволюционной национал-шовинистической агитации вышеуказанных обвиняемых среди учащихся, а также проведение ими дезорганизаторской и подрывной работы в школе.

2. Не допрошен никто из педагогов, где учились обвиняемые, на предмет установления фактов нарушения ими школьной дис-

циплины, срыва занятий в контрреволюционных вредительских целях, а также факта их дезорганизаторской и подрывной работы в школе.

3. Не заполучена и не приобщена к следственному делу подробная справка-характеристика на обвиняемых об их поведении в школе и их проступках. Отсутствие этих материалов в следственном деле является серьёзным упущением следствия, вследствие чего нельзя считать дело полностью законченным и предъявленные обвинения полностью доказанными.

В допросах самих обвиняемых имеются общие формулировки, указывающие только лишь на активную антисоветскую болтовню; отсутствуют вовсе чёткие данные об организованной контрреволюционной группе и её целях, а также практической роли каждого в этой контрреволюционной группе».

Не только сейчас, но и тогда, в 1955 г., жутко было слушать содержание названного документа, оглашенного государственным обвинителем. Какими человеческими, вернее бесчеловечными, качествами надо было обладать, чтобы составить такую программу «разоблачения» учеников 6–8-х классов в контрреволюционной деятельности?

Спустя два с половиной года после ареста, по указанию начальника Главного экономического управления НКВД СССР Кобулова в марте 1940 г. все арестованные были этапированы в Сухановскую тюрьму НКВД СССР. А что это была за тюрьма, теперь хорошо известно. Достаточно сказать, что далеко не все арестованные органами НКВД удаивались «чести» содержаться в ней.

Вследствие жестоких избиений, которым подвергались Рауф Лакоба и арестованные с ним, они вынуждены были признать себя виновными в том, что в 1937 г., когда им было по 14–15 лет, на почве враждебного отношения к Советской власти, обусловленного репрессиями против их родителей, они образовали антисоветскую террористическую группу, ставившую своей целью совершение террористического акта в отношении Берии. Кроме того, они якобы занимались организованной подрывной работой в школе, где систематически вели контрреволюционную националистическую агитацию.

В судебном заседании было оглашено письмо Рауфа Лакобы, адресованное им Берии. Рауф писал: «Арестован я 31 октября 1937 г., то есть в возрасте 15 лет и предъявлено мне обвинение в антисоветской агитации. В первом и втором следствиях, произведённых в НКВД Абхазской АССР, виновным я себя не признал и говорил правду, а именно: никогда не занимался антисоветской агитацией и не был антисоветски настроен, но на следствии в Грузинском НКВД в сентябре 1939 г. меня вынудили признать такие обвинения, от которых я категорически отказался, ибо факты, мною признанные, не соответствуют действительности, а также я считаю, что следствие в Грузинском НКВД подошло ко мне пристрастно, сделав из меня антисоветского «деятеля» [...]

Мне обидно, гражданин Народный комиссар, что в то время, когда в мои годы мне нужно учиться, приобрести знания, я скитаюсь из тюрьмы в тюрьму к несущему такое тяжелое наказание, по существу не совершив никакого преступления».

Это письмо напомнило дяде Лаврентию, что Рауф Лакоба и его «подельники» ещё не до конца испили горькую чашу страданий.

Почти через четыре года после ареста, 6 июля 1941 г., дело Р. Лакобы и других рассматривалось Военной коллегией Верховного Суда СССР, все они в суде признали себя виновными, и на основании ст. ст. 19, 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР были приговорены к расстрелу. Их ходатайства о помиловании не были направлены в Президиум Верховного Совета СССР, и 28 июля осуждённых расстреляли.

Если хотя бы на мгновение представить, что Рауф Лакоба и осуждённые с ним действительно совершили вменённые им в вину преступления, то в соответствии с действовавшим законодательством (ст.22 УК РСФСР 1926 г.) они не могли быть приговорены к расстрелу, поскольку вменявшиеся им деяния совершены в то время, когда они не достигли восемнадцатилетнего возраста. Однако это обстоятельство судьями во внимание принято не было.

В который раз приходится убеждаться, что в годы сталинщины суды и Военная коллегия Верховного суда СССР, были придатками созданного мощного репрессивного органа в лице НКВД.

Минуло 15 лет, и та же по форме, но иная по сути своей деятельности Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела дела по обвинению Р. Лакобы и других. Приговор в их отноше-

нии по вновь открывшимся обстоятельствам был отменен, и все незаконно осужденные были реабилитированы 3 сентября 1955 г. Было вынесено также частное определение, доведённое до сведения Генерального прокурора СССР на предмет привлечения к ответственности принимавшего участие в фальсификации этого дела вместе с другими сотрудниками НКВД Хвата, который, как указано в определении, участвовал в расследовании и других дел, впоследствии прекращённых как сфальсифицированных на предварительном следствии. К таким делам относилось, в частности, дело по обвинению академика Н.И. Вавилова.

Возвращаясь к деятельности Военной коллегии Верховного Суда СССР в годы сталинских репрессий, замечу, что она существенно отличалась от работы её предшественника – Военно-революционного трибунала при Реввоенсовете Республики, который был создан в соответствии с приказом последнего № 94 от 14 октября 1918 г. Этот высший военный суд действовал в сложных условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции, однако ни в какое сравнение не идёт сопоставление количества допущенных им судебных ошибок с количеством таких ошибок, сознательно допущенных Военной коллегией Верховного Суда СССР во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг.

Да, в деятельности Военно-революционного трибунала при Реввоенсовете Республики были трагические ошибки, но они не носили систематического характера.

В качестве примера ошибок можно вспомнить дело командира сводного кавалерийского корпуса Б.М. Думенко, начальника его штаба М.Н. Абрамова, начальника оперативного отдела штаба И.Ф. Блехерта, начальника разведки штаба М.Г. Колпакова, начальника снабжения 2-й бригады С.А. Кравченко, коменданта штаба Д.Г. Носова и коменданта тылового штаба И.М. Ямкового, осужденных 5–6 мая 1920 г. выездной сессией Военно-революционного трибунала в Ростове-на-Дону. Думенко, Абрамов, Блехерт, Колпаков и Кравченко были приговорены к расстрелу (последний выжил после расстрела), а остальным обвиняемым было назначено наказание в виде лишения свободы на длительные сроки.

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 27 августа 1964 г. приговор в отношении названных лиц отменён,

и дело прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Стоит сказать, что в трагической судьбе Думенко и других неблагоприятную роль сыграл председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий. Но все же подобное было исключением из правила, а не правилом.

Любопытно посмотреть, чем обычно руководствовался Реввоен трибунал Республики, рассматривая поступавшие к нему дела. Этот высший военный суд предъявлял жесткие требования к качеству предварительного следствия, обязывая военных следователей «с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие». То есть па деле осуществлялся один из демократических принципов уголовного процесса – установление объективной (материальной) истины⁸.

Позже Прокурор СССР А.Я. Вышинский, вульгарно истолковав положение диалектического материализма о невозможности достижения абсолютной истины, провозгласил достаточным для принятия решения по конкретному делу установления истины относительной, а решающим доказательством вины – признание обвиняемого. На практике это повлекло собой грубейшие нарушения законности, когда любыми способами, в том числе применением мер физического воздействия (попросту – избиения), добивались признания в совершении несуществовавших преступлений. Об этом убедительно свидетельствуют данные судебного разбирательства дела Рапавы, Рухадзе и других, Багирова и других.

А в первые годы существования военных трибуналов вмешательство командиров и политработников в деятельность военных судей рассматривалось как превышение власти, за что виновные в таком вмешательстве подлежали ответственности⁹. В жизнь настойчиво проводилась линия независимости судей от мнения командования и реввоенсоветов при разрешении конкретных дел. Как указывалось в одном из циркуляров Реввоен трибунала Республики, судьи при рассмотрении поступавших к ним дел «должны

⁸ «Инструкция военным следователям революционных военных трибуналов». Опубликовано в издании «Известия Народного Комиссариата по военным делам», № 34, 18 февраля 1919 г.

⁹ ЦГАСА. Ф. 24380. Оп. 3. Ед. хр. 10. С. 100.

оставаться только судьями, беспристрастно оценивающими обстоятельства дела»¹⁰.

Можно сослаться на такой факт. 15 августа 1919 г. Реввоен трибунал в распорядительном заседании рассмотрел ходатайство, поддержанное председателем РВС Республики Л.Д. Троцким, о смягчении наказания ответственным должностным лицам штаба Южного фронта, которые были осуждены за преступления по должности, незаконное использование служебных автомобилей и пьянство. Но это ходатайство было оставлено без удовлетворения.

Своё решение высший военный суд обосновал тем, что осуждённые занимали высокое служебное положение, что обязывало их «к особой щепетильности в своём поведении, должностную службу служить примером для других сотрудников штаба»¹¹.

Уже тогда обвиняемому обеспечивалась возможность защищать себя как на предварительном следствии, так и в судебном заседании. Обвиняемый вправе был не отвечать на предлагаемые ему вопросы. Запрещалось домогаться сознания обвиняемого «ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами».

Кстати, надзор за предварительным следствием осуществлялся председателями трибуналов, которым участвовавшие в деле лица могли приносить жалобы на следственные действия, нарушающие или стесняющие их права.

А если посмотреть на практику назначения Реввоен трибуналом Республики наказаний, то она и сегодня не может не вызвать удивления. Так, в нелёгком для Советской Республики 1920 г. Реввоен трибуналом были рассмотрены дела в отношении 290 человек, из которых 108 человек, или 37,2% оправданы, в отношении 38 человек (13,1%) применено условное осуждение, 105 человек (36,2%) приговорены к лишению свободы, 30 человек (10%) – к расстрелу и 9 человек (3,1%) – к другим видам наказания¹².

Как видим, оправдательный приговор для высшего военного суда того времени – явление вполне обычное, чего не скажешь о Военной коллегии Верховного Суда СССР второй половины 1930-х – начала 1950-х гг.

¹⁰ ЦГАСА. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 1. С. 82. Ед. хр. 47. С. 1–8.

¹¹ ЦГАСА. Ф. 24380. Оп. 2. Ед. хр. 20. С. 57–57об.

¹² ЦГАСА. Ф. 24380. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 4–5.

Как известно, в 1930-е гг., приговоры в отношении арестованных органами НКВД фактически выносились ещё до того, как дела рассматривались судами. В НКВД составлялись списки, включавшие многие тысячи арестованных, в отношении которых велось следствие, и высказывалось предложение, кого следует осудить по первой, а кого по второй категории, то есть соответственно расстрелять или лишить свободы. Эти списки направлялись Сталину, который вместе с Молотовым и Кагановичем рассматривал их, после чего ставилась виза «За» с их подписями. Это означало, что лица, числившиеся по первой категории, будут расстреляны. Исключения были, но исчислялись единицами. А чтобы судьбы не ошиблись, на обвинительных заключениях перед направлением дел в суды ставились римские цифры «I» и «II», обозначающие категорию обвиняемых.

Только в 1937–1938 гг. Народным комиссаром внутренних дел СССР Ежовым были направлены Сталину 383 таких списка на многие тысячи партийных, комсомольских, военных и хозяйственных работников. Санкция Сталина и его приспешников (прежде всего, Молотова и Кагановича) на их осуждение была получена.

А вот взгляд на Военную коллегия Верховного Суда СССР того времени одного из подсудимых – Савицкого. Он показал, что они опасались прибытия её выездной сессии, поскольку понимали, что ей предстоит рассматривать сфальсифицированные ими уголовные дела. Они боялись, что когда подсудимые начнут рассказывать, как велось предварительное следствие, дела «рассыпятся». Ничего подобного! Хотя подсудимые в суде отказывались от своих показаний, в буквальном смысле слова выбитых из них в ходе предварительного следствия, рассказывали о том, как их избивали следователи, домогаясь от них «признания», Военная коллегия выносила обвинительные приговоры.

И вот ещё о чём рассказал Савицкий. Перед приездом Военной коллегии они стали писать более подробные обвинительные заключения, то есть стремились хотя бы по форме соблюсти требования закона в этой части. Однако приехавший к ним Главный военный прокурор диввоенюрист Розовский, когда увидел эти обвинительные заключения, рассмеялся и тут же дал им образец упрощённой формы.

Вот так «страж закона» относился к соблюдению его требований! Что же тогда можно было ожидать от сотрудников НКВД, перед которыми была поставлена задача калёным железом выжечь «врагов народа» из всех структур советского общества.

О том, какое место отводилось Военной коллегии Верховного Суда СССР в репрессивной системе того времени, свидетельствует, например, донесение её председателя В.В. Ульриха Наркомму внутренних дел СССР Берии, направленное 15 октября 1938 г. В донесении указывалось: «За время с 1 октября 1936 по 30 сентября 1938 Военной коллегией и выездными сессиями Коллегии в 60 городах осуждено:

– к расстрелу 30 514

– к тюремному заключению 5 643 [...]»¹³.

Таким образом, 84,4% из числа осуждённых Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорены к расстрелу. Ежедневно Военная коллегия приговаривала к расстрелу в среднем более 40 человек.

Страшные цифры, страшные факты. Но ведь в таком ключе действовали в то время и большинство военных трибуналов.

Конечно, число лиц, в отношении которых рассматривались дела Реввоен трибуналом Республики и Военной коллегией Верховного Суда СССР, несоизмеримо. Однако видно, где и когда к рассмотрению судебных дел подходили с соблюдением основных демократических принципов осуществления правосудия, а где и когда эти принципы совершенно не соблюдались. Такое сопоставление явно не в пользу Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Этот небольшой экскурс в прошлое сделан для того, чтобы показать, как осуществлялось правосудие в первые годы Советской власти и как – в годы сталинщины.

О том, как расправлялся Берия руками своих подручных, в том числе руками подсудимых по описываемому делу, с негодными ему людьми, свидетельствуют обстоятельства ареста, а затем и расстрела директора филиала Института Маркса–Энгельса–Ленина в Тбилиси Е.А. Бедии.

Берия решил восполнить «пробелы» в истории большевистских организаций в Закавказье, поскольку он считал, что в опуб-

¹³ *Бобринев В.А., Рашконец И.П.* Расправа. Прокурорские судьбы. – М., 1990. С. 13.

ликованных работах неполно освещена роль Сталина в развитии революционного движения в этом регионе, принижена его роль в создании большевистских организаций и руководстве ими. С этой целью к написанию работы, в которой была бы отражена «выдающаяся роль товарища Сталина» в развитии революционного движения в Закавказье, привлекли и Бедю. Такая работа была написана, и называлась «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Авторство же этой работы присвоил Берия. Замечу, что в 1955 г., когда проходил судебный процесс по делу Рапава, Рухадзе и других, эта книга считалась произведением, объективно отражавшим роль Сталина в развитии революционного движения в Закавказье. Вот только враг народа Берия незаконно присвоил авторство этой книги. Ведь до XX съезда КПСС оставалось ещё почти полгода...

Бедия имел неосторожность сказать своей знакомой, что автором названной работы является он, а не Берия. Об этом стало известно Берии. Последовал арест Бедии. Ордер на его арест подписал Рапава. Непосредственно следствие по делу Бедии вели Савицкий к Парамонову. Последним 3 октября 1937 г. было подписано постановление о предъявлении обвинения Бедии в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-8 УК Грузинской ССР. Это постановление было утверждено Гоглидзе. Обвинительное заключение по делу Бедии подписали Савицкий и Парамонов, а утвердил нарком внутренних дел Грузии Гоглидзе.

К делу Бедии имел отношение и Кримян, принудивший других арестованных дать ложные показания о том, что Бедия является членом контрреволюционной организации правых, готовившей террористический акт в отношении Берии. Хазан подписал постановление об избрании в отношении Бедии меры пресечения (ареста) и постановление о предъявлении ему обвинения.

Савицкий и Парамонов известными методами заставили Бедю признать себя виновным в том, что он участвовал в подготовке террористического акта в отношении Берии. А этого было вполне достаточно, чтобы быть расстрелянным.

Бедю допрашивая сам Берия. На этом допросе Бедия отказался от своих показаний, но этот отказ, как показал Хазан, не был отражён в материалах дела.

Обращает на себя внимание такой факт. Составленное Савицким и Парамоновым обвинительное заключение по делу Бедии утверждено 2 декабря 1937 г., а постановление о предъявлении ему дополнительного обвинения вынесено 3 декабря 1937 г. Ни с этим постановлением, ни вообще с материалами дела Савицкий и Парамонов не ознакомили Бедию, хотя в соответствии с действовавшим законодательством они обязаны были это сделать. Увы, это не единственный такой случай в практике органов НКВД тех лет.

Дело Бедии направили на рассмотрение тройки при НКВД Грузинской ССР, по постановлению которой он был расстрелян. В её заседании участвовал Церетели, а дело Бедии докладывал Парамонов.

Определением военного трибунала Закавказского военного округа от 1 сентября 1955 г. Бедия был реабилитирован.

Репрессировали и жену Бедии – Нину. Следствие по её делу вёл Савицкий, а Парамонов участвовал в её допросе. В суде он показал, что в деле Нины Бедия не было доказательств, которые бы подтверждали обоснованность её привлечения к уголовной ответственности. Но на основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР Нина Бедия была расстреляна.

Выслушивая показания свидетелей и подсудимых по обвинениям, предъявленным Рухадзе, суд и присутствовавшие в зале суда убедились в том, какое беззаконие творилось в Гагрском отделе НКВД Грузинской ССР, в то время, когда начальником его был Рухадзе. Об этом дал развёрнутые показания свидетель В.Н. Васильев – тогдашний заместитель Рухадзе.

Он показал, что незаконные методы ведения следствия в Гагрском городском отделе НКВД Грузинской ССР начали применяться с лета 1937 г. после того, как Рухадзе, возвратившись с совещания из Сухуми, разъяснил оперативному составу горотдела и оперативных пунктов НКВД, что имеется установка о применении к арестованным мер физического воздействия и указал, что следствие нужно вести упрощённо. Те следователи, которые не будут выполнять эти указания, будут считаться пособниками врагов народа.

В 1937 г., показал Васильев, все камеры Гагрского городского отдела НКВД Грузинской ССР были забиты арестованными до

отказа, они не могли даже сесть и стояли. Чтобы отвести арестованного на допрос, его приводилось буквально вытаскивать из камеры. Случалось, некоторые арестованные умирали в камерах, и продолжали стоять вместе с живыми. Следствие же шло своим чередом. Дело дошло до того, что для оперативных работников была установлена норма – заканчивать в день 10 следственных дел, которые направлялись на рассмотрение тройки при НКВД Грузинской ССР. Как видим, особой тщательности при расследовании дел, подлежавших рассмотрению на заседаниях «тройки» не наблюдалось.

Рухадзе изобрёл новую форму проведения очных ставок и получения в результате этого нужных следствию показаний – в ходе их проведения он заставлял арестованных избивать друга. Случалось, что во время допросов арестованных убивали. В этих случаях во врачебных заключениях указывалось, что смерть арестованного наступила «от разрыва сердца».

Как заявил Васильев, прокуратура фактически была отстранена от надзора за законностью производившихся арестов. Он привёл такой пример.

Однажды в камеры к арестованным вместе с Рухадзе пришёл прокурор, который стал задавать арестованным вопросы на турецком языке. Рухадзе, знавший этот язык, сделал вид, что он ничего не понимает, а потом рапортом донёс, что прокурор задавал арестованным провокационные вопросы.

Рухадзе подтвердил показания свидетеля Васильева, но даже без этого было достаточно доказательств беззакония, творившегося в Гаграх.

Свидетель Васильев рассказал и о том, как он пытался воспротивиться незаконным методам следствиями, и чем для него это закончилось.

Он неоднократно обращался к Рухадзе и Пачулии (наркому внутренних дел Абхазии), которых пытался убедить в недопустимости незаконных методов ведения следствия, но они его «посчитали дураком». Писал он и Ежову, но ответа так и не получил. Не получил он ответа и от заместителя Ежова Фриновского, которому также писал. В конечном итоге его вызвали к наркому внутренних дел Грузии Гоглидзе и заставили написать объяснение. На одном из партийных собраний сменивший Рухадзе А. Кобулов

(брат Б. Кобулова) заявил, что он, Васильев, пишет клеветнические заявления, разводит склоку. Разбор его дела перенесли в Тбилиси. В течение четырёх месяцев он писал различные объяснения. Его исключили из партии, но районный комитет партии это решение не утвердил, а ограничился строгим выговором с последним предупреждением.

Остаётся лишь гадать, почему Васильев так легко отделался. Он и сам в суде с недоумением задавал этот вопрос. Одним словом, ему просто повезло.

Именно Рухадзе первым продемонстрировал применение новых методов ведения следствия в ходе расследования дела Леткемана и других, обвинявшихся в шпионской деятельности в пользу Германии и в подготовке террористических актов.

В судебном заседании были рассмотрены документы этого дела, из содержания которых следовало, что инициатором возбуждения этого дела был Рухадзе. Вспомним, что в своей «оперативной биографии» он ставил себе в заслугу «разоблачение» Леткемана и других арестованных с ним лиц.

Первым арестовали Г.И. Леткемана, немца по национальности, заведующего пчеловодческим хозяйством совхоза им. 3-го Интернационала Гагрского района. Более месяца его жестоко избивали, ставили на длительное время с поднятыми руками в угол, не давали есть и отпирать естественные надобности. В результате всего этого Леткеман вынужден был дать показания о «вредительстве в пчеловодстве». Но на этом разоблачение не закончилось. Леткемана раздевали догола и нещадно били по всем частям тела, петлёй сдавливали его половые органы. После таких допросов Леткеман дал показания о десятках «шпионов, резидентов и подрезидентов».

На основании показаний Леткемана были арестованы: табаковод-единоличник Али Мамедович Шалаб оглы, крестьянин-середняк Давлет Мустафаевич Пипин оглы, табаковод Шевки Мустафаевич Пипин оглы, технорук совхоза им. 3-го Интернационала А.Д. Богуславский, секретарь Аптекоуправления города Сухуми Д.Д. Беляев, заведующий питомником Гудаутского райлесхоза Г.В. Семенкович, швейцар дома отдыха В.К. Платонов, пчеловод совхоза «Кохара» В.М. Рудь, пчеловод А.А. Педан, пчеловод совхоза им. 3-го Интернационала А.С. Наумов и колхозник М.А. Устьян.

Был арестован и заведующий отделом экономики и труда совхоза имени 3-го Интернационала Е.Ф. Гохбаум, немец по национальности, который, будучи агентом НКВД, донёс на Леткемана. Однако, как видим, самому ему избежать ареста не удалось. Рухадзе, разоблачая «врагов народа», не жалел и своих.

Отвечая на вопрос, кто избивал арестованных по делу Леткемана и других, Рухадзе в суде ответил: «В отношении Леткемана лично я совместно с другими сотрудниками, а к остальным арестованным репрессии применялись без моего участия». Леткеман он избивал верёвкой по пяткам. Избивал его потому, что «Леткеман отказывался давать признательные показания, а мы были уверены в его виновности, и так как на избиение была санкция, то мы его избивали», – пояснил Рухадзе. Странная, а, скорее, страшная логика: зачем же избивать, если уже знаешь, что перед тобой преступник? А дело в том, что все же требовались какие-то доказательства виновности. Поскольку же таких доказательств не было, и быть не могло, так как никаких преступлений арестованные не совершали, то активно добывалась «царица доказательств» – признание арестованного в совершении преступления. Такие признания получались в результате жесточайших избиений и других изощрённых пыток. Арестованные вынуждены были оговаривать себя и других в совершении тяжких преступлений. Борцов с «врагами народа» это вполне устраивало.

Об избииении Рухадзе арестованного Леткемана показали допрошенные в суде в качестве свидетелей бывший нарком внутренних дел Абхазской АССР Г.А. Пачулия, а также работавший в 1937 г. начальником оперативного пункта на мысе Пицунда и подчинявшийся Рухадзе, Я.П. Постолов. В присутствии последнего Рухадзе избивал Леткемана жгутом, требуя дать показания о своей преступной деятельности.

Свидетель Свиридов, расследовавший дело Леткемана, также показал, что именно с этого дела начались массовые избияения арестованных. При этом Свиридов старательно обходил свою причастность к избииению арестованных по данному делу лиц. Между тем, он документально оформлял это дело, вёл протоколы допросов, составлял постановления о предъявлении обвинения и обвинительное заключение по этому делу, доложил его на заседании «тройки» при НКВД Грузинской ССР. Однако он подробно

рассказал, каким издевательствам именно Рухадзе подвергал Леткемана.

Трудно было поверить в то, что следователь Свиридов не избивал арестованных, но в сентябре 1955 г. судили не его, и поэтому в суде фактически так и не выяснили, причастен ли Свиридов к избитию арестованных по делу Леткемана и других.

В ходе следствия Леткеман неоднократно отказывался от дававшихся им показаний. Отказывались от своих показаний и другие обвиняемые. Богуславский, Устьян, Платонов, Рудь и Наумов вообще не признали себя виновными. Это и понятно: ведь они не совершали никаких преступлений.

Богуславский в заявлении от 24 августа 1937 г. писал: «[...] Я готов мужественно перенести все ваши пытки, потому что незаслуженный позор, обречение на голодное существование моей семьи – сильнее смерти». Действительно, нужно было обладать большим мужеством, чтобы так открыто выразить своё отношение к палачам, фальсифицировавшим дело в отношении ни в чём не виновных людей.

После завершения следствия по делу Леткемана и было составлено обвинительное заключение, которое подписал Рухадзе, а утвердил Пачулия. Дело было направлено на рассмотрение тройки при НКВД Грузинской ССР. По её постановлению от 26 сентября 1937 г. обвиняемые были приговорены к расстрелу. Единственным исключением оказался Устьян, которого приговорили к лишению свободы сроком на 10 лет.

Согласно обвинительному заключению, Леткеман признан виновным в том, что, являясь агентом иностранной разведки, готовил «террористический акт над вождём народа и другими членами союзного правительства, насадил шпионско-разведывательную сеть в совхозе им.3-го Интернационала, проводил широкую вредительскую работу по пчеловодству, причинив ущерб в сумме 104 тысяч руб.». А.М. Шалаб оглы, Д.М. Пипин оглы, Ш.М. Пипин оглы входили в созданную Леткеманом террористическую группу. Талаб оглы, кроме того, передавал Леткеману шпионские сведения. Богуславский, Беляев, Семенкович и Платонов, будучи завербованными Леткеманом в шпионскую агентуру, снабжали его информацией об экономическом положении совхоза и предприятий, в которых они работали. Упомянутый агент НКВД Гох-

баум являлся подрезидентом (?! – *Н.С.*) в шпионско-разведывательной сети Леткемана. Рудь, Педан и Наумов по заданию Леткемана проводили вредительство в области пчеловодства, а Устьян, не зная, что Гохбаум является агентом германской разведки, сообщал ему о политических настроениях колхозников.

Разумеется, в материалах дела, кроме общих слов, ни одного конкретного преступного действия обвиняемых не зафиксировано. Удивляться на приходится, это было характерным для абсолютного большинства дел, но которым привлекались к уголовной ответственности «враги народа». Любопытно посмотреть, какие показания дал Леткеман. По его признанию, им собирались такие шпионские сведения для германской разведки, как данные о состоянии пчеловодства в Гагрском районе и количестве заготовленных в 1936 г. дров в Бзыбском районе. Комментарии излишни...

Тем же методом было сфальсифицировано дело о «Дашнакской контрреволюционной организации в Гагрском районе».

Как уже говорилось, согласно приговору специального присутствия Верховного Суда Абхазской АССР, «лакобовская» контрреволюционная организация в своей враждебной деятельности была связана с «дашнакской контрреволюционной организацией», существовавшей в Гагрском районе республики. Такую организацию «создал» начальник Гагрского отдела НКВД Грузии Рухадзе. Он же и «разоблачил» эту «антисоветскую организацию», за принадлежность к которой на основании постановлений тройки при НКВД Грузинской ССР в 1937 г. были расстреляны 18 человек, и 11 человек были приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет каждый. Среди них в основном были неграмотные и малограмотные крестьяне.

Как было сфальсифицировано это дело? В результате проведенной в 1954 г. Главной военной прокуратурой проверки было установлено следующее.

В октябре 1936 г. в адрес руководящих партийных работников Армянской ССР поступили анонимные письма националистического характера. Письма эти были из города Белореченска Краснодарского края. Для выявления авторов писем туда был командирован агент НКВД Армянской ССР «Ануш». Он донёс, что в Белореченске выявил группу националистически настроенных лиц армянской национальности, в которую входили учителя

Т.К. Хантемирян и М.М. Кундахчян. Именно они и являлись авторами названных писем. «Ануш» также сообщил, что участники Белореченской группы поддерживают связь с некоторыми жителями Гагрского района, в частности, с отцом и братом М.М. Кундахчяна и О.К. Кундахчяном (все они впоследствии были расстреляны) и с жителем города Ленинакана Армянской ССР С.О. Зандаряном.

Для выявления этих связей агент «Ануш» передается в распоряжение Рухадзе. А вот дальше с точки зрения здравого смысла и элементарной порядочности, происходит, казалось бы, невероятное. Хотя в то время такое не было редкостью.

Рухадзе, не располагая никакими данными о наличии контрреволюционной дашнакской организации в Гагрском районе, направляет туда агента «Ануша» и даёт ему явно провокационное задание создать такую организацию. Об этом убедительно свидетельствуют конкретные указания, которые Рухадзе дал «Анушу» в феврале 1937 г.

Вот эти указания. Приведу их полностью.

1. Вести себя очень осторожно.
2. То же поручить членам дашнакской организации.
3. Письменным протоколом оформить дашнакскую организацию с подписями всех членов и выбрать руководство этой организации.
4. Изучить настроение народа.
5. Учесть недовольство.
6. Поручить членам дашнакской организации вести агитацию против проводимых мероприятий советской власти.
7. Установить и собирать членские взносы.
8. Учесть оружие, имеющееся у населения.
9. Настроить приобрести оружие.
10. Изучить письменно характер каждого члена партии.
11. Дать указание о формировании организации.
12. Поручить членам организации вести антисоветскую работу в колхозе.
13. Установить живую связь с Белореченском через Мисака Кундахчяна (брата М.М. Кундахчяна. – *Н.С.*).
14. Выяснить и связаться с другими районами Абхазии, если есть там организации или отдельные контрреволюционные элементы.

15. Письменно и официально оформить Зандаряна в качестве связчика между дашнаками Абхазии, Армении и Ахалкалакским районом.

16. Поручить членам организации выяснять лиц, подозреваемых в связях с органами НКВД».

Как видим, формулировки указаний не блещут красотой стиля, но направленность их выражена достаточно чётко: создать внушительную «контрреволюционную организацию», разоблачение которой явилось бы большой заслугой Рухадзе.

Агент «Ануш» выполнил эти указания Рухадзе. Совместно с Зандаряном принял меры к «оформлению» дашнакской организации, в частности, было проведено собрание, на котором «Ануш» выступил как представитель «центра дашнаков Армении», дал указание об избрании руководящей тройки. Всё это было оформлено протоколом.

Созданную таким образом «антисоветскую организацию» Рухадзе затем «разоблачил». 15 апреля 1937 г. он начал производить массовые аресты жителей Гагрского района, предъявляя им обвинение в принадлежности к контрреволюционной дашнакской организации. Из содержания докладных записок Рухадзе видно, что с 15 апреля по 5 августа 1937 г. было арестовано как членов указанной организации 80 жителей Гагрского района. Эти лица, как утверждал Рухадзе, являлись «членами контрреволюционной дашнакской организации, разветвлённой на территории Грузинской ССР и Азово-Черноморского края».

При рассмотрении материалов более семидесяти дел на лиц, обвинявшихся в участии в указанной организации, установлено, что все постановления об избрании мер пресечения в отношении этих лиц, обвинительные заключения по их делам и другие следственные документы подписаны Рухадзе.

По прямому указанию Рухадзе, что он и не отрицал в суде, арестованных жестоко избивали, чтобы добиться от них признания в антисоветской деятельности. Установлено, некоторые из арестованных были убиты во время допросов.

О том, как фальсифицировалось это дело и велось по нему следствие, рассказали в суде бывшие арестованные по обвинению в принадлежности к «дашнакской контрреволюционной организации».

Колхозник, бывший секретарь комсомольской организации колхоза Х.А. Эрьян, постановлением тройки при НКВД Грузинской ССР от 15 сентября 1937 г. лишенный свободы сроком на 10 лет, рассказал, что 16 или 17 июля к нему пришли работники НКВД и попросили назвать самых активных комсомольцев и их родственников. Ночью этих людей стали арестовывать. Был арестован и он. Его допрашивал оперативный работник Гагрского отдела НКВД Грузинской ССР Калашян, по существу палач, как охарактеризовал его Эрьян. Калашян убеждал его признаться в том, что он является членом контрреволюционной дашнакской организации, но Эрьян отказался от этого предложения.

Через несколько дней его поставили на «стойку» – заставили вытянуть руки перед собой, и как только он опускал руки, его били. На допросах Эрьяна били шомполом и резиновом шлангом, но он ни в чём не признал себя виновным. Тем не менее его лишили свободы на 10 лет.

Эрьян заявил, это в Гагрском районе в 1937 г. в застенках НКВД людей было больше, чем жителей этого района на фронтах Великой Отечественной войны.

Калашян, допрашивая и арестованного М.Е. Чакряна, которого он также избивал, добиваясь признания а принадлежности к антисоветской организации. В присутствии Рухадзе он провёл очную ставку между Чакряном и тоже арестованным Демерчаном. Поскольку ни тот, ни другой не признавали себя виновными, их заставили поочередно избивать друг друга палкой. Рухадзе при этом заходился в неудержимом смехе.

По «дашнакскому делу» был арестован и колхозник Г.К. Айба. Как он показал в суде, его поместили в камеру размером четыре на четыре метра. В ней содержалось до семидесяти арестованных. Во время одного из допросов, на котором он не признавал себя виновным, в кабинет следователя зашёл Рухадзе и заявил, что его, Айбу, завербовали в антисоветскую организацию и вышел. После этого Айбу жестоко избивали, и лишь к утру в камере он пришёл в себя. В эту же камеру бросили и избитого Нестора Кетию, который к утру скончался. Выше уже рассказывалось, как его на очной ставке его избивал брат Иснат.

В суде был допрошен и упоминавшийся Калашян. Его показания, как и показания других подобных свидетелей, были весьма

сдержанными. Он заявил, что допросил всего лишь 8–10 арестованных. Не отрицал того, что избивал арестованных, но делал это по указанию Рухадзе.

Свидетель Васильев также рассказал о том, как фальсифицировалось «дело дашнаков». Основным и, пожалуй, единственным способом сбора доказательств виновности арестованных являлось их жестокое избиение, проводившееся до указания Рухадзе, который руководил следствием по этому делу.

Так, основной обвиняемый Ованес Крикорович Кундахчян, родившийся в 1891 г., малограмотный крестьянин, был так избит, что не мог ни стоять, ни сидеть, ни лежать. Он стоял на четвереньках и в таком положении давал показания.

Дело «дашнаков» намеревались передать на рассмотрение выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР, однако этого не было сделано. На рассмотрение «тройки» при НКВД Грузинской ССР были направлены дела лишь на 25 человек. На основании её постановлений от 15 сентября 1937 г. 15 человек были расстреляны, а 10 человек лишены свободы сроком на 10 лет каждый.

Обвинительное заключение в отношении этих 25 человек утверждено Рапаовой.

В отношении остальных арестованных дела были прекращены. Но как? 23 сентября 1937 г. в отношении каждого из них были вынесены одинаковые заключения, согласно которым они признавались виновными в контрреволюционной дашнакской деятельности, но поскольку, указывалось в этих заключениях, «они чистосердечно раскаялись и не совершили иных преступлений, а поэтому не представляют социальной опасности», вследствие чего уголовное преследование в отношении этих лиц прекращается и они освобождаются из-под стражи. Однако, вскоре некоторых из них вновь арестовали. На основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР от 14 октября 1937 г. С.М. Устьяна лишили свободы сроком на 10 лет. По постановлению той же тройки от 20 ноября 1937 г. был расстрелян А.А. Ичмелян, а по постановлению от 8 марта 1938 г. – М.П. Антонян и А.Х. Пашьян.

Вот так закончилось дело о «дашнакской контрреволюционной организации», якобы действовавшей в Гагрском районе Абхазской АССР. Рухадзе убедительно продемонстрировал своё умение разоблачать затаившихся «врагов народа».

В то время считалось, что показателем в работе сотрудников НКВД является количество не только разоблачённых «врагов народа», но и число групповых дел, направленных на рассмотрение судов и троек.

Ещё одним таким делом было так называемое дело жителей Мамукинской деревни, необоснованно обвинённых в совершении тяжких преступлений.

Началом к расправе над жителями этой деревни послужило осуждение к расстрелу 3 октября 1937 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР сотрудника НКВД Грузинской ССР Н.Д. Давидова, обвинённого в участии в антисоветском заговоре, ставившем своей целью свержение Советской власти. При этом Давидов якобы изъявлял желание лично совершить террористический акт в отношении Гоглидзе и Кобулова.

Давидов был арестован Хазаном на основании ордера, подписанного Рапавой. Он же вынес постановление о предъявлении Давидову обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-10 и 58-11 УК Грузинской ССР.

К фальсификации дела в отношении Давидова приложил руку и Кримац. Допрашивая арестованного Дзидзигури, он добился от него показаний, «изобличивших» Давидова в совершении тяжких преступлений. Реальных же доказательств его виновности в совершении каких бы то ни было преступлений не имелось. Да, были его показания на предварительном следствии о признании себя виновным, однако в суде он отказался от этих показаний, как от вынужденных, данных им в результате избиения, которым он подвергался в ходе следствия. В суде Давидов также утверждал, что допрошенные свидетели оговорили его.

После осуждения и расстрела Давидова события развивались так. Секретный сотрудник НКВД Мчедлишвили донёс, что, проходя мимо пивной в Мамукинской деревне, он услышал высказывания находившихся там братьев Давидовых, братьев Манучаровых, а также Капанидзе и Багдасарова, которые возмущались арестом и осуждением Н.Д. Давидова и говорили, что за это нужно «уничтожить Гоглидзе и Кобулова».

Допрошенный в 1953 г. по делу Берии и других Мчедлишвили показал, что он оговорил братьев Давидовых и других жителей Мамукинской деревни. Как он считал, его донесение и показания нужны были работникам НКВД «для какой-то цели».

Получив такие «доказательства», Савицкий составил на названных Мchedlishvili лиц справки, в которых утверждалось, что они избочливаются «в ведении злостной контрреволюционной агитации и в террористических настроениях». Всех их арестовали. Как показал в суде Савицкий, при составлении справок на жителей Мамукинской деревни он располагал лишь донесением Мchedlishvili.

Братья Саркис и Александр Давидовы, М. Капанидзе, Г., В. и К. Манучаровы, Н. Размадзе, Д. Ростомов и А. Багдасаров были обвинены в организации террористической группы, ставившей своей целью убить Гоглидзе и Кобулова. На основании постановлений тройки при НКВД Грузинской ССР от 23 мая 1938 г. все они были расстреляны.

Эти постановления были подписаны лишь двумя членами тройки – Кобуловым и Церетели. Здесь возникают по меньшей мере два вопроса. Во-первых, вправе ли был Кобулов участвовать в рассмотрении дел на жителей Мамукинской деревни, которые «хотели его убить»? И второй: почему постановления подписаны лишь двумя членами «тройки»?

Отвечая на первый вопрос, приходится констатировать, что в деятельности органов НКВД того времени нормы общечеловеческой нравственности вообще отсутствовали, не говоря о том, что не соблюдались даже формально существовавшие правила, регламентировавшие порядок расследования и разрешения уголовных дел. Ну, а что касается второго вопроса, то такой мелочи, как неучастие прокурора республики в заседании тройки (а он входил в её состав), вообще не придавалось никакого значения.

Допрошенный в суде свидетель А.Н. Морозов – бывший секретарь тройки при НКВД Грузинской ССР, подтвердил, что постановления по делам жителей Мамукинской деревни действительно подписаны лишь Кобуловым и Церетели. На его вопрос, почему эти постановления не подписаны прокурором, Кобулов ответил, что прокурор подпишет позже, но почему-то он к ним не пришёл, видимо, забыл.

Этот же свидетель опроверг утверждение Церетели, что он участвовал не во всех заседаниях тройки. Морозов также пояснил, что со стороны Церетели по существу рассматривавшихся тройкой дел никогда и никаких возражений или замечаний не было.

Показания свидетеля Морозова подтвердил в суде Рапава.

Ну, а что касается «какой-то цели», о которой говорил Мчедлишвили, ради которой были расстреляны ни в чём не повинные жители Мамукинской деревни, то она ясна. Гоглидзе и Кобулову необходимо было предстать перед общественным мнением возможными жертвами «врагов народа», которые стремятся их уничтожить, поскольку они (Гоглидзе и Кобулов) являются истинными защитниками Советской власти от посягательств врагов, проникших во все слои населения и все сферы общества. Тогда было весьма престижным оказаться возможной жертвой «врагов народа».

Определениями Военной коллегии Верховного суда СССР от 13 марта 1954 г. все осуждённые по указанным делам реабилитированы, и дела в их отношении прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

При пересмотре дела по обвинению Саркиса Давидова Военной коллегией было вынесено частное определение в отношении Мчедлишвили, которое было направлено Главному военному прокурору для возбуждения уголовного преследования в отношении Мчедлишвили, давшего ложные показания в отношении братьев Давидовых и других лиц. Ведь именно эти показания послужили основанием для возбуждения дел в отношении жителей Мамукинской деревни по обвинению их в совершении тяжких преступлений.

Результативность работы сотрудников органов НКВД определялась и тем, насколько успешно они изобличали в преступной деятельности видных партийных, государственных и хозяйственных работников.

Как и в других регионах страны, в Грузии в годы сталинщины были уничтожены почти все активные участники революционного движения в Закавказье, которые впоследствии возглавляли Компартию и Совнарком Грузии, наркоматы республики.

Одним из них был Михаил Иванович Кахиани, член партии с 1917 г., бывший секретарь ЦК КП/б/ Грузии. В 1929 г. он покинул Грузию, являлся одним из секретарей Среднеазиатского бюро ЦК ВКП/б/, членом редколлегии «Правды», а к моменту ареста он был членом Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП/б/ по Орджоникидзевскому краю. Кахиани был близким

другом Серго Орджоникидзе и в течение ряда лет работал вместе с ним. Поскольку, как уже говорилось, Серго питал политическое недоверие к Берии, последний принял меры к уничтожению не только родных Серго Орджоникидзе, но и тех, кто был рядом с ним. Вот и с Кахиани подсудимые по делу Рапавы, Рухадзе и других расправились беспощадно.

Поводом к аресту Кахиани явились ложные показания других арестованных, полученные в результате их избиений. Кахиани арестовали в городе Ставрополе 4 августа 1937 г. на основании постановления Хазана. Затем его этапировали в Грузию. Постановление о предъявлении обвинения Кахиани вынесено также Хазаном.

Вместе с Гоглидзе и Кобуловым следствие по делу Кахиани вели Крымян, Савицкий, Парамонов и Хазан. Именно этим сотрудникам НКВД Грузии поручалось непосредственное исполнение наиболее важных, по мнению Берии, Гоглидзе и Кобулова, заданий по уничтожению неугодных им людей. И, как это было установлено в ходе судебного разбирательства, они успешно справлялись с такими заданиями. Эти люди добились признательных показаний от арестованных, которые оговаривали не только себя, но и большое число ни в чём не повинных людей.

Установлено, что первые показания о своей преступной деятельности Кахиани дал в августе 1937 г. Допрашивал Кахиани в тот раз Крымян. В показаниях, как они изложены в протоколе допроса, Кахиани утверждал, что за короткий срок он создал в горах широкую сеть повстанческих групп, которые должны были поднять вооружённое восстание против Советской власти во время вторжения английских войск на территорию СССР. Кроме того, он якобы намеревался совершить террористический акт в отношении Берии.

Далее Кахиани допрашивали также Берия с Гоглидзе, которые, как показал Крымян, избивали его. На этом допросе Кахиани полностью отказался от показаний, данных Крымяну, и заявил последнему отвод, который был удовлетворён. Но это было лицемерием. Устранение Крымяна от следствия по делу Кахиани ничего не изменило – Кахиани, как и многие другие, был обречён на гибель с момента своего ареста.

Расследование дела Кахиани поручили Савицкому и Парамонову. Как и всегда, с этим заданием они справились успешно.

Кахиани «признался» им в том, что готовился к совершению террористического акта в отношении Сталина, Молотова и Кагановича во время приёма ими руководящих работников Северного Кавказа. Намеревался якобы убить и руководящих работников ЗСФСР, в том числе и Берию. Кахиани, указывалось в протоколе его допроса, также распространял клеветнические измышления в отношении Берии, вовлёл в преступную контрреволюционную деятельность многих руководящих работников Северного Кавказа, создавал вооружённые повстанческие группы.

Савицкий и Парамонов на допросе 26 августа 1937 г. получили также показания, что Серго Орджоникидзе был осведомлён о контрреволюционной деятельности бывших руководящих работников ЗСФСР.

В тюремной камере с Кахиани находился осведомитель, который сообщал, что именно говорил Кахиани, как оценивал положение, в котором оказался. Фактически это был один из источников «доказательств», избличавших Кахиани в его «враждебной деятельности».

Обвинительное заключение по делу Кахиани подписали Савицкий и Парамонов, а утвердил Гоглидзе. Дело Кахиани на заседании тройки при НКВД Грузинской ССР докладывал Парамонов. На основании её постановления от 3 декабря 1937 г. Кахиани был расстрелян.

С участием Парамонова в 1936 г. был избит во время допроса арестованный Чахвадзе, который в результате этого дал ложные показания, что бывший секретарь ЦК КП/б/ Грузии Л.Д. Гогоберидзе и бывший секретарь Закрайкома ВКП/б/ М.Д. Орахелашвили являлись участниками контрреволюционной организации «правых».

Вскоре Гогоберидзе арестовали в Ростове-на-Дону, где он являлся секретарём Сталинского райкома ВКП/б/. Затем его этапировали в Тбилиси, где и велось следствие по его делу.

Кто такой Гогоберидзе? Родился он в 1896 г. в Кутаисской губернии в семье дворянина. В 1916 г. вступил в партию большевиков. Активно участвовал в борьбе за советскую власть в Закавказье. В 1917 г. – заместитель председателя Дживизликского Совета, а с февраля 1918 г. – член Бюро Бакинского комитета РКП/б/ и одновременно – член Кавказского краевого комитета РКП/б/. После

падения Бакинской коммуны 31 июля 1918 г. оставался в Баку. В мае 1919 г. являлся одним из руководителей стачки бакинских рабочих против правительства мусаватистов. В марте–июне 1921 г. возглавлял Тифлисский ревком, затем был секретарём Тифлисского комитета РКП/б/. В 1923–1924 гг. – заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров Грузии, а в 1924–1925 гг. – секретарь Аджарского обкома партии. В 1925–1926 гг. находился на дипломатической работе в Париже. В 1926–1930 гг. – секретарь ЦК КП/б/ Грузии. В 1930–1934 гг. учился в Институте красной профессуры. Работал в наркомате снабжения СССР, а затем находился на партийных должностях.

После ареста Гогоберидзе подвергали жестоким пыткам, в результате чего он вынужден был оговорить себя в совершении тяжких преступлений.

27 ноября 1936 г. Гогоберидзе было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 56-10 и 56-11 УК РСФСР, то есть в проведении антисоветской агитации и в том, что являлся членом антисоветской организации. За эти преступления не предусматривалось такое наказание, как смертная казнь.

Далее 17 марта 1938 г. от Гогоберидзе получили признание в том, что он готовил террористический акт в отношении Сталина. Однако, как того требовало действовавшее уголовно-процессуальное законодательство, нового обвинения в террористической деятельности ему не предъявлялось. А суду он был предан по обвинению в террористической деятельности, и на основании приговора от 21 марта 1938 г. выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР, признавшей Гогоберидзе виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-8 (террор) и 58-11 УК РСФСР. В тот же день он был расстрелян.

Таким образом, было допущено грубейшее нарушение уголовно-процессуального законодательства: Гогоберидзе был предан суду и осужден за преступления, которые ему на предварительном следствии не вменялись.

Как и многие другие, Гогоберидзе был признан виновным в совершении чудовищных преступлений. В приговоре указано, что он якобы являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, совершившей 1 декабря 1934 г.

убийство С.М. Кирова и подготавливавшей в 1934–1936 гг. террористические акты в отношении руководителей ВКП/б/ и Советского правительства, принимал участие в подготовке террористического акта в отношении Сталина. Но никаких конкретных доказательств виновности его в совершении какого-либо преступления в материалах дела не имеется. Не приведены они и в приговоре. Откуда им взяться, если Гогоберидзе действительно не совершал никаких преступлений.

Все дело в том, что Гогоберидзе находился в Баку в то время, когда Берия нёс службу в мусаватистской контрразведке. Об этом Гогоберидзе говорил Серго Орджоникидзе. Зная это, Берия, естественно, не мог оставить в живых свидетеля, прямо скажем, тёмных страниц его жизни. И Берия руками своих подручных расправился с Гогоберидзе.

Были расстреляны и бывшие секретари ЦК КП/б/ Грузии П.С. Агниашвили и Самсон Мамулия. В фальсификации дела по обвинению Мамулии участвовал и Хазан. Именно он подписал постановления на арест и предъявлении обвинения Мамулии. Это он сделал, как пояснил в суде сам Хазан, потому, что ему было сказано о наличии на этот счёт специального решения «инстанции», каковой в то время в Грузии являлся Берия.

Не избежали этой участи и партийные работники рангом ниже. Один из них – Г. Долидзе, заведующий отделом ЦК КП/б/ Грузии, а затем секретарь районного комитета партии. В расследовании его дела участвовал Хазан.

Перед расстрелом Долидзе написал заявление, содержащееся в его деле. Привожу дословно этот документ: «Л.П. Берия, С.А. Гоглидзе, говорю своё последнее слово вам. Я и вместе со мной весьма многие преданные сыны нашей Великой Сталинской партии ни в чём не виноваты. Мы погибаем благодаря провокации врагов, которые сумели оговорить лучших преданных товарищей. Система же следствия в нашем органе НКВД такова, что оговор врагов находит подтверждение, от нас не выслушивают никаких оправданий, никаких доводов, заставляют подписывать и показывать всякую чушь и ерунду. Говорят, были и такие, которые ничего не показывали, их тоже расстреляли. Кому это нужно, как не врагам. Наши следователи ни в чём не виноваты, они подчинены этой порочной системе следствия, они заранее уверены

в том, что дело имеют с врагами народа. Почему никто не подумает над тем, что враги могут оговорить и честных, преданных людей. На одного врага идут десятки преданных людей ими оговорённых. Почему не подумаете над тем, что весь актив, который не раз доказал свою преданность ленинско-сталинской партии, вдруг стал врагом того строя, за который они боролись, врагами той партии, которая их воспитала и создала, – ведь это ерунда и чушь.

Совершается ужасное и чудовищное дело, истребляются люди, беспредельно преданные вождю партии Великому Сталину.

Моя просьба перед смертью – подумайте над этим. Моё показание, как и многих, сплошной вымысел, надуманный под палкой. Прощайте. Долидзе Г. кам. № 21».

Дело Долидзе расследовалось под руководством Хазана. На процессе по делу Рапавы и других Хазан заметил, что Долидзе правильно охарактеризовал применявшиеся в то время методы следствия.

Видно, что в заявлении Долидзе объективно показаны причины и условия беспрецедентного по масштабам распространения беззаконие и произвола в годы сталинщины. Правда, Долидзе наивно полагал (а много ли было тогда тех, кто считал по-иному?), что Сталин и другие ответственные работники не знают о творившемся беззаконии. Долидзе и абсолютному большинству других необоснованно арестованных трудно было даже вообразить, что к развязыванию невиданного произвола самое непосредственное отношение имеет Сталин. Им трудно было поверить, что их оговаривают не враги, а такие же, как и они, необоснованно арестованные органами НКВД. Но утверждение Долидзе, что в сложившейся системе ни в чём не повинный человек может быть признан виновным в самых невероятных преступлениях и расстрелян, является правильным.

Крайне тяжело было слушать оглашавшиеся в суде заявление Долидзе и другие подобные документы. Нелегко было знакомиться с действительными, а не парадными страницами нашей истории.

Хазан и Савицкий под руководством Берии и с участием Кобулова вели следствие по делу бывшего Председателя Совета Народных Комиссаров Грузинской ССР Германа Андреевича

Мгалоблишвили – активного участника революции 1905–1907 гг. и революционного движения в последующие годы, неоднократно подвергавшегося репрессиям со стороны царской власти.

Основанием к аресту Мгалоблишвили послужили показания его самого о своей «преступной» деятельности, а также показания М.Д. Орахелашвили, бывшего председателя Верховного Суда Грузии И.Б. Болквадзе, П.С. Агниашвили и других – всего 61 человека, «изобличавших» Мгалоблишвили в совершении тяжких преступлений.

Крымян, Хазан, а также допрошенный в суде в качестве свидетеля бывший начальник секретно-политического отдела НКВД Грузинской ССР Давлианидзе подтвердили, что Мгалоблишвили подвергался жестоким избиениям. Давлианидзе, кроме того, показал, что обвиняемого избивал и сам Берия.

Допрошенный в суде Г.М. Барский, являвшийся в 1937 г. помощником начальника 1-го отдела НКВД Грузинской ССР, пояснил, что он видел окровавленного Мгалоблишвили, которого допрашивали Крымян и Савицкий. Он же подтвердил, что особой жестокостью отличались Крымян, Савицкий и Хазан. Последний, кроме того, был чрезвычайно мнителен и подозрителен, считая всех врагами.

Неудивительно, что Мгалоблишвили оговорил не только себя, но и многих других, хотя они никогда никаких преступлений не совершали.

Так, в заявлении от 8 июля 1937 г. в НКВД Грузии Мгалоблишвили указывал, что в контрреволюционную организацию его завербовал Буду Мдивани. Кстати, последний тоже необоснованно был признан виновным в совершении особо опасных государственных преступлений. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 29 сентября 1956 г. дело в отношении Мдивани было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Мгалоблишвили признал себя виновным и в шпионской деятельности в пользу германской, английской, японской, французской и итальянской разведок. И этой деятельностью, согласно его показаниям, занимались около 40 человек. В частности, Мгалоблишвили назвал в их числе П.С. Агниашвили, Ш.З. Элиаву и других видных государственных и политических деятелей. Получалось,

что Мгалоблишвили был шпионом сразу пяти капиталистических государств. Но это выглядело настолько неправдоподобно, если не сказать несуразно, что, видимо, поэтому в приговоре военной коллегии Верховного Суда СССР, рассмотревшей дело Мгалоблишвили 4 октября 1937 г. и приговорившей его к расстрелу, в этой части утверждалось о принадлежности его к разведке лишь «одного из иностранных государств».

Признал себя виновным Мгалоблишвили и в том, что вместе с Тенгизом Жгенти (он покончил жизнь самоубийством. – *Н.С.*) готовил террористические акты в отношении Сталина, Берии и Гоглидзе, а совместно с П.С. Агниашвили руководил деятельностью контрреволюционного центра в войсках Закавказского военного округа.

Военной коллегии Мгалоблишвили был признан виновным и в том, что он в 1933 г. создал и возглавил «центральную организацию правых» в Грузии, руководил всей террористической, повстанческой, вредительской и диверсионной деятельностью этой организации, ставившей своей целью отторжение Грузии от Советского Союза, создание самостоятельного буржуазного государства под протекторатом одной из капиталистических держав (какой именно, в приговоре не указано).

Конечно же, все эти обвинения были сфальсифицированы в угоду тому, кто стремился стать фактическим властелином Грузии, а именно, Берии. Такие фальсификации осуществлялись и в угоду Сталину, в обоснование его положения об обострении классовой борьбы в ходе строительства социалистического общества. Кроме того, необходимо было показать, что враги действительно проникли во все эшелоны власти, во все партийные структуры. Осуждение же секретарей ЦК КП/б/ и председателя СНК союзной республики являлось убедительным доказательством правильности учения Сталина.

В принадлежности к возглавлявшейся, как было признано, Мгалоблишвили «центральной организации правых в Грузии» обвинялись также председатель Госплана Грузии Ш.С. Матикашвили и директор Грузинского телеграфного агентства Т.Я. Сихарулидзе. В расследовании дела Матикашвили вместе с Кобуловым участвовали Савицкий и Кримян.

Этих обвиняемых тоже нещадно избивали. Их принудили оговорить не только себя, но и других лиц, которые, как и они, не совершали никаких преступлений.

Савицкий в суде рассказал, как он и Крымян вели следствие в отношении Матикашвили. Нет, они его не избивали, но при аресте Матикашвили был обут в тесные ботинки, которые ему не разрешали снимать. Такая изощренная пытка способствовала тому, что обвиняемый во всём признался. Действительно, сотрудникам НКВД не откажешь в способности придумывать изощрённые способы издевательств над арестованными.

Ш.С. Матикашвили был расстрелян на основании приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР от 12 июня 1937 г., а Т.Я. Сихарулидзе – на основании приговора от 13 сентября 1937 г.

Также был арестован председатель Ахалцихского районного исполнительного комитета Георгий Русадзе. Следствие по его делу вёл Крымян. В суде он пояснил, что он «видимо, избил Русадзе на допросе, и тот признал себя виновным». О том, что Крымян избивал Русадзе, подтвердил в суде работавший вместе с Крымяном свидетель В.Г. Арзанов. Он также показал, что у Русадзе требовали назвать его знакомых, фамилии которых Крымян заносил в протокол допроса как членов контрреволюционной организации.

Дело Русадзе на заседании тройки доложил Крымян. На основании её постановления Русадзе был расстрелян. Крымян признал себя виновным в фальсификации этого дела.

Крымян расследовал и дело бывшего заведующего отделом редакции газеты «Заря востока» В.А. Роговского. Он подписал постановление на арест Роговского, который обвинялся в том, что являлся участником антисоветской группы, якобы существовавшей среди журналистов. Крымян добился от Роговского показаний о том, что он и ряд других журналистов, составлявших контрреволюционную организацию, намеревались путём выступления в печати дискредитировать Берия.

Крымян подписал обвинительное заключение по делу Роговского и доложил это дело на заседании тройки, по решению которой Роговский был расстрелян.

Савицкий и Парамонов сфальсифицировали дело по обвинению уполномоченного по заготовкам Джавского района Н.И. Марда-

нова. Постановления на его арест и о предъявлении ему обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 56-10 и 58-11 УК Грузинской ССР, были оформлены Хазаном.

29 октября 1937 г. Парамонов вместе с Савицким допрашивали Марданова. Они принудили последнего признать свою вину в том, что он занимался контрреволюционной деятельностью. Парамоновым подписано постановление о предъявлении Марданову дополнительного обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-8 УК Грузинской ССР.

В числе других Парамонов подписал обвинительное заключение по делу Марданова, которое 2 декабря 1937 г. утвердил Гоглидзе. Парамонов же и доложил 3 декабря 1937 г. это дело на заседании тройки при НКВД Грузинской ССР, на основании постановления которой Марданов был расстрелян.

Считалось, что враги были везде, в том числе и в судах. Одним из них оказался председатель Верховного Суда Грузинской ССР Иван Бежанович Болквадзе.

Он родился в 1879 г., в 1900 г. вступил в партию, активно участвовал в революционной работе, за что неоднократно подвергался репрессиям со стороны царской власти.

Болквадзе арестовал Хазан 10 июня 1937 г., а всего через месяц – 11 июля 1937 г., Военной коллегией Верховного Суда СССР он был осужден к расстрелу.

В суде Хазан пояснил, что основанием к аресту Болквадзе послужили показания, полученные от других арестованных. В этих показаниях утверждалось, что Болквадзе подписал так называемую «платформу 83-х». Но это не соответствует действительности, поскольку среди подписантов фамилия Болквадзе отсутствует.

«Заявление 83-х» было направлено в Центральный Комитет ВКП/б/ 25 мая 1927 г. Авторы заявления отмечали, что, по их мнению, ЦК проводит неправильную линию «в основных вопросах партийной политики».

Далее в заявлении указывалось, в чём именно это выражалось. Так, в нём отмечались определённые успехи в хозяйственном положении страны, обусловленные новой экономической политикой, провозглашенной Лениным. Вместе с тем осуждалась мелкобуржуазная идея «теории социализма в одной стране», обращалось внимание на рост безработицы, ухудшение материального поло-

жения трудящихся, ослабление живой связи партии с рабочим классом, на подбор и расстановку кадров, что осуществлялось не по деловым качествам того или иного работникам, а по тому, как он «прислуживает ближайшему начальству».

Обращалось также внимание на обострение международной обстановки, рост опасности войны, в связи с чем партии следовало бы принять действенные меры к её предотвращению войны или хотя бы к оттягиванию её начала на возможно больший срок, решительно отстаивать политику мира. С этой целью предлагалось «подойти ближе к социал-демократическим и беспартийным рабочим, увлечь их в борьбу против войны...».

Осуждалась линия ЦК ВКП /б/ на исключение постановки спорных вопросов, что рассматривалось ЦК как покушение на единство партии. Таким путём, указывалось в заявлении, создавалось показное единство и официальное благополучие. Заявление подписали Г.Е. Евдокимов, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Муралов, Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, Л.Д. Троцкий, некоторые члены Исполкома Коминтерна. Болквядзе, как уже сказано, это заявление не подписывал.

Дело Болквядзе, расследованное с участием Хазана, не в пример другим делам, разрешено чрезвычайно быстро.

Следствие по делу Болквядзе велось заведённым в ту пору порядком: многочисленные вызовы на допросы, избиения и всего лишь один протокол допроса от 29 июня 1937 г., составленный Хазаном. В этом протоколе значится, что Болквядзе признаёт себя участником контрреволюционной организации правых, в которую его вовлёл в конце 1936 г. Тенгиз Жгенти. На допросе Болквядзе назвал 32-х участников этой организации и рассказал об их практической деятельности. Но всё это он рассказывал, как отмечалось в протоколе допроса, со слов Жгенти.

Что это за человек?

Тенгиз Гигоевич Жгенти родился в 1887 г., член партии большевиков с 1903 г. Участник борьбы за Советскую власть в Закавказье. Он был одним из организаторов Советов солдатских депутатов в Кавказской армии. В декабре 1917 г. на 2-м съезде Кавказской армии был избран членом её Краевого совета, В 1918–1919 гг. Жгенти был членом Одесского ревкома, военкомом и начальником гарнизона Елизаветграда. С конца 1919 г. участвовал

в подготовке вооружённого восстания против мусаватистов в Азербайджане и меньшевиков – в Грузии. С 1921 г. являлся секретарем Аджарского обкома партии, а затем секретарём ЦИК Грузинской ССР.

И в отношении такого человека собирался «компромат». Он знал об этом и чётко представлял, что его ожидает в ближайшем будущем. И не стал ожидать расправы: 24 мая 1937 г. Тенгиз Жгенти покончил с собой. В предсмертных записках семье и Берии он указывал, что ни в чём не виноват. Объясняя свой поступок следствием длительного и незаслуженного гонения и преследования, писал: «Если даже будут говорить сто арестованных, не верьте этим ложным и никому ненужным показаниям».

Но эти показания нужны были тем, кто боролся с «врагами народа», поскольку они признавались бесспорными доказательствами виновности тех, кого на основании этих показаний арестовывали. Что же касается лиц, которые вполне справедливо полагали, что они будут уничтожены и, не дожидаясь этого, кончали с собой, то их показания, вернее то, что им приписывалось устами других арестованных использовалось в качестве источника доказательств виновности пока ещё находившихся на свободе лиц. Арестованных принуждали показывать, что именно эти, покончившие с собой, завербовали их в ту или иную антисоветскую организацию, что именно эти лица рассказывали им о враждебной деятельности других. Так было и с Тенгизом Жгенти.

1 июля 1937 г., то есть за два дня до рассмотрения дела Болквдзе в суде, органы следствия получили от Г.А. Мгалоблишвили показания, что именно он, Мгалоблишвили, завербовал Болквдзе в контрреволюционную организацию правых. Так что «вербовщиков» Болквдзе оказалось несколько. Видимо, здесь не было тесной связи тех, кто вёл следствие по делу Мгалоблишвили с теми, кто расследовал дело Болквдзе.

Обвинительное заключение по делу Болквдзе составлено Хазаном и Твалчрелидзе.

В судебном заседании Болквдзе не признал себя виновным, а от своих показаний на предварительном следствии отказался как от вынужденных, данных им вследствие того, что подвергался жестоким избиениям. В своём последнем слове Болквдзе заявил, что не мог быть врагом Советской власти. Действительно, ведь

он посвятил её становлению всю свою сознательную жизнь. Но кого это тогда интересовало? Ведь кругом были «враги», и их необходимо было уничтожить, кто бы они ни были и какие бы посты ни занимали.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР признала Болквадзе виновным в том, что он являлся участником антисоветской террористической организации правых, в которую его вовлёк Тенгиз Жгенти. Он якобы поддерживал организационную связь с руководителем антисоветской организации правых в Грузии Мгалоблишвили, участвовал в выработке плана действий по проведению диверсионно-вредительских актов на случай войны. Как уже говорилось за совершение мифических преступлений он был приговорен к вполне реальному расстрелу.

Так был уничтожен ещё один «враг народа», всю свою жизнь посвятивший борьбе за его интересы.

На основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР был расстрелян и бывший народный комиссар юстиции ЗСФСР Я.М. Вардзиели. Он был признан виновным в проведении антисоветской агитации и в том, что являлся членом антисоветской организации. Однако наказание в виде расстрела за такие преступления не предусматривалось.

В фальсификации дела по обвинению Вардзиели участвовал Рухадзе.

Руководящих работников НКВД Грузии не устраивали те работники прокуратуры, которые пытались пресекать творившееся беззаконие.

Одним из них был помощник прокурора республики по надзору за местами заключения Нилай Михайлович Авнатамов.

Допрошенный в суде бывший сотрудник НКВД Грузинской ССР Г.М. Карели охарактеризовал Авнатамова как защитника законности. Разумеется, такие люди мешали работникам органов НКВД в их работе по разоблачению «врагов народа». И Авнатамов был арестован на основании справки, составленной Кобуловым, в которой утверждалось, что Авнатамов в преступной деятельности изобличается показаниями И.Д. Девдариани. Однако показаний последнего в деле Авнатамова не имеется. Тем не менее, на основании постановления, подписанного Хазаном, Авнатамова арестовали. Расследование его дела поручили вести Савицкому

и Парамонову. Постановление о предъявлении обвинения Авнатомову оформлено Хазаном.

Савицкий и Парамонов в суде очень сдержанно рассказали о том, как они расследовали это дело. Савицкий заявил, что насколько он помнит, Авнатомова не избивали, и он не знал, что в отношении обвиняемого «принято преступное решение».

Установлено, что именно Савицкий и Парамонов на допросе 24 декабря 1937 г. добились от Авнатомова признания в том, что он умышленно направлял в места лишения свободы тех, сроки лишения свободы у которых были небольшими, а на «местах» оставял лиц с длительными сроками лишения свободы. В то же время систематически досрочно освобождал из заключения последних, отказывая в таком освобождении тем, кто был осуждён за мелкие уголовные преступления. Кроме того, преднамеренно затягивал рассмотрение поступавших к нему жалоб.

Насколько соответствовали эти показания Авнатомова действительности, не проверялось. Здесь уместно привести следующее показание Савицкого, данное им в ходе предварительного следствия: «Показания Авнатомова ни у меня, ни у Парамонова тогда сомнений не вызывали. В то время для осуждения достаточно было только одного признания о принадлежности к троцкистской организации. Практическую деятельность исследовать было необязательно». Действительно, зачем было что-то проверять, когда для осуждения достаточно было голого признания обвиняемого в совершении преступления. Такой арестованный, спустя совсем непродолжительное время мог быть расстрелян. Именно так и случилось с Авнатомовым.

После допроса Авнатомова 24 декабря 1937 г. Парамонов подписал постановление о предъявлении Авнатомову дополнительного обвинения. Затем составляется обвинительное заключение, и 28 декабря 1937 г. дело Авнатомова по докладу Парамонова было рассмотрено на заседании тройки при НКВД Грузинской ССР. По её постановлению Авнатомова расстреляли. Фактически же его «вина» заключалась в том, что он требовал от Хазана, Савицкого, Парамонова и других работников НКВД Грузии соблюдения закона при исполнении возложенных на них обязанностей.

Известно, что не избежали сталинских репрессий и сами чекисты. В те годы их было репрессировано более 20 тысяч. Среди них были и те, кто сам принимал активное участие в фальсификации уголовных дел в отношении необоснованно арестованных ни в чём не виновных граждан, кто применял изуверские пытки¹⁴. Однако, значительную долю этих репрессированных составили честные сотрудники НКВД.

Так, Хазан, Савицкий и Парамонов вместе с Гоглидзе и Кобуловым сфальсифицировали дело в отношении Давида Семёновича Киладзе, члена партии с 1905 г. До 1934 г. он являлся председателем Главного Политического Управления (ГПУ) Грузии.

Киладзе активно участвовал в революционном движении, неоднократно подвергался репрессиям со стороны органов царской власти. Был осужден к каторжным работам, сослан в Сибирь. Но он был неугоден Берии, поскольку отказывался выполнять его преступные распоряжения. Основанием для ареста Киладзе явились показания арестованных по другим делам И.Д. Орахелашвили, А.Н. Микеладзе, П.С. Агниашвили и других. В целях изблечения Киладзе в преступной деятельности, по указанию Берии были арестованы жена Киладзе – Шушана Константиновна, бывшие его секретари Г.К. Арутюнов и Э.А. Вашакидзе.

Как на предварительном следствии, так и в суде Киладзе виновным себя ни в чём не признал и утверждал, что враждебную работу не вёл.

Киладзе неоднократно вызывали на допросы (это отмечено в его тюремном деле), однако имеется всего лишь один протокол его допроса от 1 августа 1937 г. На этом допросе, как отмечается в протоколе, Киладзе признал себя виновным в том, что допускал контрреволюционные высказывания, которые заключались в выражении резкого недовольства Берией. Но и от этих показаний Киладзе в суде отказался. Да и вообще приведённые высказывания, даже если они и имели место, состава преступления не образуют.

Любопытно отметить, что показаний П.С. Агниашвили от 7 июля 1937 г., на которые сделана ссылка в обвинительном

¹⁴ См. *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. – М.: Юридическая литература, 1990.

заключении по делу Киладзе, в самом этом деле не имеется. Отсутствуют показания в отношении Киладзе и в деле Агниашвили, осуждённого 12 июля 1937 г. к расстрелу.

1 августа 1937 г. по постановлению Хазана была арестована Ш. Киладзе. Но в первый раз её допросили (во всяком случае, так указано в её деле) лишь 1 октября. Допрашивали её Хазан и оперативный уполномоченный Парамонов. На этом допросе она показала, что муж, будучи недоволен Берией в связи с необоснованным снятием Киладзе с поста председателя ГПУ Грузии, высказывал в адрес Берии террористические намерения. Она же соглашалась с мужем в том, что он незаслуженно освобождён от должности.

Допрошенная в ходе предварительного следствия по делу Берии и других бывшая сотрудница НКВД Грузинской ССР Киларджишвили показала, что она и ещё две сотрудницы по приказанию Хазана избивали Ш. Киладзе с целью вымогательства от неё признания в проведении её мужем контрреволюционной деятельности.

Вот так велось следствие по делам супругов Киладзе.

Дело Д.С. Киладзе было рассмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 4 октября 1937 г., которая признала его виновным в том, что он с 1935 г. являлся участником контрреволюционной организации правых, существовавшей в Грузии, и организационно был связан с активным, как указывалось в приговоре, террористом П.С. Агниашвили, с Тенгизом Жгенти и другими, совместно с которыми подготавливал террористический акт в отношении Берии. Эти приписанные Киладзе действия были квалифицированы по ст. ст. 58–8 и 58–11 УК Грузинской ССР. Он был приговорён к расстрелу, и в тот же день, 4 октября, расстрелян.

Также была расстреляна и Ш.К. Киладзе, но уже на основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР, принятого в тот же самый день – 4 октября 1937 г.

Обвинительное заключение по делу Ш.К. Киладзе составил Парамонов, а утвердил Рапава. На заседании тройки его доложил Парамонов, а председательствовал на этом заседании Рапава. Он и внёс предложение о расстреле Ш. Киладзе. Церетели – член тройки поддержал это предложение.

Ш. Киладзе признали виновной в том, что будучи «женой активного участника антисоветской террористической организации правых – Киладзе Давида Семеновича, принимала непосредственное участие в подготовке террористических актов против руководителей ВКП/б/ и Советского правительства, была в курсе проводимой им контрреволюционной деятельности». Кроме того, она всячески разжигала контрреволюционные настроения своего мужа и сама «допускала контрреволюционные провокационного, клеветнического порядка измышления по адресу секретаря ЦК КП/б/ Грузии Берия».

Как было впоследствии установлено, ничего из того, что было вменено в вину супругам Киладзе, никогда ими не совершалось. Их расстреляли на основании материалов, в фальсификации которых активное участие принимали Рапава, Хазан, Савицкий и Парамонов. С участием же Церетели тройкой при НКВД Грузинской ССР было принято решение о расстреле Ш. Киладзе.

4 августа 1937 г. Хазан арестовал Эмилию Вашакидзе – секретаря бывшего председателя ГПУ Грузии Д.С. Киладзе. Постановления на её арест и о предъявлении ей обвинения были составлены и подписаны Хазаном. Ей, как и её шефу, также было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, в том, что она была связана «с контрреволюционером – бывшим председателем ГПУ Д.С. Киладзе, высказывала контрреволюционные взгляды и одобряла контрреволюционные клеветнические высказывания в отношении вождя товарища Сталина». Именно это обвинение было положено в основу постановления тройки при НКВД Грузинской ССР под председательством Рапавы и с участием Церетели от 7 октября 1937 г. о расстреле Э. Вашакидзе.

При этом Вашакидзе ни в чём не признала себя виновной. Не дала она и ложных показаний в отношении Серго Орджоникидзе Серго, которых от неё добивались. В деле Вашакидзе отсутствуют какие-либо доказательства её виновности в совершении вменённых ей преступных деяний.

Рапава в суде не отрицал того, что постановление тройки о расстреле Э. Вашакидзе подписано им. Он заявил, что Вашакидзе «плохо себя вела». В чём это выразалось, Рапава не пояснил. Выходит, не обязательно было совершать какое-либо тяжкое преступление, чтобы «заслужить» расстрел, для этого достаточно было лишь «плохо себя вести».

После реабилитации Вашакидзе 13 марта 1954 г. Военной коллегией Верховного суда СССР её матери было объявлено, что Эмилия Вашакидзе, отбывая наказание, скончалась 15 сентября 1938 г. Это была заведомая ложь.

Хазан арестовал и другого секретаря Д.С. Киладзе – Георгия Арутюнова. В ходе следствия, которое вёл Хазан, тот был убит.

Как показал в суде Хазан, он, Твалчрелидзе и другие сотрудники, фамилии которых он не помнил, по указанию Гоглидзе и Кобулова избили на допросе Арутюнова, и тот вскоре после этого умер. У Арутюнова вымогались показания о его контрреволюционной связи с Киладзе. Им же, Хазаном, составлено постановление о прекращении дела в отношении Арутюнова в связи с его смертью, утвержденное Рапавой.

Как и в других подобных случаях, смерть Арутюнова была удостоверена подложным свидетельством, в котором её причиной назван туберкулёзный менингит.

Расстрелян был и бывший народный комиссар внутренних дел Закавказской Федерации Тите Илларионович Лордкипанидзе, член партии большевиков с 1913 г., активный участник революционного движения и гражданской войны. В 1920 г. по рекомендации Ф.Э. Дзержинского он стал работать в органах государственной безопасности. Был делегатом XVII съезда партии. Перед арестом в 1937 г. Лордкипанидзе – народный комиссар внутренних дел Крымской АССР.

Однако в судебном заседании не велось речи о деле Лордкипанидзе, поскольку он к тому времени ещё не был реабилитирован, а вынесенный в отношении него расстрельный приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР был отменён только спустя полтора года – 17 февраля 1958 г.

Резонный вопрос: почему Лордкипанидзе, работавший в Крыму, был арестован на основании материалов, добытых в Грузии, туда был этапирован, там было проведено следствие по его делу и там же он был расстрелян?

Дело в том, что Лордкипанидзе, будучи народным комиссаром внутренних дел Закавказской Федерации, высказывал недовольство методами руководства, применявшимися Берией, который об этом знал. А подобного он никому и никогда не прощал.

Следствие по делу Лордкипанидзе вели под руководством Бери осуждённые затем вместе с ним Гоглидзе, Кобулов, а также Крымян, Хазан и Савицкий, которые уже известными нам способами добились от обвиняемого признания в том, что он являлся организатором и руководителем контрреволюционного заговора в наркомате внутренних дел Грузии. Организационно он якобы был связан с контрреволюционным центром троцкистов и правых в Грузии, а также с участниками контрреволюционного заговора в аппарате ЦИК СССР. Непосредственно руководил подготовкой террористических актов в отношении руководителей ЦКП/б/ и Советского правительства.

Бывший подчинённый Крымяна свидетель В.Г. Арзанов подтвердил в суде, что именно на допросе у Крымяна Лордкипанидзе оговорил многих невинных людей. Сам же Арзанов был арестован 17 декабря 1937 г. Ночью его допрашивали Крымян и Савицкий. Они жестоко избили Арзанова, который написал гневное письмо наркому внутренних дел Гоглидзе, и его освободили из-под стражи. Но такое случалось крайне редко.

Обвинение Лордкипанидзе основывалось на признании им вины в совершении указанных преступлений и на показаниях 56-ти других арестованных, которые прямо или косвенно подтвердили, что они вместе с Лордкипанидзе являлись участниками контрреволюционной организации. Она якобы действовала в Грузии, в частности, в аппарате НКВД Грузинской ССР. Эти арестованные были связаны между собой в своей преступной деятельности.

В результате проведённой впоследствии проверки было выяснено, что Лордкипанидзе был осуждён необоснованно по сфальсифицированному с участием Крымяна, Хазана и Савицкого делу. Установлено, что в 1934–1937 гг. в НКВД Грузии никакой контрреволюционной организации не существовало. Репрессированные бывшие сотрудники Грузии Дзидзигури, Думбадзе и Жужунава безосновательно были признаны виновными в принадлежности к контрреволюционной организации. Вместе с тем, в их реабилитации было отказано, поскольку, как это было выяснено в ходе проверки, они преступно нарушали законность и фальсифицировали уголовные дела в отношении невинных граждан. Они сами стали жертвами самой системы, которой верно служили.

По делу установлено, что Крымян и Савицкий допрашивали Дзидзигури, а Крымян, кроме того, проводил очную ставку Дзидзигури с Буду Мдивани, в ходе которой Дзидзигури показал, что П.К. Орджоникидзе встречался с Буду Мдивани и «высказывал озлобление против Берии».

Арестованного Жужунаву в ходе допроса жестоко избивал Хазан.

Вообще же не только Дзидзигури, Думбадзе и Жужунава заплатились жизнью, предварительно сами лишив жизни многих и многих невинных людей. достаточно вспомнить, хотя бы, Ягоду, Ежова и других, активно борющихся с «врагами народа».

Был установлен и такой чисто бытовой факт: в квартиру расстрелянного по постановлению тройки Дзидзигури вселился Крымян. Эта квартира, как пояснил свидетель Арзанов, была хорошо обставлена. Крымян подтвердил это, но заявил, что обстановкой квартиры Дзидзигури завладел ставший в будущем заместителем наркома внутренних дел республики Нибладзе.

Вряд ли имеет особое значение в этом случае, как была разделена квартира расстрелянного. Сам по себе способом решения таких своих жилищных проблем сотрудниками НКВД Грузии, кроме чувства омерзения к ним, ничего другого не вызывает. Зловещий смысл имело обращение Крымяна к работавшему с ним Арзанову с вопросом, не знает ли тот, у кого имеется хорошая квартира. Об этом рассказал в суде Арзанов.

Что же касается Т.И. Лордкипанидзе, то в бытность его народным комиссаром внутренних дел ЗСФСР и Крымской АССР, он не допускал нарушений законности и ничем не способствовал этому.

Он был расстрелян на основании приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР от 14 сентября 1937 г., признавшей его виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1 «а», 58-8 и 58-11 УК Грузинской ССР.

Выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР 28 сентября 1937 г. под председательством И.О. Матулевича участником «контрреволюционного заговора, существовавшего в аппарате НКВД ГССР, ставившего своей целью свержение Советской власти» был признан и заместитель начальника экономического отдела НКВД Грузии Сурен Оганесович Газарян. Как

и многих других, его жестоко избивали в ходе допросов. Крымян, проводя его очную ставку с Лордкипанидзе, добивался, чтобы последний показал об участии Газаряна в контрреволюционном заговоре. В протоколе очной ставки, который дали ему на подпись, значилось, что Лордкипанидзе завербовал его, Газаряна, в контрреволюционную организацию. На этом протоколе Газарян написал, что его содержание не соответствует тому, о чём говорилось на очной ставке.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, заседание которой продолжалось всего несколько минут, приговорила Газаряна на основании ст. ст. 17, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к лишению свободы сроком на 10 лет. Газаряну, можно сказать, повезло.

Был арестован, а затем и расстрелян заместитель начальника секретно-политического отдела НКВД Грузинской ССР Осипов. Как заявил в суде Хазан, не было никаких материалов, которые бы давали основание к аресту Осипова, который последовал 19 января 1938 г. В тот же день была арестована и его жена Р.С. Осипова, которая в судебном заседании рассказала, как велось следствие по её делу и по делу мужа.

Она рассказала, что незадолго до ареста она и муж были на новоселье у Хазана, которому передали вместе со всей обстановкой квартиру одного из арестованных (как видим, такой способ решения жилищной проблемы высокопоставленных сотрудников НКВД не являлся исключением).

После ареста Хазан вызвал её на допрос и предложил рассказать о контрреволюционной деятельности мужа, а Крымян в это время ударил её по голове и лицу. Потом ей показали мужа, лежавшего на полу в комнате, где были Гоглидзе и Кобулов. Муж, как показала Осипова, «выглядел страшно, лицо окровавлено, всё в кровоподтёках, волосы пропитаны кровью». Слабым голосом муж спросил о ребёнке, а затем заявил: «Я ни в чём не виноват. Что происходит – не понимаю». Действительно, трудно было понять, что происходило в то время.

Постановление на арест Р.С. Осиповой составил Хазан. В её деле имеется лишь один протокол допроса от 22 февраля 1938 г. Она ни в чём не признала себя виновной, доказательств, свидетельствовавших о совершении ею каких-либо преступлений, не установлено. Да и зачем было устанавливать, если она уже явля-

лась «членом семьи изменника Родины» (ЧСИР), что послужило основанием для Особого совещания при НКВД СССР своим постановлением от 28 июня, 1938 г. лишить Осипову свободы сроком на 5 лет. Вернулась же она домой через 8 лет.

В суде Осипова рассказала, что перед отправкой в лагерь женщин обрили, и когда везли, то ими пугали народ.

Как было установлено, впоследствии дело по обвинению Осипова было уничтожено вместе с другими делами по преступному указанию Рухадзе.

В сентябре 1939 г. с санкции Рапавы (и это он подтвердил) арестовали начальника управления милиции НКВД Грузинской ССР Мирон Иванович Керкадзе. Рапавы в суде утверждал, что этот арест был произведен по указанию Берии.

Керкадзе предъявили обвинение в антисоветской деятельности. Истинной же причиной его ареста, как пояснил в суде Рухадзе, было подозрение в том, что он, являясь делегатом съезда КП/б/ Грузии, голосовал против Берии.

Керкадзе не признавал себя виновным. Его стали жестоко избивать. Через несколько дней его привели в кабинет начальника следственной части НКВД Грузинской ССР Рухадзе, который потребовал дать показания о контрреволюционной деятельности, которую якобы проводил Керкадзе. Он отказался, и его снова стали бить. В избииении участвовал и Рухадзе, подтвердивший это обстоятельство в суде. При этом от Керкадзе требовали дать показания о его участии в создании контрреволюционной, террористической, антисоветской группы и о подготовке террористического акта в отношении Берии.

В камеру к Керкадзе приходил Рухадзе и вновь требовал дать нужные ему показания. Через несколько дней Керкадзе вызвали на допрос к Рухадзе, и он снова подвергся избиениям. Рухадзе от имени Керкадзе писал какие-то показания. Так продолжалось дней двадцать, и Керкадзе не выдержал мучений, которым его подвергали, и вынужден был подписать сфальсифицированный протокол допроса.

Вскоре Керкадзе привели к наркому внутренних дел Рапаве, которому Керкадзе заявил об отказе от подписанных им показаний. Объяснил, что принуждён был оговорить своих товарищей. На следующий день Рухадзе потребовал, чтобы Керкадзе отка-

зался от своего заявления Рапава и подтвердил свои прежние показания.

Затем его этапировали в Москву, где привели в кабинет Берии, где были также Рухадзе, Меркулов и Кобулов. Берия спросил Рухадзе, за что арестован Керкадзе и получил ответ, что за контрреволюционную и антисоветскую деятельность. Керкадзе отрицал это. Берия стал читать докладную записку, составленную Рухадзе, а, прочитав, спросил Керкадзе, правильно ли в ней всё изложено. Керкадзе ответил, что все изложенное в докладной записке сочинено Рухадзе. Берия закричал: «Уберите этого жулика!». Керкадзе увели, посадили в камеру, а через несколько дней объявили, что на основании постановления Особого совещания при НКВД СССР он был лишен свободы на 8 лет.

О том, что Рухадзе избивал Керкадзе, в суде рассказал свидетель А.В. Окуджава, работавший в то время следователем следственной части НКВД Грузинской ССР, начальником которой являлся Рухадзе. Окуджава подтвердил, что по указанию Рухадзе следователи по несколько суток держали арестованных на допросах, хотя допросы, как таковые, не велись. Арестованные всё это время стояли, а около них сидели сотрудники НКВД, не разрешая арестованным садиться, не давали они им и спать. При этом сотрудники НКВД менялись. Вот это и называлось конвейерное системой допроса. В результате долгого стояния у арестованных опухали ноги, они теряли сознание, и в конечном итоге следователь получал нужные ему показания.

В течение всего времени его работы в НКВД-МГБ Грузии до 1952 г., показал далее Окуджава, незаконные методы следствия широко применялись постоянно – и тогда, когда указанные ведомства возглавлял Рапава, и когда его сменил Рухадзе. Причём, когда Рухадзе занял этот высокий пост, он заявил, что при его предшественнике производилось мало арестов. Число их при Рухадзе увеличилось.

Хотя действовавшее законодательство предусматривало возможность задержания без предъявления обвинения на срок не более 24-х часов, Рухадзе установил практику, когда задержанных содержали во внутренней тюрьме МГБ Грузинской ССР в течение нескольких суток и получали от них известными способами нужные показания об их «преступной деятельности». И уже потом арест этих лиц оформлялся в установленном законом порядке.

Свидетель Окуджава рассказал и о том, что он однажды в отношении одного из арестованных, содержавшегося под стражей в течение двух месяцев, вынес постановление о прекращении дела. К тому были все основания. Но после этого в отношении самого Окуджавы завели дело, которое направили в особую инспекцию, которая объявила ему выговор «за недоведение дела до логического конца». Значит, логическим концом ареста считалось осуждение арестованного.

Но вернемся к делу Керкадзе. В порядке вещей, что вскоре – 19 сентября 1938 г. арестовали жену Керкадзе – Кетеван Ивановну. Её допрашивал Рухадзе, который требовал, чтобы она рассказала о контрреволюционной деятельности своего мужа. Рухадзе убеждал её в том, что Керкадзе состоял в организации, намеревавшейся убить Берию и Рапаву. В ответ на отказ оговорить мужа Рухадзе заставил её в течение семи суток стоять. Она не могла ни к чему прислониться, вся опухла, неоднократно теряла сознание, еды ей не давали. Всё это время Рухадзе требовал, чтобы она рассказала о контрреволюционной деятельности мужа. Керкадзе молчала. Тогда её стали избивать. Били по пяткам мокрой верёвкой до потери сознания. На допросе у Рухадзе её избивали несколько мужчин. Рухадзе её тоже ударил, и она потеряла сознание. На этом закончилось следствие по делу Кетеван Керкадзе. Всё это она рассказала в суде.

Рухадзе фактически не отрицал этих показаний. Рассказал, что арестовал её по указанию Рапавы и один раз избивал обвиняемую.

Супругов Керкадзе отправили в Москву, где их водили к Кобулову и Меркулову, там же был и Берия. Но это уже не имело никакого значения. Их судьба была предрешена с момента ареста.

Как и её муж, Кетеван Керкадзе постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 23 июля 1940 г. была лишена свободы сроком на 5 лет. Её признали виновной в проведении антисоветской агитации, которая заключалась в том, она выражала недовольство выдвижением на руководящие должности бездарных людей, называя при этом Рапаву. Кроме того, высказывала неверие в виновность людей, которых арестовывали органы НКВД по обвинению в антисоветской деятельности.

По делу К.И. Керкадзе можно отметить и такой момент. В соответствии со ст. 206 УПК РСФСР 1923 г. 21 апреля 1940 г. ей были предъявлены материалы для ознакомления, что свидетельствовало об окончании предварительного следствия. Однако, как это усматривается из материалов дела, обвинение ей было предъявлено только 14 мая, то есть, получается, что после окончания предварительного следствия.

Вот так соблюдалась законность в то время.

Невозможно было спокойно слушать историю, как было сфальсифицировано дело в отношении двадцатичетырёхлетней машинистки НКВД Грузии Лидии Артемьевны Старшовой, которая по этому делу была расстреляна.

Основанием к её аресту послужили рапорты Хазана, его помощника Твалчрелидзе и помощника оперативного уполномоченного Киларджишвили. Всем им показалось, что Старшова ведёт себя подозрительно, поскольку проявляет повышенный интерес к работе 1-го отделения НКВД Грузинской ССР, которое возглавлял Хазан. Так, Киларджишвили в рапорте от 24 июля 1937 г. указывала: «В процессе допроса [...] Георгадзе Надежды машинистка Старшова без всяких причин три раза заходила ко мне в комнату, облокачивалась на стол, в упор смотрела в глаза арестованной Георгадзе». Хазан же в своём рапорте от 25 сентября 1937 г. требовал для проверки своих подозрений и «размотки» дела Старшовой арестовать её.

Вот так, сначала подозрения, потом арест и уж потом сбор доказательств. А как собирались доказательства «виновности» арестованных, уже неоднократно рассказывалось. Не стало исключением и дело Старшовой.

Её арестовали 26 сентября 1937 г. Хазан предъявил ей обвинение в проведении контрреволюционной работы.

Расследование дела Старшовой поручили Кримиану. В результате избития Кримиан добился от обвиняемой признания в том, что она информировала бывшего начальника секретно-политического отдела НКВД Грузинской ССР Султанишвили о готовившемся его аресте и об имевшихся на него показаниях ранее арестованных.

Не имея никаких к тому оснований, Кримиан 29 ноября 1937 г. предъявил Старшовой дополнительное обвинение в подрывной

и террористической работе. Именно так оно было сформулировано. Таким образом, Старшовой предъявили обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-8 УК Грузинской ССР.

Крымян в суде показал, что к предъявлению Старшовой обвинений в совершении особо опасных государственных преступлений оснований не имелось. Тем не менее, он подписал обвинительное заключение по её делу и 3 декабря 1937 г. доложил его на заседании тройки при НКВД Грузинской ССР, согласно постановлению которой Старшова была расстреляна. Её признали виновной в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-8, 58-10 и 58-11 УК Грузинской ССР.

Был арестован бывший заместитель начальника исправительно-трудовой колонии Ашот Петросян. 8 августа 1938 г. его вызвали на доклад к наркому внутренних дел Грузии Гоглидзе. Однако никакого доклада не состоялось. Петросяна схватили и отправили в тюремную камеру, в которой находились 11 арестованных. Площадь же камеры не превышала пяти квадратных метров. Примерно через месяц его вызвали на допрос к Крымяну. Там же был и Савицкий. В руках у Крымяна была палка, а у Савицкого – кожаный бич. Они стали избивать Петросяна, требуя от него признания в том, что он, Петросян, является членом антисоветской террористической организации, имевшей целью убить Берию.

На следующем допросе Крымян вновь избивал Петросяна, выбил 4 зуба, заставил слизывать кровь с пола. Петросяна много раз избивали, но он не признал себя виновным. Тем не менее, его при отсутствии каких-либо доказательств, признали виновным в проведении антисоветской агитации, за что он и был лишён свободы.

Крымян отрицал в суде свою причастность к расследованию дела по обвинению А.З. Петросяна. Однако, представленными доказательствами, а также его же собственными резолюциями на материалах, связанных с возбуждением, а затем и расследованием дела по обвинению Петросяна.

Вот эти резолюции.

«Тов. Мовсесову. Петросян мне лично известен, их очень близкая связь с Лордкипанидзе, Агабеляном и, несмотря на это, он продолжает работать в наших органах. Перег[оворите] со

мною и ознакомьте меня с имеющимися на него материалами. 14. VII Крымян».

Другая резолюция Крымяна: «Лично. Мовсесов. Есть указания Кобулова об аресте Петросяна. Оформите арест и завтра же его посадите, будем допрашивать Петросяна вместе. 7.8.38. Крымян».

Крымян подтвердил, что эти резолюции написаны им.

Как видим, никаких указаний об обращении к прокурору за санкцией на арест Петросяна в резолюциях Крымяна не содержится. Да и зачем было обращаться к прокурору, если все аресты, проводившиеся сотрудниками НКВД, потом оформлялись в соответствии с действовавшим законодательством, но задним числом, то есть прокуроры давали санкции на арест лиц, которые уже в течение длительного времени фактически находились под стражей.

Был расстрелян и сотрудник НКВД Грузии Датико Чхаидзе. Упомянутый выше свидетель М.М. Глonti, работавший в 1937–1938 гг. в дорожно-транспортном отделе этого органа, присутствовал при его расстреле. Глonti рассказал, что стоя на краю могилы, Чхаидзе заявил, что его расстреливают только за нежелание в угоду Берии, Кобулову, Гоглидзе и другим руководителям НКВД Грузии арестовывать и посылать на расстрел невиновных людей. Просил передать это Сталину, а затем крикнул: «Да здравствует Ленин! Да здравствует Сталин!». Раздавшиеся выстрелы оборвали его жизнь.

Не только Чхаидзе, умирая, возносил хвалу Сталину. Ещё и ещё раз приходится убеждаться, насколько умело была сформирована система организации общества, в которой у абсолютного большинства граждан к середине 1930-х гг. не было никаких сомнений в безгрешности и выдающейся роли Сталина в строительстве светлого будущего для народа Советского Союза. Лишь немногие в то время чётко понимали, какое зло несёт в себе Сталин, какой вред причиняет он стране.

В 1948 г. при содействии Берии Рухадзе назначили министром государственной безопасности Грузии. Сразу же после назначения на этот высокий пост Рухадзе направил благодарственное письмо Берии, верноподданнически заверяя его в своей безграничной преданности, называя себя учеником и воспитанником Берии. Практическая деятельность Рухадзе подтвердила, что он действительно был его достойным учеником.

Суд полно и всесторонне исследовал преступную деятельность Рухадзе на этом посту. Было установлено, что, как и прежде, Рухадзе продолжал грубо нарушать законность, как и прежде фальсифицировал дела в отношении невиновных лиц. Эта работа была даже усовершенствована. Рухадзе распорядился оборудовать специальные камеры – каменные мешки, в которых содержались арестованные, не желавшие давать ложные показания.

Свидетель Ф.В. Будников, являвшийся сотрудником внутренней тюрьмы МГБ Грузии, показал, что при Рухадзе в тюрьме не было «горячих» камер, но «холодные» камеры действительно были. Зимой в них сажали арестованных, предварительно раздев их до нижнего белья.

Активно действовала конвейерная система допроса арестованных, широко применялись стойки, когда арестованных заставляли в течение нескольких суток стоять, не разрешая им ни сесть, ни прислониться к чему-либо, добиваясь таким способом признания в преступлениях, которые арестованные никогда не совершали.

Свидетель Е.И. Князев (в 1948–1953 гг. начальник внутренней тюрьмы МГБ Грузии) подтвердил в суде, что арестованных в течение всей ночи держали на допросах, а в 6 часов утра, когда объявлялся подъём, их возвращали в камеры, но спать днём не разрешали. И так могло продолжаться в течение десяти суток.

Случалось, что во время обхода прокурором камер тюрьмы следователи забирали числившихся за ними арестованных к себе якобы на допрос. Это делалось для того, чтобы исключить для арестованных возможность сообщить прокурору о незаконных методах следствия, применявшихся в их отношении.

Начальник санитарной части внутренней тюрьмы МГБ Грузии Р.Я. Размадзе, состоявший в этой должности до 1953 г., в суде подтвердил показания бывшего начальника тюрьмы относительно издевательств над арестованными. Размадзе пояснил, что вследствие длительного стояния у арестованных развивалась отечность ног, и этих арестованных длительное время приходилось лечить, поскольку они не могли ни стоять, ни ходить.

Свидетели Князев и Размадзе рассказали и о том, что в то время, когда Рухадзе был министром государственной безопасности Грузии, арестованных продолжали избивать. Как показал

Размадзе, его неоднократно вызывали для оказания медицинской помощи избитым арестованным, Князев подтвердил, что избивали и арестованных женщин, например, Веру Перадзе.

Рухадзе ввёл в практику задержания невинных граждан и помещение их во внутреннюю тюрьму МГБ Грузии, где у задержанных буквально выбивали показания о якобы совершенных ими преступлениях, а уж потом «на законных основаниях» оформлялся арест этих лиц. Установлено, что с 1948 по 1951 гг. таким незаконным путём таким незаконным путём были задержаны и помещены в эту тюрьму 966 человек.

По указанию Рухадзе и под его руководством в 1948 г. было сфальсифицировано дело в отношении бывшего заместителя председателя Верховного суда Грузинской ССР, а перед арестом – начальника пенсионного отдела Министерства социального обеспечения Грузии В.Г. Мамаладзе и двух его знакомых – И.К. Кереселидзе и Г.И. Мирианашвили, обвинённых в проведении антисоветской деятельности.

Основанием для возбуждения дела в отношении Мамаладзе явилось его письмо в ЦК ВКП/б/, в котором он попытался рассказать о творившихся в Грузии безобразиях, в том числе Рапавой и другим ставленником Берии – Шарией. Мамаладзе писал: «Крайне интересно, почему так загордились и выродились эти руководители Грузии? Потому, что они прикрылись тенью Берия, и они ничего не делают, кроме восхваления и обожествления его личности».

Рухадзе в суде пояснил, что это письмо доложили Берии. Берия, конечно же, отреагировал. Он не мог оставить без последствий столь нелестный отзыв в адрес его ставленников, который бросал тень и на его имя. Поэтому не мог не последовать арест Мамаладзе.

Дело фальсифицировалось обычным способом – с привлечением к этому секретного сотрудника МГБ Грузинской ССР М.М. Хухунашвили, который получил от Рухадзе задание обеспечить доказательства, которые бы подтверждали, что Мамаладзе создавал антисоветскую организацию – «Союз народной свободы». С этой целью Хухунашвили составил в квартире Рухадзе на его пишущей машинке «программу» этой организации. В суде Рухадзе подтвердил, что всё было именно так. Согласно этой

программе, «Союз народной свободы» представлял собой повстанческую организацию. В донесении же от 10 марта 1948 г. Хухунашвили утверждал, что программу антисоветской организации составил Мамаладзе.

Здесь следует напомнить о деле «дашнаков», сфальсифицированном Рухадзе аналогичным способом.

Мамаладзе, Кереселидзе и Мирианашвили были арестованы и, как тогда водилось, подвергнуты избиениям. В ходе такого следствия Мамаладзе вынужден был признать, что он в 1948 г. вместе с Хухунашвили пытался создать антисоветскую повстанческую организацию, в которую вовлек несколько человек и пытался вовлечь ещё нескольких. Кереселидзе признал, что со слов Мамаладзе он знал о существовании антисоветской организации, в которую тот предлагал ему вступить, но он не согласился.

Мирианашвили, который в то время был персональным пенсионером, ни в чём не признал себя виновным.

Дело было рассмотрено Особым совещанием при МГБ СССР, постановлением которого от 19 ноября 1949 г. Мамаладзе «за попытку создания антисоветской организации» (ст. ст. 58-10, ч. 1 и 58-11 УК Грузинской ССР) был приговорён к лишению свободы на 10 лет, Кереселидзе «за доноительство об антисоветской деятельности другого лица» – на 5 лет, а Мирианашвили «за антисоветские высказывания» – к лишению свободы в пределах срока предварительного заключения.

16 декабря 1953 г. определением Военной коллегии Верховного Суда СССР это постановление было отменено, и дело прекращено за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления.

Слушая показания Рухадзе, показания необоснованно репрессированных и свидетелей, присутствовавшие на судебных заседаниях убеждались в том, что смысл деятельности Рухадзе заключался в том, что он постоянно кого-то «разоблачал», преимущественно целые антисоветские организации и группы. Так было и с делом начальника пограничного отряда полковника Д.Е. Перадзе, находившегося на военной службе с 1922 г.

А дело началось вот с чего. Брат жены Перадзе – Г.Г. Габинашвили, будучи главным бухгалтером Горийской строительной конторы «Грузстрой», совершил крупную растрату государствен-

ных денег. К тому же Габинашвили во время войны был в плену у немцев. Задержать его не удалось, поскольку он скрылся. Это дало Рухадзе возможность разработать невероятную легенду, согласно которой Габинашвили, бежавший с помощью Перадзе в 1948 г. в Турцию, был объявлен турецким шпионом. А в 1949 г. он возвратился в Грузию для выполнения задания, полученного от турецкой разведки. Помимо этого, он стал принимать меры по созданию антисоветской организации. Перадзе же не только знал об этом, но и согласился помогать Габинашвили, передав ему ряд сведений о советских вооружённых силах в пограничном районе. Эти сведения составляли государственную тайну. В ночь на 18 июня 1950 г. Габинашвили снова ушел, как было указано впоследствии в приговоре по делу жены Перадзе – В.Г. Перадзе «в сопредельное государство».

Вот такая схема была разработана Рухадзе, после чего под его руководством она стала наполняться деталями, которые в своей совокупности должны были составить «дело о Габинашвили Г.Г. и его пособниках».

28 ноября 1950 г. без санкции военного прокурора Перадзе арестовали. Его доставили на дачу Рухадзе в Гаграх. Рухадзе сразу же стал требовать, чтобы Перадзе признался в оказании пособничества Габинашвили в переходе государственной границы. Поскольку Перадзе отрицал это обвинение, Рухадзе перешёл к активным формам допроса, приказав сопровождавшим арестованного офицерам бить Перадзе. Те стали жестоко избивать его. Перадзе заявил, что Рухадзе, как министру государственной безопасности и депутату Верховного Совета СССР, не следует так поступать. В ответ на это Рухадзе вызвал подмогу, и Перадзе продолжали избивать с ещё большим ожесточением. Избивал его и сам Рухадзе. Затем Перадзе со связанными руками отвезли в салон-вагон Рухадзе, положили там на пол и снова стали бить, требуя признаться в преступной связи с Габинашвили. Несколько дней его возили в этот салон-вагон. Туда же приводили и жену Перадзе. Но Рухадзе так и не получил от них нужных ему показаний. Перадзе отправили в Тбилиси и бросили в тюремную камеру. Следствие по его делу поручили вести Нибладзе – заместителю Рухадзе.

На первом допросе, который продолжался с 1 по 4 декабря 1950 г., Перадзе сначала отрицал преступную связь с Габинашви-

ли, но на вторые сутки допроса, как указано в протоколе допроса, «решил говорить правду» и рассказал о своём содействии Габинашвили в переходе государственной границы. На допросах 7, 8, 9 и 10 декабря 1950 г. он подтвердил эти показания, но на допросе 11 декабря отказался от ранее данных показаний, заявив, что оговорил себя.

Несмотря на то, что объективных доказательств виновности Перадзе не было, 12 декабря, то есть через две недели после фактического ареста, военным прокурором войск МГБ Грузинской ССР была дана санкция на его арест.

К этому времени арестовали жену Перадзе – Веру Гарсевановну, её и Габинашвили отца, жену Габинашвили и других лиц. Всего по делу были арестованы 85 человек, в том числе 23 женщины. 57 арестованных в дальнейшем были осуждены. Их признали виновными в том, что они якобы были связаны со шпионом Габинашвили и оказывали ему активное содействие в преступной деятельности против советского государства. Не пощадили и трёх секретных сотрудников МГБ Грузии, которых обвинили в саботаже, выразившемся в том, что они, зная о враждебной деятельности Габинашвили, не сообщили об этом.

В суде были оглашены некоторые резолюции Рухадзе на протоколах допросов арестованных по этому делу лиц. Вот их примеры. «Тов. Нибладзе, Куциава, тов. Гургенидзе, активно допросите Гогинашвили Ивана. Он этого заслуживает.

21.1. Н. Рухадзе».

Замечу, что Иван Гогинашвили – 70-летний колхозник, арестованный до делу Перадзе и других.

Или вот такая резолюция: «Тов. Нибладзе, Куциава и Гучмазашвили, перейти на активный допрос, дольше тянуть мы не можем... Тов. Гучмазашвили проявляет непонятную медлительность.

Н. Рухадзе, 31.XII.50».

Отвечая на вопрос, что означает выражение «активно допрашивать», Рухадзе однозначно заявил: «Значит, бить».

И как было установлено, арестованных по данному делу допрашивали весьма «активно», добиваясь показаний о совершении ими тяжких преступлений.

В апреле 1951 года МГБ Грузинской ССР направило дело Перадзе и ещё 53-х человек на рассмотрение Особого совещания

при МГБ СССР с предложением расстрелять Перадзе. В мае того же года дело было возвращено на дополнительное расследование. В сентябре 1951 г. оно вновь направляется на рассмотрение Особого совещания при МГБ СССР, но 22 ноября дело снова возвращается на дополнительное расследование. Далее следственные материалы в отношении Перадзе выделяются в отдельное производство, и 6 июня 1952 г. он один предстаёт перед военным трибуналом Закавказского военного округа, который на основании ст. ст. 58-1 «б» и 58-11 УК Грузинской ССР приговаривает его к расстрелу. Следует сказать, что в судебном заседании военного трибунала Перадзе признал себя виновным, но в кассационной жалобе отрицал свою вину в преступной связи с Габинашвили.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев 12 июля 1952 г. дело Перадзе в кассационном порядке, приговор в отношении его отменила и дело направила на новое судебное рассмотрение.

31 января 1953 г. тем же военным трибуналом Перадзе был приговорён к лишению свободы сроком на 25 лет.

25 марта 1952 г. В.Г. Перадзе была также осуждена на 25 лет лишения свободы, а ещё 36 обвиняемых по делу – к лишению свободы на сроки от 3 до 10 лет.

Проведённой Главной военной прокуратурой проверкой дел, по которым были осуждены Перадзе, его жена и другие лица было установлено, что эти дела сфальсифицированы в результате применения к арестованным физических мер воздействия – прежде всего, жестоких избиений.

В суде Рухадзе подтвердил, что к арестованному Перадзе применялись меры физического воздействия, но делалось это по указанию министра государственной безопасности Абакумова, который в 1951 г., уже после возбуждения этого дела, сам был арестован. Избивали и других арестованных по делу Перадзе.

Все репрессированные по указанным делам были реабилитированы.

Обращает на себя внимание и тот факт, что жена Перадзе и большая группа «пособников» Габинашвили были осуждены 25 марта 1952 г., то есть раньше чем сам Перадзе, который, согласно материалам дела, считался главным обвиняемым. При этом показания ранее осуждённых были использованы судом, рассмотрев-

шим дело Перадзе, в качестве доказательств его виновности. Это был не новый приём в «изобличении» лиц, обвинявшихся в совершении особо опасных государственных преступлений.

Результаты деятельности представших перед судом лиц были страшными, не всегда укладывавшимися в сознание присутствовавших в зале суда. Казалось бы, уже многого наслушались, и в какой-то мере можно было бы свыкнуться с тем, что и как творилось в нашей стране во времена сталинщины (правда, в 1955 г. этого термина ещё не было, а Сталин оставался безгрешным). Но, переходя от одного эпизода обвинения к другому, суд должен был исследовать всё новые и новые невероятные факты и события, участниками и творцами которых были подсудимые. Снова и снова возникал вопрос: «Неужели всё это было на самом деле?».

Суд исследовал обстоятельства убийства двух советских граждан, совершенного по указанию Берии в июле 1939 г.

Тогда в судебном заседании не назывались их фамилии, должности, которые они занимали, место их работы. Однако, можно было сделать вывод, что это были супруги. Муж являлся служащим высокого ранга – полномочным представителем нашей страны в Китае. Лишь в годы перестройки и раскрытием архивов стали известны их фамилии – Иван Трофимович Бовкун-Луганец (Орельский) и Нина Валентиновна Орельская. Непосредственными исполнителями убийства были Церетели и осуждённый в 1953 г. вместе с Берией его ближайший сподвижник Влодзимирский.

Как показал в суде Церетели, его вызвал Кобулов. Это было в Москве, когда Берия являлся наркомом внутренних дел СССР. Кобулов сказал, что из Китая приезжает человек, которого необходимо ликвидировать вместе с женой. Мужчину должен был убить он, Церетели, а женщину – Влодзимирский. Установлено, что для Берии эти лица представляли опасность, а расправиться с ними обычным способом было почему-то невозможно. (Кстати, в последние годы появились версии, что отозванный из Китая Бовкун-Луганец дал показания о чекистском заговоре в НКВД, и некоторые его коллеги были расстреляны по этому делу в январе 1940 г. Но я излагаю только то, что было известно в 1955 г.).

Церетели и Влодзимирский поместили супругов Бовкун-Луганец в заранее подготовленный особый вагон, следовавший

в Цхалтубо, в котором и убили их. Удары наносили деревянными молотками по голове. Такая «технология» была применена для того, чтобы потом симитировать получение нанесённых им телесных повреждений якобы в результате автомобильной катастрофы. Трупы убитых привезли на маленький полустанок вблизи Цхалтубо. Туда же приехал и Рапава. Затем трупы положили в легковой автомобиль, завели двигатель и машину направили под откос горной дороги.

Рапава показал, что в этой инсценировке автомобильной катастрофы участвовал не только он, но и первый секретарь ЦК КП/б/ Грузии Чарквиани.

Как и было условлено с Берией, Рапава подписал подложное донесение в Москву о результатах расследования «несчастливого случая». Рапава же организовал пышные похороны убитых. Что может быть гнуснее оплакивание убийцами своих жертв? Но в нашей истории были и такие факты. К сожалению, не единичные.

Сколько цинизма было в словах Рапавы, когда он в суде показывал, что это он считал осуществлённым на законных основаниях, поскольку это было сделано «в интересах государства». Даже в 1955 г. слушать это было дико.

Церетели рассказал и о том, что он в Москве выполнил задание о тайном, как он заявил, изъятии одной женщины, дальнейшая судьба которой ему не известна. Её фамилия тогда не была оглашена, а в 1980-егг. стало известно, что речь шла о второй жене Маршала Советского Союза Г.И. Кулика – Кире Ивановне Симонич.

Меньше всего времени заняло у суда исследование доказательств виновности Надарай, что объяснялось сравнительно небольшим (по сравнению с другими обвиняемыми) количеством предъявленных ему обвинений.

Надарая подтвердил, что в бытность его начальником тюрьмы всех арестованных избивали. Рассказал и о некоторых видах применявшихся истязаний. Так, к арестованному привязывали стол с грузом, и в течение длительного времени заставляли стоять с ним, либо же в руки арестованному давали два тяжёлых чемодана и тоже заставляли стоять с ними. Он, Надарая, ничего не мог сделать, чтобы изменить положение арестованных, содержащихся в тюрьме, начальником которой он являлся.

Надарая отрицал обвинение в том, что доставлял Берии женщин. Однако, в 1953 г. допрошенный по своему делу Берия показал, что использовал Надарая как сводника.

Исследованными судом доказательствами было установлено, что Надарая, будучи заместителем, а затем начальником внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР, способствовал Берии, Гоглидзе, Кобулову и осуждённым вместе с ним лицам в совершении кровавых расправ над советскими гражданами. Принимая меры к сокрытию актов массовых избиений, а иногда и убийств арестованных, совершавшихся сотрудниками НКВД Грузии, в том числе и подсудимыми по рассматривавшемуся делу, Надарая запрещал врачам в актах указывать истинные причины смерти убитых арестованных.

В бытность Надарая начальником внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР были убиты в ходе следствия упоминавшиеся выше комдив Ф.М. Буачидзе, заместитель постоянного представителя Грузинской ССР при Правительстве СССР Л.А. Вермишев, бывший нарком социального обеспечения республики В. Вашикидзе, профессор Г.А. Нанейшвили, директор Боржомского курорта Немсицверидзе, начальник табачного управления наркомата земледелия республики Микелов, секретарь Каспского райкома КП/б/ Грузии Варвара Кевлишвили, секретарь бывшего председателя ГПУ Грузии Д.С. Киладзе Г. Арутюнов.

После завершения судебного следствия суд приступил к судебным прениям.

Первым в них выступил государственный обвинитель. Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко обосновал доказанность вины подсудимых в совершении вменённых им преступлений. Остановился и на вопросах, связанных с квалификацией содеянного подсудимыми по ст. ст. 58-1 «б» (измена Родине, совершенная военнослужащим), 58-8 (совершение террористических актов) и 56-11 (участие в антисоветской организации) УК РСФСР.

Квалификация по нормам УК РСФСР обосновывалась тем, что заговорщицкая группа Берии, начавшая свою деятельность в Грузии, закончила её в бытность его в Москве. Подсудимые же, как считал государственный обвинитель, являлись пособниками Берии.

Далее в обвинительной речи обосновывалась квалификация содеянного по ст. 58–8 УК РСФСР. При этом отмечалось, что значительная часть преступных деяний подсудимых представляли собой террористические расправы с неугодными Берии и его ближайшим сообщникам или опасными для них людьми, мешавшими осуществлению изменнических планов заговорщиков или могущих разоблачить преступное прошлое Берии.

Действительно, Берия с помощью своих приспешников уничтожал неугодных ему людей, которые действительно могли помешать его карьере. Но какую же опасность для Берии, Гоглидзе, Кобулова, Рапавы, Рухадзе и других могли представлять рабочие, крестьяне, представители советской интеллигенции? Дело здесь было не в этом.

К тому времени, когда рассматривалось дело Рапавы, Рухадзе и других, мировоззрение абсолютного большинства советских людей всё ещё определялось сталинской концепцией об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Складывалась парадоксальная ситуация: органы НКВД-МВД-МГБ, грубо нарушая действовавшее законодательство, боролись с «врагами народа». Будучи же арестованными, те же Ягода, Ежов, Берия и другие также пополняли ряды этих «врагов». В то время мало кто пытался разобраться, почему вдруг «врагами народа» оказывались люди, всю свою жизнь посвятившие борьбе за интересы народа.

Сейчас, разумеется, легко рассуждать на эту тему. Стало очевидным, что под флагом защиты и укрепления власти народа фактически укреплялась диктаторская власть одного человека – Сталина и непосредственно подчинённых ему структур. Для него репрессии были одним из компонентов – может быть, важнейшим – его руководства государством. Он считал массовые репрессии эффективным средством обеспечения слепого послушания всех членов общества. Для обоснования физического уничтожения людей, высказывавших своё собственное, отличное от сталинского, мнение по тем или иным проблемам жизни советского общества, и было введено понятие «враг народа», которое стало распространяться на всех, кого арестовывали «органы». Непосредственными исполнителями были сотрудники этих органов, в том числе и осужденные на процессе 1955 г.

Да, они убийцы, они преступники, но вряд ли были основания считать их участниками заговора, ставившего своей целью свержение Советской власти, то есть власти, во имя укрепления которой они совершали преступления. Искусственное создание различных антисоветских организаций, которые затем «выявлялись» сотрудниками органов, было составной частью функционирования созданного Сталиным механизма, обеспечивавшего его фактическую единоличную власть.

С учётом сказанного доводы государственного обвинителя в обоснование квалификации действий подсудимых как действий, совершенных участниками заговорщической группы, вряд ли можно признать убедительными. В его речи в качестве основания для такой квалификации считалось то, что подсудимые отдавали себе отчёт в направленности деятельности преступного сообщества и тех преступных целях, которые ставит перед собой организованная группа. Для того, чтобы констатировать наличие преступного заговора, утверждал государственный обвинитель, вовсе не требуется, чтобы участники заговорщической группы собирались на какие-то заседания, составляли письменные программы, выдавали участникам этой группы особые удостоверения или членские билеты. Государственный обвинитель считал, что «самый акт осведомлённости каждого отдельного участника заговорщической группы о направленности преступной деятельности этой группы указывает на наличие преступного сообщества».

В данном случае эти суждения не согласуются даже с правилами формальной логики. Здесь посылка и вывод несут в себе одно и то же содержание, то есть силлогизм строится по принципу *idem per idem* (то же через то же). Получается, что подсудимые, коль скоро они допускали преступные нарушения законности, их автоматически зачисляют в заговорщическую группу, поскольку они были осведомлены «о направленности преступной деятельности этой группы». Но ведь заговора, как такового, не было. И потом, фактически невозможно опровергнуть утверждения подсудимых об их неосведомлённости о том, что Берия стоял во главе заговора, ставившего своей целью свержение Советской власти.

Своё предложение о квалификации содеянного подсудимыми по ст. ст. 58-1 «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР государственный об-

винитель обосновывал ещё и тем, что они, совершая вменённые им преступления, не могли не понимать, что их действия «могут быть совершены только изменниками Родины, так как они на руку лишь реакционным империалистическим силам и представляют исключительную опасность для Советского государства».

Действительно, то, что творили подсудимые, объективно представляло большую опасность для Советского государства. Но ведь не было установлено, что подсудимые вменённые им в вину действия совершали с умыслом, направленным по меньшей мере на ослабление Советского государства, не говоря уже о свержении Советской власти.

Одним словом, как во всём подходе к рассмотрению дела Рапавы, Рухадзе и других, так и в построении речи государственного обвинителя просматривался сложившийся стереотип: разоблачены очередные враги народа, посягнувшие на основы Советского государства. Поэтому обвинительная речь Руденко во многом была похожа на известные речи А.Я. Вышинского по делам «агентов разведок империалистических государств», которыми «являлись троцкистско-зиновьевские и бухаринские убийцы и шпионы». Разумеется, это совсем не означает, что Рапава, Рухадзе и другие подсудимые были невиновны. Они совершили тяжкие преступления, за которые подлежали строгой ответственности.

В заключение государственной обвинитель потребовал Нада-раю приговорить к длительному сроку лишения свободы, а Рапаву, Рухадзе, Церетели, Хазана, Савицкого, Кримяна и Парамонова расстрелять.

Затем выступили защитники которые в своих речах оспаривали лишь некоторые эпизоды обвинений, вменённых их подзащитным. В то же время они обращали внимание суда на необходимость учёта при вынесении приговора обстановки, сложившейся в 1937–1938 гг. не только в Грузии, но и во всей стране, когда до указания сверху начался разгул беспримерного беззакония. Обращалось внимание и на роль Берии, который мог потребовать беспрекословного выполнения любого своего распоряжения. Адвокаты указывали, что ответственность за совершенные преступления должны разделить и другие лица, причастные именно к тем преступлениям, которые вменялись в вину подсудимым. В частности, назывались фамилии допрошенных в суде Давлианидзе, Пачулия Г.А. и других.

Защитники соглашались с тем, что содеянное их подзащитными следует квалифицировать по ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР, но все они решительно возражали против квалификации действий подсудимых также и по ст. 58-1 «б». Обосновывая свою позицию, защитники ссылались на необходимость доказать, что действия подсудимых совершались в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории. Об этом могли свидетельствовать шпионаж подсудимых в пользу иностранных государств, выдача военной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелёт за границу. Именно при наличии одного из перечисленных условий содеянное могло квалифицироваться как измена Родине. Поскольку подсудимые не совершали указанных действий, утверждали защитники, нет оснований квалифицировать содеянное ими по данной статье.

С этими доводами было трудно не согласиться. Действительно, перечисленных в законе действий, образующих состав преступления, предусмотренный ст. 58-1 «б» УК РСФСР, подсудимые не совершали, а поэтому и не было оснований квалифицировать содеянное ими по данной статье закона. Замечу, что действия осужденных впоследствии других бывших ответственных сотрудников НКВД-МВД-МГБ Грузии, совершивших по существу такие же преступления, что и подсудимые на процессе Рапавы, Рухадзе и других, не квалифицировались как измена Родине. Не квалифицировались их действия и по ст. 58-11 УК РСФСР. Защитники же по делу Рапавы, Рухадзе и других подсудимых на процессе квалификацию действий своих подзащитных не оспаривали, хотя оснований к этому было более чем достаточно. Здесь сказался ситуационный стереотип, владевший в то время не только государственным обвинителем и защитниками, но и судом.

Защитники Савицкого, Парамонова, Хазана и Крымяна обратили внимание суда на необходимость применить к их подзащитным положения ст. 14 УК РСФСР, согласно которым уголовное преследование не может иметь места, когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет, прошло 10 лет и более. В тех же случаях, когда виновные привлекаются к уголовной ответственности за контрреволюционные преступле-

ния, давность применяется по усмотрению суда, однако в примечании 1-ом к ст. 14 УК РСФСР говорится: если суд не найдёт возможным применить давность, то при назначении судом виновному расстрела, таковой обязательно заменяется другими мерами наказания.

Защитники названных подсудимых указали, что со времени совершения преступлений их подзащитными прошло значительно больше 10 лет. После этого они не совершали никаких преступлений, и поэтому, по их мнению, к Савицкому, Кримиану, Хазану и Парамонову не может быть применена высшая мера наказания – расстрел.

Годом позже – 8 сентября 1956 г. при рассмотрении в кассационном порядке дела Пачулия Г.А. Военная коллегия Верховного Суда СССР по указанным основаниям его расстрел заменила на длительный срок лишения свободы (подробно об этом деле рассказано в третьей главе книги).

В заключение своих выступлений защитники просили о сохранении жизни их подзащитным. Кроме указанных оснований, они ссылались и на некоторые данные, характеризующие личность подсудимых. Так, в отношении Церетели защитник просил учесть его сложную и многотрудную жизнь. Хотя он был выходцем из дворянской семьи, но никакими дворянскими благами не пользовался. Он был брошен родителями, и с малых лет познал изнурительный физический труд, Он так и остался почти неграмотным человеком. Церетели активно боролся с бандитизмом в Грузии, боях с бандитами был четырежды ранен.

Защитник Парамонова обратил внимание суда на то, что Парамонов в августе 1937- октябре 1938 гг. в качестве стажёра был помощником у Савицкого, с которого, а также с других сотрудников НКВД Грузии брал пример, применяя физические меры воздействия к арестованным.

В отношении Рухадзе защитник просил учесть, что подсудимый тяжело болен и раскаялся в содеянном.

После выступления защитников суд выслушал последние слова подсудимых, которые по существу не отрицали совершение вменённых им в вину действий. Но вместе с тем они отвергали какую-либо свою причастность к заговорщицкой группе Берии, не считали себя близкими ему людьми. Не признавали они себя

виновными и в измене Родине. Рапава же вообще считал, что он не совершал никаких преступлений, поскольку вменённые ему в вину действия обуславливались сложившейся в то время обстановкой, когда он вынужден был выполнять поступавшие к нему указания. Он не мог отказаться от участия в заседаниях тройки при НКВД Грузинской ССР. В связи с этим Рапава просил в отношении его вынести оправдательный приговор.

Надарая также считал, что он не совершал никаких преступлений и просил учесть это при вынесении приговора.

Остальные подсудимые не отрицали своей вины, но просили о сохранении им жизни, приняв во внимание обстановку, в которой ими совершались преступления, приведшие к тяжким последствиям, а также их раскаяние в содеянном. Кримиан, Савицкий, Хазан и Парамонов просили учесть и то, что после совершения ими преступлений прошло более пятнадцати лет, и в течение этого времени они добросовестно трудились.

Выслушав последние слова подсудимых, в 20 часов 45 минут 18 сентября 1955 г. суд удалился на совещание для вынесения приговора.

В 11 часов 19 сентября суд возвратился из совещательной комнаты, и председательствующий огласил приговор. А.Н. Рапава, Н.М. Рухадзе, Ш.О. Церетели, К.С. Савицкий, Н.А. Кримиан, А.С. Хазан, Г.И. Парамонов и С.Н. Надарая были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-8 и 58–11 УК РСФСР. Рапава, Рухадзе, Церетели, Савицкий, Кримиан и Хазан были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества, Парамонов и Надарая – к лишению свободы соответственно на 25 и 10 лет также с конфискацией имущества.

Все осуждённые были лишены воинских званий, а перед Президиумом Верховного Совета СССР было возбуждено ходатайство о лишении их государственных наград.

Президиум Верховного Совета СССР под председательством К.Е. Ворошилова оставил без удовлетворения ходатайства о помиловании Рапавы, Рухадзе, Церетели, Кримиана, Хазана и Савицкого.

15 ноября 1955 г. они были расстреляны.

История имела небольшое продолжение.

24 октября 1966 г. года определением военного трибунала Приволжского военного округа наказание Парамонову было снижено до 15 лет лишения свободы. Это не было изменением первоначального приговора. Дело в том, что в 1960 г. был принят новый Уголовный Кодекс РСФСР, которым устанавливался максимальный срок лишения свободы 15 лет. В связи с этим лицам, ранее осуждённым к лишению свободы на большие сроки, первоначальный срок в установленном порядке мог быть снижен до новой предельной величины. Вот поэтому и было принято такое решение в отношении Парамонова.

Так закончилось дело, по которому были осуждены ответственные в прошлом работники органов государственной безопасности Грузии, своими преступными действиями причинившими много горя и страданий грузинскому народу.

Часть II

БАГИРОВ И ДРУГИЕ

Баку, апрель 1956 года

Ранее уже говорилось о некоторых особенностях судебного процесса по делу Багирова и других, состоявшегося после прошедшего в феврале 1956 г. XX съезда КПСС. Однако следует сказать и ещё об одной особенности этого судебного процесса. Напомню, что подсудимые по делу Рапавы, Рухадзе и других ссылались на то, что они выполняли, как потом оказалось, преступные указания Бери. В этом же судебном процессе на скамье подсудимых вместе с другими находился тот, преступные указания которого они выполняли, занимая ответственные должности в органах государственной безопасности республики. Это был первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана Мир Джафар Аббас оглы Багиров. Это накладывало определённый отпечаток на содержание показаний других подсудимых, которые свои действия пытались оправдать присущей им исполнительностью, когда они, не задумываясь, делали всё, что от них требовал Багиров. Последний не во всех случаях отрицал обоснованность таких утверждений других подсудимых.

Обстоятельства, исследовавшиеся на этом судебном процессе, показали, как пришедший к руководству Компартией Азербайджана бывший чекист внедрял самые худшие методы чекистской работы в руководство не только партией, но и всеми отраслями народного хозяйства, а также наукой и культурой республики. Впрочем, для эпохи сталинщины это было характерно не только для Азербайджана.

В ходе судебного разбирательства было убедительно подтверждено, что именно Багиров руководил всей деятельностью

органов государственной безопасности республики. Помимо показаний об этом других подсудимых, сказанное подтверждается содержанием многочисленных документов, которые были исследованы судом. Взять хотя бы письмо Берии наркому внутренних дел Азербайджанской ССР Емельянову в связи с направлением в республику группы работников НКВД СССР во главе с заместителем начальника Главного экономического управления НКВД СССР Наседкиным «для оказания [...] практической помощи в развороте следствия по делу арестованных агентов иностранных разведок» (далее указывались фамилии арестованных). В письме Емельянову предписывалось: «Вместе с тов. Наседкиным вам необходимо направить следствие на выявление всех лиц, причастных к шпионской работе в пользу английских разведывательных органов и до конца вскрыть всю практическую вражескую работу, проводившуюся в народном хозяйстве Азербайджана... Особое внимание при этом обратите на вскрытие шпионско-диверсионных очагов в системе Бакинской нефтяной промышленности и выявление каналов связи арестованных шпионов с иностранными разведывательными органами.

Все мероприятия, связанные с выполнением настоящего задания, согласовывайте с секретарём ЦК Азербайджанской КП/б/ тов. Багировым.

О результатах следствия информируйте с высылкой копий всех протоколов допросов».

Вот такое указание было получено Емельяновым, и оно выполнялось беспрекословно. Ну, а что касается вскрытия «шпионско-диверсионных очагов в системе Бакинской нефтяной промышленности», то их «вскрыли», и немалое число работников этой отрасли были затем уничтожены при отсутствии к этому каких-либо, хотя бы самых малейших, оснований.

Судом также были установлены немалочисленные факты участия первого секретаря ЦК КП/б/ Азербайджана в избивании арестованных. Это тоже, пожалуй, можно отнести к особенностям судебного процесса по делу Багирова и других.

Вместе с Багировым перед судом предстали и бывшие руководящие работники НКВД-МВД-МГБ республики Р.А. Маркарян, Х.И. Григорян, Т.М. Борщев, А.С. Атакишиев, и С.Ф. Емельянов.

Дело в отношении названных лиц рассматривалось в открытых судебных заседаниях с 12 по 26 апреля 1956 г. в Баку Военной коллегией Верховного Суда СССР в составе: председательствующего генерал-лейтенанта юстиции А.А. Чепцова и членов – полковников юстиции Г.Е. Коваленко и А.А. Костромина. Обвинение поддерживал Генеральный прокурор Союза ССР Действительный государственный советник юстиции Р.А. Руденко. Защиту подсудимых осуществляли адвокаты В.Н. Гаврилов, Г.С. Семеновский, П.Я. Богачев, Я.М. Нутенко, К.Н. Апраксин и М.М. Гринёв. Секретарями судебных заседаний были капитан М.В. Афанасьев и автор этой книги.

Судебный процесс проходил в городе, который в начале XX века являлся крупнейшим центром революционного движения не только в Закавказье, но и во всём Российском государстве. В пролетарских рядах Баку находились представители более тридцати национальностей, активно боровшихся с царским самодержавием. В этой борьбе участвовали и те, кто потом станет жертвами сталинщины. Среди них: будущий председатель ЦИК Азербайджанской ССР С.М. Эфендиев, будущий председатель СНК республики Д.Х. Буниатзаде и многие другие.

На каждом судебном заседании присутствовали несколько сот человек, которые напряженно, с большим вниманием следили за ходом судебного разбирательства. Гул возмущения прокатывался по залу, когда исследовались факты бесчеловечного обращения с арестованными, рассказывалось о коварстве Багирова. Иногда раздавался смех, горький смех. Это случалось, когда, например, перечислялись, какие антисоветские организации якобы действовали на территории Азербайджана. Так, Григорян в суде показал, что по данным НКВД Азербайджана в 1937–1938 гг. в республике действовали следующие антисоветские организации:

- «троцкистская контрреволюционная организация»;
- «контрреволюционная организация правых (в блоке со всеми другими контрреволюционными организациями);
- «параллельный контрреволюционный центр «запасный контрреволюционный центр»
- «повстанческая контрреволюционная террористическая диверсионная организация».

В районах республики якобы существовали филиалы этих организаций.

Присутствовавшим становилось понятным, что эти «антисоветские организации» – плод уродливой фантазии не только сотрудников НКВД Азербайджана, но и тех, кто сверху направлял их деятельность на выявление и искоренение «врагов народа».

Всем подсудимым вменялись в вину грубейшие нарушения законности, следствием чего явилось уничтожение большого числа ни в чём не виновных людей, в первую очередь тех, кто разоблачал и мог разоблачить далеко не светлое прошлое Берии и Багирова, кто активно выступал против их диктаторских методов руководства. Было уничтожено много и тех, к то к ним не имел никакого отношения, но были «разоблачены» как «враги народа».

Кто же такой Багиров?

Если заглянуть в официальные источники, то можно узнать, что наш «герой» родился 17 сентября 1896 г. в городе Кубе Бакинской губернии в бедной семье. Окончил высшее начальное училище, педагогические курсы, работал учителем в сельской школе. В марте 1917 г. Багиров вступил в партию большевиков. В 1918–1920 гг. находился на ответственной военно-политической работе в армии. В 1920 г. после восстановления советской власти в Азербайджане был заместителем председателя Карабахского областного ревкома, затем комиссаром и председателем реввоен трибунала Азербайджанской дивизии и заместителем председателя реввоен трибунала 11-й армии. С 1921 по 1930 гг. Багиров – председатель Азербайджанской чрезвычайной комиссии, ОГПУ, народный комиссар внутренних дел республики, заместитель председателя Совнаркома Азербайджанской ССР. В 1932–1933 гг. он – председатель Совнаркома республики, а с 1933 г. до апреля 1953 г. являлся первым секретарем ЦК Коммунистической партии Азербайджана и Бакинского горкома партии. Избирался в члены ЦК КПСС, в марте – июле 1953 г. он являлся кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС. Во время Великой Отечественной войны был членом Военного Совета Закавказского фронта. Награжден пятью орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, а также значком «Почетный чекист».

Совсем иным высветился образ Багирова в ходе судебного разбирательства.

После Февральской буржуазно-демократической революции Багирова, проживавшего в Кубе, назначают начальником милиции еврейской слободы, а затем – помощником уездного комиссара Алибека Зизикского, который был крупным помещиком. Эту должность Багиров занимал до конца ноября 1917 г. Уездный комиссариат формировался местными помещиками и другими богачами.

Багиров вместе с Зизикским участвовал в разоружении солдат, возвращавшихся с фронта, причём это не обходилось без кровопролития. Отобранное оружие раздавалось богачам и уголовникам, которые использовались в целях поддержания власти помещиков.

В автобиографии Багиров указывал, что для борьбы с контрреволюционерами в Кубинском уезде он сформировал так называемый «летучий отряд». При допросе же по делу он отказался от этого утверждения, пояснив, что никакой борьбы с беками и другими контрреволюционерами не вёл. Как установлено, «летучий отряд» фактически являлся бандитской группой, занимавшейся грабежами населения, убийствами. Никакого участия в установлении Советской власти в Кубе Багиров не принимал, хотя он всегда это указывал в соответствующих документах.

Багиров и позже поддерживал связь с Зизикским, помог ему легализоваться. При обыске у него были обнаружены копии документов, свидетельствовавших о его совместной службе с Зизикским.

Стремление суда выяснить, когда же Багиров фактически вступил в партию большевиков, не увенчалось успехом. Как пояснил Багиров, собрания, на котором обсуждался бы вопрос о его приеме в партию, не проводилось, а в партию его зачислили три человека, поручившись за него. Позже Багиров утверждал, что в партию был принят на совместном собрании парторганизации 1-й Азербайджанской дивизии, фракции Кубинского районного Совета крестьянских депутатов и большевиков Кубы. Но это утверждалось им, заявил Багиров в суде, «по недоразумению».

К делу приобщена копия протокола собрания партийной организации в связи с проводившейся в 1920 г. перерегистрацией

членов партии. На заданный вопрос Багиров ответил, что в партию он вступил в июне 1918 г., а поручителями были Вилков, Шарапов, Нарчемашвили и Агаев. Между тем установлено, что Нарчемашвили в партию вступил в ноябре 1918 г. и, следовательно, в июне того же года не мог давать своего поручительства Багирову. В суде Багиров утверждал, что указанное время вступления в партию названо им тоже «по недоразумению». Так и осталось невыясненным, когда и при каких обстоятельствах Багиров вступил в партию большевиков,

Признавая установленными те или иные факты, Багиров каждый раз пытался обосновать свои противоречивые объяснения не только о времени вступления в партию, но и по другим фактам, характеризующим его не с лучшей стороны, «недоразумением» или «неточностью, допущенной при заполнении в прошлые годы соответствующих анкет».

Председателя АзЧК Багирова в 1922 г. исключали из партии за злоупотребление властью, избивание арестованных. Однако по просьбе Сталина он был восстановлен в её рядах. Видимо, уже тогда Сталин увидел в Багирове одного из тех, на кого можно опереться, осуществляя свои честолюбивые устремления по захвату власти и утверждению на вершине партokratической пирамиды. В дальнейшем, как это установлено в ходе судебного разбирательства, Багиров пользовался полной поддержкой Сталина и Берии. Характеру их отношений было уделено должное внимание, чтобы уяснить мотивы преступной деятельности Багирова.

Как показал Багиров в суде, с конца 1921 г. и до разоблачения Берии он поддерживал с ним связь, дружил, несмотря на то, что «наблюдал отдельные факты его нечестности и подлости». Защищал Берию во время чистки партии в 1921 г., а Берия защищал его.

Как относился Багиров к прошлому Берии?

В то время, когда Багиров был председателем АзЧК, а Берия его заместителем, в делах мусаватистской контрразведки обнаружили документы, свидетельствующие о службе Берии агентом названной контрразведки по наружному наблюдению с месячным окладом в 800 рублей. Об этом доложили Багирову. Он забрал названные документы и заявил, что в мусаватистскую контрразведку Берия направлялся подпольной бакинской большевистской

организацией. Однако это была легенда, призванная ввести в заблуждение тех, кто не знал фактических обстоятельств биографии Берии. Те же, кто знал, что из себя представлял Берия, впоследствии были уничтожены. И в этом далеко не последнюю роль сыграл Багиров. В Азербайджане были уничтожены старые члены партии – активные участники революционного движения, которые возмущались тем, что агент мусаватистской контрразведки Лаврентий Берия стремительно поднимается вверх по партийной лестнице. Они не могли понять, как такой человек мог занимать пост секретаря Заккрайкома. В расправе над старейшими большевиками – подпольщиками, активными участниками борьбы за установление Советской власти в Азербайджане, выражавшими политическое недоверие Берии, а также недовольство деятельностью Багирова и пытавшимися разоблачить его в грубейших нарушениях законности, активное участие принял сам Багиров,

По указанию Багирова были арестованы члены партии с 1902 г. – И.И. Анашкин, с 1903 г. – Д.В. Веселов и Е.В. Ульянов, с 1904 г. – Баба Алиев, Л.А. Арустамов и М.Г. Плешаков, с 1905 г. – М.Л. Арзаян и Г.И. Попов, с 1906 г. – И.И. Довлатов, Н.В. Манучаров и Б.Н. Овчиян, с 1907 г. – А.С. Багдасаров и Т.К. Дерзабекян и другие. Большинство из них были потом расстреляны (прошли по категории I в так называемых «сталинских списках»), либо погибли в сталинских лагерях.

Конечно же, при всем том нельзя не учитывать и отношение Сталина к Берии, в котором он видел надежного исполнителя всех его желаний. В этой связи нет оснований не верить Багирову, когда он в судебном заседании в своём последнем слове заявил, что когда в 1937 г. официально был поднят вопрос о работе Берии в мусаватистской контрразведке не по заданию партийной организации, то Сталин сказал: «Нам об этом известно». Иных пояснений не последовало. В то время этого было достаточно, чтобы позиция Берии в сформировавшейся системе стала несокрушимой, и развязала ему и Багирову руки.

Поэтому не приходится удивляться, что когда в 1927 г. Багиров был освобожден от должности председателя Азербайджанского ГПУ, то по ходатайству председателя Закавказского ГПУ Берии вновь назначается на прежнюю должность. Берия считал,

что именно Багиров является наиболее подходящей кандидатурой.

И ещё такая деталь. При аресте Берии в его служебном сейфе были обнаружены документы о службе его в мусаватистской контрразведке. На первом листе небольшой папки имеется такая надпись: «Передал мне тов. Багиров 1. XI.39 Л.Б.», то есть эта передача, если верить указанной дате, состоялась после назначения Берии Народным комиссаром внутренних дел СССР. Багиров пояснил, что не помнит, при каких обстоятельствах он передал Берии указанные документы. Такие же объяснения он давал и по другим эпизодам, когда его роль в пособничестве Берии, либо в других неблагоприятных делах выявлялась в невыгодном для него свете.

Биографии других подсудимых не столь ярки по сравнению с биографией Багирова. Тем не менее, на некоторых их страницах следует остановиться.

Хорен Иванович Григорян родился в 1902 г. в селе Севакар Казанского района Армянской ССР. Армянин. Образование незаконченное высшее. На работу в АзЧК в 1921 г. его принял Берия, являвшийся в то время начальником секретно-политического отдела этого учреждения. Григорян занимал должности младшего регистратора, помощника уполномоченного, уполномоченного, старшего уполномоченного. В 1931 г. его назначили начальником отделения секретно-политического отдела АзГПУ, в 1934 г. – начальником этого отдела. В 1937 г. Григорян назначается начальником воднотранспортного отдела, а через полтора года – начальником 3-го отдела. В 1940 г. Григорян становится начальником секретно-политического отдела НКГБ Азербайджанской ССР. С 1943 г. он – заместитель наркома внутренних дел АзССР, с августа 1947 г. – министр внутренних дел Армянской ССР. Уволен со службы после ареста Берии. Генерал-майор.

Григорян всячески подчёркивал свою близость к Берии. В суде же он утверждал, что это было не более, чем бахвальство с его стороны. Однако, установленные фактические обстоятельства свидетельствуют о том, что у Григоряна имелись все основания для такого бахвальства. Помимо того, что Берия принял Григоряна на работу в АзЧК, именно Берия был одним из рекомендовавших Григоряна в партию. Это обстоятельство Григорян неодно-

кратно подчёркивал в своих анкетах. Хотя Григорян никогда не служил в Красной Гвардии, тем не менее он получил красногвардейскую книжку на основании подложной справки, выданной ему Берией. В этой справке утверждалось: «Настоящим подтверждаю, что т. Григорян Хорен состоял в рядах Красной Гвардии в команде Совета рабочих, красногвардейских и матросских депутатов в 1918 году во время мартовских событий в г. Баку. Эта команда возглавлялась мною...», – писал Берия. В действительности же ничего этого не было, в том числе и командира красногвардейского отряда Берии, хотя сам Берия, разумеется, существовал.

Видимо здесь необходимо сделать небольшое отступление и кратко рассказать о мартовских событиях 1918 г. в Баку.

После падения царизма в стране, как известно, установилось двоевластие: власть Временного правительства и власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В Баку Совет рабочих депутатов образовался 6 марта 1917 г. В его составе преобладали меньшевики, эсеры и дашнаки. Большевиков в его составе было всего лишь 9 человек. Большевики вели активную работу по привлечению рабочих на свою сторону с тем, чтобы затем обеспечить переход всей полноты власти в руки Советов рабочих депутатов. Авторитет их среди рабочих Баку рос, к их голосу всё больше и больше прислушивались трудящиеся Баку.

Известие о падении Временного правительства в Петрограде и провозглашении в России власти Советов пришло в Баку 26 октября (8 ноября) 1917 г. На заседании Бакинского Совета 2 ноября 1917 года был избран новый состав Исполнительного комитета Бакинского Совета, который был провозглашен высшей властью в Баку. Таким образом, без вооружённой борьбы власть в Баку 2 ноября 1917 г. перешла в руки Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов.

30 марта 1918 г., опираясь на поддержку буржуазно-помещичьих кругов и в союзе с дагестанскими контрреволюционерами, возглавлявшимися имамом Н. Гоцинским, мусавитисты подняли мятеж. В Баку фактически началась гражданская война.

30, 31 марта и 1 апреля 1918 г. велись ожесточённые бои. С обеих сторон в них участвовали более двадцати тысяч человек, из них более трёх тысяч человек погибли.

1 апреля 1918 г. созданный Комитет революционной обороны предъявил мусаватистам ультиматум с требованием немедленно прекращения военных действий против Советской власти. Ультиматум был принят, и военные действия прекращены.

Вот эти события имелись в виду Берией и Григоряном, когда они фальсифицировали документы, якобы подтверждающие их активное участие в подавлении мятежа мусаватистов в марте 1918 г.

Или вот ещё такой факт. В 1919 г. Григорян был арестован мусаватистской полицией за попытку обменять на рынке сторублевую ассигнацию. В автобиографии и анкетах Григорян постоянно указывал, что из-под ареста его освободил Берия. На самом же деле он был освобождён по ходатайству Армянского консульства в Баку.

Таким образом, уже тогда как Берия, так и Григорян, активно фальсифицировали документы, создавали свои «героические» биографии с целью успешного продвижения по служебной лестнице. Проблемы нравственности и порядочности их не обременяли – для них главным было продвижение по должности, а каким путём и способом, значения не имело.

В 1939 г. сотрудниками Особой Инспекции НКВД СССР было составлено заключение о привлечении Григоряна к ответственности за фальсификацию дел в отношении работников Каспийского пароходства.

Григорян принимает активные меры к тому, чтобы избежать ответственности за фальсификацию уголовных дел. Первое, что он делает – направляет 22 июня 1939 г. письмо Берии. В этом письме говорилось: «Многоуважаемый Лаврентий Павлович! Зорко оберегая Вашу рекомендацию в партию Ленина-Сталина, в течение ряда лет в рядах партии и органах ЧК, ГПУ-НКВД честно, безукоризненно работал за процветание нашей партии. С малых лет в ЧК и по сей день я беспощадно вёл борьбу со всеми врагами нашей партии, с врагами великого советского народа. [...] В числе 2-х – 3-х, верно оставшихся нашей партии, из числа старых работников, одним являюсь я, рекомендованный Вами в великую партию Ленина-Сталина».

В защиту Григоряна выступил и Багиров, который в телеграмме Берии указывал: «После получения заключения особо-

уполномоченного НКВД СССР т. Стефанова от 20 декабря 1939 года, утверждённого т. Кругловым по делу работников АзНКВД Григоряна и Маркмана, подробно ознакомившись со всеми материалами и хорошо зная указанных работников, а также учитывая тяжелое положение с опытными работниками в АзНКВД, убедительно прошу Вас сохранить Григоряна и Маркмана на оперативной работе АзНКВД».

Как показал Емельянов, Багиров запретил выносить на рассмотрение Бюро ЦК АКП/б/ вопрос о Григоряне. В иных подобных случаях такие вопросы обсуждались на заседаниях этого Бюро. И Григорян был оставлен на своём месте, несмотря на то, что прокурор СССР Панкратьев в письме от 24 января 1940 г. информировал Берию о том, что именно Григорян допускал грубейшие нарушения законности в ходе предварительного следствия, требовал от подчинённых ему работников добиваться от арестованных «показаний на руководящих партийных и советских работников...».

Как показал подсудимый Атакишиев, за умение добиваться «признательных» показаний Григорян пользовался особым покровительством наркома внутренних дел республики Сумбатова и считался ведущим работником наркомата. Поэтому не случайно Григоряну поручалось расследование так называемых «ведущих дел», то есть дел на ответственных партийных и советских работников. Атакишиев подтвердил, что Григорян пользовался большой поддержкой и у Багирова. Это не удивительно, такие люди, как Григорян, нужны были не только Берии и Багирову, но и всей тоталитарной системе, сформировавшейся к тому времени в Советском Союзе. Руками таких людей творились многочисленные чёрные дела.

Тимофей Михайлович Борщев родился в 1901 г. в селе Кусары Кусарского района Азербайджана, еврей. Имел незаконченное среднее образование. В органах ЧК-ОГПУ-НКВД-МВД работал с 1920 г., в НКВД Азербайджана – до августа 1938 г. Занимал должности начальника 3-го отдела АзНКВД, с октября 1937 г. до августа 1938 г. являлся заместителем наркома внутренних дел Азербайджанской ССР, а затем наркомом внутренних дел Туркменской ССР. В 1941 г. его перевели на работу в НКГБ СССР на должность заместителя начальника 2-го управления. Через не-

сколько месяцев «по личному указанию Берия Л.П.», как отмечал Борщев в автобиографии, он назначается начальником УНКВД Свердловской области.

И с Борщевым суд не смог до конца разобраться, с какого года он состоял в партии. В анкетах годом вступления в партию он называл 1918-й. Партийный же билет ему выдан лишь в 1920 г. Допрошенный по делу Вельский, который, по утверждению Борщева, рекомендовал его в партию, не подтвердил этого обстоятельства.

В анкетах и автобиографиях Борщев указывал, что за революционную подпольную деятельность он неоднократно подвергался арестам. В суде он пояснил, что это не соответствовало действительности.

В 1920 г. во время работы в АзЧК Борщев был судим за принуждение к сожительству женщины, обвинявшейся в совершении кражи, дело которой он расследовал. Революционный трибунал объявил ему общественный выговор.

На должность заместителя наркома внутренних дел Азербайджанской ССР Борщев был выдвинут Багировым, который, кроме того, предлагал назначить Борщева заместителем председателя Совета народных комиссаров (СНК) республики. Это назначение не состоялось, и Борщев уехал в Туркмению на должность наркома внутренних дел этой республики. Находясь в Туркмении, Борщев поддерживал постоянную связь с Багировым, информировал его о положении дел в этой республике. В исследованных судом письмах Борщев называл Багирова своим учителем, воспитавшим его и давшим ему практическую закалку.

В 1948 г. Борщева уволили в запас по болезни. С назначением в 1953 г. Берии Министром внутренних дел СССР Борщев возвращается на службу в органы государственной безопасности. Имел воинское звание «генерал-лейтенант».

Рубен Амбарцумович Маркарян родился в 1896 г. в городе Шуше Азербайджанской ССР, армянин. Имел двухклассным образованием. В чекистских органах служил с 1921 г. до октября 1953 г. С 1935 г. – в центральном аппарате АзНКВД. Был начальником отделения, а затем возглавлял отдел. В ноябре 1938 г. после ареста наркома внутренних дел Азербайджанской ССР Раева Маркарян до февраля 1939 г. временно исполнял обязанности наркома внутренних дел республики. В феврале 1939 г. по ини-

циативе Багирова назначен заместителем народного комиссара внутренних дел АзССР. С 1943 г. – нарком внутренних дел Дагестанской АССР. Депутат Верховного Совета СССР с 1946 по 1954 г., с 1950 г. депутат Верховного Совета Дагестанской АССР. Генерал-лейтенант.

Ага Салим Ибрагим оглы Атакишиев родился в 1903 г. в г. Баку, азербайджанец, с незаконченным средним образованием. С 1921 г. служил в уголовном розыске, а с 1924 г. – в АзГПУ. В 1929 г. привлекался к уголовной ответственности за злоупотребление служебным положением, присвоение и растрату государственных денежных средств и за разглашение секретных сведений. Коллегией АзГПУ 5 сентября 1929 г. было принято решение Атакишиева «приговорить к заключению в концлагерь сроком на три года с увольнением из органов ОГПУ без права поступления». Коллегия Закавказского ГПУ наказание Атакишиеву заменила условным лишением свободы. Позже на работу в органы ГПУ Атакишиева восстановил Берия, являвшийся в то время председателем Закавказского ГПУ. В Азербайджан Атакишиев возвратился во второй половине 1933 г. и работал там до июля 1954 г. В органах государственной безопасности АзССР он занимал различные должности. Последняя его должность – заместитель министра внутренних дел Азербайджанской ССР. Дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР. Генерал-майор.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что Атакишиев ретиво выполнял все указания Багирова, угодничая и подхалимничая перед ним. Неоднократно указывал, что его воспитателем является Багиров, который непосредственно руководил его работой.

Подсудимый Борщев охарактеризовал Атакишиева как «грязного типа, крупного вора».

Позже всех из подсудимых в органы НКВД пришёл Степан Федорович Емельянов. Родился он в 1902 г. в деревне Ташлиер Таканьшского района Татарской АССР, русский. Имел высшее инженерное образование. В течение девяти месяцев являлся секретарём одного из райкомов партии города Баку. В феврале 1939 года Багиров выдвинул Емельянова на должность народного комиссара внутренних дел Азербайджанской ССР. Генерал-майор.

Таким образом, партийный функционер стал во главе наркомата внутренних дел республики, не имея ни практического опыта,

ни хотя бы какой-то теоретической подготовки в сфере чекистской деятельности. К сожалению, до недавнего времени считалось, что партийный руководитель способен возглавить любое ведомство. Очевидная некомпетентность таких руководителей привела к многочисленным провалам в различных сферах народного хозяйства, управления, науки и культуры. Такие выдвиженцы были удобны для власть предержащих – они обеспечивали выполнение самых невероятных, самых бесчеловечных акций, поскольку были полностью зависимы от тех, кто их выдвигал на высокие должности. Известно, во что это выливалось в деятельности органов государственной безопасности. Справедливости ради отмечу, что из всех подсудимых Емельянов хотя бы имел высшее образование.

Перед судом должен был предстать ещё один человек – Ювельян Давидович Сумбатов-Топуридзе, служивший в АзЧК с 1921 г. В 1922 г. Берия ему тоже выдал справку, разумеется подложную, что тот с 1918 г. якобы являлся членом подпольной большевистской организации. Наличие этой справки позволило Сумбатову вступить в партию большевиков. Раньше он не мог этого сделать, поскольку с 1905 г. являлся членом меньшевистской партии, что, как правило, являлось почти непреодолимым препятствием для вступления в партию большевиков. Сумбатов занимал должность наркома внутренних дел Азербайджанской ССР. Когда же Берия стал народным комиссаром внутренних дел СССР, – должность начальника одного из управлений НКВД СССР занял Сумбатов. Затем он вернулся в Азербайджан, и при активной помощи Багирова был назначен заместителем председателя Совета Министров республики.

Сумбатов был очень жестоким человеком, принимал непосредственное участие в истязаниях многих арестованных руководящих советских и партийных работников.

Однако в связи с психическим заболеванием Сумбатова-Топуридзе дело о нём было выделено в отдельное производство.

Значительная часть судебного разбирательства была посвящена исследованию обстоятельств совершения Багировым вменённых ему в вину преступлений. Но и все эпизоды обвинений, предъявленных другим подсудимым, также были исследованы полно и всесторонне. Судебное разбирательство выявило истин-

ное лицо «борцов с врагами народа», их место и роль в созданной Сталиным и его приспешниками системе беззакония. «Первую скрипку», как это установлено в суде, по разворачиванию борьбы против «врагов народа» в Азербайджане играл Багиров. Фактически не отрицал этого и сам Багиров. Он подтвердил, что аресты старых членов партии, лиц, занимавших высокие государственные и партийные посты в республике, производились с его санкции. На прямой вопрос адвоката Я.М. Нутенко, давал ли он санкции на арест руководящих работников Азербайджана, Багиров ответил: «Да, давал».

Высокопоставленный партийный функционер, беспрекословно выполнявший все указания Сталина, оказался наверху всех властных структур, формально предусмотренных Конституцией. Именно от Багирова, а не от прокурора, как это предусматривалось действовавшим законодательством, зависело арестовывать или не арестовывать того или иного человека. Арест же, как уже отмечалось, влёл за собой единственное последствие – осуждение то ли судом, то ли тройкой. Применительно к решениям, принимавшимся тройками, вряд ли правомерно говорить об осуждении – здесь имела место просто расправа, оформленная видимостью проведения некоторых следственных действий. Затем составлялось обвинительное заключение, и дело направлялось на рассмотрение тройки, в состав которой входили первый секретарь ЦК Компартии союзной республики, нарком внутренних дел и прокурор этой республики. На заседание тройки обвиняемый не вызывался. Дело докладывалось обычно тем, кто вёл следствие по этому делу. Принимавшееся решение оформлялось протоколом. В левой части листа протокола указывалось, какое дело, и в отношении кого это дело рассматривалось, в чём обвинялся этот человек, кто докладывал дело. В правой части листа протокола формулировалось принятое решение. Протокол подписывался членами тройки. После этого принятое решение приводилось в исполнение. Решений об оправдании обвиняемых тройки не выносили, в редких случаях дела направлялись на дополнительное расследование, да и суды того времени в практике рассмотрения поступавших к ним из органов НКВД дел ненамного отличались от пресловутых троек и других несудебных органов, рассматривавших уголовные дела о государственных преступлениях, в абсолютном своём большинстве сфальсифицированных.

Об обстановке, сложившейся к середине 30-х годов не только в Азербайджане, но и во всей стране, об оценке этой обстановки, которая давалась представителями официальной власти и партийными руководителями высокого ранга, о направлениях дальнейшей деятельности всех структур партийных органов убедительно свидетельствует содержание выступления Багирова на Бакинском партийном активе 13 июля 1937 г. Он говорил: «Только за последнее время мы окончательно разоблачили гнусных врагов партии и народа – Эфендиева, Слуцкого, Султанова, Довлатова, Фарадж-заде и других. После последней Бакинской конференции, после XIII съезда АКП(б) эти враги, сидя до последнего времени на ответственных постах, тонко маскировались, продолжали свою гнусную подрывную, контрреволюционную, диверсионную шпионскую работу. Нет никакого сомнения, что их охвостья ещё продолжают гнездиться в отдельных звеньях советского и хозяйственного аппарата. И сами эти враги вынуждены перед неоспоримыми фактами и документами заявлять в своих показаниях в следственных органах о том, с кем они имели дело, кто им помогал, кто являлся их агентами в тех или других организациях».

Как видим, здесь есть всё: констатация того, что враги проникли во все сферы советского общества, что они ведут опасную для государства преступную деятельность, но органы НКВД не дремлют и добиваются того, что разоблачённые «враги» не только признаются в совершенных ими преступлениях, но и «разоблачают» других преступников. В этом не только весь Багиров, но и все те, кто в то время находился на вершине партokratической пирамиды и, не задумываясь, следовал и других вёл по пути, указанному «вождём всех народов».

Определяя роль Багирова в насаждении произвола и беззакония, нельзя не остановиться на том, как он относился к необходимости соблюдать действующие законы. Это Багиров убедительно продемонстрировал в выступлении на Бакинском партийном активе. Он говорил: «Не пора ли нам, товарищи, сейчас посмотреть, кто берёт под защиту, кто чересчур с большой заботливостью проверяет соблюдение советского закона? Не пора ли сейчас этих людей взять под сомнение?».

Пожалуй, этим всё сказано. Зачем соблюдать какой-то закон, если всем ясно, что во все отрасли народного хозяйства, во все звенья партийного аппарата проникли враги народа, с которыми необходимо бороться? Ведь известно, что с победой социализма обострится классовая борьба. Об этом сказал «вождь народов», а он никогда не ошибается, поэтому его «мудрые указания» необходимо безоговорочно выполнять. И они выполнялись, к несчастью народа нашего.

Таким было мировоззрение и психология многих руководящих деятелей того времени. К сожалению, и в новой России далеко ещё не изжито такое же отношение к необходимости строжайшего соблюдения действующего законодательства.

Любопытно отметить, что фактически руководя всей работой органов НКВД-МВД-МГБ республики, Багиров, как показал Емельянов, письменных указаний об аресте того или иного лица никогда не давал – им делались только устные распоряжения. Малейший намёк на необходимость сделать письменное распоряжение вызывал у Багирова гнев, и этот намёк расценивался как проявление недоверия к нему – представителю ЦК ВКП/б/. Тот же Емельянов в суде заявил: «Фактически Багиров был министром и внутренних дел, и государственной безопасности, а мы с Якубовым (в то время министр внутренних дел АзССР) были простыми исполнителями. Он вникал в нашу работу буквально до мелочей».

Действительно, так и было. Багирову было с кого брать пример.

Как это следует из показаний Емельянова, Багиров внимательно относился к подбору работников в НКВД Азербайджана, направлял туда тех, на кого он мог положиться, будучи уверенным в том, что любые его указания исполнятся беспрекословно. Так, Багиров направил на работу в наркомат внутренних дел судей Верховного Суда республики, которые в прошлом рассматривали дела о контрреволюционных преступлениях. Председатель же Верховного Суда Керимов был назначен заместителем Емельянова и ведал следственной работой. Таким путём Багиров стремился связать сотрудников НКВД и судов воедино, чтобы в дальнейшем не возникало никаких проблем в расследовании и рассмотрении дел в отношении «врагов народа».

В ходе судебного разбирательства было установлено, что если арестованный давал показания, избобличавшие в совершении преступлений лиц, занимавших высокие посты в партии и государстве, то эти показания в протокол сразу не вносились, а докладывались сначала Багирову, и уже от его решения зависело, вносить ли эти показания в официальный протокол допроса. Тем самым ещё раз подтверждается, что всей деятельностью чекистских органов фактически руководил Багиров. Поэтому его утверждение в суде, что он не знал о творившемся в этих органах беззаконии, прозвучало крайне неубедительно.

Как уже отмечалось, Багиров активно расправлялся с теми, кто хотя бы в малейшей степени выражал недовольство его действиями и действиями Берии, либо высказывал критические замечания в их адрес.

В этой связи можно сослаться на судьбу работника АЗНКВД Нодева, который плохо отозвался о Берии, как о чекисте. Это не прошло мимо Багирова. Выступая 25 декабря 1936 г. на заседании Бюро ЦК АКП/б/, он сделал следующее заявление: «К вашему сведению, борьбу с контрреволюционной разведкой партия поручила ему [Берии. — *Н.С.*] ещё в подполье... Кому-кому, а Нодеву, более чем другим, должна быть известна обстановка, в которой большевистская организация Закавказья борется с врагами партии... Не имея оснований, т. Нодев болтает зады тех, которые действительно получили по рукам от партии и советской власти через тов. Берия и руками тов. Берия. И сегодня, вместо того, чтобы вместе со всей большевистской организацией воздать должное тов. Берия за его большевистскую упорную борьбу за последние 5–6 лет в Азербайджане, вы пускаетесь на болтовню. С этим мы никак не можем согласиться. Я думаю, надо будет поставить вопрос перед Наркомвнуделом о снятии Нодева и объявить ему выговор с последним предупреждением».

После заседания Бюро ЦК АКП/б/ Багиров направил Ежову телеграмму следующего содержания: «За недопустимую клеветническую антипартийную болтовню на т.Лаврентия Павловича Берия бюро ЦК АКП/б/ решило объявить выговор зам. нач. АЗНКВД Нодеву и постановило просить вас снять его с работы».

Из содержания выступления и телеграмм видно, как заботился Багиров о защите авторитета Берии.

Ну, а что с Нодевым? В 1937 г. он был арестован, необоснованно обвинён в совершении тягчайших преступлений и расстрелян.

Такая же участь постигла и других, посмевших в разное время выступить против Берии и Багирова, либо высказать лишь недовольство их действиями.

В 1921 г. во время чистки партии против Багирова выступил работник АзЧК Шамсов. Берия же, являвшийся заместителем Багирова, защищал своего патрона. В 1921 г. расправиться с Шамсовым не удалось. Это было сделано в 1937 г. По справке, составленной Атакишиевым, Шамсова арестовали. Обвинительное заключение по сфальсифицированному в отношении Шамсова делу утвердил Борщев. Шамсова расстреляли. Борщев же утвердил обвинительное заключение и по делу жены Шамсова.

В том же 1921 г. против Берии во время чистки партии выступил Шахбазов (впоследствии нарком просвещения АзССР). В защиту Берии выступил Багиров. Шахбазов потом тоже был расстрелян.

О том, что Багиров не только держал под постоянным своим контролем деятельность НКВД республики, но и принимал меры к расправе с неугодными ему людьми, свидетельствует такой факт.

Член Центральной Контрольной Комиссии АКП/б/, заведующий кафедрой заочного института при народном комиссариате просвещения Азербайджанской ССР Таги Заде Кудрат Баба оглы возмущался незаконными действиями Багирова, писал жалобы в соответствующие инстанции. Багирову, естественно, об этом стало известно, и 8 апреля 1938 г. Таги Заде арестовали. Багиров писал наркому внутренних дел республики Раеву: «О ходе следствия по данному делу прошу меня информировать, так как я уверен, что этот тип является старым разведчиком». Таким образом, приговор Таги Заде был вынесен. На вопрос, что послужило основанием к аресту Таги Заде, Багиров ответил: «Он очень много писал на меня». Выходит, достаточно было проявить недовольство какими-либо действиями Багирова, чтобы оказаться «старым разведчиком», разумеется, вражеским. А что следовало за этим – известно.

Допрошенный в суде Таги Заде рассказал, как велось следствие по его делу. Поскольку он не признавал себя виновным в со-

вершении особо опасных государственных преступлений, в том числе во вредительстве, его в течение нескольких дней жестоко избивали. Избиения продолжались по 7–8 часов. Он часто терял сознание, мучила жажда, пить не давали. Требовали признать себя виновным, подписать протокол допроса, и тогда дадут напиток. Он сумел перехитрить своих истязателей: попросился в туалет, и там успел напиться из унитаза.

Во время одного из допросов, показал далее Таги Заде, в кабинет следователя зашёл Атакишиев. Узнав, что он не признаёт себя виновным, стал бить его по лицу. Затем зашли пять следователей, и по команде Атакишиева стали жестоко избивать подследственного.

Военным трибуналом Закавказского военного округа Таги Заде был осуждён к лишению свободы сроком на 10 лет, отбыв которые он затем в течение 8 лет находился в ссылке. И таких, как Таги Заде, ох как много было в Советском Союзе.

В ходе судебного разбирательства была выявлена и неблагоприятная роль Багирова в оказании активной помощи Берии в сборе данных, компрометировавших Серго Орджоникидзе.

Багиров пояснил в суде, что Берия по отношению к Орджоникидзе вёл себя подло, но он, Багиров, мер к разоблачению такого его поведения не предпринимал, «зная отношение Сталина к Берии». Кроме того, необходимо иметь в виду, что Орджоникидзе был против назначения Багирова секретарём ЦК Компартии Азербайджана. Предложение же о таком назначении исходило от Сталина. Поэтому не приходится удивляться тому, что у Багирова не было оснований питать дружеские чувства к Орджоникидзе.

Установлено, что бывший председатель Госплана республики А.М. Фарадж-Заде оглы, подвергавшийся после ареста жесточайшим избиениям и назвавший 385 «членов контрреволюционной организации», на допросе 17 октября 1937 г. в числе «членов» этой «организации» назвал и Серго Орджоникидзе. Через два дня, 19 октября 1937 г. Багиров направил Сталину письмо следующего содержания.

«В ЦК ВКП/б/ товарищу Сталину.

Двадцатого августа с/г арестованный член к.-р. националистического центра Гасан Сафаров в своём показании, со слов другого

члена азерб. контрреволюционно-националистического центра Фарадж-Заде, в числе других назвал фамилию Серго Орджоникидзе, как знавшего о наличии и работе к. р. троцкистско-националистических формирований в Азербайджане.

Допрошенный 17 октября с/г Фарадж-Заде подтвердил показания Гасана Сафарова. Одновременно Фарадж-Заде, помимо личной своей связи с Серго Орджоникидзе, ссылается на арестованных к. р. националистов Рухуллу Ахундова, Караева Али Гейдара и Буниат-Заде.

Мною поручено допросить по этому поводу Караева и Буниат-Заде, которые сидят в Баку.

Ахундов содержится в Москве при НКВД Союза.

Посылая показания Сафарова и Фарадж-Заде, прошу поручить НКВД Союза допросить по существу их Ахундова.

Приложение: упомянутое: 1. показания Гасана Сафарова;
2. показания Фарадж-Заде.

Секретарь ЦК КП/б/ Азербайджана М.Д. Багиров».

Следовательно, не только Багиров знакомился с выбитыми у арестованных показаниями о «враждебной деятельности» Серго Орджоникидзе, но и «отец народов» внимательно следил за тем как собирались «доказательства» виновности покончившего с собой ещё в феврале 1937 года (а может быть, убитого?) Серго Орджоникидзе, да иначе и быть не могло. Вряд ли у кого-нибудь могут возникнуть сомнения относительно того, что компрометирующие материалы в отношении Орджоникидзе могли собирать вопреки воли Сталина.

Фарадж-Заде приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 21 апреля 1938 года признан виновным в том, что являлся одним из руководителей контрреволюционной шпионской террористической организации, якобы существовавшей в Баку, и осуждён к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение.

Упомянувшийся в письме Али Гейдар оглы Караев родился в 1896 г. в семье мелкого торговца, учился в политехническом институте, принимал активное участие в революционном движении. С конца 1917 г. являлся членом Тифлисской организации «Гуммет» («Энергия»), от которой входил в состав парламента буржуазной Грузии, а с декабря 1918 г. – в состав мусаватского парламента Азербайджана. В то же время Караев был членом

Бакинской рабочей конференции – постоянно действовавшей легальной организации рабочих. Эта организация активно защищала интересы рабочих и с её позицией по тем или иным вопросам вынуждены были считаться органы тогдашней власти в Баку. В 1919 г., то есть ещё до восстановления советской власти в Азербайджане, Караев был принят в Компартию, и с тех пор находился на руководящей работе в партийных и советских органах. С февраля 1920 г. он – член ЦК АКП/б/, с апреля того же года – член Азербайджанского временного ревкома. Позже был наркомом юстиции и труда, с июня 1920 г. – председатель исполнительного Комитета Бакинского Совета. С июня 1920 г. по январь 1923 г. – наркомвоенмор Азербайджанской ССР. С 1923 г. на партийной работе в Закавказье и Москве, был секретарём ЦК АКП/б/, работал в аппарате Исполкома Коминтерна, являлся членом ЦИК СССР.

В течение ряда лет Багиров интриговал против Караева. Он не мог забыть, что в 1927 г. по настоянию Караева и других членов Президиума ЦК АКП/б/, как склочник и интриган; был снят с поста председателя АзГПУ. Попытка Багирова опорочить Караева была пресечена секретарём Заккрайкома ВКП/б/ И.Д. Орахелашвили и другими членами Бюро Заккрайкома партии.

В 1936 г. Багиров, что называется, перешел в наступление против Караева, работавшего в то время в Москве в Историко-партийном институте Красной профессуры. Багиров написал письмо Ежову с просьбой привлечь Караева к уголовной ответственности. Не сразу, но 1 июля 1937 г. на основании так называемого отдельного требования НКВД Азербайджанской ССР Караев был арестован и этапирован в Баку. Одновременно с ним без каких-либо к тому оснований, была арестована и жена Караева, врач Шабанова.

К этому времени в АзНКВД уже был сфальсифицирован ряд дел о так называемой буржуазно-националистической организации, ставившей своей целью свержение советской власти путём вооружённого восстания и образования буржуазного Азербайджанского государства. Считалось, что «центр» этой «организации» возглавляют бывшие секретари ЦК КП/б/ Азербайджана Р. Ахундов и А.Г.К. о. Караев, председатель ЦИК АзССР С.М. Эфендиев, председатель СНК АзССР У. Рахманов и другие руководя-

щие работники республики, которые занимались шпионажем в пользу иностранных разведывательных органов, осуществляли вредительство и диверсии, готовили террористические акты в отношении Берии и Багирова, создавали многочисленные повстанческие организации, снабжаемые иностранные оружием.

Выступая на III Пленуме ЦК КП/б/ Азербайджана, проходившем 1–2 марта 1938 г., Багиров как бы подвёл предварительный итог принятым мерам по разоблачению «врагов», проникших в высшие эшелоны власти. Он заявил: «Все эти господа – Ахундов, Мусабеков, Юсуф Касимов, Караев, Рахманов – все они вынуждены следственными данными, приставленными к стенке, дать развёрнутые показания, что все они, как правило, служили, по крайней мере, контрразведкам двух капиталистических фашистских стран, что они готовили не только так называемый переворот, не только отчуждение Советского Азербайджана, но и продажу, расчленение его по частям своим хозяевам, на службе которых они находились как разведчики».

В течение пяти месяцев после ареста Караев не признавал себя виновным ни в чём, несмотря на то, что его жестоко избивали. Но силы и физические возможности человека небеспредельны, и 4 декабря 1937 г. Караев вынужден был оговорить себя в преступлениях, которые он не совершал, назвал «членов» антисоветской организации. На следующий день он отказался от этих показаний, в связи с чем были составлены два акта. В результате продолжавшихся избиений 8 декабря 1937 г. Караев вновь признал себя виновным, после чего его больше не допрашивали.

Дело Караева было рассмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 21 апреля 1938 г. В суде Караев заявил, что на предварительном следствии он вынужден был оговорить себя. По делу фактически не установлено никаких доказательств виновности Караева в совершении вменявшихся ему преступлений. Тем не менее он был признан виновным в том, что вёл активную борьбу против советской власти. В 1929 г. якобы вошёл в состав контрреволюционной националистической организации в Азербайджане, а в 1933 г. стал одним из её руководителей. В Москве являлся членом центра и руководителем Московской группы контрреволюционной националистической организации, был инициатором совершения террористических актов в отношении

руководителей партии и правительства и подготовки вооружённого восстания. Ни одного из этих преступлений Караев не совершал.

Караев приговорён к расстрелу и расстрелян. К длительному сроку лишения была осуждена его жена – Шабанова.

На процессе 1956 г. были всесторонне исследованы обстоятельства, связанные с фальсификацией так называемых «шемахинского» и «али-байрамлинского» дел. Суть их заключалась в том, что стараниями работников АЗНКВД под руководством Багирова была создана легенда, подкреплённая арестами большого числа людей, согласно которой на территории Азербайджана якобы действовала широко разветвлённая сеть контрреволюционных организаций, готовивших вооружённое восстание под руководством бывшего секретаря ЦК КП/б/ Азербайджана Р. Ахундова, бывшего наркома коммунального хозяйства Г. Султанова и бывшего наркома земледелия Г.С. Везирова.

Кто они такие?

Рухулла Али оглы Ахундов родился в 1897 г. С 1917 г. являлся членом азербайджанской группы левых эсеров, и в тесном контакте с большевиками принимал участие в революционном движении в Азербайджане. В 1919 г. вступил в партию большевиков. После восстановления Советской власти в Азербайджане в 1920 г. возглавлял отдел ЦК АКП/б/, затем был секретарём Бакинского комитета партии. В 1924–1930 гг. – секретарь ЦК КП/б/ Азербайджана, с 1930 г. – секретарь Заккрайкома ВКП/б/. Был народным комиссаром просвещения АзССР и находился на научной работе. Перевёл на азербайджанский язык сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Имел научные труды по истории, литературе, искусству.

В судебных заседаниях Багиров характеризовал Ахундова как глубоко партийного человека, наиболее подготовленного партийного руководителя. В то же время, сославшись на то, что верил Сумбатову, возглавлявшему НКВД Азербайджана, не мог спасти Ахундова, на которого было «получено много прямых показаний арестованных». В этой связи, по меньшей мере наивно прозвучит вопрос: «Неужели Багиров не знал, как получались тогда «прямые показания?»». Конечно же, знал. И здесь, как и в других случаях, проявилось двоедушие Багирова, который был одним из творцов царившего в то время беззакония.

Ахундова арестовали 17 декабря 1936 г. по требованию Багирова. В тот же день состоялось постановление Бюро ЦК АКП/б/ об исключении Ахундова из партии как «контрреволюционера, троцкиста». Это постановление подписал Багиров. Перед арестом Ахундов был директором Азербайджанского филиала Академии наук СССР и начальником Управления по делам искусств при СНК Азербайджанской ССР.

Как показал допрошенный по делу свидетель Нуриев, Ахундов был арестован вскоре после крупной ссоры с Багировым, которого Ахундов обвинил в деспотизме и в том, что Багиров хочет единолично управлять Азербайджаном, не считаясь ни с чьим мнением.

Установлено, что даже письма, обнаруженные при обыске у Ахундова, были посланы Багирову. После ознакомления с их содержанием Багиров направил наркому внутренних дел республики Сумбатову письмо такого содержания: «Из присланных сегодня [...] на моё имя пачки писем, обнаруженных у Рухуллы Ахундова, посылаю вам обратно копии двух писем Талыблы на имя Рухуллы Ахундова, Этих писем достаточно для того, чтобы немедленно арестовать Талыблы и, в совокупности со всеми данными, которые до сих пор имелись, допрашивать его как махрового мусаватиста, в течение ряда лет ведшего в Азербайджане мусаватистскую работу.

О ваших мероприятиях прошу сообщить мне.

Секретарь ЦК и БК КП/б/ Багиров М.Д.».

Что это, как не указание первого партийного лица республики об аресте конкретного лица? Вот такая страшная система была сформирована к середине 30-х годов.

В течение длительного времени Ахундов категорически отрицал свою вину в приписывавшихся ему деяниях. К нему применялись изощренные методы принуждения к даче нужных следствию показаний, его жестоко избивали и пытали. В допросах Ахундова участвовал и Багиров.

О том, как велось «следствие» по делу Ахундова, свидетельствуют следующие факты, отраженные в нем. Из протокола допроса от 22 июня 1937 г. и двух актов, составленных следователями, видно, что «с вечера 21 июня и до 5 часов дня 22 июня 1937 г. от Ахундова добивались ответа о его принадлежности

к контрреволюционной националистической организации». В течение двух суток 16 и 17 июля 1937 г. следователи добивались от Ахундова признания в том, что он вёл борьбу против политики партии и советской власти.

В июле 1937 г. воля Ахундова была сломлена, и он на допросах 24 и 27 июля дал пространные показания о своей враждебной деятельности, назвал многих лиц, якобы являвшихся членами националистических контрреволюционных организаций. Однако 29 июля 1937 г. он отказался от этих показаний и, как указано в составленном в связи с этим акте, его показания 24 и 27 июля 1937 г. не соответствуют действительности.

С целью изобличения названных Ахундовым лиц в совершении тяжких преступлений копии протоколов его допросов 24 и 27 июля 1937 г. были размножены и приобщены к делам соответствующих арестованных, акт же об отказе Ахундова от своих показаний скрыли.

В фальсификации дела по обвинению Ахундова участвовали Григорян и Атакишиев. Последний подписал постановление о предъявлении Ахундову дополнительного обвинения в подготовке восстания, во вредительстве и в подготовке террористических актов.

Дело Ахундова было рассмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 21 апреля 1938 г. Его признали виновным в том, что он в 1920–1921 гг. был активным участником троцкистской оппозиции, вёл борьбу против единства Коммунистической партии. В 1929 г. являлся одним из организаторов, а впоследствии – и руководителем националистической организации в Азербайджане. Под его руководством, указывалось в приговоре, осуществлялось вредительство в сельском хозяйстве, проводились диверсии в нефтяной промышленности, создавались повстанческие вооружённые отряды во многих районах Азербайджана для борьбы против Советской власти, готовились террористические акты в отношении руководителей партии и правительства, насаждалась шпионская сеть для сбора и передачи шпионских сведений германской, турецкой и английской разведкам, создавались повстанческие ячейки в армейских частях, дислоцированных на территории Азербайджана, создан повстанческий центр в Азербайджане. Вот такой букет «преступлений» был вменён в вину

Ахундову. По этому, от начала до конца сфальсифицированному делу, Ахундов был приговорён к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение.

Дело Ахундова явилось исходным для фальсификации целой серии других дел. В подписанных и неподписанных Ахундовым протоколах его допросов значится, что он назвал 260 человек – участников антисоветских организаций.

В результате применявшихся пыток Ахундова принудили назвать участниками контрреволюционных организаций Али Гейдара Караева, Султана Меджида Эфендиева, Гамида Султанова, Гасана Сафарова, Фараджа-Заде, Дадаша Буниатзаде, Гейдара Везирова, Усейна Рахманова и многих других.

В связи с делом Ахундова были арестованы 32 секретаря райкомов партии, 28 председателей райисполкомов, 16 наркомов республики и их заместителей.

В суде оглашался составленный Емельяновым и направленный Багирову «Краткий обзор о ликвидации и разгроме к. р. формирований и антисоветского элемента в Азербайджанской ССР за период с 1 января 1934 года по 1 января 1939 года». В этом обзоре указывалось: «В числе репрессированных участников контрреволюционной, националистической организации изъято:

- а/ бывших секретарей РК КП/б/Аз – 52;
- б/ председателей РИКов – 34;
- в/ директоров заводов и промыслов – 7;
- г/ инженеров – 66;
- д/ бывших наркомов и зам. наркомов – 20;
- е/ профессоров – 8;
- ж/ зав. отделами ЦК – 3;
- з/ военнослужащих – 88;
- и/ совпрофработников – 106».

Это данные только по одной республике. А если взять в масштабе всего СССР?

Фактически по указанию Багирова 24 июня 1937 г. Атакишиевым был арестован председатель ЦИК Азербайджанской ССР С.М. Эфендиев, член партии большевиков с 1904 г. Родился он в 1887 г. в семье священника. Эфендиев основал мусульманскую группу «Гуммет» («Энергия») при Бакинском комитете РСДРП и являлся её председателем. Эта группа была создана для работы

среди трудящихся мусульман. Позже группы и отделения «Гуммет» были созданы и в других городах Азербайджана. Группа «Гуммет» была представлена вместе с Бакинской партийной организацией на VI съезде РСДРП/б/ в 1917 г. Как отмечалось в приветствии ЦК РСДРП/б/, «Гуммет» являлась первой социал-демократической организацией большевистского направления среди трудящихся мусульман.

Эфендиев – участник революции 1905–1907 гг., за революционную деятельность арестовывался органами царской власти.

Был выслан с Кавказа в Казанскую губернию. В 1909 г. участвовал в революционном студенческом движении. В 1915 г. вёл подпольную работу среди судоремонтных рабочих в Астраханской губернии. Эфендиев – один из руководителей борьбы за Советскую власть в Азербайджане. Он был делегатом VI съезда РСДРП /б/ от Бакинской партийной организации. В 1919 г. был назначен заместителем председателя Бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП/б/. Одновременно являлся комиссаром по делам мусульман Закавказья при Народном комиссариате по делам национальностей. С 1924 г. – председатель ЦКК КП/б/ Азербайджана, с 1927 г. – заместитель, а с 1931 г. – председатель ЦИК республики. Эфендиев являлся также членом ЦИК СССР.

Как это следует из данных, полученных в результате судебного разбирательства, Эфендиев обвинял Багирова в диктаторстве, зажиме критики, преследовании старых коммунистов. Пройти мимо этого Багиров, естественно, не мог.

Эфендиева арестовали после выступления Багирова на XIII съезде Компартии Азербайджана в июне 1937 г. Обращаясь к Эфендиеву, Багиров заявил: «Вы послали в Москву так называемых своих родственников в кавычках, дав им заявление на руководство ЦК КП/б/ Азербайджана, на травлю нас [...]. Эфендиев хочет, чтобы мы позволили ему открыто с оружием выступить. Ты сдохнешь, но мы не допустим, мы покончим с тобой во-время и расправимся [...]».

Во время процесса Багиров признал, что Эфендиева арестовали по его указанию, до этого он писал в Москву и просил разрешение на арест Эфендиева. Как видим, такое разрешение он получил. Багиров также заявил в суде, что его «выступления фактически являлись указанием для руководства АЗНКВД».

После ареста Эфендиеву предъявили обвинение в том, что он являлся «членом центра контрреволюционной националистической организации», созданной Р. Ахундовым.

Как и многих других арестованных, Эфендиева жестоко истязали. Его избивал Мусатов – боксёр, привлечённый для ведения следствия в органах АЗНКВД и дослужившийся впоследствии до подполковника. Он избивал арестованных, надев боксёрские перчатки.

Каким цинизмом надо было обладать, чтобы 25 сентября 1937 г. составить акт, подписанный следователем Гвоздёвым и по принуждению – Эфендиевым. Вот его текст: «Эфендиев заявляет, что, несмотря на то, что он никогда членом контрреволюционной националистической организации не был, он вынужден будет дать вымышленные показания о своём участии в этой организации, для чего просит дать несколько дней срока». Стоит ли особо комментировать этот акт? В фальсификации дела в отношении Эфендиева участвовал и Григорян. Эфендиев вынужден был оговорить себя.

В судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 21 апреля 1938 г., продолжавшемся всего 15 минут, Эфендиев отказался от своих показаний на предварительном следствии и заявил что оговорил себя в результате жестких избиений, которым он подвергался в ходе следствия. Однако Военная коллегия Верховного Суда СССР признала его виновным в том, что с 1929 г. он являлся одним из создателей и руководителей антисоветской, троцкистской, националистической, диверсионно-террористической организации в Азербайджане; создал ряд вредительских групп и с их помощью проводил вредительскую работу во всех областях народного хозяйства; руководил организацией повстанческих групп для вооружённой борьбы с Советской властью; был агентом разведки одного из иностранных государств и вёл шпионскую работу в пользу этого государства. Эфендиева приговорили к расстрелу. В тот же день этот приговор был приведен в исполнение.

И вот такая деталь. Эфендиева обвинили и в том, что он готовил террористический акт в отношении Багирова. Как пояснил в суде Багиров, если бы Эфендиев действительно хотел его убить, то он мог это сделать в любое время., поскольку их квартиры были расположены рядом,

Жертвой сталинщины, верным проводником которой был Багиров, стал и активный участник революционного движения в Закавказье Дадаш Ходжа оглы Буниатзаде. Родился он в 1888 г., с 1908 г. состоял в рядах партии большевиков. В 1918 г. был членом исполкома Совета Бакинского уезда и чрезвычайным уполномоченным по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом, членом Бакинского Совета. В 1919 г. – на подпольной работе в Закавказье, член Кавказского краевого комитета РКП/б/. С февраля 1920 г. – член ЦК КП/б/ Азербайджана. В апреле того же года назначается членом Азербайджанского временного революционного комитета и членом Революционного штаба по руководству вооружённым восстанием. С 1928 г. Буниатзаде – председатель СНК Азербайджанской ССР, а в 1932 г. был назначен народным комиссаром земледелия ЗСФСР. Являлся членом ЦИК СССР. Он пользовался большим авторитетом у трудящихся Закавказья, был открытым и доступным для всех руководителем.

Багиров подтвердил в суде, что он «не ладил» с Буниатзаде, вёл против него «интригантскую борьбу».

20 июня 1937 г. Буниатзаде арестовали в Тбилиси и препроводили в Баку.

Следствие по его делу вёл Борщев, являвшийся в то время начальником 3 отдела АзНКВД. Протоколы допросов, в которых Буниатзаде признавал себя виновным в совершении тяжких преступлений, направлялись Багирову, и он читал их.

19 ноября 1937 г. Борщев утвердил постановление о перепредъявлении обвинения Буниатзаде. Вот некоторые выдержки из этого постановления: «Буниатзаде Дадаш, являясь руководителем центра к/р националистической, повстанческой, террористической, диверсионно-вредительской организации, на протяжении ряда лет проводил развернутую вербовочную работу среди руководящих работников АзССР, через коих насаждал повстанческие кадры в районах Азербайджана; принимал непосредственное участие в организации намечавшихся терактов против руководителей партии и правительства; проводил активную вредительскую подрывную работу по сельскому хозяйству Азербайджана; входил в состав центра к/р организации правых в Азербайджане; поддерживал шпионскую связь с иноразведками». Обвинение, как видим, стандартное, страшное, однако не подтверждённое объективными доказательствами.

Борщев пять раз непосредственно участвовал в допросах Буниатзаде. На процессе он подтвердил, что показания о враждебной деятельности от Буниатзаде были получены в результате его жестокого избиения. Установлено, что Борщев избивал Буниатзаде и руками, и резиновой дубинкой. До того, как Буниатзаде признал себя виновным, его в течение трёх дней нещадно избивали. В фальсификации дела по обвинению Буниатзаде также участвовал Григорян.

Багирова постоянно информировали о ходе следствия по делу Буниатзаде.

21 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР Буниатзаде был признан виновным в том, что он с 1930 г. являлся одним из руководителей антисоветской националистической диверсионно-террористической организации, существовавшей, в Азербайджане, осуществлял вредительство в народном хозяйстве, подготавливал террористические акты в отношении Берии, Багирова и Сумбатова, являлся агентом иностранных разведок. За эти, никогда не совершавшиеся Буниатзаде преступления, его приговорили к расстрелу. В суде Буниатзаде не признал себя виновным. Но это уже не имело никакого значения, и приговор был приведен в исполнение.

Багиров имел самое непосредственное отношение к расправе с другим председателем СНК Азербайджана – Усейном Рахмановым. Багиров в суде показал, что Рахманов был арестован по его инициативе. Он «посылал телеграмму Сталину, в которой просил санкцию на арест У. Рахманова», – заявил в суде Багиров. Этот факт ещё раз подтверждает вывод о том, что к уничтожению видных участников революционного движения, крупных деятелей партийных и советских органов причастен сам «отец народов» – Сталин. Ведь без его ведома никто не посмел бы арестовать таких руководителей как Буниатзаде, Рахманов и другие, уже упоминавшиеся и те, о ком ещё будет рассказано.

Как установлено, Рахманов вместе с Багировым поехал в Москву. Там он заболел, и его положили в больницу, где он и был арестован 2 октября 1937 г. Потом его этапировали в Баку. В допросах Рахманова Багиров участвовал лично, причём он не только допрашивал обвиняемого, но и избивал его. В конечном итоге Рахманова принудили оговорить себя. Оговорили Рахманова, как

и себя самих, Гамид Султанов, Везиров, Фарадж-заде, Джуварлинский.

Дело Рахманова рассматривалось 21 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР. Суд был скорый и несправедливый. Его признали виновным в том, что являлся членом центра антисоветской националистической диверсионно-террористической организации, якобы существовавшей в Азербайджане. В 1933–1937 гг. систематически проводил вредительскую работу, направленную на затяжку строительства станкостроительного, гвоздевого заводов и химической фабрики. Участвовал в создании повстанческих ячеек для вооружённой борьбы с Советской властью и насильственного отторжения Азербайджана от СССР. Рахманов был приговорён к расстрелу. Багиров в суде дал утвердительный ответ на вопрос, считает ли он себя ответственным за уничтожение Рахманова.

Большое внимание суд уделил исследованию обстоятельств ареста и уничтожения активного участника революционного движения в Закавказье Левона Исаевича Мирзояна. Родился, он в 1896 г., с 1917 г. – член партии большевиков. В 1925–1929 гг. был секретарём ЦК КП/б/ Азербайджана, с 1933 г. – первый секретарь Казахского крайкома ВКП/б/, с 1937 г. – первый секретарь ЦК КП/б/ Казахстана. С 1934 г. являлся членом ЦК ВКП/б/. Член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР первого созыва.

Багиров пояснил в суде, что после отъезда из Баку С.М. Кирова в Ленинград, у него с Мирзояном «начались трения, совместной работы не получалось». В то время Мирзоян был секретарём ЦК КП/б/ Азербайджана, а Багиров – заместителем председателя СНК Азербайджана. «С моей стороны, – заявил Багиров, – были резкие выступления в адрес Мирзояна».

Маркарян подтвердил, что Багиров ненавидел Мирзояна и «езде его дискредитировал».

Следует отметить, что Мирзоян имел непосредственное отношение к освобождению Багирова с поста председателя АЗОГПУ в 1927 г.

Мирзояна арестовали 22 мая 1938 г. 26 февраля 1939 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело Мирзояна, признала его виновным в том, что он в 1926–1927 гг. совместно с право-троцкистскими и националистическими элементами орга-

низовал в Баку антисоветскую группу, которую и возглавлял. В 1930–1932 гг., работая на Урале, развернул большую подрывную работу в промышленности и в сельском хозяйстве, вербовал в антисоветскую организацию новых её участников. В 1933–1938 гг., будучи секретарём Казахского крайкома, а затем первым секретарём ЦК КП/б/ Казахстана, по заданию Рыкова и Бухарина установил связь с руководителями буржуазно-националистической организации и совместно с ними занимался формированием контрреволюционной повстанческой организации для вооружённого свержения существующего в СССР строя. Мирзоян был приговорён к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение. Была арестована, а затем и расстреляна его жена.

Подлую роль сыграл Багиров в трагической судьбе секретаря ЦК ВЛКСМ, члена ЦК ВКП/б/, депутата Верховного Совета СССР и члена его Президиума А.В. Косарева.

В один из дней 1937 г. на даче Косарева во время ужина хозяин в присутствии Багирова произнёс тост: «За настоящее партийное руководство в Закавказье, которого сейчас там нет». Багиров промолчал. Спустя некоторое время, как показала в суде М.В. Нанейшвили – жена Косарева и дочь известного революционера В.И. Нанейшвили, Косарев узнал, что Багиров сообщил Берии об этом тосте. Берия, который в то время был первым секретарём ЦК Компартии Грузии, высказал неудовольствие тем, что Косарев не считает его настоящим партийным руководителем. После перевода Берии в Москву он 28 ноября 1938 г. вместе с другими работниками НКВД СССР явился на квартиру к Косареву, арестовал его и его жену. 28 ноября 1938 г. был арестован и В.И. Нанейшвили. Ещё раньше был арестован, и 3 июня 1937 г. осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР секретарь Копольского райкома КП/б/ Белоруссии П.В. Нанейшвили (сын В.И. Нанейшвили) к 10 годам тюремного заключения за то, что он якобы являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, а в 1929 г. в Москве создал террористическую группу для совершения террористических актов в отношении руководителей ВКП/б/ и Советского правительства.

На первом допросе 28 ноября 1938 г. и на очных ставках с теми, кто его «изобличал» во враждебной деятельности, Косарев не признавал себя виновным.

Как показал на допросе 28 июля 1954 г. Шварцман, участвовавший под руководством Берии в расследовании дела Косарева, Берия, узнав, что Косарев не признаёт себя виновным, приказал добиться его признания путём пыток и избиений. Косарева стали жестоко избивать. Он вынужден был признать себя виновным в том, что никогда не свершал. Таких «признаний» от Косарева добились 8 декабря 1938 г.

Дело Косарева было рассмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 22 февраля 1939 года. Косарев был признан виновным в том, что являлся руководителем право-троцкистской организации в комсомоле, вёл подрывную работу по развалу комсомольских организаций, установил связь с лидером фашистской молодёжной организации Артуром Беккером и проводил работу, направленную к поражению СССР в войне с фашистскими странами, сотрудничал с немецкой разведкой, передавая ей шпионские сведения, подготавливал террористические акты в отношении руководителей партии и правительства.

Как видим, обвинение Косарева стандартно. Следует лишь указать на то, что Артур Беккер, который, как показывал Косарев, в 1935 г. завербовал его для шпионской работы, член Компартии Германии с 1921 г., бывший секретарь ЦК КСМ Германии. В 1937 г. выехал из Франции в Испанию, участвовал в народно-освободительной войне, а в апреле 1938 г. захвачен в плен франкистами и умер в результате пыток.

Косарев был приговорён к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 23 февраля 1939 г.

Разумеется, уничтожение Косарева «заслуга» не только Берии. К этой акции приложили руки также Сталин и его ближайшие соратники¹.

Вскоре, 14 мая 1939 г., той же Военной коллегией Верховного Суда СССР была осуждена жена Косарева – М.В. Нанейшвили. Приговор оказался более «либеральным» – она была лишена свободы сроком на 10 лет. Её признали виновной в связи «с участниками антисоветской террористической организации, была в курсе их контрреволюционной деятельности», знала о «предательской

¹ См. Полякова Д., Хорунжий В. Отклонялся от генеральной линии // Возвращённые имена. Книга 1-я. – М., 1989. С. 265–295.

деятельности Косарева, с которым неоднократно участвовала на собраниях, участников право-троцкистской контрреволюционной организации [...] где в её присутствии велись контрреволюционные предательские разговоры, направленные против руководства ВКП/б/ и Советского правительства».

Как и многие, М.В. Нанейшвили была арестована без санкции прокурора. После ареста её в течение двух месяцев не допрашивали. Следствие было закончено по обвинению её в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-11 УК РСФСР (участие в контрреволюционной организации). Однако в обвинительном заключении указывалось, что М.В. Нанейшвили совершила преступлений, предусмотренные ст. ст.58–10 (проведение антисоветской агитации) и 58-11 УК РСФСР. При утверждении же обвинительного заключения ст.58-10 УК РСФСР заменена ст. ст.17 и 58-8 УК РСФСР, то есть ей уже вменялось в вину подстрекательство к совершению террористических актов.

Здесь ярко продемонстрировано сверхпренебрежительное отношение к соблюдению требования закона, согласно которым вменять в вину совершение более тяжкого преступления нельзя без его предъявления в ходе предварительного следствия и проведения соответствующего расследования.

После того, как М.В. Нанейшвили отбыла наказание, назначенное ей по приговору Военной, коллегии Верховного Суда СССР, решением Особого совещания при МГБ СССР от 9 марта 1949 г. она была направлена в бессрочную ссылку. Её дочь – Е.А. Косарева по достижении ею восемнадцатилетнего возраста в 1949 г. была сослана в г. Норильск.

В.И. Нанейшвили, член партии с 1903 г., осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР 21 марта 1940 г. к расстрелу. Он был признан виновным в том, что «на протяжении ряда лет являлся участником антисоветской террористической право-троцкистской организации, ставившей своей целью свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР». Ему также было вменено в вину укрывательство от разоблачения, террористов и троцкистов.

На предварительном следствии Нанейшвили вынужден был оговорить себя, но затем отказался от своих показаний. В суде он также не признал себя виновным и заявил, что на предваритель-

ном следствии «под нажимом старшего следователя Матевосова дал ложные показания». Всё это было оставлено без внимания. Приговор в отношении В.И. Нанейшвили был приведен в исполнение.

Следует сказать, что в расследовании дела В.И. Нанейшвили вместе с Матевосовым участвовал и небезызвестный следователь следственной части НКВД СССР Хват. В 1954 г. И.И. Матевосов из органов Госбезопасности был уволен и лишен звания «генерал-майор».

Таким образом, была репрессирована фактически вся семья Косаревых–Нанейшвили, вплоть до третьего поколения. Не эта ли история легла в основу перестроечного кинофильма «Покаяние», в котором рассказывается в том числе и об уничтожении всех членов одного из грузинских родов? Впрочем, подобных примеров «семейных расправ», увы, не единичны.

Преыдущие страницы, как мне кажется, убеждают читателя в том, что хотя в 1937–1938 гг. Багиров и Берия не подчинялись друг другу, тем не менее (и это подтвердил в суде Багиров), если в АзНКВД имелись материалы на руководящих работников центра, то он «об этих материалах, наверно, сообщал Берия».

Данные судебного разбирательства подтвердили, что вся деятельность Багирова была безнравственна. Фактически эта деятельность – составная часть созданной Сталиным системы террора против народа.

Пожалуй, верхом безнравственности было получение с благословения Багирова показаний от уже осуждённых к расстрелу на других лиц, которые к этому времени не были ещё арестованы.

Так, 4 июля 1938 г. были арестованы инструктор Бакинского комитета АКП/б/ Киришбаум и его жена – К.С. Доронина, обвинённые в том, что являлись членами «право-троцкистской организации». Показания же на них были получены от бывшего секретаря Ворошиловского райкома партии Окиншевича, к тому времени уже приговорённого к расстрелу.

Обвинительное заключение по делу Киришбаума и Дорониной утвердил Маркарян. Киришбаум был осуждён к лишению свободы, а Доронина сослана в Красноярский край.

Установлено, что Багиров лично принял меры к тому, чтобы была репрессирована Доронина, которая, как пояснил Багиров,

выступала против него. В связи с этим Багиров написал письмо Берии, в котором утверждал, что Доронина является членом право-троцкистской организации. Просил, чтобы дело Дорониной было рассмотрено Особым совещанием при НКВД СССР, поскольку считал «нецелесообразным освобождение её из-под стражи». На этом письме имеется резолюция Берии о рассмотрении дела Дорониной Особым совещанием.

25 июля 1937 г. Борщев допрашивал Мирзу Гасана Алиева, осуждённого ещё 23 июля 1937 г. к расстрелу. От Алиева домогались показаний на тех, кому только ещё предстояло оказаться в застенках НКВД.

Борщев проводил очную ставку между Дадашевым и уже осуждённым к расстрелу Б. Султановым с целью не только избличения Дадашева, но и получения от Султанова показаний и на других лиц.

Допрошенный в суде бывший заместитель начальника секретно-политического отдела НКВД АзССР В.А. Шнейдер, репрессированный в связи с тем, что ездил в Москву для информирования Ежова, а затем и Берии о творившемся беззаконии в Азербайджане, показал, что относительно осуждённых к расстрелу Багиров высказывался так: «Им нужно дать так, чтобы только можно было донести до места расстрела». В этом весь Багиров. По существу такие же указания давал и Берия.

Следует, кстати, отметить, что почти в каждом деле фигурировало обвинение в подготовке террористического акта в отношении Багирова.

Здесь Багиров не был оригинальным. Он действовал по примеру центра – арестованным в обязательном порядке вменялось в вину подготовка террористических актов в отношении Сталина и его ближайших сподвижников, в частности и в отношении наркома внутренних дел Ежова, который, как мы знаем, позже также был расстрелян. В то время считалось престижным оказаться возможной жертвой террористов. Не имело значения, что таких в природе не существовало.

В подготовке террористических актов обвинялись, в частности, старые члены партии. Упомянувшийся ранее И.И. Довлатов Военной коллегией Верховного Суда СССР, рассмотревшей его дело 21 апреля 1938 г., был признан виновным в том, что с 1932 г.

являлся активным участником антисоветской террористической диверсионно-вредительской организации правых. В 1935 г. создал боевую террористическую группу для совершения террористического акта в отношении секретаря ЦК КП/б/ Азербайджана Багирова. Завербовал в антисоветскую организацию 16 человек. Довлатов был приговорён к расстрелу.

Как и многих других, Довлатова осудили на основании сфальсифицированных материалов. В ходе предварительного следствия по указанию Багирова его жестоко избивали, в результате чего он вынужден был оговорить себя и других. В судебном же заседании Довлатов виновным себя не признал и от данных им на предварительном следствии показаний отказался. Однако это уже не имело никакого значения для Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Читатель, видимо, обратил внимание на то, что дела в отношении Ахундова, Караева, Эфендиева, Буниат-Заде, Рахманова, Фарадж-Заде и Довлатова были рассмотрены Военной коллегией Верховного Суда СССР в один и тот же день – 21 апреля 1938 г. На рассмотрение каждого из этих дел затрачивалось совсем немного времени – не более двадцати минут. Приговор для всех был одинаков – расстрел. В таком же темпе рассматривались фактически все дела, передававшиеся в Военную коллегияю. Ранее уже говорилось, какое место было отведено этому органу в конвейерном механизме уничтожения ни в чём не повинных советских граждан.

На основании постановления Особого совещания при НКВД СССР от 9 июня 1939 г. «за участие в антисоветской организации и агитацию» был заключён в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет начальник геотопографического отдела Азербайджанского нефтекомбината в городе Баку Иван Васильевич Ульянов, член партии с 1903 г., в 1920-егг. – секретарь Бакинского городского комитета партии большевиков. Ульянов, как и другие старые большевики, возмущался тем, что Берия, которого они знали как непорядочного человека, стремительно поднимается вверх по служебной и партийной лестнице. Кроме того, Ульянов высказывал несогласие с политикой коллективизации и заявлял, что критику в партии зажимают. Об этом довели до сведения Багирова, и Ульянов 27 ноября 1937 г. был арестован на основании

ордера, подписанного Борщевым. В ходе следствия его жестоко избивали, несмотря на то, что он был тяжело болен. Как показал свидетель Макаров, Ульянов поддерживал других арестованных, вселял в них уверенность и надежду на то, что правда будет установлена. Ульянов не дождался этого: 27 октября 1939 г. он умер в лагере.

Обвинительное заключение о направлении дела по обвинению Ульянова на рассмотрение Особого совещания подписал Атакишиев, а утвердил Маркрян.

По делу Ульянова установлен такой любопытный факт. Группе учёных было поручено написать историю Коммунистической партии Азербайджана, а старым членам партии И.И. Довлатову, И.В. Ульянову, И.И. Анашкину и Гамиду Султанову – отрецензировать рукопись. Рецензенты, как отмечается в материалах дела Ульянова, просматривая рукопись, «высказали клеветнические взгляды о роли Сталина» в истории революционного движения в Закавказье. Такое обвинение ещё и ещё раз свидетельствует, как настойчиво фальсифицировалась история коммунистической партии в угоду честолюбивым устремлениям Сталина, как возвеличивалась его роль в развитии революционного движения, в частности в Закавказье.

Член партии большевиков с 1903 г. Д.В. Веселов на основании постановления Особого совещания при НКВД СССР от 21 сентября 1940 г. был заключён в исправительно-трудовой лагерь на 8 лет «за участие в антисоветской группировке». Сначала он вынужден был оговорить себя и других в силу известных причин, а затем отказался от этих показаний. Однако ничего уже изменить было нельзя – органы НКВД не ошибались, они арестовывали только врагов народа. Постановление о предъявлении Веселову обвинения в контрреволюционной деятельности подписал Григорян.

Багиров, как и Берия, не прощал тем, кто выступал против него, отстаивал свою точку зрения, отличную от позиции Багирова. У него была хорошая память – он помнил, кто и когда не угодил ему, и если не сразу, то в дальнейшем, когда наступал подходящий момент, справлялся с неугодным ему человеком.

Жертвой такой расправы стал, например, Газанфар Махмуд оглы Мусабеков, член партии с 1918 г., врач по образованию. В 1920–

1922 г. Мусабеков – член ревкома Азербайджана, с 1922 г. – председатель СНК Азербайджана, с 1929 г. – председатель ЦИК республики, а с 1931 г. был председателем СНК ЗСФСР.

Мусабеков решительно выступал против нарушений законности, которые допускал Багиров в бытность его председателем АзЧК и ГПУ Азербайджана. В 1937 г. Мусабеков был арестован, его жестоко пытали и в 1938 г. на основании постановления тройки Мусабекова расстреляли.

Не забыл Багиров и Новруза Ризаева, в 1927 г. сменившего его на посту председателя ОГПУ Азербайджана и поддерживавшего секретаря ЦК КП/б/ Азербайджана Л.И. Мирзояна, который, по словам Багирова, «прорабатывал его».

В 1937 г. Ризаев являлся заместителем народного комиссара коммунального хозяйства Казахской ССР. Его арестовали 31 января 1937 г. на основании показаний других лиц, добытых неоднократно уже описанными методами. Как показала допрошенная по делу жена Ризаева, в момент ареста её муж заявил: «Это [...] Багиров сводит счёты со мной». Да, именно так и было.

Ризаева этапировали в Баку, где его подвергли жестоким истязаниям. В течение 1937–1939 гг. во время допросов от него пытались добиться признания в том, что он являлся участником контрреволюционной буржуазно-националистической организации. Несмотря на пытки и мучения, которым подвергался Ризаев в ходе следствия, он ни в чём себя виновным не признал, настойчиво требовал дать ему очные ставки с теми, кто «изобличал» его в преступной деятельности. Разумеется, никаких очных ставок ему не давалось, дело было отправлено в Казахстан и передано на рассмотрение военному трибуналу войск НКВД Казахской ССР, который своим приговором от 2 августа 1939 г. оправдал Ризаева. В приговоре, в частности, был сделан такой вывод: «На основании имеющихся в деле материалов по обвинению Ризаева в контрреволюционной деятельности и обсудив вопрос о виновности подсудимого, военный трибунал пришёл к заключению, что добытые следствием материалы о контрреволюционной деятельности носят косвенный и разноречивый характер, и в деле совершенно отсутствуют факты контрреволюционной работы».

Можно, конечно, критиковать стиль изложения этого вывода военного трибунала. Но главное, основное им сказано чётко:

«в деле совершенно отсутствуют факты контрреволюционной работы» Ризаева, то есть не имелось оснований для привлечения его к уголовной ответственности.

В январе 1940 г. Ризаев прибыл в Баку повидаться с семьей. Багиров возмутился, он не мог примириться с тем, что Ризаев оправдан. 5 января 1940 г. по указанию Багирова и постановлению, утвержденному Маркаряном, Ризаев был арестован. В этом постановлении указывалось, что освобожденный из-под стражи в 1939 г., Ризаев является агентом иностранной разведки. В то же время в постановлении ничего не говорилось об оправдании Ризаева военным трибуналом. В фальсификации дела по обвинению Ризаева участвовал также и Григорян.

Показания о том, что Ризаев является агентом иностранной разведки, были получены 4 февраля 1940 г. от арестованного 27 сентября 1939 г. А.В. Рохлина.

Кто такой Рохлин? Родился он в 1881 г., с 1902 по 1914 гг. являлся членом РСДРП/б/, вёл подпольную революционную работу, за что подвергался репрессиям. В 1915 г., находясь в ссылке, примкнул к меньшевикам, и в 1916–1920 гг. состоял в партии меньшевиков. В 1918 г. после падения Советской власти в Баку входил в состав правительства Диктатуры ЦентрКаспия, сформированного вместо Бакинского СНК. В 1921 г. Рохлин вновь вступил в партию большевиков, но во время партийной чистки был исключен из неё как бывший меньшевик. С 1921 по 1939 гг. работал в различных советских учреждениях, занимая руководящие должности. Перед арестом он возглавлял сектор эксплуатации Главжилуправления жилищно-коммунального хозяйства.

В результате избиваний на предварительном следствии Рохлин оговорил себя и Ризаева. Рохлина избивал и Маркарян.

В судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 13 июля 1941 г. Рохлин заявил: «У меня было 40 очных ставок, на которых я изобличал множество людей в шпионаже, но делал это я потому, что меня били». Иных доказательств в деле не имеется. Тем не менее Рохлин был признан виновным в том, что он являлся агентом царской охранки, а с 1919 г. – английским шпионом, состоял членом контрреволюционной организации, в 1938–1939 гг. вёл подготовку к совершению диверсионных актов на промышленных предприятиях Баку и террористических актов

в отношении руководителей ЦК КП/б/ Азербайджана, систематически проводил антисоветскую агитацию. Рохлин был приговорён к расстрелу.

Таким образом, «доказательства», подтверждающие принадлежность Ризаева к иностранной разведке (кстати, к какой именно, не указывалось), следователи АзНКВД получили спустя месяц после ареста Ризаева. Следовательно, арестованному сразу же предъявлялось обвинение в совершении того или иного преступления, а уж потом добывались нужные «доказательства».

Какие же показания дал Рохлин? На предварительном следствии он показал, что с 1919 г. являлся агентом английской разведки. В 1924 г. по указанию секретаря ЦК КП/б/ Азербайджана Мирзояна связался с Ризаевым и через него передавал Мирзояну шпионские сведения – документы о нефтедобыче, о коммунальном хозяйстве, торговле и другие.

Нелепость такой «шпионской» связи Мирзояна с Ризаевым очевидна. Ведь Мирзоян, занимая высокий партийный пост, имел полную возможность получать указанные и любые другие сведения не прибегая к помощи Ризаева и Рохлина.

На указанном протоколе допроса Рохлина Багиров написал: «Товарищам Емельянову, Наседкину, Маркаряну – поговорим более подробно, как дальше быть, Багиров. 5 февраля».

Они, судя по всему, действительно «поговорили более подробно». При активной поддержке Багирова Григоряну, Маркаряну и Емельянову удалось добиться того, что 5 мая 1940 г. оправдательный приговор в отношении Ризаева был отменен Военной коллегией Верховного Суда СССР. Емельянов показал, что Рохлина допрашивал Багиров, вымогая у него показания на Ризаева.

В ходе следствия по второму делу, как и в судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 6 июля 1941 г., Ризаев виновным себя не признал, утверждал, что показания о нём других лиц относительно его принадлежности к агентуре иностранной разведки – вымышленные. Так оно и было на самом деле. В ходе проверки дела Ризаева в 1955 г. было установлено, что показания о его шпионской деятельности получены в результате жестоких избиений арестованных.

Военная коллегия Верховного Суда СССР признала Ризаева виновным в том, что он с 1924 г. являлся агентом английской

разведки, которую систематически снабжал секретными сведениями о состоянии нефтяной промышленности Азербайджана. Одновременно являлся участником контрреволюционной повстанческой организации и готовил террористические акты в отношении руководителей ЦК ВКП/б/ и Советского правительства Азербайджана. Ризаев был приговорён к расстрелу.

Рохлин же в судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 13 июля 1941 г., то есть через 7 дней после осуждения Ризаева, отказался от своих показаний, данных на предварительном следствии, и заявил, что он вынужден был оговорить себя и других в принадлежности к агентам иностранных разведок потому, что его избивали следователи. Но для Ризаева это уже не имело никакого значения, поскольку он уже был расстрелян. К тому же в то время на такие «детали» внимания не обращали.

Багиров не отрицал, что к Ризаеву и его делу он проявлял особый интерес. Всё это ещё раз подтверждает вывод о том, что Багирову и подобным ему, находившимся на вершине партюкратической пирамиды, не составляло большого труда расправиться с неугодными, им людьми, обвинив их в самых невероятных преступлениях.

Невозможно было спокойно слушать оглашавшиеся в суде заявления Ризаева на имя Сталина и тогдашнего наркома внутренних дел Азербайджана Раева (последний тоже потом был расстрелян), в которых он, обращаясь к Сталину, рассказывал, как велось следствие по его делу, излагал свою оценку сложившейся в республике обстановки.

Судя по всему, Ризаев, добросовестно заблуждаясь, считал, что Сталину было неизвестно о творившемся беззаконии. Ризаев писал: «Арестован весь актив, выкованный партией за 20 лет, во многих наркоматах, райкомах, Риках и пр. организациях сажается третья, четвертая и пятая смена. Нет, или почти нет семьи, которая не была бы прямо или косвенно задета этими арестами [...]. Методы следствия [...] Берется любой работник и путём всяких издевательств (бесконечное избивание резиновой и деревянной палками, бесконечные стойки, бесконечная ругань самыми площадными словами, не подобающими органам советского следствия, неограниченная посадка в одиночки и т.д. и т.п.) заставляют подписывать, что он член к/р организации и наговаривать ещё на тех людей, кои «нужны» ещё следствию [...]».

Ризаев указывал в заявлении, что он не виновен, никаких преступлений не совершал. И далее: «Если же после всего этого ваша коммунистическая совесть подсказывает об обратном, т.е. о том, что я вру, то умоляю вас поступайте со мною так же, как думали поступать Багиров и Сумбатов, иначе говоря, расстреляйте меня, как теперь принято говорить, неразоружившегося врага и избавьте от этих невыносимых мук [...]. Прошу удовлетворить эту мою просьбу, которая, кстати, как раз и удовлетворит звериные и чисто азиатские чувства Багирова.

[...] Ведь утверждать, да ещё настаивать на том, что буквально все отрасли нашего соцхозяйства, с головы до ног, охвачены контрреволюцией, это по меньшей мере наивно, ибо неужели наш строй, наши порядки, наше положение настолько плохи, что все с такой легкостью бросаются в объятия контрреволюции. Так может думать только ярый враг, а не советский гражданин, да ещё большевик [...].»

В другом заявлении, адресованном Сталину, Ризаев указывал, что творившиеся в Азербайджане беззакония «строго скрываются не только от партии и правительства, но и от вождя партии главным образом».

Нет, от «вождя партии» ничего не скрывалось – он все знал и не только знал, но именно по его указанию творился произвол не только в Азербайджане, а во всей стране. Не знал этого Ризаев и многие другие члены партии, безоглядно верившие «вождю народов». В этом заключалась их, да и не только их, а всего народа, трагедия.

Вряд ли Ризаев стал писать Сталину письмо такого содержания, если бы был знаком с содержанием его телеграммы, направленной 10 января 1939 г. секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД. В телеграмме говорилось: «ЦК ВКП/б/ разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП/б/ [...]. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов

рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП/б/ считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод»².

Таким образом, беззаконие было санкционировано Сталиным от имени ЦК ВКП/б/. Нельзя, кстати, признать бесспорным и утверждение, что меры физического воздействия к арестованным в практике НКВД стали применяться только с 1937 г.

Конкретные дела, судебные и внесудебные решения по которым были отменены, свидетельствуют, что арестованных в стенах НКВД стали избивать раньше. Как уже отмечалось, Маркарян в суде рассказал о том, что в 1939 г. Багиров провёл расширенное совещание с участием работников суда и прокуратуры. На этом совещании и была оглашена телеграмма, подписанная Сталиным, о применении физических мер воздействия к лицам, обвинявшимся в совершении контрреволюционных преступлений.

Значит, в 1939 г. многие сотрудники не только органов НКВД, но и прокуроры, так же как и судьи, знали об очередном «мудром указании вождя народов». Но многие ли тогда задумывались над бесчеловечностью такого указания? Вряд ли. Почему? В большинстве своём страх, охвативший к тому времени всё общество, не позволял «собственное мнение иметь». Все были едины, все шли по одному пути, считая его единственно верным, не задумываясь о том, куда он приведёт.

Как уже отмечалось, особый размах беззаконие получило после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г.

О том, что Сталин солгал, назвав 1937 г. годом начала применения мер физического воздействия к лицам, арестованным органами НКВД, свидетельствуют, в частности, следующие показания Борщева в суде.

Рассказав довольно подробно о фальсификации дел в отношении необоснованно арестованных, он пояснил, что наркомом внутренних дел республики была дана такая установка: если органами НКВД арестовывалось то или иное лицо, значит аресто-

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.

вывался враг. А поэтому необходимо принять все меры для того, чтобы доказать его вину в контрреволюционной деятельности или в принадлежности к контрреволюционной организации. Как добивались нужные «доказательства», видно из заявления Борщева в суде о том, что он «безоговорочно принял в 1936 году указание Сумбатова о применении к некоторым лицам, обвинявшимся в контрреволюционной деятельности, мер физического воздействия». Эти показания Борщева не нуждаются в комментариях.

Как следует из содержания приведённой телеграммы Сталина, он считает, что олицетворяет собой весь ЦК ВКП/б/. В этой связи небезынтересно привести эпизод, о котором сообщил Багиров в судебном заседании.

По предложению Сталина, после войны была составлена программа Азербайджанской демократической партии Ирана. Когда он, Багиров, находился на приеме у Сталина, в связи с этой программой, то увидел, что на проекте программы имеются поправки Сталина. Он попросил разрешения передать этот проект в ЦК КПСС и оформить эту программу, как положено. В ответ на это Сталин вспыхнул и заявил: «Я – ЦК» и сунул её в карман Багирову, и с тем он уехал в Баку. По словам Багирова, об этом факте в ЦК КПСС никто не знал.

Как один из руководителей «повстанческого движения» был арестован Гамид Султанов, член партии большевиков с 1907 г. С декабря 1917 г. являлся членом Исполкома Бакинского Совета, а в 1918 г. – ответственным секретарём Центрального штаба красногвардейских отрядов в Баку. С 1919 г. находился на подпольной работе на Кавказе. В 1920 г. входил в состав Ревкома Азербайджана, был членом ВЦИК СССР, народным комиссаром коммунального хозяйства республики. Его обвинили в том, что он, являясь одним из членов «Азербайджанского контрреволюционного националистического центра», был руководителем «повстанческой организации» Шемахинского района, вместе с Ахундовым готовил террористический акт в отношении Багирова.

В ходе следствия Султанова жестоко избивал Борщев. Воля Султанова была сломлена, и он вынужден был оговорить себя и других.

Важно отметить, что ещё до того, как Ахундов и Султанов были осуждены, в печати их объявили врагами народа. Впрочем, в этом ничего удивительного не было. В то жестокое время многие «враги народа» задолго до рассмотрения их дел в суде приговаривались «широкими массами трудящихся» к самым суровым наказаниям, а уж потом их осуждали именно к таким мерам наказания. Гамид Султанов был расстрелян.

Ничем себя не скомпрометировал и другой «руководитель повстанческого движения» – нарком земледелия Азербайджанской ССР Г.С. Везиров. Как и других, его принудили оговорить себя и других в том, что он руководил повстанческой организацией, готовил террористические акты в отношении Берии и Багирова, что в ходе подготовки восстания завёз большое количество стрелкового оружия в 46 районов Азербайджана.

В одном из своих выступлений Багиров, обращаясь к Везирову, заявил: «За исключением Вас персонально, весь аппарат (имелся в виду аппарат наркомата земледелия республики. – *Н.С.*) или арестован, или разоблачен, или в стадии разоблачения. Вы говорите: Кто? Разве речь идёт о сожалении? Речь идёт о том, что аппарат Наркомзема сознательно вёл антисоветскую, антиколхозную работу. Так обстоит дело». На реплику Везирова, что у него осталось «2–3 человека в руководящем составе», Багиров продолжил: «с которыми нужно покончить, в том числе и с тобой».

Своё выступление Багиров закончил так: «Есть достаточные основания заявить здесь о том, что всё, что делалось антисоветского, антигосударственного, антиколхозного, контрреволюционного в сельском хозяйстве Азербайджана возглавлял Везиров. Везиров из тех врагов, которые по сегодняшний день остались неразоблаченными в наших рядах [...]. Есть такое предложение – вывести из состава ЦК, исключить из партии и дело передать НКВД на расследование и снять с поста Наркома». Везирову фактически уже был вынесен приговор.

Внося указанные предложения, Багиров шёл по проторенному пути. Он входил в состав комиссии Пленума ЦК ВКП/б/ по делу Бухарина и Рыкова и 27 февраля 1937 г. участвовал в заседании этой комиссии. Как известно, комиссия согласилась с предложением Сталина, в соответствии с которым Бухарин и Рыков были исключены из состава кандидатов в члены ЦК ВКП/б/ и членов

ВКП/б/, а дело их направлено в НКВД³. Чем всё это закончилось для Бухарина и Рыкова, известно. Везиров, как и многие другие, разделил их участь, хотя расстрелян был раньше Бухарина и Рыкова – по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 октября 1937 г. Объяснялось это, видимо, тем, что дело на одного человека – Везирова оформить было легче, чем на большую группу, в которую включили видных партийных и государственных деятелей, в том числе Бухарина и Рыкова. В фальсификации дела Везирова участвовал Григорян.

С делом Везирова, считавшимся до некоторых пор близким другом Багирова, связали дела и других лиц, работавших как в сельском хозяйстве, так и тех, кто возглавлял органы советской власти в районах.

9 апреля 1938 г. был арестован, а затем на основании постановления Особого совещания при НКВД СССР лишен свободы на 8 лет начальник зернового управления Наркомзема Азербайджанской ССР Г.У.М. оглы Нуриев. Его обвинили в связи с Везириным, а также в том, что он являлся участником антисоветской организации. В суде Нуриев рассказал, как жестоко избивали и пытали его, держали на «стойке» по 50 часов, загоняли под ногти спички. Он вынужден был признать себя виновным в том, чего никогда не совершал. Затем Нуриев отказался от своих показаний, но это уже, как и в случаях с другими арестованными, не имело никакого значения.

Нуриев также показал, что он в числе 128 арестованных и осужденных в Азербайджане был направлен во Владивосток. Из этой группы возвратились домой лишь 8 человек, а один к моменту рассмотрения дела Багирова и других находился на Колыме. На руках у Нуриева во Владивостоке скончался старый коммунист И.В. Ульянов. Он просил передать азербайджанским коммунистам, что умер честным большевиком от рук Багирова и Берии.

В фальсификации дела в отношении Нуриева участвовал и Атакишиев. Он подписал справку на его арест, постановление о заключении Нуриева в тюрьму и постановление о предъявлении обвинения. Атакишиев подписал и обвинительное заключение по делу Нуриева.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 79–83.

Арестовали также и директора Азербайджанской селекционной станции И.Г. оглы Ашурлы, обвинив его в принадлежности к контрреволюционной националистической повстанческой организации, якобы действовавшей в Азербайджане. Он должен был по заданию наркома земледелия Везирова вести вредительскую работу в зерновом хозяйстве и, в конечном итоге, вызвать голод, восстание трудящихся и добиться отторжения Азербайджана от Советского Союза. Ашурлы принудили признать себя виновным – его жестоко и в течение длительного времени избивали.

Ашурлы объявлял голодовки, требовал встречи с прокурором. Вместо этого его привели к народному комиссару внутренних дел Азербайджанской ССР Сумбатову. Ашурлы спросил его, знает ли ЦК о тех безобразиях, которые творятся в НКВД Азербайджана? В ответ Сумбатов заявил: «Что ЦК? Я политику делаю». Об этом показал Ашурлы в судебном заседании по делу Багирова и его поделщиков.

Приведённый свидетелем Ашурлы факт показывает, какое место занимали органы НКВД в структуре сформировавшейся к тому времени пирамиды власти. Эти органы находились на её вершине, они фактически никому не подчинялись, никем не контролировались.

Ну а что касается Ашурлы, то ему не удалось, как он намеревался, рассказать всю правду на суде – на основании постановления «тройки» его лишили свободы на 10 лет, а затем, после отбытия этого наказания, он был сослан в Красноярский край.

За связь с Везириным А.К.Г. оглы Мехтиева. В суде он показал, что в тюрьме встретился с бывшим заместителем народного комиссара Исрафилом Ибрагимовым, который был сильно избит, с оторванным ухом. Там же встретился с бывшим начальником финансового отдела Каспийского пароходства Тыминским, которому, наряду с другими преступлениями, вменяли подготовку террористических актов в отношении Багирова и председателя СНК Азербайджана У. Рахманова. Когда же последний был арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской организации, то в обвинении его «заменяли» Берией. Таким образом, Тыминский стал обвиняться в подготовке террористических актов в отношении Берии и Багирова.

Из показаний Мехтиева видно, как добывались «доказательства» виновности арестованных. Так, на очной ставке с упоминавшимся Аскером Фарадж-Заде последний заявил Мехтиеву: «Я записался членом центра националистической организации, а ты запишись рядовым участником, и тебе дадут 3–4 года». Мехтиев отказался «записаться» в члены названной организации. Тогда его стали избивать. В этом принимал участие и уже упоминавшийся боксёр Мусатов.

Вот так «формировались» различные «антисоветские организации». Мехтиева же постановлением Особого совещания при НКВД СССР лишили свободы на 8 лет, а потом снова арестовали и направили в бессрочную ссылку в Красноярский край.

На процессе над Багировым Мехтиев показал, что Багиров боялся коммунистов, особенно старых, которые знали его прошлое. Неудивительно поэтому, что при непосредственном участии Багирова были уничтожены почти все старые члены партии, революционная деятельность которых проходила в Азербайджане. Мехтиев заявил: «Наш народ не уважал Багирова, а только боялся». Так оно и было.

Не мог Багиров оставить без внимания поступок Джуварлинского, являвшегося с 1920 г. секретарём Нухинского городского комитета КП/б/ Азербайджана, а затем наркомом просвещения республики, и начальника Азербайджанского управления кинофотопромышленности Г.Г. Султанова, которые поехали в Москву с жалобой на Багирова в связи с его незаконными действиями.

Как пояснил в суде Багиров, он позвонил заместителю наркома внутренних дел СССР Фриновскому, после чего Джуварлинский и Султанов были арестованы.

О непосредственной причастности Багирова к аресту Джуварлинского и Султанова свидетельствует и письмо начальника 6 отдела ГУГБ НКВД СССР Волкова на имя Фриновского. Волков писал: «24 июня с/г секретарь Центрального комитета Коммунистической партии /большевиков/ Азербайджана тов. Багиров сообщил НКВД, что в Москве находятся скрывшиеся из гор. Баку Джуварлинский и Гулам Султанов. Оба они разыскиваются следственными органами как активные участники антисоветской троцкистской организации, вскрытой в гор. Баку и на железнодорожном транспорте.

Принятыми мерами установлено, что в Москве по адресу: Столешников пер. дом № 9, кв. 20 действительно проживают Джуварлинский Мамед Исмаилович и Султанов Гулам Гамидович, прибывшие 17 июня с/г из Баку.

Прошу санкционировать арест Джуварлинского и Султанова».

На этом письме имеется резолюция Фриновского от 25 июня 1937 г.: «Арестовать».

Джуварлинский и Султанов были арестованы на основании ордеров, подписанных Борщевым. Атакишиев подписал справку и постановление о заключении Джуварлинского в тюрьму, а также постановление о предъявлении ему обвинения. В этом постановлении Атакишиев указал, что Джуварлинский обвиняется в принадлежности к антисоветской контрреволюционной организации. На вопрос, что послужило основанием для предъявления такого обвинения, Атакишиев ответил: «Это стандартное обвинение, которое предъявлялось всем арестованным органами НКВД». Здесь Атакишиев сказал правду.

Необходимо отметить и следующее. В справке на арест Джуварлинского указывалось об изобличении его в преступной деятельности показаниями арестованного профессора Тихомирова, хотя последний до ареста Джуварлинского никаких показаний на него не давал.

Кроме этого, Борщев утвердил постановления о предъявлении Джуварлинскому и Султанову дополнительного обвинения.

К делу приобщены документы, из содержания которых следует, что Джуварлинский и Султанов «были арестованы в Москве 25 июня с. г. на основании заявления секретаря ЦК КП/б Азербайджана т. Багирова».

Джуварлинский – член ЦК АКП/б/ – на одном из пленумов выступил с критикой в адрес руководства ЦК АКП/б/. В марте 1937 г. на заседании партгруппы Съезда Советов Азербайджанской ССР Джуварлинский внёс предложение о некоторых поправках к проекту Конституции республики. В связи с этим Багиров обвинил его в национализме, хотя для такого обвинения совершенно не имелось оснований.

Далее события развивались, как говорится, «в темпе вальса». 17 марта 1937 г. Бюро ЦК, а 19 марта того же года Пленум ЦК АКП/б/ по предложению Багирова вывели Джуварлинского из

состава ЦК. 20 марта его сняли с работы, а 25 июня, как уже сказано, Джуварлинского арестовали.

Султанова исключили из партии 20 мая 1937 г. на заседании Бюро ЦК АКП/б/.

Джуварлинский настойчиво добивался одного – объективно расследовать обоснованность обвинений, предъявленных ему Багировым. Этого сделано не было.

Допрошенный по делу бывший сотрудник НКВД Азербайджанской ССР Кротков показал, что от имени Багирова следователям было передано распоряжение о применении к Джуварлинскому любых форм физического воздействия, «бить его до тех пор, пока он не пойдёт на признание». Это делалось, и поставленная цель была достигнута.

В ходе проверки дела по обвинению Султанова допрошенный следователь НКВД Азербайджанской ССР Клименчич подтвердил, что не только с ведома Багирова, но и по его, Багирова, указанию арестованных истязали с целью добиться их признания в совершении преступлений, вменявшихся им в ходе предварительного следствия. Следует сказать, что избивавший арестованных Клименчич сам тоже был осуждён в 1938 г. к 15-ти годам лишения свободы. Это наказание он отбыл.

В материалах дела по обвинению Джуварлинского имеется любопытный документ следующего содержания: «Настоящий акт составлен в том, что обвиняемый Джуварлинский Мамед на допросе от 16 июля 1937 года допустил контрреволюционный клеветнический выпад, заявил, что Багиров М.Д. – секретарь ЦК КП/б/ Аз. сфабриковал на него, Джуварлинского, материал и что Сумбатов – начальник АЗНКВД и начальник 4-го отдела Цинман являются активными помощниками в фабрикации ложных документов на Джуварлинского, в чём и составлен настоящий акт.

Обвиняемый Джуварлинский отказался подписать настоящий акт».

Вряд ли авторы приведённого акта могли предполагать, что составленный ими документ как нельзя лучше иллюстрирует действительное положение вещей, реальную обстановку тех дней, созданную тоталитарным режимом, который обрекал граждан Советского Союза на бесправие и незащищенность от проти-

возаконных и бесчеловечных акций всеильных органов НКВД. Вместе с тем из содержания этого акта отчётливо просматривается, как охранялся авторитет Багирова, когда одно лишь нелестное высказывание в его адрес уже образовывало состав контрреволюционного преступления.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев 12 октября 1937 г. дело Джуварлинского, признала его виновным в том, что он в 1935 г. был завербован Ахундовым в антисоветскую террористическую организацию, лично руководил в Нухинском районе повстанческой группой, занимался вредительством в области промышленности.

Джуварлинский был приговорён к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 13 октября 1937 г.

Дело Султанова было рассмотрено той же коллегией 2 января 1938 г. Рассматривалось оно, как это видно из протокола судебного заседания, в течение 15 минут. Султанова признали виновным в том, что он с 1935 г. являлся участником антисоветской, террористической, диверсионно-вредительской, националистической организации, якобы действовавшей в Баку. Он, утверждалось в приговоре, вербовал в состав этой организации «повстанческие кадры», входил в состав террористической группы, которая должна была убивать руководящих работников Азербайджанской ССР. Султанов, как и ранее Джуварлинский, был приговорён к расстрелу.

В ходе проверки дел по обвинению Джуварлинского и Султанова было установлено, что они действительно подавали в секретариат ЦК ВКП/б/ жалобы на Багирова, в которых указывали на его антипартийные действия, направленные на избиение добросовестных работников, посмевших выступить с критическими замечаниями в адрес Багирова. Они просили также оградить их от преследований со стороны Багирова.

Что же получается? Жалобы подавались на руководящего партийного работника в высший партийный орган, который не проверяет обоснованность изложенных в них доводов, а позволяет Багирову расправиться с неугодными ему людьми.

Трагедия Джуварлинского и других необоснованно арестованных заключалась и в том, что большинство из них верили в то,

что Сталин, высшее партийное руководство не знали о творившемся беззаконии и считали, что если об этом узнает Сталин, то сразу же справедливость восторжествует. Они были чисты и наивны. Не могли, а может и не хотели видеть (не к тому же они стремились, совершая революцию), что к этому времени усилиями Сталина и его приспешников уже была создана во всесоюзном масштабе система, безотказно выполнявшая все указания «вождя народов», позволяла расправляться с неугодными не только ему, но и республиканским «вождям», одним из которых был Багиров.

В отчёте, составленном Борщевым, указывалось, что повстанческие организации действовали в 42-х районах Азербайджана. Багиров в суде заявил, что у него не было оснований не доверять работникам АзНКВД. В то же время он подтвердил, что в 1936–1938 гг. не было ни одного антисоветского восстания в республике. Между тем на XIII съезде Компартии Азербайджана 7 июня 1937 г. Багиров заявил: «Возьмите хотя бы факты, имевшие место в Али-Байрамлинском районе – длительную работу врагов партии и народа в этом районе [...] попытку создать повстанческие вооружённые группы и т. д. и т. п. [...] ЦК КП/б/ Азербайджана своевременно имел сигналы и своевременно вынес решения об изъятии из этого района ряда работников...».

Приведённое заявление Багирова отчётливо показывает, какое место отводилось руководящим партийным органам (но, конечно же, не рядовым коммунистам!) в решении важнейших вопросов жизни советского общества. Трудно не согласиться с тем, что партийные органы фактически являлись властными структурами государства.

По «повстанческим делам» в Али-Байрамлинском районе были арестованы более 200 человек, в Шемахинском – около 400 человек. В некоторых колхозах арестовывалось всё взрослое мужское население. Большинство арестованных были расстреляны.

Активное участие в фальсификации «Али-Байрамлинского дела» принял Борщев. На основании составленной им справки был арестован председатель Али-Байрамлинского райисполкома Керим Абдулов. В материалах дела он представлен как руководитель контрреволюционной повстанческой организации. Именно

Борщев добился от Абдулова признания им своей «вины» в совершении тяжкого государственного преступления. Установлено – и этого не отрицал Борщев – что Абдулова избивали в ходе следствия, избивал его и Борщев, но «не помнит чем». В утверждённом Борщевым обвинительном заключении указывалось, что «Абдулов через руководящий центр контрреволюционной националистической организации получил и раздал членам руководимого им филиала этой организации в Али- Байрамлинском районе 150 штук винтовок и патроны».

Действительно, в ряде случаев во время обысков у некоторых колхозников обнаруживали и оружие, и патроны. Вместе с тем, в ходе процесса над Багировым было бесспорно установлено, что оружие и патроны подбрасывались в усадьбы колхозников агентами НКВД. Естественно, при обысках всё это обнаруживалось.

Абдулов был расстрелян.

Активное участие в необоснованных репрессиях жителей Али-Байрамлинского района принял и Маркарян, назначенный старшим группы по подготовке оперативных сводок о ходе арестов в этом районе. В названной группе концентрировались сведения о месте нахождения и количестве людей, подлежащих, как тогда говорили, «изъятию». На основании этих сведений составлялась обобщенная сводка, которая докладывалась наркому внутренних дел, а тот уж делал отметки, кого следует арестовать. После этого Маркарян составлял список лиц, подлежащих аресту. Список передавался на просмотр Борщеву, а затем наркому внутренних дел республики для принятия окончательного решения об аресте значившихся в списке лиц. После этого списки направлялись в районы «на исполнение», то есть непосредственно для производства арестов.

Маркарян непосредственно участвовал в фальсификации дел в отношении жителей Али-Байрамлинского района. Установлено, что им были допрошены по этим делам 52 человека. Некоторые из них, как показал Маркарян, «пошли на признание». Как достигались эти «признания», говорилось уже много раз. Маркарян подтвердил, что он участвовал и в арестах жителей Али-Байрамлинского района. Всего же Маркарян участвовал в фальсификации дел в отношении 122-х жителей этого района.

Помимо этого, Маркарян ещё подписывал обвинительные заключения по сфальсифицированным делам. При этом, по его собственному заявлению, с материалами предварительного следствия он не знакомился.

В ходе судебного разбирательства выяснилось, какими безнравственными способами, помимо избиений и истязаний подследственных, создавались «доказательства» виновности того или иного лица в совершении особо тяжких государственных преступлений. В частности, исследовалась провокаторская деятельность секретных агентов АзНКВД.

Например, допрошенный по делу Шахбала Ахмедов рассказал, как его – председателя ревизионной комиссии колхоза, в 1936 г. завербовали в секретные осведомители НКВД Азербайджана. Завербовал его начальник особого отдела АзНКВД Гаврилов, который проинструктировал, как и что должен делать новый агент. По своей «работе» Ахмедов был связан с другим секретным сотрудником НКВД Азербайджана Кардашханом Мирзоевым, в прошлом уголовным преступником. Гаврилов потребовал от Ахмедова, чтобы тот показывал в отношении конкретных лиц то, что ему скажет о них сам Гаврилов. Ахмедова вызывали через каждые десять дней, и он давал нужные сотрудникам АзНКВД показания.

Из показаний Ахмедова следует, что агент Мирзоев использовался для подбрасывания оружия в усадьбы колхозников, после чего эти колхозники арестовывались. У них, естественно, обнаруживалось оружие – веское доказательство виновности в подготовке вооружённого восстания. Именно в этом обвинялись колхозники Али-Байрамлинского района.

За «заслуги» перед органами АзНКВД Мирзоев был назначен директором мясокомбината.

Ахмедов по заданию Гаврилова тоже подбросил в сад председателя одного из колхозов револьвер. Кроме того, он не только оговорил других, но и себя, в соответствии с полученным указанием признался в контрреволюционной деятельности. Во время рассмотрения дела, по которому и он был привлечён к уголовной ответственности, 22 июля 1937 г. его вызвал Маркарян и успокоил, пообещав, что он не будет осуждён. Уговаривал твёрдо стоять

на своих прежних показаниях. Ахмедов и в суде полностью подтвердил всё, о чём он показывал на предварительном следствии. Однако, суд и его признал виновным в совершении контрреволюционного преступления и приговорил к лишению свободы. Для Ахмедова это было полной неожиданностью. Но вообще-то в этом ничего неожиданного не было. В органах НКВД осуществлялись ещё более коварные и бесчеловечные акции.

Допрошенный в суде свидетель Ф.А. оглы Мамедов, который был осужден к лишению свободы сроком на 4 года по «Али-Байрамлинскому делу», подтвердил, что в усадьбы крестьян подбрасывали оружие. Жители сел знали об этом и поэтому устанавливали дежурство, чтобы предотвратить возможность подбросить оружие в их дома и усадьбы.

Таким образом, шла своеобразная война народа с теми, кто, казалось бы, должен был защищать этот народ от происков его врагов.

Использовался и такой «метод» сбора доказательств, как «подсада». В этой роли использовался, например, секретный осведомитель АзНКВД с 1924 г. Андрей Сероян. В 1937 г. он был суждён за кражу к трём годам лишения свободы, однако в исправительно-трудовой лагерь его не отправили. Маркарян поместил Серояна в камеру, где содержались арестованные колхозники из Али-Байрамлинского района. Сероян должен был, как тогда выражались, «обрабатывать» их.

Приведённые факты, исследованные судом, убедительно продемонстрировали те грязные методы и способы, к которым прибегали органы НКВД, ведя борьбу с «врагами народа». Понятно, что это были вымышленные враги. Фактически же они вели борьбу со своим народом. Естественно возникает вопрос: кто же являлся действительным врагом народа?

Уже упомянутый свидетель Мамедов в суде показал также, что в течение восьми месяцев он не признавал себя виновным, но, не выдержав жестоких избиений, в которых участвовал и Маркарян, вынужден был оговорить себя по таким пунктам обвинения, как вредительство и подготовка вооружённого восстания против Советской власти. И вот ещё характерная деталь: хотя Мамедов не владел русским языком, протоколы его допроса составлялись на этом языке. Переводчик ему не предоставлялся.

Маркарян не отрицал того, что он участвовал в арестах и допросах жителей Али-Байрамлинского района в 1936 г. Как было установлено, только с мая по август того года в районе были арестованы 140 человек.

В аттестации Маркаряна от 8 октября 1938 г. указывалось: «В период 1936–1938 г. г. при непосредственном руководящем участии т.Маркаряна была проведена большая работа по раскрытию и разгрому контрреволюционных формирований националистического толка в Али-Байрамлинском, Белясуварском и Ленкоранском районах АзССР. В период 1937–1938 г. г. руководил операциями по очистке г. Баку и районов Азербайджанской ССР от социально чуждых уголовно-бандитских, контрреволюционных и антисоветских элементов».

Этой аттестацией чётко определяется, что из себя представлял Маркарян – сотрудник центрального аппарата АзНКВД. Это был активный и инициативный соучастник Багирова в развёртывании на территории Азербайджана беспредельного беззакония, массового уничтожения невинных людей.

В Шемахинском районе следственную группу возглавлял Григорян. В фальсификации дел в отношении жителей этого района участвовали также Маркарян, Борщев и Атакишиев. Борщев подписал 10 ордеров на арест. Такие ордера подписывал и Маркарян. Так, им был подписан ордер на арест председателя Шемахинского райисполкома Мусеиба Новрузова. Им же утверждено подписанное Атакишиевым постановление о предъявлении Новрузову дополнительного обвинения в совершении особо опасных государственных преступлений.

Атакишиев, кроме указанного, подписал также справки на арест жителей Шемахинского района, постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, обвинительное заключение по делу Новрузова.

В судебном заседании Новрузов рассказал об обстановке, сложившейся в Шемахинском и соседнем Али-Байрамлинском районах в 1936–1937 гг., привёл некоторые факты, позволяющие представить, кем в действительности был Багиров.

В середине июля 1936 г. к нему приехал Багиров в сопровождении вооружённой охраны. Утром его, Новрузова, разбудил на-

чальник районного отдела НКВД Журавский и сообщил, что произошла неприятность. Дело в том, что проживавшая поблизости женщина стала играть на пианино в то время, когда Багиров ещё спал. Багиров возмутился. Его адъютант ворвался в дом этой женщины и потребовал прекратить игру на пианино. Женщина оказалась не робкого десятка и отреагировала на указанное требование репликой: «Подумаешь, персидский шах приехал!». Это передали Багирову, который стал сильно ругаться. Бедная женщина, она не понимала, что Багиров был выше и больше, чем персидский и все вместе взятые шахи всего мира.

Новрузов рассказал Багирову о провокационных действиях работников НКВД в Али-Байрамлинском районе. Багиров на это никак не реагировал. Вместе с Багировым вынужден был поехать по району, хотя просил отпустить его, так как шла уборка урожая. Багиров его не отпустил. Ездили они в сопровождении охраны, вооружённой пулемётами. Можно себе представить, как выглядело со стороны: первое партийное лицо республики общается с народом, интересы которого это лицо призвано защищать, из-за пулемётных стволов, направленных в народ. Конечно, непросто сейчас дать исчерпывающее объяснение, зачем Багиров использовал такую форму общения с народом. Боялся ли он, что его могут убить? Но ведь установлено, что ни одной попытки совершить террористический акт в отношении Багирова предпринято не было. Возможно, он хотел таким способом запугать людей, чтобы они ещё больше боялись его. Не исключаю, что здесь присутствовало и то, и другое.

После того, как на посту начальника районного отдела НКВД Журавского сменил Шабанбеков, показал далее Новрузов, в Шемахинском районе стали «обнаруживать» оружие в усадьбах колхозников. Начались массовые аресты. Он позвонил председателю СНК республики Усейну Рахманову, тогда ещё не арестованному, и рассказал о провокационных действиях сотрудников райотдела НКВД. Затем Новрузов поехал в Баку. 26 июля 1937 г. его принял Багиров, который заявил, что в Азербайджане вскрыта националистическая организация. Её руководителями являются бывший секретарь ЦК АКП/б/ Р. Ахундов, бывший председатель ЦИК Азербайджана С. Эфендиев. Он же, Новрузов, как председа-

тель райисполкома, должен помочь в раскрытии этой организации. В ответ на отказ сделать это, поскольку было очевидно, что никакой контрреволюционной организации не было, Багиров дважды ударил его по лицу. Новрузов был отпущен, но в полночь того же дня его арестовали. В допросе Новрузова участвовал и Багиров, уговаривал дать показания на руководящих работников Азербайджана, которые якобы возглавляют контрреволюционные повстанческие организации. Были названы фамилии примерно 15-ти человек, в числе которых были уже упоминавшиеся Р. Ахундов и С. Эфендиев, заведующий культурно-пропагандистским отделом ЦК КП/б/ Азербайджана М. Гусейнов, Буниат-Заде и другие. Новрузов отказался дать требовавшиеся от него показания. Сразу же последовало распоряжение Багирова бить Новрузова до тех пор, пока он не признается в совершении вменявшихся ему преступлений. Били его много, долго и жестоко. Избивал его и Атакишиев. В течение двенадцати суток, показал Новрузов, его держали на «стойке», ноги сильно опухли, стоять он уже не мог.

Однажды его привели в кабинет Григоряна, где находился избитый Гамид Султанов, который заявил, что со слов Эфендиева ему известно о принадлежности Новрузова к контрреволюционной организации. Новрузов возмутился, поскольку это не соответствовало действительности. Султанов же сказал: «Лучше подпиши всё, что от тебя требуют». После этого Новрузова отвели в кабинет Атакишиева, где два боксёра, а также Атакишиев и Григорян стали его избивать. Били резиновыми дубинками. Новрузов терял сознание. Его обливали водой и продолжали бить. На следующий день в результате такого «допроса» он не мог ходить.

Новрузов пояснил, что он пытался покончить жизнь самоубийством – сильно бился головой о каменную стену камеры, в которой содержался. Остался жив. Поистине, каменную стену лбом не прошибёшь.

На основании постановления Особого совещания Новрузова лишили свободы сроком на 10 лет, а постановлением того же совещания при МГБ СССР от 20 апреля 1948 г. он был направлен в бессрочную ссылку.

Новрузова обвинили в том, что он с 1935 года состоял в контрреволюционной националистической организации,

ставившей своей целью подготовку и проведение вооружённого восстания против Советской власти в случае интервенции или объявления войны Советскому Союзу.

Допрошенный в суде Г.М. Шабанбеков, являвшийся с апреля по октябрь 1937 г. начальником Шемахинского районного отдела АЗНКВД, подтвердил, что в ходе следствия в отношении арестованных жителей района применялись различные провокации. Так, Григорян попросил у него 2–3 обоймы винтовочных патронов, которые затем «обнаружили» у одного из арестованных. Позже Шабанбеков узнал, что эти патроны подбросил жителю района агент Григоряна. Шабанбеков также подтвердил, что провокаторы участвовали в следствии, они оговаривали невиновных людей, выдавая себя за членов контрреволюционной организации. Эти показания вполне согласуются с приведёнными выше показаниями свидетеля Ахмедова.

Как пояснил Шабанбеков, только за время его работы начальником районного отдела АЗНКВД были арестованы более 200 человек.

Установлено, что по «шемахинскому делу» 43 обвиняемых из 50 были арестованы на основании справок и постановлений, подписанных Григоряном.

В справках на арест жителей Шемахинского района и в протоколах их допросов Григорян в обязательном порядке указывал, что эти люди приобрели оружие с целью поднять вооружённое восстание и совершить террористический акт в отношении Багирова.

Из 50-ти арестованных 32 человека были расстреляны, а 18 человек – приговорены к лишению свободы на длительные сроки. Все дела рассматривались тройкой при НКВД Азербайджанской ССР.

Григорян весьма высоко оценивал свою работу по разоблачению «врагов народа» в Шемахинском районе. В 1939 г., когда его должны были привлечь к ответственности за фальсификацию уголовных дел, Григорян в свою защиту писал: «Кто же вскрыл, вёл следствие и организовал процесс в 1937 году по повстанческо-националистической организации в Шемахинском районе АЗССР, как не я...». Действительно, «заслуга» Григоряна в фаль-

сификации дел в отношении жителей Шемахинского района была немалой.

По «Шемахинскому делу» был арестован и прокурор Шемахинского района А.Ю. оглы Амиров. Ему было предъявлено обвинение в принадлежности к контрреволюционной националистической повстанческой организации, возглавляемой Гамидом Султановым, и, как водилось, в подготовке террористического акта в отношении Багирова. Его показания в судебном заседании особенно ярко высветили методы ведения следствия работниками АЗНКВД.

Амирова перевезли в Баку, поместили в тюрьму и стали избивать. Избивал его и Григорян. Сначала он не подтверждал предъявленных ему обвинений. Григорян ему в ответ на это заявил: «Ты теперь не прокурор, и уже не можешь мешать нашим людям решать дела, как это ты делал в Шемахе и Гяндже». Как пояснил Амиров, он действительно мешал работникам НКВД нарушать законность. После этого его посадили в подвал, пол которого был залит водой, по стенам его ползали полчища тараканов, наверху работала какая-то машина. На вопрос, за что его, Амирова, хотят уничтожить, Григорян ответил: «Ты попал к сталинскому наркому в ежовые рукавицы в связи с создавшейся ситуацией». Амиров потребовал приема его Багировым.

Его привели в большую, ярко освещенную комнату. В соседней комнате увидел Багирова и бывшего наркома земледелия Азербайджана Везирова. В ту комнату вошли два боксёра в тельняшках. Один из них сильно ударил в висок Везирова, и тот упал. Григорян закрыл дверь и сказал: «Ну вот, теперь ты видел Багирова». Что и говорить, убедительный урок был преподан Амирову, надевавшемуся на объективное разбирательство его дела Багировым.

Амиров был вынужден подписать заранее подготовленный протокол его допроса. В нем указывалось, что Амиров с детства был настроен антисоветски. В судебном заседании 29 октября 1937 г. он, Султанов и Ибрагимов отказались от всех ранее данных показаний и подробно рассказали о применявшихся к ним пытках. Султанов в суде заявил, что его избивали, как правило, в присутствии Багирова. После отказа от своих показаний подсу-

димых отвезли в тюрьму и жестоко избили. В конечном итоге из 14-ти подсудимых 9 человек были приговорены к расстрелу, в том числе Амиров и Мамедов. Верховный Суд СССР четверым из них расстрел заменил лишением свободы. Мамедов лишился рассудка.

В ночь с 20 на 21 января 1938 г., когда их, как они считали, должны были расстрелять, осужденные кровью своей на стенах камеры написали, что умирают невиновными.

Как пояснил Амиров, была арестована почти вся интеллигенция района, в том числе старейшие коммунисты. На людей напал панический страх за завтрашний день. Эти аресты деморализовали почти всех и принесли огромный ущерб как развитию хозяйства, так и развитию культуры, не говоря уже о том, что сотни и тысячи невиновных людей была уничтожены физически.

Из показаний свидетелей – бывших сотрудников АЗНКВД Севояна и Карпинского следовало, что как Маркарян, так и Григорян, выступая на совещаниях, ругали следователей за то, что ими мало арестовывается людей. Они также требовали, чтобы каждый арестованный назвал не менее пяти других участников антисоветских организаций, а последние – тоже не менее пяти таких участников⁴. В связи с этим, как пояснил свидетель Севоян, районные работники НКВД стали соревноваться, кто больше произведет арестов. Случалось, что в списки на «изъятие» включали стариков в возрасте 80–90 лет. Составлялись подложные справки, в которых указывалось, что арестованные являются кулаками, хотя таковыми они никогда не были. Напротив, многие из являлись ранее либо батраками, либо пастухами.

В суде также исследовались обстоятельства фальсификации дел на 67 человек – жителей Исмаиллинского района, из которых 63 были расстреляны, а четверо – лишены свободы на длительные сроки. Был арестован, а затем и расстрелян председатель Исмаиллинского райисполкома Салман Гусейнов. Его дело рассматривалось тройкой 14 октября 1938 г. под председательством Багирова. В состав этой тройки входил и Маркарян.

⁴ Современный сетевой маркетинг ничем не напоминает? [Примечание С.Н. Смирнова].

В деле С. Гусейнова имеется любопытный документ – акт, составленный 15 января 1938 г. следователями Комарским и Рыбаковым. В акте отмечается, что «...арестованный Гусейнов Салман во время его допроса от 15 января 1938 г. заявил допрашивавшему его следователю Комарскому, что он якобы сидит напрасно, его посадили органы НКВД за то, что он проводил в жизнь все директивы правительства на селе, создавал колхозы и пр. и в заключение добавил, что если после суда ему придётся умереть, то будет знать, что он погиб от рук якобы бандитов. В чём и подписываемся...

Гусейнов от подписи отказался».

Действительно, может быть Гусейнов справедливо считал руки, от которых он погибнет бандитскими?

На заседании тройки Маркарян доложил и расследованное им дело председателя сельсовета в Сальянском районе Мехтиева, обвинённого в принадлежности к контрреволюционной националистической повстанческой организации и в том, что знал «о готовящемся терроре над секретарём ЦК КП/б/ тов. Багировым». На основании постановления тройки Мехтиева расстреляли.

В 1938 г. по указанию Багирова были арестованы «бывшие» – заместитель председателя СНК Азербайджанской ССР М. Халилов, заместитель наркома земледелия А. Мамедов, нарком внутренней торговли И. Асадуллаев, нарком лёгкой промышленности И. Алиев, являвшиеся депутатами Верховного Совета СССР. Вместе с ними были арестованы бывший уполномоченный наркомата связи СССР в Азербайджане Родионов и бывший заместитель председателя Бакинского Совета Б.Г. Любарский-Новиков. Разумеется, никакой санкции на арест депутатов Верховного Совета СССР тогда не испрашивалось. Зачем? Над всеми властвовал всесильный Наркомат внутренних дел, и те, кто руководил деятельностью этого наркомата и его «филиалов» на периферии.

Допрошенные в суде по делу Багирова И.А. оглы Алиев и бывший работник АзНКВД В.А. Шнейдер, который также был арестован в 1939 году, показали, как добивались «чистосердечных признаний» от Халилова и других арестованных. Шнейдер, в частности показал, что у Халилова вымогали показания на Молотова и Микояна. Ещё и ещё раз приходится убеждаться в том,

что сталинская машина уничтожения не щадила никого, в том числе и тех, кто исправно ей служил. Поэтому заранее, так сказать, «профилактически» собирались «доказательства» вины и тех, кто в то время являлся опорой созданной бесчеловечной системы.

Как следует из показаний И. Алиева, его избивали резиновой дубинкой, заставляли стоять на коленях на осколках стекла. На четвертый день после ареста Алиева привели в кабинет Наркома внутренних дел, где находился и секретарь ЦК КП/б/ Азербайджана Багиров, который, нецензурно бранясь, стал спрашивать Алиева, почему тот не даёт показаний о своей принадлежности к «запасному право-троцкистскому центру контрреволюционной националистической организации». Именно в этом обвинялись Алиев и арестованные с ним лица, которые являлись, по мнению органов НКВД, руководителями названной организации.

Поскольку он не признавал себя виновным, пояснил Алиев, Багиров распорядился не давать ему спать.

Борщев подтвердил в суде, что Алиева, Халилова, Мамедова и других избивали, но не пытали, поскольку, по его мнению, избивание не есть пытка. Конечно, Борщеву, как никому другому, была известна разница между простым избиванием и пыткой. Хотя он и не разъяснил, в чём именно она заключается разница, но всем было ясно, что Борщев хорошо разбирался в этом. Только от попытки вообразить себе такую разницу на душе становилось тягостно и тревожно. Борщев подтвердил, что и он избивал Халилова.

В суде была оглашена выдержка из заявления Халилова от 2 ноября 1939 года, в которой он указывал, что вместе с Мещеряковым (начальником следственной части АЗНКВД) его избивал и заместитель наркома внутренних дел республики Борщев. Избивали резиновыми дубинками. Били до потери сознания. Затем на час сделали перерыв, а потом снова били. И это, по мнению Борщева, не было пыткой.

Дело Халилова и других неоднократно направлялось на дополнительное расследование, но Багиров с помощью Берии упорно добивался возвращения этого дела в суд. В конечном итоге названные выше лица были осуждены военным трибуналом Закавказского военного округа.

Не обойдены были вниманием Багирова и другие партийные работники. В 1937–1938 гг. были арестованы секретарь Бакинского городского комитета КП/б/ Азербайджана Н.О. Кульков, заведующий торговым отделом ЦК АКП/б/ А.М. Бренер, заместитель заведующего промышленным отделом ЦК АКП/б/ И.Х. Левкопуло, заместитель заведующего отделом партийных кадров ЦК АКП/б/ Р.-Р.Л. Квятковский, ряд других партийных работников: (В.Г. Лазарев, Миркадыров, М. Бренер, Черномазов, Большаков, Горявин, Секирин), обвинявшиеся в том, что они являлись участниками контрреволюционной, террористической, повстанческой организации, действовавшей в Баку и ставившей своей задачей свержение советской власти и реставрацию капитализма. Дело по их обвинению было рассмотрено 22–26 декабря 1939 г. военным трибуналом Закавказского военного округа.

Багиров допрашивал Кулькова в кабинете наркома внутренних дел Раева. Кульков заявил, что работники НКВД его били и принудили оговорить других лиц в совершении тяжких преступлений. Багиров, как он показал в суде, не принял никаких мер, чтобы «приостановить дело Кулькова» и признал, что с Кульковым он «поступил недостойно, плохо». Пояснил, что обстановка того времени не позволила разобраться с делом Кулькова. К этому следует добавить, что «обстановку того времени» он сам же активно и создавал.

Хотя Багиров и утверждал, что заявление Кулькова «разбудило его от сна и слепого доверия к аппарату НКВД АзССР», но это его утверждение не было искренним. Григорян, присутствовавший при допросе Кулькова, пояснил, что Багиров добивался от Кулькова признания в совершении тем контрреволюционного преступления.

Военный трибунал Закавказского военного округа под председательством В.К. Капустина, рассмотрев это дело, оправдал Миркадырова, М. Бренера, Черномазова, Большакова, Горявина и Секирина. А вот Кульков, А. Бренер, Левкопуло, Квятковский и Лазарев были признаны виновными в совершении тяжких государственных преступлений и приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет каждый.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Капустин показал, что Кульков и другие подсудимые отказались в суде от данных ими показаний, заявив об избииении их на предваритель-

ном следствии. Они подробно рассказали, какими варварскими способами добивались от них «признательных» показаний.

Перед вынесением приговора Багиров вызвал к себе Капустина, который доложил ему, что к вынесению обвинительного приговора в отношении Кулькова и других оснований не имеется. Багиров был крайне недоволен и заявил, что либерализм Капустина при рассмотрении дел «создал такие условия, что арестованные стали отказываться от своих показаний». Багиров утверждал, что сам участвовал в допросе Кулькова и других обвиняемых, которые признавались в совершении тяжких преступлений, поэтому сейчас им верить нельзя. «Багиров категорически потребовал осуждения лиц, арестованных по делу Кулькова», – показал Капустин. Когда же Багиров узнал о результатах рассмотрения этого дела, он добился того, чтобы Капустина убрали из Баку, и чтобы он больше не рассматривал дела на «врагов народа». Это желание Багирова было исполнено.

Результатами рассмотрения дела Кулькова и других был недоволен также и нарком внутренних дел Емельянов. Он позвонил коменданту и распорядился не выделять автомашину составу военного трибунала. Когда же члены суда пришли в гостиницу, то узнали, что их выселяют. Они вынуждены были уехать, не закончив оформление рассмотренных дел.

Как показал Капустин, он неоднократно беседовал с Маркаряном о качестве предварительного следствия. Маркарян, оправдывая результаты следствия, проводившегося работниками АзНКВД, ссылаясь на то, что «вот недавно приезжала Военная коллегия, так она не особенно копалась в материалах дела, а судила по всей строгости закона». К сожалению, так было. Военная коллегия Верховного Суда СССР в то время действительно не «копалась в материалах дела» и нередко за какие-то 10–15 минут решала судьбу человека, привлеченного к суду. Во внимание не принималось то обстоятельство, что кроме показаний этого человека на предварительном следствии, от которых он затем отказался, других доказательств не было. Вернее сказать, судьба этого человека решалась ранее, а не за короткое время судебного разбирательства, которого фактически и не было. Судьбу этого человека решали в НКВД перед тем, как направить дело в суд, в частности в Военную коллегию Верховного Суда СССР.

Как уже говорилось, если на обвинительном заключении ставилась римская цифра «I», то обвиняемый безусловно подлежал расстрелу, а если цифра «II» – то лишению свободы. В НКВД СССР на обвинительных, заключениях чаще ставили цифру «I».

Военная коллегия. Верховного Суда СССР, рассмотрев 5 июня 1940 г. в кассационном порядке дело Кулькова и других, согласилась с тем, что 6 человек по этому делу оправданы обоснованно. Кроме того, она отменила приговор в отношении Лазарева и дело в отношении него прекратила. Был отменен приговор и в отношении Кулькова, А. Бренера, Левкопуло и Квятковского, а дело направлено на новое расследование.

Однако никакого нового расследования фактически не проводилось. Было составлено обвинительное заключение, которое утвердил Маркарян. И 18 апреля 1941 г. военный трибунал Закавказского военного округа вновь рассмотрел дело по обвинению Кулькова, А. Бренера, Левкопуло и Квятковского. Хотя они и на этом суде не признали себя виновными, объяснив, что на предварительном следствии вынуждены были оговорить себя, тем не менее их признали виновными в тех же тяжких преступлениях, приговорив Кулькова, А. Бренера и Левкопуло к лишению свободы на 10 лет каждого, а Квятковского – на 7 лет. Отбывая наказание, Кульков умер 17 декабря 1942 года, а А. Бренер – 26 марта 1943 года. Левкопуло после отбытия наказания был направлен в бессрочную ссылку.

Как же мотивировал военный трибунал доказанность обвинений, предъявленных Кулькову и другим? Суд, как это усматривается из содержания приговора, исходил из того, что в 1937–1938 гг. органами НКВД была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная, террористическая, повстанческая организация, действовавшая в г. Баку. Арестованные участники этой контрреволюционной организации показали, что её участниками являются Кульков, А. Бренер, Левкопуло и Квятковский, которые в ходе предварительного следствия признавали себя виновными, неоднократно писали о своей принадлежности к названной организации, подробно излагали факты о связях с другими участниками контрреволюционной организации. Сославшись на материалы предварительного следствия, военный трибунал указал в приговоре, что подсудимых уличали осужденные участники упомяну-

той контрреволюционной организации, в том числе и Окиншевич, которого, как уже было сказано ранее, допрашивали и после того, как он был приговорён к расстрелу. Разумеется, в суд никто из этих «свидетелей» не вызывался. Их и не могли вызвать, поскольку к 18 апреля 1941 г., когда рассматривалось дело Кулькова и других, большинство из них уже были расстреляны.

Далее в приговоре было указано, что в процессе следствия «ввиду осуждения части членов контрреволюционной организации» Кульков, Бренер, Левкопуло и Квятковский стали отказываться от своих показаний, затем вновь признавались и снова отказывались, заявляя, что они оклеветали себя. Это объяснялось, указывалось в приговоре, их «малодушием и тем, что к ним применялись, якобы, неправильные методы следствия» (как деликатно, однако, квалифицируется вопиющее беззаконие, царившее в органах НКВД! – *Н.С.*). По тем же мотивам, констатируется в приговоре, подсудимые не признали себя виновными и в суде.

Любопытно посмотреть, как оценил военный трибунал заявления подсудимых, о «неправильных методах следствия». В приговоре по этому поводу записано так: «Такие доводы обвиняемых нельзя признать уважительными, так как Кульков и Левкопуло, будучи допрошенными в НКВД СССР и в Баку руководящими работниками, признали себя участниками контрреволюционной организации и уличали других лиц».

Вряд ли стоит останавливаться ещё раз на том, как допрашивали в то время «руководящие работники НКВД» тех, кто оказывался арестованным.

Здесь фактически изложено всё содержание приговора. В нём не приведено ни одного факта конкретной «враждебной деятельности» подсудимых. Всё сведено к тому, что они признавались в своей принадлежности к контрреволюционной организации, и этого было вполне достаточно, чтобы приговорить их к длительным срокам лишения свободы, а то и расстрелять. Вот так вершилось правосудие во времена сталинщины.

В судебном заседании по делу Багирова был допрошен Левкопуло, в течение 17 лет находившейся в тюрьме, исправительно-трудовых, лагерях и в ссылке. Его арестовали 4 июля 1938 г., а реабилитировали 12 марта 1955 г., когда он по-прежнему находился в ссылке.

В своих показаниях Левкопуло отметил, что за 30–40 минут до ареста он был у Багирова, который дал ему задание поехать в один из районов и помочь вновь избранному секретарю райкома партии.

После ареста, показал далее Левкопуло, его привели к Григоряну, который сразу же стал кричать на него, называя фашистом. Поскольку он не признавал себя виновным, его в течение семи суток избивали резиновыми дубинками, ногами, бутылками. Когда терял сознание, обливали водой и вновь принимались избивать. Требовали признаться в принадлежности к «право-троцкистской контрреволюционной организации». В одном из его допросов участвовал Багиров, которому Левкопуло рассказал, что с ним сделали. Это не понравилось Багирову, он вспылил и сказал наркому Раеву, чтобы тот «привёл в порядок» его, Левкопуло. Раев достал резиновую дубинку и стал жестоко избивать подследственного. Избивал до тех пор, пока тот не потерял сознание. В конечном итоге его принудили «признаться» в совершении тяжких преступлений.

Допрошенный в суде В.Г. Лазарев, в конечном счёте оправданный на упомянутом процессе, подтвердил, что показания о преступной деятельности арестованных, буквально выбивались из них.

Иван Харлампиевич Левкопуло прожил долгую жизнь и скончался в ноябре 1990 года. Свои сбережения, а их по советским меркам было немало – около 29 тысяч рублей, он завещал бюро Октябрьского РК КПСС г. Москвы, бюро МГК КПСС на нужды детских садов и яслей, на благоустройство города, а также Советскому фонду мира и Советскому детскому фонду имени В.И. Ленина.

И.Х. Левкопуло перенес тяжкие невзгоды и испытания, но не разочаровался в идеалах, осуществлению которых он посвятил всю свою жизнь⁵.

Допрошенный в суде бывший секретарь Дзержинского райкома партии г. Баку Г.А. Петросян показал, что в связи с его критическим выступлением на пленуме районного комитета партии Багиров самолично освободил его от обязанностей секретаря. Он был назначен заместителем начальника строительства ГРЭС

⁵ Московская правда. № 273 (21491). 29 ноября 1990 г.

«Красная звезда», а вскоре арестован. В течение десяти суток он сидел на стуле, спать не позволяли. Его обвиняли в принадлежности к контрреволюционной мусаватистской организации, то есть к националистической азербайджанской организации, членом которой он никак не мог быть, поскольку по национальности является армянином. Принуждали его признать себя виновным в принадлежности к «право-троцкистской контрреволюционной организации». Не признал. Во внесудебном порядке был лишен свободы на 5 лет.

Допрошен в суде был также и бывший первый секретарь Шаумяновского райкома партии г. Баку Каспаров. Одной из причин его ареста было то, что он не выполнил указания Багирова о направлении на проверку в АЗНКВД материалов на кандидатов, выдвигавшихся в руководящие партийные органы района. Кроме того, как показал Каспаров, во время проходившей городской партийной конференции он обратил внимание на то, что «...через 5–6 делегатов конференции сидел работник АЗНКВД. Эти люди делегатами конференции не являлись», – пояснил Каспаров.

Приведённые Каспаровым факты убедительно подтверждают, что фактической властной силой в то время в нашей стране, которой реально подчинялись все, была сила НКВД.

5 июля 1938 г. проходил пленум Шаумяновского райкома партии в здании КП(б) Азербайджана. Пленум открыл Багиров и сразу же заявил, что Каспаров является врагом народа, и его необходимо исключить из партии. Когда же Каспаров потребовал дать ему возможность выступить, то Багиров заявил: «Все раскажите в НКВД». Здесь же по указанию Багирова Каспаров был арестован.

На третий день после ареста его вызвал нарком внутренних дел республики Раев. В его кабинете находился измученный и истерзанный Кульков. На вопрос Раева, что он знает о Кулькове, охарактеризовал последнего как преданного партии человека. В ответ на это он был избит, били жестоко. Днём держали на «стойке», а ночью били. Избивали и других арестованных. В конечном итоге он вынужден был в августе 1938 г. подписать протокол допроса, в котором указывалось, что Каспаров признаёт себя виновным в совершении тяжких преступлений. Однако в сентябре того же года он от этих показаний отказался. Снова ста-

ли бить, но он уже не признавал себя виновным. Дело направили в военный трибунал Закавказского военного округа, который в марте 1939 г. приговорил его к лишению свободы сроком на 10 лет.

Военная коллегия Верховного Суда СССР приговор в отношении Каспарова отменила и дело направила на новое расследование. 26 мая 1940 г. тот же военный трибунал, рассмотрев дело Каспарова в распорядительном заседании, прекратил это дело за недоказанностью предъявленного Каспарову обвинения.

Однако, на этом преследование Каспарова не прекратилось. На основании постановления Особого совещания он был лишен свободы сроком на 5 лет. Всего же в заключении и в ссылке он пробыл 17 лет.

Судьба Каспарова ещё и ещё раз подтверждает, что «НКВД не ошибается»: если кого-то арестовывали, то он непременно оказывался «врагом народа». Кем же он будет наказан, существенного значения не имело, поскольку этот человек в любом случае подвергался репрессии – его либо лишали свободы, либо расстреливали.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в 1936–1938 гг., Каспаров привёл такой факт: он был уже шестым секретарём Шаумяновского райкома партии за указанное время; все шесть были арестованы.

Как следует из показаний допрошенного в суде свидетеля А.Н. Курилова – бывшего секретаря партийного комитета судоремонтного завода имени Парижской Коммуны. Его исключили из партии, а затем и арестовали вслед за тем, как он, Курилов, на партийной конференции выступил с критикой работы Бакинского комитета партии. Естественно, Багиров не мог терпеть такое – критику партийного комитета, им возглавляемого.

Курилова арестовали 28 октября 1937 г., предъявив обвинение во вредительстве, в подготовке восстания и террористического акта в отношении Багирова, который должен быть осуществлён во время спуска со стапелей теплохода «Багиров». Курилова заставили «признаться» в совершении указанных преступлений «обычным» способом – нещадным избиением.

Характеризуя Багирова как человека жестокого и коварного, Курилов привёл такой факт. В мае 1937 г. на районной партийной

конференции пропагандист Азизов выступил с критикой работы бывшего начальника политотдела Каспийского пароходства Гасана Рахманова (к тому времени – секретаря Нахичеванского обкома партии). Багиров возмутился выступлением Азизова и заявил, что Гасан Рахманов является преданнейшим коммунистом. По требованию Багирова, Азизова удалили с партийной конференции и через несколько дней исключили из партии, а затем, как водилось, и арестовали. Через несколько месяцев был арестован и Гасан Рахманов – с ведома и разрешения Багирова.

В ходе расследования дела и в суде Багиров показывал, что в Каспийском пароходстве фактов диверсионных актов не было. В своих же выступлениях он утверждал как раз обратное. На основании чего говорилось о диверсионных актах в пароходстве? Было установлено, что многие корабли Каспийского пароходства были настолько старыми и изношенными, что нередко случались аварии. Эти пароходы даже гибли. А преподносились подобные случаи как следствия диверсионных актов. Но если это так, то должны были быть и диверсанты. И их находили, притом в небольшом количестве. Невинных людей арестовывали, принуждали оговаривать себя и других в совершении невероятных преступлений, затем расстреливали, либо приговаривали к лишению свободы на длительные сроки.

По делу Каспийского пароходства были арестованы его руководящие работники, в том числе его начальники (в разное время) Меньяйлов и Лукин, начальник механико-судовой службы Милов, уже упоминавшийся Гасан Рахманов и другие. Многие из них были расстреляны, другие – лишены свободы на длительные сроки.

Как показал в суде Багиров, названные и другие работники пароходства без его санкции не могли быть арестованы. Он также пояснил, что направлял Сталину телеграмму с просьбой дать разрешение на арест Гасана Рахманова, являвшегося к тому времени секретарём Нахичеванского обкома партии. Такое разрешение Багиров получил. Кроме того, Сталин предложил ему выехать в Нахичевань и «всё там расчистить». Что-то, а «расчищать» Багиров умел.

Активное участие в расследовании, а фактически в фальсификации, дел на работников Каспийского пароходства приняли Гри-

горян и Борщев. Так, Борщев подписал ордер на арест заместителя начальника политотдела пароходства Кузовенко, утвердил постановления о предъявлении начальнику Каспийского пароходства Меньяйлову и работнику этого пароходства Савиных дополнительных обвинений в террористической деятельности и во вредительстве. Борщевым были арестованы работники судоремонтного завода имени Парижской Коммуны (включая его директора Шнейдера).

Григорян допрашивал Гасана Рахманова, страдавшего астмой. Это заболевание использовалось в целях принудить Рахманова признаться в преступлениях, которых он не совершал. Как показал Григорян, Рахманова обвиняли в подготовке террористического акта в отношении Багирова. Хотя он, Григорян, и не верил в то, что Рахманов мог совершить указанное преступление, однако вменил в вину Рахманову именно такое обвинение. Так было заведено в то время, когда органы НКВД арестовывали только «врагов народа».

О том, как велось следствие в отношении Рахманова и других арестованных, рассказал допрошенный в суде бывший помощник прокурора Каспийского бассейна Н.М. Миносян, которого тоже арестовали по делу работников Каспийского пароходства. Ему, как и другим, предъявлялось обвинение в принадлежности к контрреволюционной организации, якобы существовавшей в пароходстве и ставившей своей целью осуществление террористических актов в отношении Багирова и других руководителей республики. Обвинительное заключение по деду Миносяна было утверждено Маркарянном.

Все 7–8 человек, содержавшиеся в одной с ним камере, были избиты. Допросы начинались, как правило, с полуночи до 6 часов утра. «По существу следствия никакого не было, а только сплошные истязания самыми бесчеловечными способами», – показал Миносян. Его тоже жестоко избивали в ответ на отказ «разоблачить» других и подписать заранее составленный протокол допроса. В этом протоколе указывалось, что Миносян является участником террористической организации, существующей в Каспийском пароходстве, которая намеревалась «убить руководителя большевиков Азербайджана», то есть Багирова. В этом Миносяна обвиняли на основании показаний, выбитых у Гасана Рахманова.

Была дана очная ставка с Рахмановым, которая проходила в присутствии Григоряна и других руководящих работников водно-транспортного отдела АзНКВД. Рахманов был весь избитый, почерневший. «Это был полусумасшедший человек, он то смеялся, то грустно смотрел на присутствующих. Рахманов фактически был уже уничтожен», – показал Миносян.

Когда они остались вдвоем с Рахмановым и следователем для оформления протокола очной ставки, он спросил, зачем Рахманов оговаривает честных людей. Тот заплакал и показал на своё изуродованное тело. Сказал, что его страшно били, в том числе и «очкастый», то есть Багиров. Извинился за то, что вынужден был оговорить и его, Миносяна. О том, что Багиров часто в ночное время приезжал в НКВД АзССР на допросы арестованных ответственных работников, знали все, в том числе и арестованные.

Об истязании Гасана Рахманова Григоряном, также показал допрошенный по делу бывший сотрудник АзНКВД С.М. Аксенов-Щербицкий. Именно в результате избиения Григоряном Рахманов признался в том, что он был руководителем националистической организации в Каспийском пароходстве и дал «изобличительные» показания на ещё не арестованных к тому времени работников пароходства.

Другой сотрудник АзНКВД – Булычев рассказал о том, в каком состоянии находился Г. Рахманов. Когда он его увидел впервые, Рахманов «был уже буквально развалиной, обрюзгим, полуослепшим человеком». Во всём его поведении чувствовалась какая-то отрешенность от жизни, у него было полное безразличие к себе, ко всему его окружавшему. На допросах он подписывал все, что ему говорили Григорян и следователь Кудин, делал это механически, не вдумываясь в существо своих действий. Именно Григорян обвинил Г. Рахманова в подготовке террористического акта в отношении Багирова.

Обвинительное заключение по делу Г. Рахманова и ещё 22-х человек, обвинявшихся в принадлежности к контрреволюционной диверсионной вредительской террористической организации, утвердил Маркарян. Как и в других случаях, с материалами дела он не знакомился. К обвинительному заключению по этому делу был приложен список на 209 человек, которые якобы являлись участниками антисоветской организации.

Дело Г. Рахманова и других военным трибуналом было направлено на дополнительное расследование. Рахманов окончания его не дождался, он умер в тюремной больнице. У всех, кто присутствовал в зале судебного заседания, не возникало ни малейшего сомнения в том, что Г. Рахманов фактически был убит. 6 января 1941 г. было вынесено постановление о прекращении дела в его отношении, утверждённое Маркаряном.

Григорян признал, и это подтверждено другими доказательствами, что на основании выбитых у Г. Рахманова показаний было репрессировано немало невиновных работников Каспийского пароходства. В частности, на основании этих показаний арестовали бывшего заместителя начальника политотдела пароходства Джебраила Алиева, бывшего председателя воднотранспортного суда Чернякова, старшего инспектора по пассажирским перевозкам Овчаренко, бывшего начальника службы эксплуатации Хитрова, бывшего начальника отдела завода «Парижская Коммуна» Мамеда Касимова, исполнявшего обязанности начальника Каспийского пароходства уже упоминавшегося Лукина, бывшего начальника Бакинского морского вокзала Королева, старшего механика Бакинского порта Кауфмана, бывшего директора судоремонтного завода Пильщика, начальника отдела кадров пароходства Ставолина, помощника капитана теплохода Деркача, бывшего начальника Бакинского порта Ага-Бала Усейнова и других. Перечисленные лица на основании постановления особого совещания при НКВД были лишены свободы на длительные сроки.

Григорян не отрицал, что именно ему арестованный Д. Алиев назвал фамилии 21-го руководящего работника пароходства, которые якобы состояли в антисоветской организации. В суде подтверждено, что эти показания Алиев вынужден был дать в результате его избиения, в том числе и Григоряном, который давал ему список работников Каспийского пароходства и принуждал показать, что он, Алиев, завербовал их в контрреволюционную организацию. Об этом Алиев показывал и в судебном заседании, состоявшемся 10 октября 1939 г. В том же судебном заседании бывший директор судоремонтного завода Пильщик рассказал о том, как издевался над ним Григорян: запихивал в рот тряпку, после чего принимался избивать. Обвиняемый Хитров тогда же показал, как с участием Григоряна ему была причинена травма

головы и разбиты зубы. Бывшие инструкторы политотдела пароходства Крыжановский и Артищев тогда же тоже показали о жестоким избиении их Григоряном.

Как показал допрошенный в суде по делу Багирова и других свидетель Усейнов, Григорян вместе с другими следователями раздевали его догола, клали на пол, один из следователей садился ему на голову, а другой – на ноги, держали руки и начинали бить руками, ногами, резиновой дубинкой. Когда же он терял сознание, ему давали нюхать нашатырный спирт и продолжали избивать.

Григорян участвовал в фальсификации дела и в отношении помощника начальника политотдела пароходства Зенина. Григорян признал, что он лишь один раз ударил Зенина. Это утверждение Григоряна прозвучало крайне неубедительно. В то время сотрудники НКВД, как правило, били много и жестоко, Зенин в судебном заседании 10 октября 1939 г. показал, что в ходе допроса на предварительном следствии его принуждали пить воду, после чего били по животу.

Вот так добывались «доказательства» виновности арестованных в совершении тяжких преступлений.

Усердие Григоряна не осталось незамеченным, о чём свидетельствует содержание его аттестации, в которой отмечалось: «В конце 1937 года, будучи назначенным начальником XI-го отдела УГБ, за сравнительно короткий промежуток времени сумел вскрыть и разгромить к-р организации троцкистов, правых, националистическую и к-р организацию молодежи в системе Каспийского водного бассейна».

9 февраля 1938 г. Гасана Рахманова принудили дать ложные показания, что он якобы создал несколько террористических групп с целью убийства Багирова. Багиров же в суде утверждал, что он не верил в это. Но установлено, что после «признания» Гасана Рахманова он на следующий день отправил в Москву телеграмму, в которой указывалось: «Надо форсировать следствие по к-р националистам и другим к-р организациям. 500–600 человек ещё не изъяты [...] Особенно неблагоприятно в этом отношении в Каспаре⁶. По последним показаниям Гасана Рахманова и других, участниками диверсионно-вредительских группировок в Каспаре являются Лукин – врид начальника Каспара, Пильщик – директор

⁶ Каспар – Каспийское пароходство (Н.С.).

завода им. Зафедерации и другие. При круглосуточной работе аппарат АзНКВД не успевает своевременно охватить всё».

Сейчас просто страшно читать такое. А каково было в реальности в то время? Получалось, что Багиров знал, сколько ещё не арестовано «врагов народа» по делу работников Каспийского пароходства. Для него не имело значения: на сотню больше или на сотню меньше. Его беспокоило лишь то, что даже при круглосуточной работе сотрудники АзНКВД не в состоянии «охватить всё». Кроме всего прочего, во всём этом ужасает «запланированность» незаконного «изъятия» невинных людей.

Как установлено, Багиров не удовлетворился лишь тем, что был уничтожен Гасан Рахманов, он добился того, что репрессиям и последующему уничтожению был подвергнут фактически весь род Рахмановых.

Допрошенный в суде свояк Гасана Рахманова – бывший заместитель директора Азербайджанского тропического института Г.А. оглы Абдуллабеков – рассказал не только о том, как по указанию Багирова он был лишен свободы на 5 лет, но и о тех репрессиях, которым подвергались близкие родственники Г. Рахманова, так и не дождавшегося рассмотрения его дела в суде и забитого в ходе предварительного «следствия».

Был арестован брат Г. Рахманова – Лятиф, которого, как утверждал Абдуллабеков, пытал Багиров. Арестовали и дядю Рахманова – он погиб в лагерях. Лятифа убили незадолго до освобождения из лагеря. Отца Рахманова выслали в Казахстан, где он и умер.

В связи с допросом Абдуллабекова в суде было оглашено следующее письмо Багирова, на имя Бери, в котором, в частности, говорилось: «Ввиду того, что из-за отсутствия свидетелей контрреволюционной деятельности Абдуллабекова дело на него не может быть разобрано в суде, прошу рассмотреть это дело Особым совещанием». Что может быть циничнее по отношению к правосудию? Нет свидетелей контрреволюционной деятельности Абдуллабекова, но такая деятельность, по утверждению Багирова, имела место. Значит, только Багиров определял, преступник ли тот или иной человек. О каком же правосудии можно было говорить?

В судебных заседаниях по делу Багирова были допрошены и другие бывшие работники Каспийского пароходства: исполнявший обязанности начальника политотдела В.А. Лебедев, помощник начальника политотдела Ф.П. Зенин, начальник службы эксплуатации пароходства Е.С. Хитров, начальник отдела кадров пароходства П.Г. Ставонин, секретарь комитета комсомола завода имени «Парижской Коммуны» Ф.И. Валуев, инструктор политотдела И.М. Арутюнов.

Из показаний этих лиц видно, как следователи буквально выбивали показания у арестованных работников Каспийского пароходства, причём заставляли оговаривать не только себя, но и своих товарищей по работе. Так, Лебедев пояснил, что бывший начальник Каспийского пароходства Меняйлов, «мало похожий на того Меняйлова, которого знал», избличал его в преступной деятельности. В ответ на отрицание обвинений, Лебедева стали жестоко избивать. Григорян заявил ему, что сопротивление бесполезно, поскольку его избличают все работники пароходства.

В конечном итоге Лебедев вынужден был дать показания о своей «преступной деятельности». «Мы 4 дня сидели со следователем и сочиняли эти показания», – заявил в суде Лебедев. От него требовали, чтобы он назвал 50 человек, якобы завербованных им в контрреволюционную организацию. Он вынужден был назвать 100 человек, а когда отказывался от своих показаний, его снова избивали и тем самым возвращали к «признанию».

В Каспийском пароходстве были арестованы почти все капитаны и механики пароходов.

На основании выбитых из Зенина показаний были арестованы 26 комсомольских работников, из которых создали «контрреволюционную организацию», а Зенина «поставили» во главе её. Это дело дважды направлялось на дополнительное расследование. В конечном итоге органы следствия «расформировали» мифическую организацию: 23-х человек освободили, одного «перевели» в другую «антисоветскую организацию». Один человек (Мухмар Мамедов) был замучен в ходе следствия. Двадцать шестым был Зенин, которого на основании постановления Особого совещания лишили свободы на 8 лет.

Зенин подтвердил, что его избивал и Григорян, что каждому арестованному, наряду с другими обвинениями, в обязательном

порядке предъявлялось и обвинение в подготовке террористического акта в отношении Багирова.

Бывший начальник службы эксплуатации пароходства Е.С. Хитров показал, что к моменту его ареста 17 марта 1938 г., уже были арестованы более 300 человек руководящих работников пароходства. Как и других, его принудили оговорить себя и коллег. Его избивали Григорян и другие следователи. Следствие в отношении Хитрова длилось 44 месяца, после чего на основании постановления Особого совещания он был лишен свободы сроком на 5 лет.

Отмечу, что обвинявшиеся по «делу Каспийского пароходства» П.Г. Ставонин и И.М. Арутюнов были лишены свободы на основании постановлений Особого совещания на сроки фактического нахождения их под стражей. Таким образом, это тоже должно было подтвердить, что невиновных органы НКВД не арестовывали. В действительности же это ещё и ещё раз показывает, насколько беззащитны были люди перед всемогущими органами НКВД, которые творимое ими беззаконие прикрывали именем Советской власти.

На вопрос арестованного Ф.И. Валуева, которого, как и всех, нещадно избивали и принуждали оговаривать себя и других, кому нужна клевета на честных людей, следователь Крюченков ответил: «Это нужно Советской власти». Возникает вопрос, какую же работу надо было провести, чтобы так деформировать идеи Октября в сознании его «защитников» и, самое главное, практику строительства «светлого будущего».

Уже говорилось, что в суде по делу Багирова был допрошен бывший член военного трибунала Закавказского военного округа В.К. Капустин. Под его председательством рассматривалось дело Гасана Рахманова и других работников Каспийского пароходства. Это дело, по словам Капустина, оказалось «шито белыми нитками», и буквально «разваливалось». В связи с полученными из Военной коллегии Верховного Суда СССР указаниями, он объявил перерыв и пошел к Багирову. Подробно доложил ему об отсутствии достаточных оснований к осуждению Г. Рахманова и других, Багирову это не понравилось. Он заявил, что Г. Рахманова и других нужно осудить, поскольку «знает их как нехороших людей».

Капустин не прислушался к мнению Багирова, и суд под его председательством дело Г. Рахманова и других направил на дополнительное расследование. Такое решение принималось и по другим делам. Однако Багиров добивался того, чтобы все арестованные, как правило, осуждались, если не военными трибуналами, то Особым совещанием. А вот названный выше Н. Миносян был одним из небольшого числа исключений из данного «правила». Его продолжали избивать, заставляли признать, что список агитаторов, с которыми он проводил занятия, находившийся в изъятом у него блокноте – это список лиц, завербованных им в антисоветскую организацию. Миносян не пошел на это. В конечном итоге дело в отношении Миносяна было прекращено, и он 5 декабря 1940 г., спустя 30 (!) месяцев после ареста, был освобожден из-под стражи.

В 1937 г. по указанию Багирова была осуществлена расправа над руководящими работниками ГРЭС «Красная Звезда». Эта станция являлась основным энергоснабжающим источником для всей нефтяной промышленности Азербайджана. Были арестованы, а затем и расстреляны директор электростанции Трубач и ещё семь инженерно-технических работников.

В 1938 г. акция была повторена. Были репрессированы директор ГРЭС Калинин, секретарь парткома М.С. Образцов и другие её работники.

Обвинительное заключение по делу работников электростанции подписал Григорян. Это дело судом было направлено на дополнительное расследование. Помощник начальника 3-го отдела АЗНКВД Попов, которому было поручено провести дополнительное расследование, в рапорте на имя Григоряна указывал: «У меня нет внутреннего убеждения о виновности проходящих по данному делу лиц и считаю, что признания обвиняемых, за которым исключением, были получены репрессиями.

Прошу детального разбора этого дела и конкретных указаний».

На этом рапорте Григорян написал: «Попову. Доложите это дело зам. наркому т. Керимову, следствие надо закончить не позже 20.11.39». После доклада названного дела Керимову и Багирову Григорян снова подписал обвинительное заключение по этому делу.

Допрошенный в суде А.Н. Попов подтвердил, что он неоднократно докладывал Маркарян и Григоряну о фальсификации

многих дел. докладывал об этом и наркому внутренних дел Азербайджанской ССР Емельянову. Понимания у них он не встретил.

Допрошенный в суде М.С. Образцов, являвшийся в 1938 году секретарём партийной организации станции, показал, что коллектив «Красной Звезды» был сильно запуган проведённой ранее чисткой». Агрегаты станции, показал Образцов, были крайне изношены и не давали гарантии безаварийной работы, но каждая авария расценивалась как вредительский акт. Директор электростанции и он, Образцов, неоднократно докладывали Багирову о ненормальном состоянии станции. Однако Багиров лишь продолжал требовать повышения интенсивности эксплуатации оборудования. На районной партконференции он, Образцов, рассказывал в своём выступлении о фактическом положении дел на электростанции. Багиров прервал его и потребовал рассказать, как партийная организация электростанции ведёт борьбу за «ликвидацию вредительства». Он не выдержал, сорвался и заявил, что вредительством считает бездушное отношение к необходимости производства ремонта машин и оборудования электростанции. Фактов вредительства на электростанции «Красная Звезда» не было.

Вскоре Образцова освободили от обязанностей секретаря партийной организации электростанции, а затем и арестовали. В течение девятнадцати месяцев он прошёл и испытал на себе все этапы и методы следствия, применявшиеся в АзНКВД. Но так получилось, что Образцов оказался одним из немногих, кто затем на основании постановления прокурора был освобожден из-под стражи, а дело в отношении него было прекращено. Да, Образцова освободили из-под стражи и от судебной ответственности (излишне говорить, что и отвечать-то было не за что), однако такие случаи в то время являлись большой редкостью. Коллективу же электростанции «Красная Звезда», её нормальному, технически обоснованному и обеспеченному, функционированию был причинён большой вред.

Конечно, нельзя сказать, что Багиров не был заинтересован в нормальном функционировании электростанции. Вместе с тем, весь ход судебного разбирательства подтверждал, что главным для Багирова была борьба с «врагами народа», пробравшимися во все отрасли народного хозяйства, а также в партийные органы.

Эту борьбу он вёл, попирая все нормы закона, человечности, нравственности.

Горькая чаша необоснованных репрессий не минула и руководящих работников комсомола Азербайджана. С ведома и санкции Багирова в 1937–1938 гг. были арестованы секретари ЦК ЛКСМ Азербайджана А.А. Маркаров, А.С. Султанов, Д.Д. Белиев, секретарь Бакинского горкома ЛКСМ И.А. Осташко, секретари райкома Н.В. Лебедев, В.И. Нестеров-Митрошин, Л.Х. Коновалов, инструктор ЦК ЛКСМ Азербайджана П.П. Можнов, заведующие отделами горкома ЛКСМ Делерзон, Корветин, Мусаэлов, бывший редактор газеты «Бакинский комсомолец» Я.П. Каминский и другие. Руководители комсомольских организаций Азербайджана обвинялись в принадлежности к «молодёжной контрреволюционной троцкистской организации».

Как заявил в суде Багиров, у него не возникало и мысли, что комсомольцы, выросшие в условиях Советской власти, могут стать врагами советского народа. Значит, вполне обоснованно можно утверждать, что Багиров и с комсомолом «боролся», преследуя какие-то свои личные цели. Очевидно, сугубо карьеристские, низменные, бесчеловечные: быть наверху любыми средствами, взбираясь на этот верх по трупам невинных, уничтоженных при его активном участии.

В суде был допрошен бывший второй секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджана с 1935 г. А.А. Маркаров.

Его арестовали 7 ноября 1937 г. и поместили в одиночную камеру. Через несколько дней Маркарова на допрос вызвал нарком внутренних дел республики Сумбатов и стал требовать от него «разоружиться», назвать «20–30 человек своих сообщников». Поскольку Маркаров отказался дать такие показания, Сумбатов ударил его пряжкой ремня по голове, а затем ногой в живот. Следователи Цинман и Клименчик стали жестоко избивать его. Били до потери сознания. Облили водой, перенесли в другую комнату, и эти следователи вновь стали убеждать Маркарова дать показания о наличии в Азербайджане контрреволюционной молодёжной организации, которой руководят из Москвы.

В результате избиений Маркаров вынужден был оговорить себя и ещё 3–4 человек, которые якобы участвовали в контрреволюционной организации, ставившей своей целью разложение моло-

дѣжи, реставрацию капитализма. Затем он отказался от этих показаний. Хотя сколько-нибудь объективных доказательств не было, тем не менее Маркаров, на основании постановления Особого совещания был лишен свободы на 5 лет.

Бывший инструктор ЦК ЛКСМ Азербайджана П.П. Можнов в своих показаниях привел данные, свидетельствующие, как собирались «доказательства» виновности А. Косарева в совершении им тяжких преступлений.

Можнов был арестован в феврале 1938 г. Ему предъявили стандартное обвинение в том, что намеревался совершить террористический акт в отношении Багирова. В течение пяти с половиной месяцев его били, на продолжительное время ставили на «стойки», применяли другие изуверские способы истязаний. Можнов требовал встречи с Багировым, наивно полагая, что тот не знает о творившемся беззаконии. Следователь же объяснил, что его, Можнова, арестовали по указанию Багирова и именно по заданию последнего громят «ЦК комсомола, весь состав которого является контрреволюционным, террористическим».

Можнова допрашивали в кабинете наркома внутренних дел. В этом допросе участвовали Атакишиев и Маркарян. От него требовали дать показания на секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева. В связи с отказом сделать это, его жестоко избили и заставили подписать какую-то бумагу. После этого отправили в Москву. Там Можнов отказался от показаний, которые были отражены в последнем протоколе допроса. Его снова стали избивать и требовать показаний на Косарева и других руководящих работников комсомола.

Далее Можнов показал: «На втором или третьем допросе я увидел у Райзмана (следователя – *Н.С.*) на столе папки с делами на Косарева, который выступал в Большом театре на торжественном заседании, посвящённом 20-летию ВЛКСМ (это было 29 октября 1938 года). Я был поражён: Косарев выступает, а на него уже заведено дело. На мой недоуменный вопрос следователь Райзман ответил короткой фразой: «Пусть пока погуляет».

Этой фразой Райзмана ярко проиллюстрирован механизм фабрикации дел в отношении лиц, неугодных сталинской системе.

Можнов показаний на Косарева не дал, хотя его жестоко избивали, добываясь нужных следствию показаний. Дело Можнова

неоднократно направлялось на рассмотрение в военные трибуналы, которые возвращали это дело на дополнительное расследование. В суде оно так и не рассматривалось. Можнова лишили свободы сроком на 5 лет на основании постановления Особого совещания. В 1949 г. за то же «преступление» Можнова сослали в Красноярский край. Из ссылки он вернулся только в 1954 г.

В суде допрашивали также бывшего секретаря Бакинского городского комитета комсомола И.А. Осташко и бывшего редактора газеты «Бакинский комсомолец» Я.П. Каминского.

Как показал Осташко, к началу 1938 г. из одиннадцати членов бюро Бакинского горкома партии оставались нерепрессированными только трое: Багиров, Касумов и он, Осташко. На заседаниях бюро Бакинского горкома партии, проводившихся совместно с бюро ЦК КП/б/ Азербайджана, поскольку не было кворума, «члены бюро сидели и думали, чья же очередь подошла быть арестованным, ибо достаточно было одного слова Багирова, чтобы арестовали человека».

Вот такая обстановка была создана в Азербайджане, да и не только там, в годы разгула сталинщины.

20 марта 1938 г. в помещении ЦК АКП/б/ состоялся пленум Бакинского горкома комсомола. Открыл его не Осташко – первый секретарь горкома ЛКСМ, а Багиров, который сразу же заявил, что Осташко и редактор газеты «Молодой рабочий» Делерзон – враги, и поэтому они не могут находиться на ответственной комсомольской работе. Их вывели из состава Бакинского городского комитета комсомола, а затем арестовали.

От Осташко, которого жестоко избивали, требовали дать показания о его преступной, связи с Косаревым и Постышевым. Он их не дал. В одном из допросов участвовал Багиров, который требовал от Осташко признаться в контрреволюционной деятельности. В ответ на отказ сделать это, Багиров избил Осташко – наносил удары кулаками в лицо. Два сотрудника НКВД держали при этом Осташко за руки.

Осташко рассказал и о таком эпизоде, происшедшем на допросе его Григорьяном. Несмотря на избиения, Осташко ни в чём не признавал себя виновным. «Григорьян сказал мне, что я не дурак, ибо дураков они не сажают, и должен понимать, что если он, Григорьян, не будет требовать от меня показаний, которые ему нужны, то его тоже посадят», – показал Осташко.

Сейчас известно, что арестовывали и работников НКВД, которые фальсифицировали уголовные дела, судили их и многих расстреляли. Такова была система.

Сначала Осташко был осуждён военным трибуналом Закавказского военного округа к 10 годам лишения свободы. Приговор в отношении Осташко был отменен Военной коллегией Верховного Суда СССР, и дело было направлено на новое расследование. Которое, однако, проведено не было: на основании постановления Особого совещания при НКВД СССР Осташко лишили свободы на 8 лет, а в 1949 году его снова арестовали и направили в бессрочную ссылку.

Обвинительное заключение по этому делу утвердил Емельянов.

Допрошенный в суде бывший редактор газеты «Бакинский комсомолец» Каминский, назначенный весной 1937 г. заместителем начальника политотдела Азербайджанского отделения Закавказской железной дороги, рассказал, в каком тяжелом положении оказалась вся система управления дорогой.

К лету 1937 г. почти весь руководящий состав дороги был арестован. В связи с поступившей в ЦК АКП/б/ телеграммой, подписанной Сталиным и Молотовым, об улучшении работы транспорта, особенно железнодорожного, Багиров провёл совещание. Решение серьёзных проблем свелось к тому, что он в присутствии ему манере стал всех обвинять во вредительстве, принадлежности к различным антисоветским группировкам. На следующий день после этого совещания начались аресты. Дошло до того, что некому было руководить движением поездов на железной дороге. Позвонили в Управление дороги в г. Тбилиси и доложили о сложившемся положении. На следующий день оттуда сообщили, что начальник управления железной дороги и его заместитель арестованы, а начальник политотдела застрелился. Приехавший из Тбилиси второй заместитель начальника Управления дороги для руководства Азербайджанским отделением железной дороги на третий день также был арестован.

Каминского тоже вскоре арестовали. В ходе следствия его избивали Борщев и следователь Аванесянц. Каминского обвиняли в принадлежности к контрреволюционной организации, подготавливавшей диверсии и террористические акты. На Каминского возлагалось осуществление взрыва депо. Вынесенный приговор

о лишении его свободы на 10 лет был отменен Военной коллегией Верховного Суда СССР, и дело было направлено на новое расследование. В результате 1 апреля 1940 г. дело в отношении Каминского было прекращено, и его освободили из-под стражи. Не часто такое случалось в то время.

Багиров в суде не отрицал, что совместно с другими подсудимыми участвовал в фальсификаций дел на работников нефтяной промышленности республики» Как и в других, случаях, и здесь были арестованы многие руководители нефтяной промышленности. Так, в 1937–1940 гг. были арестованы управляющий трестом заводов нефтяного машиностроения Б.А. Юдович, управляющий трестом «Сталинефть» Али Мурад Бейли Джамиль Джумуд оглы, главный геолог треста «Молотовнефть» Б.И. Султанов, управляющий трестом «Азгаз» Л.С. Кутилов, его заместитель И.С. Бабаян, главный инженер треста И.Х. Маргулов, главный механик Недопекин, главный геолог объединения «Азнефтедобыча» К.С. Машкович и многие другие работники нефтяной промышленности Азербайджана.

Борщев, участвовавший в фальсификации дел на работников нефтяной промышленности, показал в суде, что до ареста названных выше лиц в НКВД Азербайджана не было материалов об их какой-либо преступной деятельности. Аресты по этим делам производились с санкции Багирова специально созданной для этой цели группой.

Вряд ли стоит особо останавливаться на том, как издевались над арестованными, принуждая их к самооговору и оговору других лиц.

Но на некоторых фактах стоит остановиться, чтобы показать многообразие форм и способов добычи доказательств виновности невиновных. Чтобы не повторялись ужасы прошлого, необходимо знать, как и кто творил эти ужасы.

Допрошенный в суде над Багировым бывший главный геолог объединения «Азнефтедобыча» К.С. Машкович, арестованный 20 февраля 1940 г. показал, что ему предъявили обвинение во вредительстве и шпионаже. Когда же он потребовал указать факты, которые бы подтвердили это обвинение, следователь ему ответил, чтобы он сам дал эти факты. И что ужасно, зачастую арестованные действительно «сами давали факты» о своей преступной дея-

тельности. Сейчас известно, в результате каких действий следователей арестованные «чистосердечно» признавались в том, чего они не совершали.

Тому же Машковичу спать давали лишь по полтора – два часа в сутки. Днем же он должен был сидеть в камере на табуретке, ни на что не облакачиваясь и не прислоняясь к стене. Ночью – на допросы, в ходе которых их нещадно избивали. На одном из допросов Емельянов убеждал его оговорить себя и Оганова. Если же он не сделает этого, то будет арестована его жена, а детей передадут в детский дом. Но Машкович заявил Емельянову, что отказывается от своих ранее данных показаний, полученных в результате применения к нему мер физического воздействия.

Его направили в Москву в спецтюрьму с очень жестким режимом, в которой Машкович пробыл 13 месяцев. В июне 1941 г. его перевели в Бутырскую тюрьму, затем в Саратов, где и объявили, что на основании постановления Особого совещания он лишен свободы на 8 лет.

Машкович рассказал, что в результате многочисленных арестов руководителей и специалистов нефтяной промышленности республики, резко снизилась добыча нефти. Он привел такие данные: в 1954 г. добыча нефти в Азербайджане составила лишь 70% добычи в 1939 г.

По настоянию Багирова управляющий трестом «Сталин-нефть» Али Мурад Бейли Джамиль Джуммуд оглы постановлением Особого совещания был лишен свободы на 8 лет. Ранее его дело Военной коллегией Верховного Суда СССР было направлено на дополнительное расследование. В этих случаях Багиров обычно добивался рассмотрения таких дел Особым совещанием.

Незаконно была арестована и группа геологов-нефтяников (Михура, Билибин, Оганов).

Для Багирова и его приспешников не имело значения, кого именно арестовывают – главное было арестовать, а доказательства добыть, это уж дело техники. К тому же, обвинения формулировались, как правило, заранее, до ареста того или иного лица.

Такой вот факт. Арестовали бывшего секретаря парторганизации нефтеперегонного завода Асцатура Бабаяна. В справке на его арест имелась ссылка на показания ранее арестованного Русавского о том, что Бабаян «является участником контрреволюционной

троцкистской организации, проводившей вредительство в азербайджанской промышленности». Но эти «показания» Русавского относились к другому лицу, а именно, Степану Бабаяну, который был секретарем парткома другого завода. Тем не менее, А.А. Бабаян не только не был освобожден, но признался (разумеется, его принудили сделать это) в том, что он является членом контрреволюционной террористической организации. Обвинительное заключение по делу А. Бабаяна и ещё шестерых ответственных работников нефтяной промышленности утвердил Маркарян.

На основании сфальсифицированных материалов были арестованы, а потом расстреляны ведущие инженеры нефтяной промышленности Азербайджана Петерсон, Листенгартен, Розиноер, Тер-Газарян, Борц, Слуцкий и ещё многие работники этой отрасли промышленности.

В суде были установлены факты, когда арестовывали и осуждали членов семьи ранее арестованных не потому, что были какие-то доказательства их «преступной деятельности», а исключительно потому, что эти лица были членами семьи уже арестованного человека.

В этой связи нельзя не вспомнить дело бывшего председателя Верховного Суда Азербайджанской ССР, а перед арестом – наркома юстиции республики, Айны Султановой. Её арестовали в Москве, куда она поехала жаловаться на неправильное своё исключение из партии.

Как пояснил Багиров, Султанову арестовали в связи с тем, что ранее был арестован её муж, Гамид Султанов, в то время – нарком коммунального хозяйства республики, обвинявшийся в участии в националистической организации и, естественно, в подготовке террористического акта в отношении Багирова. По мнению Багирова, о чём он и заявил в суде, Султанова «не могла не знать о его (мужа – *Н.С.*) враждебной деятельности». Именно поэтому она и была арестована, пояснил Багиров. В деле же Гамида Султанова он «был уверен».

Судом было установлено, что сигналом к аресту Султановой 28 августа 1937 г. послужило выступление Багирова на бакинском партийном активе 13 июля. Нагнетая всеобщую подозрительность, он говорил: «Возьмите Айну Султанову, которая готовила кадры по линии Наркомюста. Что, она нам преданных

людей готовила, когда муж возглавлял контрреволюционную вредительскую организацию? Трудно предположить, что Айна Султанова совершенно ничего не понимала в действиях своего мужа».

Багиров в суде пояснил, что в его распоряжении было только дело Гамида Султанова. Других же данных для обвинения Аины Султановой во враждебной деятельности просто не было. Но он, как уже сказано, был уверен, что Султанова также причастна к враждебной деятельности против Советской власти.

Процессуальное оформление дела Султановой и последующее её уничтожение было осуществлено подручными Багирова – Атакишиевым и Борщевым. Атакишиев составил обвинительное заключение, в котором утверждалось, что Султанова «сколотила контрреволюционную террористическую группу», которая «[...] ставила перед собой основной задачей – совершение террористического акта против секретаря ЦК КП/б/ Азербайджана Багирова М.Д.».

Это обвинительное заключение утверждено Борщевым. Утвердил он его, как он пояснил в суде, даже не знакомясь с материалами дела. И по многим другим делам он утверждал обвинительные заключения, не удостоверившись в том, имелись ли основания к предъявлению тех или иных обвинений лицу, в отношении которого он утверждал обвинительное заключение.

Дело Султановой рассматривалось Военной коллегией Верховного Суда СССР 13 июля 1938 г. в выездной сессии под председательством И.О. Матулевича Султанову признали виновной в том, что она являлась активной участницей контрреволюционной националистической повстанческой диверсионно-террористической организации, действовавшей в г. Баку, и вместе со своим мужем Гамидом Султановым принимала участие в контрреволюционных сборищах участников этой организации. Будучи председателем Верховного Суда Азербайджанской ССР, указывалось в приговоре, организовала там контрреволюционную группу и руководила её работой.

Ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании Султанова ни в чём не признала себя виновной. Её обвинение основывалось на приобщенных к делу показаниях других арестованных, которые в суде, по установленному в то время порядку, не допрашивались.

Как и её муж, А. Султанова была расстреляна. Установлено, что в ходе предварительного следствия она подвергалась жесточайшим пыткам, для описания которых просто трудно подобрать слова в богатейшем словарном запасе русского языка.

В суде была допрошена и дочь упоминавшегося И.И. Анашкина – Л.И. Анашкина. Её отец и мать, А.И. Анашкина, в 1937 г. были арестованы. Отца на основании приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР от 30 декабря 1937 г. расстреляли, а мать в соответствии с постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 9 апреля 1938 г. лишили свободы на 8 лет. 29 июня 1938 г. арестовали и их дочь. К этому времени она работала заведующей отделом школ и заместителем секретаря Бакинского городского комитета комсомола. Л.И. Анашкиной предъявили обвинение в участии в деятельности антисоветской, правотроцкистской, диверсионно-террористической организации, боровшейся против Советской власти. Ей угрожали, применяли «стойки», допрашивали ночью, а днём не давали спать. Проводили очные ставки с людьми, которые хорошо знали её. На этих людей, пояснила Анашкина, страшно было смотреть, они теряли человеческий облик в результате того, что их нещадно избивали. По всему было видно, что показания, «изобличившие» её в совершении тяжких преступлений, они давали вопреки своей воле.

На основании постановления Особого совещания при НКВД СССР от 21 июня 1939 г. её лишили свободы на 8 лет. В 1947 г. вернулась в Баку, рассчитывая доказать свою невиновность. Это закончилось тем, что её снова арестовали и постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 25 мая 1949 года направили в ссылку. Из всей семьи она осталась одна: сестра погибла в автокатастрофе, брат покончил жизнь самоубийством. Заканчивая свои показания, Л.И. Анашкина заявила: «Вера в партию, в наш народ, в социалистическую справедливость помогали нам жить и надеяться, что наступит время, когда враги, понесут заслуженную кару».

Увы, только немногие дождались этого времени – большинство арестованных были уничтожены вскоре после их ареста, а другие погибли в сталинских лагерях.

В августе 1948 г. под руководством Багирова была организована агентурная разработка известного азербайджанского поэта

Самеда Вургун (Самед Юсиф оглы Векилов, 1906–1956). Как пояснил в суде Емельянов, разработка Самеда Вургун началась ещё до того, как он, Емельянов, возглавил НКВД Азербайджана. Результаты докладывались Багирову. На одном из агентурных донесений Емельянов написал резолюцию о необходимости продолжать разработку Самеда Вургун.

Из показаний Емельянова следовало о наличии данных, свидетельствовавших, что Самед Вургун в своих произведениях высказывает несоветские суждения. Эти суждения в показаниях Емельянова приведены не были. В соответствии с действовавшими в то время директивами, заявил Емельянов, такие люди подлежали проверке, то есть за ними устанавливалась слежка. Этого требовал и Багиров.

Допрошенный в суде М.Г. оглы. Гусейнов, арестованный по указанию Багирова и Емельянова, рассказал о том, как от него требовали дать показания, что Самед Вургун является шпионом и проводит антисоветскую агитацию. Он отказался. Гусейнова стали избивать. Емельянов тоже бил и выбил ему два зуба.

Гусейнову сначала вменялась принадлежность к агентам иностранной разведки. Это обвинение не подтвердилось. Однако, его признали социально опасным лицом, и на основании постановления Особого совещания при МГБ СССР от 25 июня 1949 г. Гусейнов был лишён свободы на 5 лет.

Что же вкладывалось в понятие «социально опасное лицо»?

В первом Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1922 г., было допущено отступление от принципов советского уголовного права, сложившихся в 1917–1920 гг. Этим кодексом устанавливалась ответственность не за конкретно совершенное деяние, а за социальную опасность лица, которая определялась тем, что это лицо было связано с так называемой преступной средой, в прошлом вело себя не должным образом. Именно по этим основаниям направлялись в ссылку члены семей осуждённых «изменников Родины» – ЧСИР, как их называли в то время. Социальную опасность Гусейнова усмотрели в том, что он поддерживал письменную связь с братом, проживавшим в Иране, где родился и сам Гусейнов.

Суд, помимо сказанного, исследовал преступную деятельность не только Багирова, но и каждого из подсудимых. Все они

были подробно допрошены по обвинениям, предъявленным каждому из них.

Борщев, не отрицая того, что он в отдельных случаях избивал арестованных, всячески пытался преуменьшить свою роль в применении такого способа добывания доказательств. Однако, как это следует из показаний допрошенных по делу бывших сотрудников НКВД Азербайджана Мустафаева, Зыкова, Булычева, Горяева, подсудимых Григоряна и Атакишиева, Борщев активно насаждал незаконные методы следствия, добивался фальсификации дел в отношении необоснованно арестованных, невиновных граждан, сам избивал арестованных не в отдельных случаях, а часто и жестоко.

Так, Горяев показал, что Борщев «отличался особым зверством в отношениях с арестованными, которых он систематически избивал». Бывший надзиратель внутренней тюрьмы АЗНКВД А. Тагиев назвал Борщева среди тех, кто особенно жестоко избивал арестованных.

Начальники 3, 4, 5 и 11 отделов Управления государственной безопасности НКВД Азербайджанской ССР обязаны были вторые экземпляры всех протоколов допросов арестованных представлять Борщеву, как заместителю наркома внутренних дел республики. Это делалось для того, чтобы Борщев в любой момент мог проинформировать Багирова по интересовавшим его вопросам. Следовательно, информацию об обстановке в наркомате внутренних дел республики Багирову давал Борщев. В связи с этим крайне неубедительным выглядело утверждение Борщева, что он не был близок Багирову.

Борщев утверждал списки лиц, подлежащих аресту, а также списки дел, направлявшихся на рассмотрение тройки.

В судебном заседании было рассмотрено дело по обвинению бывшего председателя Арбатанского сельсовета А. Мехтиева, арестованного Борщевым и Маркаряном и ложно обвиненного в подготовке террористического акта в отношении Багирова. Обвинительное заключение по этому делу подписал Маркарян, а Борщев написал на обвинительном заключении свою резолюцию: «Согласен». Дело Мехтиева было направлено на рассмотрение тройки, по решению которой Мехтиева расстреляли.

После этого Борщев заявил, что он «некоторую причастность имел к фальсификации дел». Исследование предъявленных Борщеву обвинений подтвердило его участие в фальсификации многих дел, в том числе и дел на старых членах партии. С его участием были сфальсифицированы дела на упоминавшихся И.В. Ульянова и И.И. Анашкина.

Отмечу, что Анашкин 17–27 апреля 1926 г., то есть ровно за 30 лет до процесса Багирова в составе Военной коллегии Верховного Суда СССР участвовал в рассмотрении дела правого эсера Ф.А. Фунтикова, бывшего главы контрреволюционного Закаспийского правительства, имевшего самое непосредственное отношение к казни 9 ашхабадских и 26 бакинских комиссаров. Анашкин прошёл большой революционный путь. Он неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства, командования английских войск, мусаватистов. Теперь же он был признан виновным в том, что являлся участником антисоветской террористической организации правых и по приговору Военной коллегией Верховного Суда СССР от 30 декабря 1937 г. расстрелян. Обвинительное заключение по делу Анашкина И.И. утвердил Борщев.

Борщев же утвердил постановление об избрании меры пресечения и обвинительное заключение по делу Аграфены Ивановны Анашкиной – жены И.И. Анашкина. Им было также подписано постановление на арест Лидии Анашкиной – дочери И.И. Анашкина.

Борщев участвовал в фальсификации дела председателя Сальянского райисполкома Хасаева, обвинявшегося в том, что он руководил «Сальянским филиалом азербайджанской контрреволюционной повстанческой организации». Борщев участвовал в допросах Хасаева, утвердил постановление о предъявлении ему обвинения. Свидетель А.С. Антадзе, содержащийся в одной камере с Хасаевым, показал, что Хасаева избивали так, что тот не мог сидеть.

После излечения Хасаева снова продолжали избивать. Однажды после допроса его принесли в камеру на носилках, поскольку он не мог идти.

Участвуя в фальсификации дел на работников нефтяной промышленности, Борщев подписал ордера на арест управляющего

трестом «Сталиннефть» Али Мурада Бейли, работников треста «Азгаз» Кутилова, Бабаяна, Маргулова, Недопекина, бывшего главного геолога треста «Молотовнефть» Бахишбека Султанова. Борщевым же было утверждено обвинительное заключение по делу Б. Султанова, обвинявшегося в совершении тяжких государственных преступлений. Причём, утверждая этот важнейший процессуальный документ, с материалами дела Султанова, как показал Борщев, он не знакомился, а довольствовался лишь докладом сотрудника АЗНКВД, который расследовал данное дело. По другим делам при утверждении обвинительных заключений он поступал так же.

Из этого следует, что никакого значения материалы дела для принятия решения о дальнейших действиях фактически не имели, поскольку, как было заведено, арестованный по существу признавался виновным до того, как его арестовывали. Поэтому, стоило ли обращать особое внимание на то, как оформлялись доказательства «виновности» арестованного лица.

Борщев утвердил и постановление о предъявлении дополнительного обвинения во вредительстве, террористической и диверсионной деятельности управляющему трестом «Азнефтемаш» Юдовичу, подписал ордера на арест слесаря Потта, механика Ершова, инженера Степанянца, которые затем были расстреляны. Борщев также подписал ордера на арест инженера треста «Каганович-нефть» Манунтиновича и заведующего трубной базой того же треста Столпиевского.

О том, как велось следствие по делам работников нефтяной промышленности Азербайджана, красноречиво свидетельствует такой трагический факт. Арестованный управляющий трестом «Азгаз» Путилов, когда его допрашивал следователь Окудняев, не выдержав истязаний, которым он подвергался, выбросился из окна, и разбился насмерть. Никого за случившееся к ответственности не привлекли.

В суде исследовалась аттестация Борщева, подписанная наркомом внутренних дел республики Сумбатовым. В ней отмечалось: «В сентябре 1936 года им (Борщевым – *Н.С.*) лично была вскрыта и ликвидирована ленкоранская группировка мусаватов-провокаторов, проникших в ряды компартии Азербайджана в подпольный период и создавших в провокаторских целях из

мусаватистов «большевицскую» организацию «Гуммет», а впоследствии за советский период занимавшихся к-р националистической агитацией и пропагандой.

По делу арестовано 11 человек, в том числе 2 члена ЦК АКП/б/.

Под его непосредственным руководством и личном участии сейчас разворачивается следствие по ликвидации крупнейшей мусаватистской к-р повстанческой организации, связанной с Ираном и занимавшейся вредительством в сельском хозяйстве (колхозах, МТС и т. д.). По этому делу в данное время арестовано 195 человек, из них на 80 человек дело следствием закончено и в данное время идёт судебный процесс.

Должности соответствует. Достоин досрочного присвоения звания «майора» государственной безопасности».

Борщев заявил в суде: «Запись в аттестации от начала до конца ложная». Понятно, почему он так заявил. В приведённой аттестации достаточно полно отражены «достоинства» Борщева, которые позволили ему занимать высокие должности в органах государственной безопасности. Борщев проявлял также завидную активность в возбуждении новых дел, которые, разумеется, тоже фальсифицировались. Так, по его инициативе было начато расследование дела о «запасном право-троцкистском центре контрреволюционной националистической организации» в Азербайджане.

Давая оценку своим действиям, вменённым ему в вину, Борщев в суде показал: «Я признаю свою вину не только в том, что подписывал бумаги, но не могу признать себя виновным в том, что находился во вражеской связи с какой-то группой, что я был сознательным врагом.

Работая в АЗНКВД, я в какой-то мере был участником всей той вражеской работы, проводимой Багировым. Я виноват также в применении незаконных методов следствия, но я никакой другой власти, кроме Советской, никогда не служил».

Вот ведь как получается: служил власти, которая, казалось бы, олицетворяла волю народа, тем, что участвовал в уничтожении лучших его представителей. Вместе с тем, Борщев в чём-то формально прав. Ведь чудовищное беззаконие, творившееся в годы сталинщины, прикрывалось необходимостью защиты Советской власти и народа от «происков агентов международного империализма».

лизма». Здесь невольно возникает и такой вопрос: действительно ли в то время в нашей стране была Советская власть или власть какая-то иная, интересы которой защищались такими варварскими способами? Но это уже особая тема, выходящая за рамки моей книги.

Маркарян отрицал, что избивал арестованных, однако он был изобличен в суде показаниями свидетелей. Так, работавший вместе с Маркаряном Лаврухин прямо показал, что тот избивал арестованных. Такие же показания дали бывшие надзиратель тюрьмы Железняков и начальник следственного отдела АзНКВД Боковец. Они заявили, что Маркарян отличался особой жестокостью в избивании арестованных. Борщев в суде заявил: «Он (Маркарян) избивал арестованных точно так же, как и другие работники АзНКВД. Я также избивал арестованных».

Маркарян, как уже говорилось, имел самое непосредственное отношение к фальсификации большого количества дел, по которым были репрессированы невинные люди. Он утвердил обвинительное заключение по делу старого большевика И.В. Ульянова, подписал документы на арест аварийного комиссара Госстраха СССР по Бакинскому порту Д.В. Веселова, члена партии с 1903 г.

По показаниям, выбитым у Веселова, 2 марта 1940 г. был арестован как агент иностранной разведки бывший заместитель народного комиссара социального обеспечения республики Л.С. Смотриков. Проверкой его дела было установлено, что в нем сделан подлог следственных материалов: к делу приобщена выписка из показаний арестованного в 1937 г. Шукшина, который якобы в числе членов контрреволюционной организации боевиков-террористов назвал и Смотрикова. Проверкой же дела Шукшина выявлено, что Смотрикова он вообще не называл в своих показаниях.

3 марта 1940 г. Маркарян арестовал Г.И. Попова, члена партии с 1905 г., активного участника гражданской войны, обвинив его в шпионаже. Как заявил Маркарян, ничего плохого о Попове не знал, но «были показания его ближайших друзей, которые заявляли, что он является врагом».

По тому времени этого было вполне достаточно для ареста человека, в отношении которого были такие показания, Маркарян, разумеется, не задумывался, почему ближайшие друзья вынуж-

дены давать показания в отношении своего друга, и какими способами эти показания получались. В деятельности органов НКВД того времени проблем обычной человеческой нравственности не существовало.

Маркарян не только избивал арестованных с целью получения нужных показаний, но и применял изощренные формы шантажа. Так, допрошенный по делу свидетель Худобашев показал, что Маркарян, принуждая его признать себя виновным в шпионаже, в противном случае угрожал арестовать жену и стал выписывать ордер на её арест.

Маркарян утвердил обвинительное заключение по делу бывшего секретаря Кагановичского райкома партии П.И. Ханцева. В нем прямо указывалось, что дело направляется на рассмотрение Особого совещания потому, что Ханцев и другие обвиняемые (всего их было 12 человек) отказались от своих показаний, данных «на почве физических воздействий со стороны следствия». Тем самым было подтверждено заявление Маркаряна, что Багиров не был сторонником освобождения ранее арестованных – в любом случае они должны быть хотя бы лишены свободы.

Маркарян, как он показал в суде, утверждая обвинительные заключения, с материалами дела не знакомился, а относительно Уголовного кодекса заявил, что знал его поверхностно. Поэтому, наверное, в подписанном Маркаряном обвинительном заключении по делу народного комиссара здравоохранения республики Мусеиба Гусейнова не было ни одной ссылки на статьи, по которым Гусейнов привлекался к уголовной ответственности. Впрочем, эти ссылки были и не нужны, ведь дело Гусейнова направлялось на рассмотрение Особого совещания, которое безотказно штамповало предложения органов НКВД по конкретным делам. О какой законности можно говорить в этом случае?

Вот ещё такой пример. В обвинительном заключении по делу старшего механика участка Бакинского порта Кауфмана, утвержденного Маркаряном 7 сентября 1940 г., указывалось буквально следующее: «Ввиду того, что избличавшие обвиняемого Рахманова – Овчаренко и Кроль в суд вызваны не могут быть, так как они от своих показаний отказались, а также отказался и сам обвиняемый, поэтому [...] дело за № 439 направляется на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР».

В адрес выездной сессии военного трибунала Закавказского военного округа Маркарян направил письмо следующего содержания: «Вследствие подрывной работы, проводимой в камерах внутренней тюрьмы НКВД АзССР арестованными врагами народа, [...] Рахманов Гасан, Овчаренко Дмитрий, Пильщик Липа, Друкер Лев, Боговяленский, Волков, Деркач, Ващев, Шнейдер, Хитров на судебное заседание по делу Курилова Александра, Фаталиева и др. в качестве свидетелей обвинения вызваны быть не могут, т.к. от своих показаний отказались».

Чего здесь больше? Цинизма ли, попирающего элементарные нормы права, или рабского, угоднического стремления выполнить поставленную «вождем народов» задачу по искоренению, уничтожению всех «врагов народа»? Пожалуй, того и другого сверх всякой меры. Во всяком случае, приведённые положения из указанных документов ещё и ещё раз показывают ту пропасть беззакония, в которую оказались ввергнутыми в годы сталинщины советские люди и наше государство в целом.

В суде было установлено, что в 1940 г. Маркарян утвердил ещё один любопытный документ – план мероприятий по слежке за З.Г. Орджоникидзе – женой Серго Орджоникидзе, приехавшей в то время в Баку. Как показал Маркарян, он присутствовал при разговоре Багирова и Емельянова, в ходе которого Багиров указал, что «слежку за женой Орджоникидзе следует установить по всем правилам». Значит, и после смерти Серго его близкие находились под постоянным наблюдением органов НКВД,

В суде установлена причастность Маркаряна к фальсификации и других дел об особо опасных государственных преступлениях.

Так, Маркарян расследовал дело председателя сельского совета в Сальянском районе Мехтиева, обвинявшегося в подготовке террористического акта в отношении Багирова. Это дело Маркарян доложил на заседании тройки при НКВД АзССР, которая постановила Мехтиева «расстрелять с конфискацией имущества». И Мехтиев был расстрелян.

11 ноября 1938 г. Маркарян утвердил обвинительное заключение по делу специалистов-нефтяников Сафарова и Столпиевского, обвинявшихся в принадлежности к вредительской и террористической организации. Но тут нашла коса на камень: дело

в отношении обвиняемых было направлено в военный трибунал, который их оправдал.

Военным трибуналом был оправдан и механик теплохода Пашков, по делу которого 15 декабря 1938 г. Маркарян утвердил обвинительное заключение. Им же 21 декабря того же года было утверждено обвинительное заключение по делу первого секретаря Бакинского комитета ЛКСМ Осташко.

Маркарян дважды (31 декабря 1938 г. и 17 января 1940 г.) утверждал обвинительные заключения по сфальсифицированному делу в отношении командующего Каспийской военной флотилией Исакова, флагманского штурмана Шиферса, начальника штаба флотилии Унковского и флагманского механика Латушкина.

15 января 1939 г. Маркарян утвердил обвинительное заключение по делу начальника Бакинского порта Усейнова, секретаря парткома Амирова и ещё десяти других руководящих работников порта, необоснованно обвинённых в совершении особо опасных государственных преступлений.

В суде Маркарян пытался представить дело так, что он не знал о фальсификации в АЗНКВД дел в отношении необоснованно арестованных граждан. Но это не соответствовало действительности. Так, Маркаряном 10 февраля 1939 г. было утверждено обвинительное заключение по сфальсифицированному с участием Григоряна и Борщева делу в отношении работников Ленинского райкома партии города Баку Мамедова, Арутюнова и Долунца, ложно обвинённых в контрреволюционной деятельности. Как заявил в суде Маркарян, он не знал, что дело в отношении названных лиц сфальсифицировано. Это заявление Маркаряна опровергается содержанием его же письма в апреле 1939 г. председателю выездной сессии военного трибунала Закавказского военного округа. Он писал, что ряд арестованных, ранее дававших показания на Мамедова, Арутюнова и Долунца, не может быть вызван в суд, так как они «подпали под влияние содержащихся совместно с ними участников контрреволюционной организации, продолжавших свою к-р подрывную работу и в камерах [...] и от своих показаний отказались». Это письмо Маркарян подписал, будучи заместителем народного комиссара внутренних дел Азербайджана. О каком же неведении Маркаряна относительно творившегося беззакония можно было говорить?

14 мая 1939 г. Маркарян утвердил обвинительное заключение по делу директора завода имени Парижской Коммуны Шнейдера и десяти других работников этого завода, которые затем были оправданы военным трибуналом.

В разное время Маркаряном были утверждены обвинительные заключения по сфальсифицированным делам в отношении уже называвшихся ответственного работника народного комиссариата земледелия Гулама Нуриева, инженера по технике безопасности треста «Кагановичнефть» Манунтиновича, управляющего трестом «Сталиннефть» Али Мурад Бейли, заместителя начальника политотдела Каспийского пароходства Зенина, начальника планового отдела завода имени Парижской Коммуны Мамеда Касимова, крупного специалиста геолога-нефтяника Султанова.

По постановлениям, подписанным Маркаряном, в один день 3 марта 1940 г. были арестованы старые коммунисты Манучаров, Овчиян и Севумян. Их ложно обвинили в проведении антисоветской агитации.

В связи с арестом этих лиц Маркарян дал такое «разъяснение»: «К моменту ареста указанные лица членами партии не являлись. Они только что возвратились из ссылки». Получалось, что если уж был приклеен ярлык «антисоветчика», то до конца дней своих человек должен был носить его. И таких людей фактически не выпускали на свободу – их содержали либо в местах лишения свободы, либо направляли в ссылку.

Маркарян рассказал в суде и о том, как было встречено в НКВД Азербайджана известное постановление ЦК ВКП/б/ и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., в котором, в частности, указывалось на недопустимость применения незаконных методов ведения предварительного следствия.

Это постановление поступило в Баку вскоре после назначения Маркаряна временно исполнявшим обязанности народного комиссара внутренних дел Азербайджанской ССР. В связи с этим состоялось совещание начальников отделов, в производстве которых находились не законченные следствием дела. Были составлены списки лиц, подлежащих немедленному освобождению из-под стражи. Таких оказалось очень много. Списки передали Багирову. Казалось бы, зачем передавать эти списки первому секретарю ЦК КП/б/ Азербайджана, если возникшая проблема должна

была решаться в первую очередь руководством НКВД республики, поскольку арестованные находились в их ведении. Но всё дело в том, что именно Багиров являлся фактическим главой всех республиканских ведомств и, в первую очередь, народного комиссариата внутренних дел республики.

Длительное время Багиров не принимал никакого решения по направленным к нему спискам. В конечном итоге лишь незначительное число из этих лиц освободили из-под стражи. Дела в отношении остальных содержавшихся под стражей направили в суд. Если же суд возвращал эти дела на дополнительное расследование, то никакого расследования не производилось, а по указанию Багирова их направляли на рассмотрение Особого совещания, которое, как известно, постановлений об оправдании арестованных не выносило. Таким образом, и после принятия постановления «на верхах», в деятельности органов НКВД Азербайджана мало что изменилось.

О том, как вели следствие сотрудники 11 отдела АзНКВД, возглавлявшегося Григоряном, убедительно показал допрошенный по делу бывший его сотрудник Ф.Д. Горяев. Он показал, что сотрудники отдела избивали и всячески издевались над арестованными, принуждая их оговаривать себя и других в совершении тяжких преступлений. В результате таких методов следствия некоторые арестованные, кроме себя, называли ещё по 40–50 человек как участников антисоветских организаций.

У Григоряна, показал Горяев, имелся толстый ремень со специальной рукояткой. Длина этого ремня 50–60 сантиметров, толщина и ширина примерно в два пальца. Этим ремнем Григорян избивал арестованных, другие избивали резиновыми дубинками. Применялся и такой способ истязания, как «стойка». На третьи сутки непрерывной «стойки» у арестованного распухали ноги так, что в обуви вообще невозможно было стоять. У некоторых арестованные через трое суток начинались галлюцинации, они теряли сознание, падали. На «стойках» держали до тех пор, пока арестованные не «признавались». Кроме того, арестованных избивали. Как показал Атакишиев, именно за умение добиваться нужных показаний от арестованных Григоряну поручалось расследование дел в отношении ответственных советских и партийных работников. Он пользовался поддержкой у Багирова.

О человеческих качествах Григоряна свидетельствует такой факт. Он был дружен с бывшим заместителем наркома социального обеспечения республики Л.С. Смотриковым, бывал в его доме. Однако именно Григоряна утвердил постановление о предъявлении Смотрикову обвинения в террористической деятельности. Григоряна признал, что хотя он и не верил, что Смотриков является контрреволюционером, тем не менее утвердил названное постановление.

Смотриков был осужден к лишению свободы и впоследствии умер в лагере.

Григоряна участвовал в фальсификации дела на секретаря Бакинского комитета партии Кулькова. Допрошенный по делу бывший сотрудник АЗНКВД Булычев показал, что Григоряна дал ему указание избивать арестованного бывшего секретаря Ленинского райкома партии Мамедова до тех пор, пока тот не назовет Кулькова членом контрреволюционной организации.

Участвовал Григоряна и в фальсификации уже упоминавшегося дела на бывшего секретаря Кагановичского райкома партии П.И. Ханцева, которому было предъявлено обвинение в подготовке вооружённого восстания, террористической и диверсионной деятельности.

Григоряна подтвердил, что он «раза два-три ударил рукой» Ханцева. Били его потому, пояснил Григоряна, что «он не давал показаний на других участников контрреволюционной организации».

В суде были оглашены следующие показания Ханцева, данные им по своему делу: «Григоряна с помощью Кудина и Крюченкова стал избивать меня. Меня били кулаком по лицу, по голове, наносили удары сапогом по бокам, когда я был сбит на пол. После ряда ударов сапогом я потерял сознание и очнулся в камере весь в кровоподтеках, окровавленный».

Ночью того же дня меня вызвали Григоряна, Кудин и спросили, буду ли я давать показания, причём они мне заявили, что если откажусь, будет вновь произведена такая же операция. Протокол допроса с моим «признанием был заранее составлен и я лишь подписал его». В нем значились фамилии более 80-ти человек, «названных» Ханцевым участниками контрреволюционной организации. По решению Особого совещания он был лишен свободы на 8 лет.

В результате этих и многих других незаконных преступных действий Багирова, Григоряна и им подобных в то время были арестованы почти все руководящие советские и партийные работники Азербайджана.

И Азербайджан отнюдь не был исключением. Получалось, что только те, кто спустя почти два десятилетия оказались на скамье подсудимых, спасали и защищали советскую власть. Каково было советской власти иметь таких «защитников»?

Григорян участвовал в фальсификации дела на секретаря Ленинского райкома партии Гейдара Мамедова, инструкторов того же райкома Долунца и Арутюнова, на работников механического завода Азнефти имени Буденного – его директора Сыроваткина, инженера Степанянца, работницу монтажного цеха Васильеву, обвинявшуюся в подготовке террористического акта в отношении Берии и Багирова и осужденную к 10 годам лишения свободы. Остальные обвиняемые были расстреляны.

Участвовал Григорян и в фальсификации дела в отношении секретаря Дивичинского райкома партии АКП/б/ Али Ахмеда оглы Алибекова, который был расстрелян.

Григорян в суде подтвердил, что в бытность его начальником 11 отдела АЗНКВД его работники избивали арестованных и на основании показаний, полученных таким путём, арестовывали невиновных честных советских граждан. На них искусственно создавались дела, как на членов контрреволюционных организаций.

Пожалуй, лучше всего характеризует Григоряна аттестация на него, подписанная Маркаряном. В ней, в частности, отмечалось: «[...] В конце 1937 года, будучи назначенным начальником 11 отдела УГБ, за сравнительно короткий промежуток времени сумел вскрыть и разгромить к-р организации троцкистов, правых, националистическую и к-р организацию молодёжи в системе Каспийского водного бассейна».

Именно такие «борцы» крайне нужны были и Багирову, и Берии, и другим подобным им, которые возглавляли борьбу с «врагами народа».

Атакишиев, подтвердив, что в 1936–1939 гг. в ходе массовых арестов невиновных они подвергались избиениям, в том числе и в его присутствии, отрицал тем не менее своё участие в этих из-

биениях. Однако это его утверждение было опровергнуто исследованными в суде доказательствами.

Так, старый коммунист Кудрат Таги-Заде в заявлении из ссылки указывал, что Атакишиев лично и с участием других работников НКВД избивал его, спрашивая при этом одно и то же: где и при каких обстоятельствах он хотел убить Багирова.

Об избииении их Атакишиевым показали допрошенные по делу бывший председатель исполкома Шемахинского райсовета Мусеиб Новрузов, а также Гасан Алиев, которого Атакишиев неоднократно избивал, выбив ему при этом зуб. Бывший прокурор пограничных и внутренних войск НКВД АзССР Г.З. Сагиров подтвердил, что Атакишиев избивал арестованных. Об этом же показал в суде и Григорян, который заявил, что Атакишиев избивал многих арестованных.

Допрошенный по делу Шайликов, которого арестовали в 1937 г., подробно рассказал, как по указанию Атакишиева его жестоко избili сотрудники АзНКВД. В деле Шайликова имеется письмо Багирова на имя Берии, в котором Багиров просил это дело рассмотреть Особым совещанием, так как в суде дело «рассмотрено быть не может из-за отсутствия лиц, кои разоблачили бы контрреволюционную деятельность Шайликова».

Вновь и вновь приходится убеждаться, в какой пропасти беззакония находился СССР. С помощью суда невозможно расправиться с человеком – нет тех, кто бы мог разоблачить «контрреволюционную деятельность» обвиняемого. Но есть Особое совещание, на заседания которого ни обвиняемый, ни свидетели не вызываются, а решения принимаются на основании лишь тех материалов, которые добыты в ходе предварительного следствия более чем сомнительными методами.

На основании постановления Особого совещания Шайликов был лишён свободы на длительный срок, а в 1949 году его вновь арестовали и на основании обвинительного заключения, утвержденного Атакишиевым, отправили в ссылку.

Атакишиев пояснил, что в то время он не сомневался в существовании контрреволюционных организаций в Азербайджане. «Об этом повсюду говорил Багиров и другие руководящие работники», – заявил Атакишиев.

Атакишиев подписал постановление на арест Ризаева. Того самого Ризаева, который был председателем АЗГПУ, в то время, когда на основании постановления его коллегии Атакишиев за совершенные им преступления был лишён свободы сроком на три года. На вопрос государственного обвинителя, почему Атакишиев не заявил себе отвод в расследовании дела Ризаева, поскольку Ризаев участвовал в принятии решения о лишении его свободы, Атакишиев ответил: «Если бы я заявил самоотвод, то я бы сам мог попасть в контрреволюционеры». Здесь Атакишиев был абсолютно прав. В созданной машине уничтожения людей не было места каким-либо процессуальным, а тем более нравственным нормам. Эта машина не должна была давать сбоев. Если же это случалось, то соответствующая её «деталь» немедленно выбраковывалась и заменялась. Допустивший промах сотрудник НКВД оказывался в тех же самых тюремных камерах, куда он совсем недавно направлял арестованных «врагов народа».

На присутствовавших в зале судебного заседания произвело сильное впечатление следующее заявление Атакишиева о «террористических актах» в отношении Багирова. Он сказал: «С Багировым носились как с каким-нибудь идолом, всячески оберегали его. Если он где-нибудь должен был выступать, то предварительно это место проверялось минёрами – искали мины. Поэтому, когда бывший народный комиссар земледелия республики Везиров говорил, что он готовил террористический акт в отношении Багирова, то я обязан был верить ему». Атакишиев также заявил: «Из здания АЗНКВД не выходило ни одного дела, где бы не было указания о теракте в отношении Багирова». И далее: «Всё несчастье заключается в том, что все мыгнулись перед Багировым в три дуги, все подхалимничали перед ним».

Вряд ли стоит особо комментировать эти заявления Атакишиева. Багирову было с кого брать пример, чтобы стать вождём республиканского масштаба, которому бы все поклонялись и всячески оберегали от врагов, якобы окружавших его.

Атакишиев подписал справку на арест Асцатура Андреевича Бабаяна и постановление об избрании в отношении него меры пресечения. Но, как уже отмечалось, материалы были собраны на Степана Бабаяна. Из показаний Атакишиева следовало, что он

никаких мер к освобождению Асцатура Бабаяна не принимал, хотя и знал о допущенной ошибке.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что Атакишиев принимал непосредственное участие в фальсификации дел на комсомольских работников Азербайджана. Как показал бывший секретарь Бакинского городского комитета комсомола Велиев, отбывший 15-летнее заключение по сфальсифицированному делу, Атакишиев во время допроса избил его, поскольку он отказывался давать ложные показания. Бил кулаками, ногами и несколько раз ударил резиновой, дубинкой. Бил до тех пор, пока Велиев не согласился дать требуемых от него показаний.

На реплику, что Атакишиев вместе с другими делал врагов Советского государства из руководящих работников комсомола Азербайджана, он заявил: «Я являлся работником системы, где делались эти враги». И ведь верно, по-иному сотрудник НКВД поступать не мог. Он должен был или беспрекословно выполнять указания, диктуемые сверху, или же оказаться на месте тех, в отношении которых велось следствие. Конечно, это ни в коей мере не оправдывает Атакишиева, поскольку порядочность и совесть человека не должны позволять ему делать что-либо несправедливое, бесчеловечное в любых, даже самых суровых условиях. Но это в том случае, если этот человек не заглушил в себе и порядочность, и совесть, данные ему от рождения. По сфальсифицированному «Шемахинскому делу» Атакишиев подписывал справки на арест колхозников, постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Многие из этих лиц затем были расстреляны.

Телеграмма об аресте председателя Исмаиллинского райисполкома Салмана Гусейнова и обвинительное заключение также были подписаны Атакишиевым. По решению тройки Гусейнов был расстрелян.

Атакишиев участвовал в фальсификации дел на секретарей райкомов партии С.С. Каспарова, В. Кеворкова, К.Д. Беляева, заместителя начальника Каспийского пароходства В.Ф. Кузовенко, председателя Куткашенского райисполкома Н. Гасанова, заместителя директора Куткашенской МТС по политической части Ф. Мамедова.

Один раз Атакишиев допрашивал арестованного в июне 1937 г. азербайджанского поэта Ахмеда Ахунзаде и один раз про-

водил по этому делу очную ставку. В октябре 1937 г. Ахунзаде был расстрелян по сфальсифицированному в отношении него делу.

Помимо указанного, Атакишиев имел непосредственное отношение к фальсификации и других дел. Он подписал постановление о заключении в тюрьму секретаря Бакинского городского комитета партии Кулькова и постановление о предъявлении ему обвинения. Атакишиев подписал постановление о предъявлении дополнительного обвинения И.И. Анашкину. Им же подписана справка на арест, постановление о заключении под стражу и постановление о предъявлении обвинения заместителю народного комиссара земледелия республики Е.Г. Гарину в совершении контрреволюционных преступлений. Он же утвердил обвинительное заключение по упоминавшемуся делу работников завода имени Будённого.

Атакишиев утвердил справку на арест И.А. Крылова, в которой указывалось, что Крылов, русский по национальности, является членом мусаватистской организации. Чтобы русского признать мусаватистом, необходимо было обладать невероятной фантазией или же совершенно не разбираться в очевидных вещах. Но надо было убеждать всех в том, что повсюду враги, которых следует разоблачать и уничтожать, а поэтому не стоило выяснять, мог ли вообще русский быть мусаватистом, то есть членом азербайджанской буржуазной националистической партии «Мусават» («Равенство»), социальной базой которой являлись различные слои азербайджанской буржуазии.

На вопрос, чем объяснить, что Атакишиев не вёл расследование по тому или иному делу от начала и до окончания расследования, а только оформлял отдельные документы и проводил разовые допросы, он ответил: «Это объясняется той системой следствия, которая процветала в то время в АЗНКВД». Действительно, существовавшая тогда система следствия обеспечивала безусловное «разоблачение» любого арестованного в преступлениях, которые ему даже и не снились. Расследование фактически было разбито на несколько этапов. На каждом из них исполнителям не нужно было задумываться, почему было принято то или иное решение на предшествовавшем этапе. Кто-то составлял справки на арест, другие арестовывали, третьи предъявляли обвинение, следующие выбивали нужные показания, другие

оформляли эти показания, а обвинительное заключение по делу могло быть составлено лицом, которое никакого отношения к расследованию не имело. На каждом этапе такого «расследования» решалась своя задача, а в конечном итоге фальсифицировались дела, по которым необоснованно лишали свободы и расстреливали тысячи и тысячи ни в чём не повинных людей.

Отвечая на вопрос, в чём он признаёт себя виновным, Атакишиев заявил: «Я признаю себя виновным в том, что, работая в секретно-политическом отделе АзНКВД, я был использован преступным руководством АзНКВД как слепое оружие в осуществлении злодеяний, которые являются предметом разбирательства настоящего судебного процесса. Я виновен в том, что подписал несколько документов по делам, которые, как установлено сейчас, были сфальсифицированы».

Исследованными судом доказательствами, в том числе показаниями самого Атакишиева, было опровергнуто его утверждение, что он был всего лишь «слепым орудием» в руках преступников. Атакишиев был таким же преступником, как и другие, осуждённые с ним лица, разве что только объём содеянного им был несколько меньшим.

В начале своих показаний Емельянов заявил, что он, будучи назначенным наркомом внутренних дел Азербайджанской ССР после известного постановления ЦК ВКП/б/ и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., понимал, что должен был всемерно укреплять законность и ликвидировать «последствия вражеской деятельности своих предшественников», но не смог этого сделать. Емельянов при этом пояснил: «Слепо веря Багирову, я своими действиями, вернее бездействием, способствовал сокрытию многих преступлений, совершенных им и его соучастниками».

Вполне понятно, что Емельянов, как и другие подсудимые, всячески старался приуменьшить свою роль в творившемся беззаконии, взвалив всю тяжесть ответственности за это на Багирова. Однако, исследованными судом доказательствами было подтверждено, что Емельянов активно участвовал в фальсификации дел, грубо нарушал законодательство.

Емельянов подтвердил, что в отдельных случаях к арестованным применялись меры физического воздействия. Это делалось

по его письменным указаниям и только, как он утверждал, к действительным врагам – шпионам и диверсантам, заброшенным в СССР. Всего таких случаев, по его словам, было 4–5.

Даже, если это было бы действительно так, разве оправдано в более или менее цивилизованном обществе применение таких мер разоблачения любых преступников, в том числе шпионов и диверсантов?

Утверждение Емельянова, что он не избивал арестованных опровергнуто показаниями тех, кого он избивал. Бывший начальник бюро экономических изысканий «Азгоспроекта» Рубен Хандомиров показал, что от полученного от Емельянова удара он свалился со стула и потерял сознание. Об избииении арестованных Емельяновым рассказали суду бывший начальник базы сельхозснаба г. Хачмаса Алихан Алиев, а также Маггерам Гусейнов, которому Емельянов выбил два зуба. Последнее подтвердил бывший начальник следственного отдела АЗНКВД Подаров.

Отрицал Емельянов обвинение и в том, что он ориентировал сотрудников НКВД на производство незаконных арестов в связи с этим в суде ему напомнили его выступление на совещании начальников районных отделов и оперативных отделов НКВД АЗССР 8 сентября 1940 г. Узнав, что в Астаринском райотделе НКВД не реализована ни одна разработка, и никто не был арестован, Емельянов, обращаясь к начальнику райотдела НКВД Рустамову, с возмущением указывал: «Следствия не было, разработка ни одна не ликвидирована, арестов не было, *чем же вы занимались, что делали?*». Начальнику Кубатлинского райотдела НКВД С. Асланову Емельянов высказал такие претензии: «Мы не видим работы вашей, что вы сделали? Мы считаем произведённые аресты, осуждение врагов народа, а у вас этого не видно».

Значит, в то время считалось, что органы НКВД предназначены лишь для арестов «врагов народа» и не для чего другого. Фактически так и было. Сотрудники НКВД обязаны были выявлять «врагов народа», которые были повсюду. Поэтому, как это следовало из выступления Емельянова, эффективность работы органов НКВД определялась количеством арестованных и осужденных этих самых «врагов». На основе подобных показателей делался вывод о соответствии того или иного должностного лица занимаемой им должности в органах НКВД.

Допрошенный по делу С. Асланов показал, что на проводившихся оперативных совещаниях Емельянов требовал от начальников районных отделений НКВД как можно больше арестовывать людей. Когда же он возразил, что к этому нет оснований, Емельянов обозвал его бездельником.

Об этом же показал и другой сотрудник НКВД – К. Романский, пояснивший, что Емельянов требовал производить как можно больше арестов. Чем больше их было, тем выше оценивалась работа того или иного сотрудника, заявил свидетель.

Как следует из показаний Емельянова, он по указанию Багирова направил 5 января 1940 г. письмо Берии с просьбой оставить Григоряна, который, согласно заключению комиссии НКВД СССР, должен был быть снят с оперативной работы за нарушения законности в органах НКВД. Он писал, что Григорян – «не потерянный для органов НКВД человек и при надлежащем партийном руководстве и влиянии будет ещё лучше работать». Как уже сказано ранее, Григорян остался работать в АзНКВД. Следовательно, и Емельянов с самого начала работы в должности наркома внутренних дел республики принимал активные меры к сохранению нужных Багирову кадров.

Допрошенные по делу свидетели показали, что Емельянов ориентировал начальников райотделений НКВД на то, что они не подотчетны ни советским, ни партийным органам.

Емельянову было известно, что военный трибунал Закавказского военного округа вернул на дополнительное расследование дело по обвинению Гасана Рахманова и ещё 24-х работников Каспийского пароходства, поскольку все подсудимые заявили о незаконных методах ведения предварительного следствия. Однако он ничего не сделал для проверки всех обстоятельств дела и обоснованности заявлений подсудимых. Признав себя виновным в этой части, Емельянов показал, что следственную работу переделал своему заместителю Керимову.

Кроме того, в мае 1940 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР своим определением предложила объединить дело Рахманова и других с делом Курилова, Зенина и других, поскольку показания последних являлись основанием, для обвинения Рахманова. Это определение не было выполнено.

Как показал Керимов, после доклада указанного определения Багирову, было решено определение Военной коллегии Верхов-

ного Суда СССР не выполнять, посчитав, что доследовать нечего, и дело небольшими группами обвиняемых и поодиночке направить на рассмотрение Особого совещания.

Емельянов же пояснил, что указанное решение было принято после доклада Керимова о невозможности выполнить названное определение, поскольку все арестованные по делу Г. Рахманова и других отказались от своих показаний.

Кроме того, Емельянов показал: «Тогда была общая для всех органов установка, что нельзя прекращать ни одного дела, начатого в 1937 году, если арестованный обвинялся в контрреволюционном преступлении, без санкции первого секретаря ЦК партии республики. Когда же мы доложили, в соответствии с установкой, дела работников Каспара (Каспийского пароходства – *Н.С.*) Багирову, то он сказал, что все арестованные виноваты, и их надо судить. Когда же ему сказали, что в суд дела направлять нельзя, так как есть уже определения Военного трибунала Закавказского военного округа и Военной коллегии, то Багиров дал указание направлять дела на Особое совещание». Эти объяснения Емельянова весьма показательны. Они чётко освещают сложившуюся в то время систему бесконтрольности в деятельности не только органов НКВД, но и представителей партократии, для которых никакие законы не существовали. По любым делам решения они принимали фактически единолично, а потом эти решения оформлялись либо приговором суда, либо постановлениями «тройки» или Особого совещания.

Емельянов не выполнил и определения военного трибунала о дополнительном расследовании дела директора завода им. Зафедерации Пильщика, отказавшегося в суде от своих показаний и заявившего о незаконных методах ведения следствия по его делу. Дело Пильщика было направлено Емельяновым на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. В письме в НКВД СССР он указал, что свидетели по делу Пильщика не могут быть вызваны в суд, так как они отказались от своих показаний, в которых признавали себя виновными. Однако в обвинительном заключении по делу Пильщика, утвержденном Емельяновым, указывалось, что Пильщик в совершении вмененных ему преступлений изобличается показаниями Усейнова, Курилова и Зенина, хотя эти лица задолго до этого отказались от своих показаний.

Получается, что обвинительное заключение по делу Пильщика было сфальсифицировано. Емельянов не отрицал этого.

В бытность Емельянова наркомом внутренних дел республики были арестованы бывший главный геолог объединения «Азнеф-тедобыча» Машкович, главные и старшие геологи Михура, Оганов, Лаврентьев, Цатуров и другие. Первые трое были расстреляны, а остальные приговорены к лишению свободы на длительные сроки. По этому делу Емельянов проводил очные ставки между Машковичем и Билибиным, Машковичем и Огановым.

Судом было установлено, что Емельянов бездушно отнесся к судьбе члена партии с 1905 г. Г.И. Попова, обвинявшегося в шпионаже. Емельянов, не вникнув в материалы дела, не побеседовав с Поповым, утвердил обвинительное заключение по этому делу. Из тюрьмы Попов писал много жалоб, в которых приводил убедительные доводы в обоснование своей невиновности, взывал о помощи. Все осталось без внимания. Попов умер в местах лишения свободы.

В ходе исследования доказательств виновности Емельянова был установлен такой факт.

Дела Мамедова, Арутюнова и Долунца неоднократно возвращались на дополнительное расследование. Когда это произошло в последний раз, Керимов доложил Емельянову, что к осуждению названных лиц действительно нет никаких данных. По предложению Емельянова, были подготовлены постановления о прекращении дел в отношении Мамедова, Арутюнова и Долунца. Прокурор согласился с этими постановлениями и дал санкцию на их освобождение. Но по заведённому порядку до того, как освободить их, поехали к Багирову для согласования указанного решения. Багиров, как показал Емельянов, разрешил прекратить дела в отношении Арутюнова и Долунца, а в отношении Мамедова распорядился дело направить на рассмотрение Особого совещания, постановлением которого Мамедов был лишен свободы на пять лет, а затем направлен в ссылку.

Хотя Емельянов и утверждал, что он не вмешивался в упомянувшееся дело Новруза Ризаева, оправданного военным трибуналом и арестованного после этого в Баку 6 января 1940 г., однако именно Емельянов составил на Ризаева справку, в которой указывалось, что он «Шпион английской разведки. К шпионской рабо-

те привлечен в 1923 г. Мирзояном Левонем Исаевичем (осужден к ВМН [...]). Передавал на протяжении 1925–1929 гг. Мирзояну шпионские материалы о нефтепромышленности, экономике и хлопке». В то время Емельянов почему-то не подумал о том, что этими сведениями Мирзоян, являвшийся секретарем ЦК АКП/б/, мог располагать без получения их от кого-либо в конфиденциальном порядке. Емельянов согласился, что это было абсурдное обвинение. Тем не менее, обвиняемый был расстрелян.

Емельянов сообщил ещё один факт, характеризующий Багирова как человека коварного, шедшего на самые гнусные поступки во имя своего благополучия.

В 1948 или 1949 г., показал Емельянов, в Баку прибыла комиссия во главе с заместителем министра Госконтроля. Сначала Багиров не обращал внимания на работу этой комиссии, но когда она стала интересоваться вопросами, затрагивавшими ответственных работников и самого Багирова, последний стал пристально следить, чем она занимается. Он стал получать сведения о тех, с кем беседовали члены комиссии и тех, кто обращался к ним. Багиров передал списки на этих лиц Емельянову и предложил после проверки дать ему сведения о них.

О полученном распоряжении Емельянов доложил министру Государственной безопасности СССР Абакумову (с 1948 г. Емельянов – министр государственной безопасности Азербайджанской ССР), и тот сказал, что указания Багирова надо выполнять. После этого указанных лиц стали проверять и компрометирующие материалы на них передавать Багирову.

На одном из заседаний бюро ЦК АКП/б/ Багиров сообщил, что на имя Сталина он направил телеграмму, в которой указал, что комиссия вмешивается не в свои дела и превышает предоставленные ей права. На другом заседании бюро Багиров сообщил об имевшихся данных о пьянках членов комиссии, об их связях со случайными женщинами. Об этом он сообщил Сталину. «Примерно через два дня комиссия срочно выехала в Москву», – показал Емельянов.

Вслед за комиссией в Москву выехал и Багиров, а когда вернулся, то сообщил, что Сталин дал указание арестовать женщин, с которыми встречались члены комиссии. Были арестованы три женщины, две из них – Емельяновым. Двух женщин обвинили «в

использовании ответственных работников в корыстных целях». Да, именно так было сформулировано обвинение. Надо было обладать большой фантазией или совершенно не знать Уголовный кодекс, чтобы придумать такой состав преступления. Впрочем, зачем нужен был какой-то Уголовный кодекс, если органы МГБ, его сотрудники могли вменить в вину преступление, вообще не существовавшее в природе?

Третья женщина обвинялась «в связи с Иранским консульством». В чём заключалась эта связь, не указывалось. Очевидно, что все эти женщины были арестованы необоснованно.

Таким образом, грубая, но безотказная провокация обеспечила дальнейшую спокойную жизнь Багирову и его приближенным.

В ходе допроса Емельянова был исследован ещё один документ, отражающий весь маразм сталинской эпохи.

16 июля 1951 г. по инициативе Багирова МГБ республики направило на места письмо, в котором указывалось следующее. «Предлагаю: с получением настоящего письма, агентурными и другими возможностями РО МГБ, тщательно проверить всех председателей и секретарей сельских Советов депутатов трудящихся, списки на коих с указанием полных установочных данных и выявленных компроматериалов представить в отдел “А” МГБ Азербайджанской ССР.

Зам. МГБ АзССР полковник Подаров».

Это было сделано перед очередными выборами в местные Советы, чтобы выяснить, кто «из ранее работавших не имел компрометирующих данных для того, чтобы вновь выставить их кандидатуры».

Вот так в то время формировались местные органы Советской власти. При таких обстоятельствах вряд ли составит особую трудность ответить на вопрос, в чьих руках фактически находилась власть в СССР.

Емельянов подтвердил, что он организовал слежку за З.Г. Орджоникидзе, приехавшей в Баку в 1940 г. Примерно за месяц до её приезда в Баку на его имя от Меркулова поступило директивное письмо. Меркуловым же был составлен оперативный план агентурных мероприятий в отношении З.Г. Орджоникидзе, а осуществлять этот план приехала из Москвы целая группа сотрудников НКВД.

Письмо о проведении агентурных мероприятий в отношении жены Серго Орджоникидзе на специально проведённом совещании зачитал Багиров, который дал указание выполнять всё, что предписывалось Меркуловым. И Емельянов выполнял.

Таким образом, в обязанности первого секретаря ЦК КП/б/Азербайджана входила, оказывается, и организация слежки за женами лиц, неугодных Сталину, хотя их мужья ушли в мир иной.

Емельянов в суде показал, что он не докладывал Багирову о нарушениях законности в работе НКВД Азербайджана. Не говорил ему, что по его, Багирова, указаниям арестовывают невиновных людей, поскольку «подобного рода заявления он (Багиров – *Н.С.*) расценивал как действия, направленные против руководства партии». Емельянов пояснил, что у него не хватило воли и силы противостоять указаниям Багирова, хотя он сознавал всю их незаконность. Для него указания Багирова были законом. Следовательно, Емельянов сознательно способствовал преступной деятельности Багирова. Как установлено судом, Емельянов был не только пособником, но и активным соисполнителем преступных акций Багирова.

После рассмотрения всех доказательств участникам судебного разбирательства было предложено дополнить судебное следствие, если к этому у них имеются основания.

Борщев, воспользовавшись этим правом, обратил внимание суда на то, что по так называемому «шемахинскому делу» он подписал ордера на арест только 10 человек. И вообще, в обвинительном заключении объём совершенных им противоправных действий значительно увеличен по сравнению с тем, что фактически им было сделано.

Григорян, дополняя судебное следствие, указал на то, что он в 1918 г. состоял в охране Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов, а затем был переведен курьером к С.Г. Шаумяну и П.А. Джапаридзе.

Маркарян, отмежёвываясь от причастности к враждебной группе Берии и Багирова, заявил, что он, находясь на неотвеченной работе в АзНКВД до 14 ноября 1936 г. выполнял распоряжения своих начальников, не предполагал, что они были незаконными. Затем его, как пояснил Маркарян, «случайно выдвинули

на ответственную работу» (имелось в виду временное возложение на него исполнение обязанностей народного комиссара внутренних дел Азербайджанской ССР. Эти обязанности Маркарян выполнял с 14 ноября 1938 г. до февраля 1939 г., когда на эту должность назначили Емельянова.

Маркарян вновь указал на то, что всё творившееся беззаконие в республике осуществлялось с ведома и во многих случаях по указанию Багирова. В частности, Багиров требовал от него как можно больше производить арестов. Багиров же «разогнал более работников АзНКВД, среди которых были и те, кто вместе с Багировым фальсифицировал уголовные дела», – заявил Маркарян. Себя же он считал виновным лишь в халатности по службе, поскольку не ознакомился с материалами поступавших к нему дел, однако утверждал документы, имевшие существенное значение для дальнейшего движения этих дел. При этом Маркарян посетовал на отсутствие у него специального юридического образования.

Это соответствовало действительности. Ведь мало кто в тогдашних органах НКВД имел юридическое образование. Оно ведь и не было нужно, коль скоро не только предварительное следствие, но и судебное разбирательство дел «врагов народа» в большинстве случаев проводилось фактически без соблюдения каких-либо законов. Перед этими органами, которые «никогда не ошибаются», стояла одна задача: как можно больше разоблачить таких «врагов» и сурово их. наказать. При таком подходе специальное юридическое образование могло даже помешать.

Другие участники судебного разбирательства, в том числе Багиров, Атакишиев и Емельянов, судебное следствие ничем не дополнили.

После окончания судебного следствия суд перешел к судебным прениям. Первым, как это предусмотрено законом, выступил государственный обвинитель – Генеральный прокурор Союза ССР Р.А. Руденко.

В своей речи он обратил внимание на то что в настоящем деле много общего с делом Рухадзе, Рапавы и других, рассмотренным в сентябре 1955 г. в Тбилиси, поскольку эти дела и привлеченные по ним к уголовной ответственности лица были тесно связаны с преступной деятельностью Берии и его сообщников. Вместе с тем, государственный обвинитель отметил и особенность данного

дела, заключающуюся в особом положении Багирова, которое он занимал среди других участников преступной группы Берии. Это обуславливалось их тесной связью, установившейся между ними ещё в начале 1920-х гг., когда Багиров был председателем АзЧК, а Берия – его заместителем.

Государственный обвинитель подчеркнул, что на высокие руководящие посты в партии и государстве Багиров мог пробраться только вследствие процветавшего беззакония, обусловленного культом личности и связанными с ним нарушениями норм государственной и партийной жизни.

Далее были проанализированы доказательства, подтверждающие далеко не светлое прошлое Багирова, отмечено, как он беспощадно и жестоко расправлялся с неугодными ему людьми, как подбирал в своё окружение тех, кто был готов беспрекословно исполнять любые его указания.

Была дана характеристика и другим подсудимым, на совести и руках которых кровь многих и многих ни в чём не повинных советских граждан.

В своей речи Руденко проанализировал обстоятельства фальсификации больших групповых дел, по которым были необоснованно репрессированы сотни граждан, большинство из которых – расстреляны. Имелись в виду так называемые «шемахинское», «али-байрамлинское», «исмаиллинское» дела, дела на работников Каспийского пароходства, на партийных и комсомольских работников, на работников нефтяной промышленности республики, на работников электростанции «Красная Звезда» и многих другие, исследованные в ходе судебного разбирательства. Государственный обвинитель остановился на роли каждого подсудимого в фальсификации этих дел, указал на организующую и руководящую роль в этом Багирова, отметил, как по требованию последнего другие подсудимые фальсифицировали дела на видных партийных и советских работников, на старых членов партии, которые выступали или могли выступить против Багирова, против его интриг в отношении честных работников, против насаждавшегося им беззакония.

Был также дан краткий анализ причин роста по службе других подсудимых. Отмечено, Багиров возглавлял преступную дея-

тельность всех подсудимых, однако это ни в коей мере не уменьшает степень ответственности каждого из них, преступная деятельность которых была достаточно полно исследована в ходе судебного разбирательства. Их преступная деятельность была направлена не только против отдельных граждан, но и против основ законности в стране, подрывала веру в советский закон и справедливость советского правосудия.

В заключение своей обстоятельной речи Генеральный прокурор СССР обосновал квалификацию содеянного подсудимыми как измену Родине, совершение террористических актов и участие в контрреволюционной организации. В обоснование своих выводов государственный обвинитель сослался на те же доводы, которые приводились им годом ранее в обвинительной речи по делу Рапавы, Рухадзе и других.

Государственный обвинитель не усмотрел наличия обстоятельств, смягчающих ответственность подсудимых, и закончил свою речь словами: «Я требую расстрела всем подсудимым, всем до единого».

Затем выступили защитники подсудимых. Все они оспаривали обоснованность обвинения своих подзащитных в измене Родине, приводя доводы, аналогичные тем, на которые ссылалась защита в судебном процессе по делу Рапавы, Рухадзе и других.

Первым произнёс речь в защиту Багирова адвокат В.Н. Гаврилов. В своей речи, фактически оспаривая доказанность преступных деяний, вменённых в вину Багирову, он остановился на обстоятельствах, которые, по его мнению, следует учесть, принимая решение о сохранении жизни Багирову. Защитник указал, что Багиров «с самого начала встал на сторону Октябрьской революции» и немало сделал для достижения её целей в Азербайджане. В дальнейшем же контроль за деятельностью Багирова ослаб. В результате этого из Багирова выработался руководитель с большим самонадеянием, зазнайством и верой в свою непогрешимость. Выработке таких качеств у Багирова способствовало и то, что отсутствовало коллективное руководство как в республике, так и во всей стране, молчаливое согласие большинства других руководителей со всем, что делалось Багировым и по его указанию. Что же касается разгула репрессий в 1937–1938 гг., то ведь это было характерно для всей страны. Значит, сделал вывод защитник, об-

винение в этой части должно пасть не только на Багирова. Объясняя и оценивая события 1937–1938 гг., нельзя отвлекаться от условий, в которых находилось всё наше общество в то время, считал адвокат.

Вместе с тем, адвокат Гаврилов указал, что было бы неправильным объяснять действия других подсудимых только тем, что они выполняли распоряжения Багирова. Он также отрицал, что Багиров находился в дружеских отношениях с Берией, что они были политическими единомышленниками. По его мнению, их отношения следует рассматривать только как служебные. (Забегая вперёд, отмечу, что в своём последнем слове Багиров опроверг эти утверждения своего защитника). Кроме того, указал адвокат, нельзя не учитывать и того, что Берия был неуязвим в своей преступной деятельности. Именно поэтому Багиров передал Берии документы о его службе в мусаватистской контрразведке.

В заключение защитник высказал мнение, что на фоне успехов, достигнутых страной, нет необходимости уничтожать Багирова – человека, к этому времени нравственно опустошенного, уничтоженного и разбитого.

Защитник Борщева Я.М. Нутенко в своей речи много внимания уделил роли Багирова в развертывании беззакония в Азербайджане, в создании в республике обстановки страха и неуверенности в завтрашнем дне у всех граждан республики. С учетом всего этого, не отрицая вины Борщева в совершении им конкретных преступлений, адвокат просил учесть обстановку, в которой пришлось работать Борщеву, выполняя приказы своих непосредственных начальников. Он не оспаривал, что в бытность Борщева с ноября 1937 г. заместителем наркома внутренних дел Азербайджанской ССР от него «в этот период, возможно, и могли исходить [...] какие-нибудь указания другим подсудимым в части незаконных арестов или применения незаконных методов допроса». В основном же такие указания исходили от наркома внутренних дел республики Сумбатова.

Защитник также считал, что обвинение Борщева в измене Родине и в том, что он добивался осуждения невиновных людей является необоснованным – лишь одно дело по распоряжению

Борщева было направлено на рассмотрение «тройки». Защитник просил сохранить жизнь Борщеву.

Защитник Григоряна П.Я. Богачев в своей речи тоже уделил большое внимание роли Багирова в совершении преступлений, которые были вменены в вину не только Багирову, но и Григоряну, верившему Багирову – первому секретарю ЦК КП/б/ Азербайджана и выполнявшему все его распоряжения. Григорян также выполнял и указания своих непосредственных начальников – наркомов внутренних дел республики Сумбатова и Раева. По мнению адвоката Богачева, Багиров в судьбе Григоряна сыграл роковую роль – он «слепо подчинялся приказам Багирова». Что же касается тесной связи Григоряна с Берией, то этого в действительности не было, считал защитник. Получив от Берии подложную справку, что он в марте 1918 г. якобы состоял в красногвардейском отряде, которым командовал Берия, Григорян в некоторых случаях говорил о своей близости к Берии. Но это было не более, чем бахвальство. Выдача же указанной справки скорее нужна была Берии, чтобы как-то прикрыть своё прошлое. Нет оснований считать, что Григорян находился в близких отношениях и с Багировым, указывал Богачёв. Хотя Григорян и совершил тяжкие преступления, однако участником контрреволюционной организации не был, Родине не изменял, утверждал защитник в своей речи. Он не отрицал того, что на совести Григоряна жизнь многих несчастных людей, но просил учесть, что Григорян был исполнителем чужой воли. «Он преступник, но не организатор преступлений», – такую оценку действиям Григоряна дал адвокат, и просил признать Григоряна виновным лишь в том, что вместе с Багировым и другими подсудимыми участвовал в террористической расправе с невиновными людьми. С учетом того, что с момента совершения преступлений прошло много времени, он просил сохранить жизнь своему подзащитному.

Большое место описанию того, как Багиров насаждал беззаконие в Азербайджане, уделил в своей речи и защитник Маркаряна Г.С. Семеновский. Особо остановился на том, как Багиров подбирал нужных ему людей. Указал, что Маркарян с 15-летнего возраста работал по найму, служил в армии, с 1921 г. работал в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД. До 1936 г. он был рядовым

работником, никакой преступной связи с Берией и Багировым не имел, но не мог противопоставить себя Багирову, под руководством которого во всех сферах жизни активно насаждалось беззаконие. Да, Маркарян участвовал в оформлении документов на арест, в арестах и ведении следствия по делам колхозников Али-Байрамлинского района, но он не был инициатором и организатором массовых арестов. Не оспаривал адвокат и того, что Маркарян «в отдельных, случаях стал применять к арестованным недозванные методы и таким способом добивался их признания в совершенных якобы преступлениях». Всё это, по мнению защитника, было обусловлено общей обстановкой, создавшейся в то время в стране. Маркарян оказался втянутым в массовую расправу над лучшими людьми Азербайджана, Но по сравнению с другими на его совести меньше жертв беззакония.

Семеновский не оспаривал и того, что Маркарян стал своеобразным начальником штаба оперативных групп, от которых к нему поступали все сведения о ходе арестов и результатах следствия. Он же готовил материалы к рассмотрению их на заседаниях «тройки», в состав которой входили первый секретарь ЦК КП/б/Азербайджана Багиров, народный комиссар внутренних дел и прокурор республики. Следовательно, указывая в своей речи защитник, один Маркарян не может нести ответственность за деятельность этой «тройки».

Не оспаривалось в речи защитника и то, что в бытность Маркаряна с ноября 1938 г. временно исполняющим обязанности наркома внутренних дел республики, а с марта 1939 г. – заместителем наркома, террористические расправы над невиновными продолжались, и к этому самое непосредственное отношение имел Маркарян. В то же время защитник утверждал, что Маркарян был слепым орудием в руках Багирова.

Адвокат Семеновский оспаривал обоснованность квалификации действий Маркаряна как измену Родине и участие в заговорицкой изменнической группе, просил исключить такую квалификацию содеянного Маркаряном и признать его виновным только в участии в террористических расправах над «многими честными советскими гражданами». Он просил не применять к Маркаряну высшую меру наказания.

Защитник Атакишиева К.Н. Апраксин в своей речи проанализировал причины, приведшие Атакишиева на скамью подсудимых. В этой связи он остановился на том, как подбирал себе Багиров нужных ему людей. Он стремился найти людей с «помарками» в автобиографиях, а Атакишиев был именно таким человеком. Как уже говорилось, он в 1929 г. был судим. Из-под стражи его освободили по распоряжению Багирова. За это Атакишиев был благодарен Багирову, но это и был первый шаг на скамью подсудимых. Атакишиев беспрекословно выполнял все распоряжения Багирова, не задумываясь об их правомерности. Кроме того, сложившаяся к тому времени обстановка позволяла органам НКВД, его сотрудникам совершенно пренебрегать требованиями закона, поскольку считалось, что они во всех случаях имеют дело с врагами народа. Поэтому Атакишиев, указывая защитник, боясь Багирова и «дрожа за своё место и положение», не задумываясь, подписывал справки на арест, обвинительные заключения и другие документы. К тому же, указания на арест ответственных работников давались только Багировым. Хотя Атакишиев имел отношение ко многим делам, но полностью он не провёл ни одного дела, документы, подписанные им, не пред-решали исход дел.

Адвокат не оспаривал того, что действия Атакишиева объективно способствовали осуществлению вражеских планов, но, по его мнению, не была доказана общность замыслов Берии и Багирова, с одной стороны, и Атакишиева – с другой. Он не был посвящен в их планы. С учетом сказанного Апраксин просил исключить обвинение Атакишиева в измене Родине, учесть общую обстановку, сложившуюся в стране в 1937–1938 гг., и даровать своему подзащитному жизнь.

Последним выступал М.М. Гринёв, защищавший Емельянова. В своей речи он указал, что Емельянов совершил тяжкие преступления, но его фактическое участие в них, по сравнению с другими подсудимыми, всё же значительно меньше. Требование государственного обвинителя о применении к Емельянову высшей меры наказания едва ли является правильным.

Далее защитник остановился на биографических данных Емельянова: до 1939 г. в органах НКВД не работал, был рабочим,

окончил Азербайджанский индустриальный институт, после чего работал на железной дороге. В 1938 г. перешел на партийную работу – был избран первым секретарём Дзержинского райкома г. Баку, а 28 марта 1939 г. был назначен народным комиссаром внутренних дел Азербайджанской ССР. Емельянов фактически не имел опыта ни партийной, ни чекистской работы. Он слепо верил Багирову и полагался на тех, кого Багиров оставил в аппарате АзНКВД. Не выполнять преступные приказы Багирова у Емельянова не хватило гражданского мужества. Он боялся попасть в положение тех, с кем Багиров расправлялся, примиренчески относился к творившимся беззаконию и произволу, сжился с этим и сам в «последующем допустил ряд преступлений», сказал защитник. Тем не менее, Гринёв считал, что Емельянову необоснованно вменено обвинение в измене Родине, поскольку его подзащитный в изменнической группе не состоял, умысла на совершение этого преступления у него не было.

Защитник просил также учесть, что агентурная разработка в отношении жены Г.К. Орджоникидзе – З.Г. Орджоникидзе, или «Своенравной», как она была обозначена в этой разработке, осуществлялась не по инициативе Емельянова, а по указанию, полученному из Москвы. Он просил принять во внимание и следующие обстоятельства: у Емельянова не было цели истреблять советские и партийные кадры – он лишь выполнял волю и распоряжения Багирова; его помощники были недобросовестными работниками; по делам, к которым имел отношение Емельянов, не наступило столь тяжких последствий, как по другим делам, исследованным в ходе судебного разбирательства. С учётом всех этих обстоятельств адвокат просил не лишать Емельянова жизни.

Адвокатам, защищавшим подсудимых, нелегко было найти какие-то обстоятельства, смягчающие ответственность их подзащитных. Все они, и к этому имелись все основания, обращали внимание суда на ту обстановку в стране, которая сложилась в 1937–1938 гг., с чем каждый из подсудимых не мог не считаться. Оспаривая частично квалификацию содеянного подсудимыми, защитники, вместе с тем, не отрицали того, что их подзащитные имели самое непосредственное отношение к уничтожению не только неугодных Багирову людей, но и многих тех, кто никогда,

никакого отношения непосредственно к Багирову не имел. Это оспаривать действительно было невозможно.

Но вместе с тем прозвучало неубедительно утверждение государственного обвинителя, что подсудимые изменили Родине.

После окончания судебных прений председательствующий предоставил подсудимым последнее слово. Первым его произнёс Багиров. Заключительные фразы его последнего слова произвели определённое впечатление на присутствовавших в зале судебного заседания. Он заявил: «[...] Я ещё раз заявляю, что несу полную ответственность за всё, что было совершено в Азербайджане, за уничтожение невинных людей, за невинно пролитую кровь. За эти преступления меня мало расстрелять, меня следует четвертовать».

Багиров указал, что его первая и самая тяжкая вина заключается в том, что он не разоблачил Берия, доверял ему, работал с ним. Однако Багиров сослался на то, что он и не мог разоблачить Берия, видя, как к нему относится Сталин. Багиров признал, что в своих докладах, выступлениях на собраниях, активах, съездах давал установки, на основании которых затем производились массовые аресты. Фактически поощрял разгул беззакония, направлял Сталину письма и телеграммы, в которых просил санкции на арест большого количества людей, заявил Багиров. Не отрицал он и того, что на имя Берии посылал письма с просьбой рассмотреть то или иное дело на Особом совещании, поскольку эти дела не могли быть в то время рассмотрены судом, так как обвиняемые, сначала признававшие себя виновными, и свидетели, избличавшие их в совершении тяжких преступлений, от своих показаний отказались.

Багиров отрицал своё участие в избииении арестованных, он утверждал, что он лишь в 5–6 случаях участвовал в допросах арестованных.

Как заявил в заключение Багиров, его погубило, помимо личных отрицательных качеств характера, то, что он находился под сильным влиянием Сталина, который не терпел самых малейших возражений. Культ личности Сталина, сказал Багиров, принёс большой вред всему народу, а его, Багирова, привёл на скамью подсудимых. Однако он утверждал, что интересы советского го-

сударства никогда не предавал, изменником не был, как не был и врагом Коммунистической партии и советского народа.

Конечно, сейчас это не вызывает никаких сомнений – злоеющая роль Сталина в насаждении беззакония во всей стране очевидна. Действительно, абсолютное большинство руководителей не смели ни в чём возражать Сталину. Если же кто-то и пытался сделать это, его ждала неминуемая смерть. Примеров тому достаточно. Багиров не относился к категории руководителей, которые могли бы в чём-то возразить Сталину. Напротив, произвол и беззаконие Багиров использовал в своих корыстных целях, что позволило ему расправиться с теми, кто выступал или кто, по его мнению, мог выступить против него. В ходе судебного разбирательства было убедительно доказано, что Багиров во многих случаях являлся инициатором ареста видных работников Азербайджана. Поэтому невольно приходишь к выводу, что резкая оценка своих действий, которую Багиров дал в последнем слове, явилась не следствием осознания тяжести содеянного, а стремлением произвести благоприятное впечатление на публику, попытаться убедить присутствовавших в зале судебного заседания в том, что у него сохранились какие-то общечеловеческие качества. В это трудно поверить, узнав, сколько ни в чём невиновных людей погибло по воле Багирова.

Подсудимый Борщев в своём последнем слове заявил, что не был участником заговорщицкой группы и изменником Родины, борьбу против партии и народа не вёл, о преступном прошлом Берии и Багирова не знал. С 19 лет работал в органах ЧК. В 1920 г. совершил нехороший проступок, за что был наказан, и с тех пор работал добросовестно, до 1937 г. законность не нарушал. Борщев признал, что в творившемся беззаконии, была и его вина, но он поступал в соответствии с указаниями наркома внутренних дел республики Сумбатова. Именно Сумбатов, возвратившись из Москвы, дал установку о применении репрессий к арестованным. Работники прокуратуры против этого не возражали. Об избиениях арестованных хорошо знал Багиров, который сам участвовал в допросах арестованных. В то время не выполнить указаний Багирова было невозможно. Багиров не терпел никаких возражений, он постоянно ссылался на Сталина.

В заключение Борщев признал «полное соучастие по конкретным делам в части извращенных методов ведения следствия», но заговорщиком и изменником Родины не был. Он просил сохранить ему жизнь.

Маркарян в последнем слове отрицал свою причастность к заговорщицкой группе, считая, что его искусственно соединили с группой Багирова. Отрицал избивание арестованных. Участвовал в фальсификации дел, но «это было без какого-либо умысла». По указанию Багирова, направлял большое количество дел на рассмотрение Особого совещания. В результате необоснованно было репрессировано большое число невиновных людей. В «Алибайрамлинском деле» его участие выразилось лишь в том, что он осуществлял некоторые следственные действия. Признал себя виновным в том, что, подписывая документы о направлении дел на рассмотрение Особого совещания, не знакомился с материалами. Судебный процесс открыл ему глаза на многое, он увидел подлинное лицо Багирова, понял, насколько был политически слеп, насколько потерял бдительность. Врагом Советской власти не был. Просил при назначении наказания учесть его возраст и плохое состояние здоровья. Любой приговор в отношении его будет считать справедливым, заявил Маркарян.

Григорян в своем последнем слове отрицал близость к Берии, о чём, по его мнению, свидетельствует тот факт, что от должности министра внутренних дел Армянской ССР его освободили в то время, когда Министром внутренних дел СССР был Берия. Не был он близок и к Багирову, не знал о вражеских замыслах Берии и Багирова. Как и все, в 1937–1938 гг. был обманут, все были ориентированы на раскрытие повстанческих организаций, на разоблачение врагов народа. Именно этого требовал Багиров.

Григорян также заявил: «Сумбатов и Раев вместе с Багировым обходили кабинеты следователей и давали указания об избивании арестованных, о получении от них показаний о якобы готовившихся террористических актах в отношении Багирова».

В заключение Григорян, признав себя виновным лишь в том, что являлся орудием в руках врагов, просил сохранить ему жизнь.

Самым коротким было последнее слово Атакишиева. Он не отрицал свою причастность к ряду следственных дел, по которым

были осуждены невинные люди, подписывал по этим делам соответствующие документы, но всё это он делал, «подчиняясь сидящим на скамье подсудимых». Просил сохранить ему жизнь.

Последним суд заслушал Емельянова. Он признал вполне справедливым возмущение азербайджанского народа теми преступлениями, которые совершены Багировым и другими подсудимыми, в том числе и им, Емельяновым.

Став в 1939 г. народным комиссаром внутренних дел Азербайджанской ССР, он оказался в сложном положении. Аппарат АЗНКВД к этому времени уже был «очищен» Багировым вместе с Маркаряном. Работников аппарата расставили так, как это нужно было Багирову. Не имея опыта, он оказался в плену у тех работников АЗНКВД, которые фальсифицировали уголовные дела. Подсудимый признал, что «в ряде случаев оказался соучастником в расправе над невинными советскими гражданами». Не сумел освободиться от таких работников, как Маркарян, Григорян и им подобных. В 1943 г. он предлагал освободить от должностей Маркаряна и Григоряна, но его не поддержали. Напротив, их выдвинули на более высокие должности. В 1939–1940 гг. им было допущено много ошибок. Это объясняется его неопытностью, а также вражеской работой Багирова, которому верил, слепо выполнял все его преступные распоряжения. Именно Багиров «заставлял искать несуществующих врагов». Родине и партии не изменял, он не террорист, не враг народа. Свой позор может искупить честным трудом, просил сохранить ему жизнь.

Суд внимательно выслушал последние слова подсудимых и в 16 часов 24 минуты 25 апреля 1956 г. удалился на совещание для вынесения приговора, о чём председательствующий объявил присутствовавшим в зале судебного заседания.

26 апреля 1956 г. в 11 часов суд возвратился в зал судебного заседания, и председательствующий объявил приговор, который в соответствии с действовавшим законодательством не подлежал кассационному обжалованию.

За совершенные преступления Багиров, Борщев, Маркарян, Григорян были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, а Атакишиев и Емельянов к лишению свободы сроком на 25 лет каждый.

Осужденным к расстрелу Багирову, Борщеву, Маркаряну и Григоряну председательствующий разъяснил их право на подачу ходатайств о помиловании в Президиум Верховного Совета СССР.

В 11 часов 45 минут 26 апреля 1956 г. председательствующий объявил судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР закрытым.

Президиум Верховного Совета СССР ходатайства о помиловании Багирова, Борщева, Маркаряна и Григоряна оставил без удовлетворения» Приговор об их расстреле был приведен в исполнение 17 мая 1956 г., о чём сообщалось в центральных газетах.

Часть III

И ДРУГИЕ...

После осуждения Рапавы, Рухадзе, Багирова и других были привлечены к уголовной ответственности и осуждены некоторые другие в прошлом ответственные сотрудники органов государственной безопасности.

Дело Г.А. Пачулии

Одним из них был Г.А. Пачулия, занимавший с июля 1937 г. до конца 1938 г. народным комиссаром внутренних дел Абхазской АССР.

Будучи допрошенным в суде в качестве свидетеля по делу Рапавы, Рухадзе и других, Пачулия пояснил, что его освободили от должности после обследования Савицким деятельности НКВД Абхазской АССР. В результате этого обследования были выявлены грубые нарушения законности сотрудниками возглавлявшегося им наркомата.

Данные судебного рассмотрения дела Пачулии свидетельствуют, что он был активным функционером безумной карательной системы, существовавшей в то время. Вместе с тем, как уже сказано, 17 ноября 1938 г. ЦК ВКП/б/ и СНК СССР было принято постановление, в котором осуждались грубые нарушения законности при расследовании дел о контрреволюционных преступлениях. Но известно и то, что и после этого постановления беззаконие продолжалось, точно так же фальсифицировались дела, точно так же избивались арестованные. Вместе с тем, нужно было найти «виновных» в творившемся беззаконии. И их находили. И не

только увольняли со службы, но даже судили и порой расстреливали.

Дело Пачулии рассматривалось военным трибуналом Закавказского военного округа 21–29 июня 1955 г. в городе Сухуми.

Военный трибунал признал, что Пачулия, будучи народным комиссаром внутренних дел Абхазской АССР, выполнял волю и преступные замыслы заговорщиков и изменников Родины Берии, Гоглидзе, Кобулова и других по истреблению честных, преданных Коммунистической партии и Советской власти кадров. Используя своё служебное положение, во вражеских целях производил массовые необоснованные аресты советских граждан, главным образом, из числа советского и партийного актива, путём провокаций, угроз, избиений и пыток, применявшихся в отношении к арестованным, фальсифицировал уголовные дела. Пачулия и его подчиненные таким путём принуждали арестованных давать ложные показания о контрреволюционных преступлениях, которые в действительности ими не совершались, а также принуждали оговаривать других.

Суд признал, что Пачулия установил в своём аппарате вредительские методы следствия и террористические расправы с невиновными, лично участвовал в избиении арестованных. Требовал от подчиненных жестоко избивать тех, кто отказывался оговаривать себя и других в совершении тяжких преступлений.

По инициативе Пачулии в НКВД Абхазской АССР был создан так называемый водяной карцер. Вот что он из себя представлял.

Это было небольшое герметичное помещение, которое заполнялось водой до уровня 20 сантиметров от пола. В него помещали донага раздетых заключённых, которым в течение нескольких суток не давали ни воды, ни пищи. Их не выводили для отправления естественных надобностей. Загрязненная испражнениями вода вызывала на теле арестованных воспалительные процессы и отёки. Некоторые истязаемые находились в таких условиях до 30 суток.

Широко применялись и другие методы принуждения к даче ложных показаний. Арестованных избивали палками, резиновыми дубинками, скрученной верёвкой, ножками от венского стула, шомполом, скрученной из проволоки плетью. Их заставляли

брать чемоданы, забитые кирпичами, и стоять на одной ноге. Как правило, эти люди через непродолжительное время теряли сознание.

В летнее время арестованных одевали в меховую шубу, валенки, шапку-ушанку, давали в руки чемодан с грузом, и в таком виде заставляли стоять. Случалось, что арестованных ставили на голову к стенке и в таком положении их допрашивали.

В результате использования таких методов «следствия» многие арестованные умирали, кончали жизнь самоубийством, теряли рассудок.

Арестованный Байковский был избит до смерти на первом же допросе, а его показания не были зафиксированы. Также не фиксировались показания фактически убитых Джикирбы, Чукбара, Мамяна. Есть все основания полагать, что следственные дела в отношении этих лиц не заводились, поскольку они так и не были обнаружены. От избиений умерли и другие арестованные – Гидаба, Лупиан, Криштоф, Гегелашвили... Убийство Гегелашвили было оформлено вынесением постановления «тройки» о его расстреле.

Всего же за время работы Пачулии наркомом внутренних дел Абхазской АССР в результате избиений, всевозможных пыток и нечеловеческих условий содержания под стражей умерли 59 человек.

Было установлено, что Пачулия лично участвовал в избиении Джикирбы и Чукбара. Жестоко избитый им арестованный Руссо в результате стал инвалидом. Пачулия также участвовал в избиениях арестованных Илькова, Добровольской, Джих-оглы, Барциц, Симонова, Капиш и других. Все они впоследствии были реабилитированы.

По инициативе Пачулии и под его руководством были сфальсифицированы дела о якобы существовавших контрреволюционных организациях, таких, как: «Параллельный центр в Абхазии», «Вредительская организация в Госбанке», «Террористическая организация в органах суда и прокуратуры», «Диверсионная организация в типографии газеты «Советская Абхазия», «Шпионская организация в Сухумском порту», «Дашнакская организация» и «Контрреволюционная организация в системе Наркомпроса».

За «принадлежность» к этим мифическим организациям были необоснованно арестованы многие руководящие работники Абхазской АССР.

Применяя меры физического воздействия, Пачулия и его подчиненные принуждали арестованных, подписывать, например, заранее подготовленные их «показания» о существовании «Параллельного центра», в состав которого «включили» более 50 человек, в том числе секретаря Абхазского обкома партии, депутата Верховного Совета СССР Виктора Кукбу, секретаря Очамчирского райкома партии, депутата Верховного Совета СССР Патона Кикорию, секретаря Гудаутского райкома партии Виктора Барцицу, управляющего трестом «Абтабаксырьё» Анатолия Капшу, начальника Сухумского порта Александра Митрофанова и секретаря парткома порта Дмитрия Шемадова. Всех их арестовали. На основании постановления Особого совещания при НКВД СССР Барциц и Кукба были лишены свободы, а все остальные – освобождены из-под стражи после снятия Пачулии с должности наркома внутренних дел Абхазской АССР.

По указанию Пачулии были арестованы бывший прокурор города Сухуми Иван Шария, бывший помощник прокурора Абхазской АССР Мелик Калайджан и секретарь прокуратуры республики Михаил Цурцулия. Их арестовали как членов «Террористической организации в органах суда и прокуратуры».

В ходе их избияния Пачулия домогался показаний о принадлежности прокурора республики Шонии и председателя Верховного Суда Абхазской АССР Антии к указанной «террористической организации». Но их не успели осудить. Все они были освобождены из-под стражи после снятия Пачулии с должности.

Пачулия лично руководил следствием по делам работников Госбанка Абхазской АССР. В результате жестоких избияний от них получили показания о существовании вредительской организации в Госбанке республики. Многие работники этого учреждения были арестованы. В ходе «следствия» умерли, а фактически были убиты управляющий Госбанком Чукбар, его сотрудник Кедров. Заместитель управляющего Танан был расстрелян на основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР. Остальных арестованных затем освободили из-под стражи.

В июле 1938 г. по распоряжению Пачулии начальник отделения НКВД Сухумского порта Вольфсон составил схему организации стрелкового полка, дислоцированного в Сухуми. Эту схему передали провокатору Пушкину, который подложил её на стол Илькова – бухгалтера управления Сухумского порта. Как только это было сделано, Илькова сразу же арестовали и стали жестоко его избивать. Ильков «признался» в том, что он занимался шпионажем в пользу иностранной разведки. Оговорил он и других в совершении такого же преступления.

Ильков тоже не дождался суда, он был убит в ходе «расследования» его дела.

По указанию Пачулии были переданы на рассмотрение «тройки» при НКВД Грузинской ССР дела на 72-х человек, обвинявшихся в принадлежности к «Дашнакской организации».

О том, как фальсифицировались дела этой мифической организации, рассказано выше.

По инициативе Пачулии и с его участием фальсифицируется дело о «Контрреволюционной организации в системе Наркомпроса». Арестовывается заместитель наркома просвещения Абхазской АССР Цхомария и другие сотрудники наркомата. Цхомария и инспектор этого наркомата Накопия были расстреляны на основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР.

С июля 1937 г. по ноябрь 1938 г. по распоряжению Пачулии были арестованы 2186 человек, из которых 749 человек были расстреляны на основании постановлений тройки при НКВД Грузинской ССР, а 794 человека – приговорены к лишению свободы на длительные сроки. Более 500 человек впоследствии были освобождены как необоснованно арестованные.

В суде Пачулия не отрицал совершение им перечисленных преступлений, но считал, что всё содеянное им образует лишь состав преступления, предусмотренного ст. 58-7 УК Грузинской ССР, то есть вредительство.

Военный трибунал Закавказского военного округа признал Пачулию виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-7, 58-8 и 58-11 УК Грузинской ССР, приговорив его к высшей мере наказания – расстрелу.

8 сентября 1956 г. дело Пачулии рассматривалось Военной коллегией Верховного Суда СССР в кассационном порядке. При-

говор в отношении Пачулии был изменён: Военная коллегия нашла, что обвинение Пачулии в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-11 УК Грузинской ССР (участие в контрреволюционной организации) фактически ничем не доказано и в приговоре оно никак не обосновано. Поэтому обвинение Пачулии в этой части исключено из приговора.

Военная коллегия в своём определении указала, что после освобождения от должности наркома внутренних дел Абхазской АССР Пачулия занимался трудовой деятельностью (перед арестом он – старший тренер детских футбольных команд, заслуженный мастер спорта), других преступлений не совершал.

В соответствии с примечание 1 к ст. 15 УК Грузинской ССР, если суд найдет возможным применение к подсудимому давности, то при назначении ему высшей меры наказания – расстрела, эта мера наказания должна быть заменена лишением свободы. Поэтому Военная коллегия Верховного Суда СССР заменила Пачулии расстрел лишением свободы сроком на 25 лет.

Из приведённых данных видно, что Пачулия усердно боролся с «врагами народа», видимо, чрезмерно усердно даже с точки зрения руководства НКВД Грузии. Ведь целых семь контрреволюционных организаций «разоблачил» он на территории совсем небольшой Абхазии. Имея в виду «результаты» деятельности Пачулии, вполне правомерно предположить, что он стал одиозной личностью, и от него освободились. Это было сделано фактически безболезненно для Пачулии. Ведь немало было случаев, когда лиц, подобных Пачулии, расстреливали. Как и тех, кого эти лица «разоблачали».

Решение Военной коллегии Верховного Суда СССР о применении к Пачулии примечания I к ст. 15 УК Грузинской ССР и об исключении из приговора обвинения в совершении им преступления, предусмотренного ст. 58-11 УК Грузинской ССР, представляется совершенно справедливым. Действительно, Пачулия в течение семнадцати лет после совершения тяжких преступлений занимался общественно полезным трудом, других преступлений не совершал. Не состоял он и ни в какой контрреволюционной антисоветской организации. Впрочем, не состояли в таких организациях Рапава, Рухадзе, Багиров и другие осуждённые с ними лица, о чём уже говорилось.

Дело С.С. Давлианидзе

31 октября 1957 г. военным трибуналом Закавказского военного округа был осуждён генерал-майор запаса С.С. Давлианидзе, в 1932–1948 гг. занимавший руководящие посты в органах ГПУ, НКВД, МГБ Грузии и СССР.

Давлианидзе вменили в вину принадлежность к антисоветской организации, однако суд признал, что преступные действия он совершал по указанию и в угоду Берии, Гоглидзе, Кобулову и Рапаве, которые ставили своей целью истребление советско-партийного актива и преданных советскому государству граждан.

Военный трибунал Закавказского военного округа признал, что Давлианидзе в карьеристских целях сознательно грубо нарушал советское законодательство, без каких-либо к тому оснований по указанию названных лиц и по своей инициативе арестовывал ни в чём не виновных граждан, ложно обвиняя их в контрреволюционной деятельности. Арестованных жестоко избивали как сам Давлианидзе, так и по его указанию – другие сотрудники НКВД Грузинской ССР. Таким образом арестованных принуждали оглаивать себя и других в совершении тяжких преступлений. На основании таким путём полученных «данных» искусственно создавались так называемые контрреволюционные, заговорщические, террористические организации на территории Грузии, хотя в действительности их просто не было.

При активном участии Давлианидзе незаконно были арестованы 456 человек, из которых 222 человека, обвиненные в преступлениях, которые они никогда не совершали, были расстреляны.

В приговоре был сделан вывод, что тем самым Давлианидзе способствовал выполнению преступного замысла «ныне осужденного врага народа Берия и его сообщников в истреблении неугодных им советских граждан, в дезорганизации работы учреждений, предприятий и колхозов, чем нанесли большой вред советскому государству, подрывая его экономическую мощь, дискредитируя органы Советской власти и Коммунистической партии».

Далее в приговоре перечисляются конкретные преступные действия, совершенные Давлианидзе.

В декабре 1932 г., когда Давлианидзе был оперативным уполномоченным экономического отдела Грузинского ГПУ, он неза-

конно, без санкции прокурора арестовал инженера А.П. Кравченко, обвинив его в шпионаже. В 1933 г. дело в отношении Кравченко было прекращено, и его освободили из-под стражи.

Шло время. Наступил мрачный 1937 г. Давлианидзе не забыл Кравченко. 19 марта он возобновил в отношении него дело, предъявив Кравченко обвинение, помимо причастности к шпионажу, также и в участии в террористическом заговоре против Берии. На основании сфальсифицированных Давлианидзе материалов Кравченко расстреляли.

В 1936 г. по сфальсифицированным Давлианидзе материалам незаконно были лишены свободы на длительные сроки И.Ф. Пхаладзе, И.Г. и В.С. Непаридзе и другие.

Давлианидзе, как уже отмечено, отличался завидным упорством в преследовании всех, кто попадал в «сферу» его деятельности.

В 1936 г. он незаконно арестовал заведующего транспортным отделом Чиатурского марганцевого треста Масхарашвили и сфальсифицировал в отношении него дело, обвинив в совершении особо опасного государственного преступления. В секретно-политическом отделе, куда было направлено это дело, пришли к выводу, что дело в отношении Масхарашвили подлежит прекращению и возвратили Давлианидзе. Однако он указание о прекращении дела не выполнил и предъявил Масхарашвили новое обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-12 УК Грузинской ССР, предусматривающей ответственность за недоносительство о заведомо известном контрреволюционном преступлении и снова подготовил материалы с целью привлечения Масхарашвили к уголовной ответственности. И на этот раз дело в отношении Масхарашвили было прекращено. Однако Давлианидзе не успокоился. 25 мая 1937 г. он через Кобулова добился возобновления дела в отношении Масхарашвили. По сфальсифицированному обновлению на основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР Масхарашвили был расстрелян.

В 1937 г. Давлианидзе, являясь заместителем начальника 4-го отдела НКВД Грузинской ССР Кобулова, по указанию последнего принял непосредственное участие в фальсификации дела о так называемой «Антисоветской фашистской организации молодёжи». В связи с ним при участии Давлианидзе были арестованы 24 ученика различных школ города Тбилиси, некоторым из них было по 16–17 лет.

На каждого из них было заведено отдельное дело, хотя все они обвинялись в принадлежности к одной и той же антисоветской организации. В результате 14 человек были расстреляны, а остальные лишены свободы на длительные сроки.

В 1937 г. Давлианидзе участвовал в фальсификации дел в отношении секретаря Горийского райкома партии Д.П. Панцулаи и председателя райисполкома Е.С. Каландадзе, которые в результате были расстреляны.

На основании вынужденных ложных показаний Панцулаи Давлианидзе по указанию Кобулова совместно с Хазаном участвовал в фальсификации дела в отношении Д.С. Киладзе (к моменту ареста – уполномоченного наркомата внешней торговли СССР) и его жены – Ш.К. Киладзе, которые, как уже рассказано, были расстреляны.

Давлианидзе вместе с Хазаном участвовал в фальсификации дела в отношении упоминавшегося М. Кахиани.

С участием Давлианидзе были сфальсифицированы материалы, на основании которых были незаконно арестованы директор Тбилисского медицинского института профессор К.В. Цомаия, секретарь Зугдидского райкома партии П.Д. Кебурия, начальник табачного управления наркомзема Грузии уже упоминавшийся З.С. Микелов и Хануки. Их жестоко избивали, и в результате такого «следствия» все они скончались. Фактически их убили.

По указанию Давлианидзе на рассмотрение «тройки» при НКВД Грузинской ССР было передано дело по обвинению бывшего управляющего делами ЦИКа Аджарии А.С. Халипова, обвинявшегося в том, что он был членом антисоветской организации, хотя никаких доказательств в подтверждение этого обвинения не имелось. Сам Халипов, несмотря на применение к нему физических мер воздействия, виновным себя не признал. Дело закончилось тем, что на основании постановления тройки обвиняемый был расстрелян.

Давлианидзе участвовал в расправе над родственниками Серго Орджоникидзе. Он подписал постановление об избрании меры пресечения (ареста) и постановление о предъявлении обвинения Дмитрию Орджоникидзе, обвинив его в антисоветской деятельности. Как уже сказано, последний был расстрелян.

В 1940 г. Давлианидзе утвердил постановление об отклонении жалобы сына Дмитрия Орджоникидзе, просившего о пересмотре

дела отца. Таким образом, Давлианидзе подтвердил вынесенное ранее незаконное решение тройки.

По указанию Кобулова Давлианидзе принимал непосредственное участие в фальсификации обвинительных материалов в отношении ни в чём неповинных В.А. Степоняна, И.А. Джохадзе, А.И. Чиковани, Г.Г. Шульги, М.Д. Бокерии, Г.И. Цулаи, Г.З. Рухадзе, Ф.М. Гладенкова и Тедеева, обвинённых в том, что они являлись членами контрреволюционной организации. Пятеро из них – Степонян, Бокерия, Рухадзе, Гладенков и Тедеев на основании постановления «тройки» при НКВД Грузинской ССР были расстреляны.

В 1937 г. по указанию Берии и Кобулова Давлианидзе и его подчинённые участвовали в фальсификации обвинительных материалов в отношении руководителей, научных работников и студентов Грузинского индустриального института, вменив им в вину создание контрреволюционной вредительской организации.

В связи с этим «делом» были незаконно арестованы заведующий учебной частью института В.Г. Чхеидзе, заместитель декана химического факультета В.Н. Чобашвили, заведующий аспирантурой Ш.Н. Шошин, заведующий производственной практикой Б.П. Гукалов, заведующий кафедрой С.С. Сахелашвили, студенты В.А. Сванидзе, С.А. Цхаладзе и другие – всего 14 человек. Давлианидзе составил справки на их арест, он же подписал постановления о предъявлении им обвинения и об избрании меры пресечения в виде ареста. На основании сфальсифицированных дел 7 арестованных затем были расстреляны, а остальные приговорены к лишению свободы на длительные сроки.

Как уже отмечалось, Давлианидзе участвовал в фальсификации дел в отношении жителей Мамукинской деревни. Именно он подписал обвинительные заключения по всем этим делам.

В 1938 г. Давлианидзе участвовал в фальсификации дела в отношении работников торгово-производственного управления НКВД Грузинской ССР, по которому незаконно арестовали 14 человек. Все они были обвинены в принадлежности к антисоветской организации и расстреляны на основании постановления тройки при НКВД Грузинской ССР. Давлианидзе подписал справки на арест этих лиц, постановления о предъявлении обвинения и об избрании меры пресечения в отношении каждого арестованного.

Давлианидзе также участвовал в фальсификации дел в отношении заместителя начальника административно-хозяйственного управления НКВД Грузинской ССР Хумарова и бывшего сотрудника этого же наркомата С.О. Газаряна, который на основании постановления тройки был лишён свободы на 10 лет. Хумарова же, которого избивали с участием Давлианидзе, были вынуждены освободить, поскольку тот ни в чём не признал себя виновным, а каких-либо других доказательств его преступной деятельности не имелось.

Давлианидзе вёл следствие по делу управляющего делами ЦИК Аджарской АССР Диасалидзе, арестованного 27 ноября 1937 г. и обвинённого в антисоветской деятельности. Его жестоко избивали. Диасалидзе вынужден был оговорить себя. На основании постановления «тройки» его расстреляли.

В 1938 г. Давлианидзе участвовал в фальсификации дела в отношении адвокатов А.Д. Жганти, М.М. Гвамичавы, М.А. Татишвили, П.Г. Ломии, М.С. Канделаки и других, всего в отношении 10 человек. Их ложно обвинили в том, что они являются членами контрреволюционной организации. Потом их всех расстреляли.

В том же 1938 г. в ходе «расследования» дела по обвинению заместителя наркома земледелия Грузии В.П. Гварамии вместе с другими Давлианидзе избивал последнего и добился того, что он оговорил себя и других в совершении тяжких преступлений. Давлианидзе подписал обвинительное заключение по делу Гварамии. Обвиняемого тоже расстреляли.

В ноябре 1937 г. Давлианидзе участвовал в расправе с партийно-советским активом Земо-Сванетского района. Во главе группы сотрудников НКВД Грузии он выехал в этот район, где под его руководством были арестованы: секретарь райкома ВЛКСМ К. Хордзиани, председатель райисполкома Гадзелиани, третий секретарь районного комитета партии Квициани, прокурор района А.Г. Палиани, следователь П.И. Джапаридзе и другие, всего 25 человек. Вместе с подчиненными Давлианидзе избивал арестованных, большинство из которых были расстреляны на основании постановлений тройки при НКВД Грузинской ССР.

Приложил руку Давлианидзе и к расправе с сотрудниками «Ингурзолота». Руководители этого учреждения были арестованы и по сфальсифицированным с участием Давлианидзе делам расстреляны.

В конце 1937 г. по указанию Гоглидзе и Кобулова были произведены аресты членов семей осуждённых за государственные преступления, или, как их чаще называли – членов семей изменников Родины (ЧСИР). В этих арестах участвовал и Давлианидзе. Были арестованы 96 жён «врагов народа». Давлианидзе подписывал постановления о предъявлении им обвинения и обвинительные заключения по делам многих из этих арестованных. Все они, арестованные на основании постановлений тройки, были лишены свободы на длительные сроки. Участвовал в допросе Сарии Лакоба, которую жестоко избивали. Впрочем, об этом уже было рассказано.

Установлено, что Давлианидзе принудил арестованного первого секретаря Квемо-Сванетского райкома партии И.Н. Курасбедиани оговорить себя и других в совершении контрреволюционных преступлений. Используя в буквальном смысле этого слова выбитые из Курасбедиани показания, Давлианидзе участвовал в аресте 19 человек, руководил следствием по этим делам, допрашивал арестованных. 8 дел он доложил на заседаниях тройки при НКВД Грузинской ССР. 16 человек из числа арестованных по этим делам, были расстреляны.

В декабре 1938 г., будучи начальником 3-го отдела НКВД Грузинской ССР, Давлианидзе по указанию Рапавы составлял обвинительные заключения в отношении П.Я. Цишбы-Пеккеля, П.М. Михаилиди, В.А. Темурчева, М.Г. Арутюнова, которых необоснованно обвинили в антисоветской деятельности. Из названных лиц Арутюнов был расстрелян, а остальных лишили свободы на длительные сроки.

Давлианидзе участвовал в фальсификации и многих других дел в отношении лиц, никогда и никаких преступлений не совершавших.

В суде по своему делу Давлианидзе не оспаривал своего участия в совершении перечисленных преступных действий, однако отрицал свою руководящую роль в проведении перечисленных преступных акций. Он считал, что был слепым орудием в руках Берии и его ближайших подручных.

Военный трибунал содеянное Давлианидзе квалифицировал по ст. 58-7 (вредительство) и 58-8 (совершение террористических актов) УК Грузинской ССР и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 25 лет.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев 8 марта 1958 г. дело Давлианидзе в кассационном порядке, приговор в отношении него оставила без изменения.

Следует отметить, что Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко по делу Давлианидзе вносил протест, в котором не оспаривалась доказанность вины Давлианидзе в совершении вмененных ему в вину преступных действий и правильность квалификации содеянного. Вместе с тем Руденко предлагал смягчить назначенное Давлианидзе наказание, а именно, сократить срок лишения свободы до 15 лет. Это предложение обосновывалось тем, что суд не учёл обстановку, которой были совершены вменённые в вину Давлианидзе преступления и что Давлианидзе выполнял указания Бери, Гоглидзе, Кобулова, Рапавы о незаконных арестах граждан и террористических расправах с ними.

18 декабря 1959 г. этот протест рассматривался Пленумом Верховного Суда СССР, который оставил протест без удовлетворения, сославшись на активное участие Давлианидзе в фальсификации уголовных дел, в результате чего из 456 человек, в незаконных арестах которых он участвовал, 222 человека были необоснованно расстреляны.

Дело М.М. Хухунашвили

Как уже было сказано, секретный сотрудник органов Министерства государственной безопасности Грузии М.М. Хухунашвили вместе с Рухадзе участвовал в фальсификации уголовного дела В.Г. Мамаладзе, И.К. Кереселидзе и Г.А. Мирианашвили.

Хухунашвили привлекли к уголовной ответственности, и 23 августа 1956 г. военным трибуналом Закавказского военного округа он был осужден на основании ст. 58-7 УК Грузинской СССР к лишению свободы сроком на 8 лет.

Военный трибунал признал Хухунашвили виновным в том, что он, являясь секретным сотрудником МГБ Грузии, в течение февраля–июня 1948 г. представил бывшему министру государственной безопасности республики Рухадзе, осуждённому за совершение тяжких государственных преступлений, ряд донесений о якобы антисоветской деятельности бывшего заместителя пред-

седателя Верховного Суда Грузии Мамаладзе, а также Кереселидзе и Мирианшвили.

Действуя по заданию Рухадзе, Хухунашвили составил так называемую программу несуществующей антисоветской организации «Союз народной свободы», якобы созданной Мамаладзе. В своём донесении Хухунашвили утверждал, что эту программу составил Мамаладзе. После ареста Мамаладзе и других Хухунашвили, выступая в качестве лжесвидетеля, способствовал фальсификации указанного дела.

Военный трибунал признал, что Хухунашвили действовал из контрреволюционных побуждений во вред Советскому государству, а поэтому и квалифицировал содеянное Хухунашвили по ст. 58-7 УК Грузинской ССР.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев 20 октября 1956 г. дело Хухунашвили в кассационном порядке, указанный приговор оставила без изменения.

Однако приговор в отношении Хухунашвили был изменён. Почти через 13 лет после осуждения Хухунашвили Генеральный прокурор СССР внёс протест в Пленум Верховного Суда СССР, в котором предлагалось содеянное Хухунашвили переквалифицировать со ст. 58-7 УК Грузинской ССР на ст. 96, п. п. «а», «б», «в», УК Грузинской ССР (в редакции 1928 г.), предусматривающую ответственность за заведомо ложный донос или показания, соединённые с обвинением в преступлении с корыстными мотивами или искусственным созданием доказательств обвинения, за которое предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от трёх лет и выше, и в соответствии с п. «а» ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» дело прекратить на основании п. 4 ст. 5 УПК Грузинской ССР (в редакции 1960 г.) – по амнистии.

23 июля 1969 г. Пленум Верховного Суда СССР протест удовлетворил. В принятом постановлении указывается, что вина Хухунашвили в совершении вменённых ему действий доказана, но эти преступные действия квалифицированы неправильно. В деле нет доказательств, свидетельствующих о том, что Хухунашвили действовал с целью подрыва или ослабления Советского государства. Совершенное им преступление прямо предусматривается ст. 96, п. п. «а», «б», «в», УК Грузинской ССР (в редакции 1928 г.),

а не ст. 8-7 того же кодекса, по которой квалифицированы действия Хухунашвили. В связи с этим содеянное Хухунашвили Пленум Верховного Суда СССР переквалифицировал на ст. 96, п. п. «а», «б», «в», УК Грузинской ССР и дело о нём прекратил в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», под действие которого подпадало содеянное Хухунашвили.

Следует сказать, что такое же решение по делу Хухунашвили было принято ещё 2 марта 1956 г. военным трибуналом Закавказского военного округа, рассмотревшим дело Хухунашвили в подготовительном заседании. Обосновывалось это решение теми же доводами, которые через 13 лет были приведены Пленумом Верховного Суда СССР в его постановлении по этому делу. Тогда же (в 1956 г.) определение подготовительного заседания военного трибунала было опротестовано военным прокурором Закавказского военного округа. 25 апреля 1956 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР удовлетворила этот протест. В определении Военной коллегии указывалось, что военный трибунал округа необоснованно вошёл в оценку доказательств по делу и без достаточных к тому оснований переквалифицировал содеянное Хухунашвили на ст. 96 УК Грузинской ССР. В связи с этим определение военного трибунала в отношении Хухунашвили было отменено, а дело направлено на новое рассмотрение со стадии предания суду.

Из этого примера видно, с каким трудом пробивало себе дорогу независимое мышление судей, основанное на фактических данных конкретного уголовного дела и правильном понимании норм действовавшего законодательства.

Разумеется, приведённые рассуждения ни в коей мере не имеют целью хотя бы в какой-то степени оправдать Хухунашвили. Содеянное им мерзко. Вместе с тем, никто и никогда не освобождал органы следствия и суд от установленной законом обязанности правильно квалифицировать каждое совершённое преступление, каким бы мерзким оно ни было.

Заключение

ПРАВОТА ЮРИСТА

Подводя некоторый итог описанным в книге делам, невольно задаешься вопросом об обоснованности юридической квалификации фактически содеянного теми, кто осуждён по делам Рапавы, Рухадзе, Багирова и иже с ними как измена Родине?

Являлись ли они изменниками Родины в том содержании, как это формулировалось действовавшим законом, который предусматривал ответственность за это преступление?

Фактически для обвинения их в совершении этого преступления оснований не имелось. Все они верно служили созданному Сталиным тоталитарному государственному режиму, беспощадно уничтожая всех, кто мог, по их мнению, помешать им утвердиться в этом режиме, а также и многих других ни в чём не виновных советских граждан, стремясь такой «практикой» обосновать утверждение Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения вперёд по пути социализма.

Почему же они были признаны изменниками Родины уже после смерти «вождя»? Тут просто сработал выработанный в течение десятилетий стереотип: арестовывались и осуждались только враги народа, которые не могли не быть изменниками Родины. Об этом свидетельствовали многочисленные громкие дела, рассмотренные в 1936–1938 годах Берия и его ближайшие сообщники тоже были признаны изменниками Родины, террористами и вредителями, объединившимися в антисоветскую группу, которая ставила своей целью свержение Советской власти и реставрацию капитализма. Именно так было сформулировано обвинение, предъявленное Берии и осуждённому с ним лицам. Поэтому действия Багирова, Рапавы, Рухадзе и других осуждённых с ними

лиц, признанных пособниками «изменнической группы Берии», тоже квалифицировались как измена Родине, совершение террористических актов и вредительство. В противном случае никакой антисоветской организации не получилось бы, а далее не было бы и измены Родине.

Следует сказать, что вопрос о квалификации преступных действий названных осужденных не оставлял равнодушными работников Военной коллегии Верховного Суда СССР.

27 апреля 1964 года старший инспектор-консультант Военной коллегии полковник юстиции М.М. Перекальский составил справку по делу Рапавы, Рухадзе и других. В справке аргументировано подвергалась сомнению обоснованность квалификации действий осуждённых, поскольку не установлено, чтобы вменённые им в вину действия совершались с контрреволюционным умыслом. Прилагалось в связи с этим, учитывая особый характер названного и других подобных дел, обсудить возникшие вопросы по этим делам в ЦК КПСС с участием руководителей Верховного Суда и Прокуратуры СССР, а также Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР.

Современный читатель вполне справедливо может выразить недоумение такой постановкой вопроса: почему проблему юридической квалификации преступлений должны решать в ЦК КПСС? Увы, так было давно и продолжалось очень долго. Убедительным подтверждением этого является справка члена Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майора юстиции А.А. Долотцева, участвовавшего в рассмотрении дела Рапавы, Рухадзе и других. На справке М.М. Перекальского он написал: «По делу Рухадзе, Савицкого т. Перекальский прав, но судьбы были связаны решением Президиума ЦК КПСС, утвердившего обвинительное заключение. Обращение судей в Президиум с просьбой разрешить дать иную юридическую оценку действий обвиняемых было отвергнуто на заседании Президиума под председательством Л.М. Кагановича».

Дальнейшего хода проблема квалификации преступных действий лиц, осуждённых по этому делу, не получила.

Через год М.М. Перекальским был подготовлен, а Председателем Верховного Суда СССР А.Ф. Горкиным 4 мая 1965 года подписан протест по делу В.А. Какучаи, осуждённого 17 июля

1956 года военным трибуналом Закавказского военного округа на основании ст.58-7 УК РСФСР (вредительство) к лишению свободы сроком на 15 лет. В протесте предлагалось содеянное Какучаей переквалифицировать на ст.193-17, п. «б» УК РСФСР (злоупотребление начальником-военнослужащим властью, повлекшее особо тяжкие последствия).

Какучая признан виновным в том, что он, будучи начальником Зугдидского районного отдела НКВД Грузии, народным комиссаром внутренних дел Абхазской АССР и народным комиссаром, а затем министром государственной безопасности Северо-Осетинской АССР, с 1937 по 1947 год, злоупотребляя своим служебным положением, участвовал в истреблении честных, преданных Коммунистической партии и Советской власти кадров. Какучая производил незаконные аресты этих людей и путём применения к ним физических мер воздействия фальсифицировал в отношении их дела, на основании которых арестованные затем необоснованно осуждались, в том числе и к расстрелу.

Как указано в приговоре, всё это Какучая делал, выполняя волю и преступные замыслы заговорщиков и изменников Родины Берии, Гоглидзе, Кобулова и других. Далее в приговоре приведены конкретные факты участия Какучаи в фальсификации дел по обвинению необоснованно арестованных в совершении ими особо опасных государственных преступлений и делался вывод, что Какучая установил в органах государственной безопасности, в которых он работал, вредительские методы следствия.

В протесте отмечалось, что вывод приговора о совершении Какучаей вменённых ему преступных действий в угоду преступным замыслам Берии и других является необоснованным. По прямому указанию закона, вредительством признаются деяния, направленные к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, иных отраслей народного хозяйства, а также деятельности государственных органов, совершающиеся с целью ослабления Советского государства. Следовательно, виновный в этих случаях действует из антисоветских побуждений с контрреволюционным умыслом. Этого же, указывалось в протесте, в действиях Какучаи, который не знал о вражеской деятельности Берии, фактически не установлено. Следовательно, имевшиеся факты злоупотребления Какучаей своим служебным положением,

которые выразились в фальсификации уголовных дел в отношении невиновных, следовало бы квалифицировать по ст. 193-17, п. «б» УК РСФСР.

6 июля 1965 года протест по делу Какучаи с рассмотрения был снят. Всё осталось, как решил военный трибунал Закавказского военного округа, приговор которого 10 октября 1956 года был оставлен без изменения Военной коллегией Верховного Суда СССР, рассмотревшей дело Какучаи в кассационном порядке.

Конечно, Какучая и другие осуждённые, о которых велась речь в этой книге, совершили преступления, и очень тяжкие. По их вине погибли много, очень много ни в чём не повинных людей. Людей, которые верили в правильность указанного им «вождями народа» пути, стремились идти по этому пути, многие из них беззаветно трудились, отказывая себе во многом ради построения светлого здания общества справедливости. Но эти строители светлого будущего вдруг оказывались врагами народа. И делали их врагами народа те, кто, казалось бы, должен был всячески защищать строителей нового общества. Но эти так называемые «защитники» считали, что они действуют в интересах Родины. Почему же их, безусловно преступные действия, квалифицировались как измена Родине? Очевидно, той Родине, в которой они жили, ради благополучия которой, как они понимали, выполняли возлагавшиеся на них обязанности, не изменяли.

В ходе судебного разбирательства рассмотренных дел отчётливо выявилось, что представляла из себя система авторитарного руководства страной, какими методами и кем осуществлялось это руководство, к чему привели грубейшие нарушения законности, какую дорогую цену заплатил советский народ за «мудрое» руководство страной «великим» Сталиным. К тому времени, хотя и не в полном объёме, но достаточно убедительно была выявлена неприглядная и, на мой взгляд, действительно руководящая роль Сталина в развёртывании тотального беззакония в угоду своим честолюбивым устремлениям. При этом творившееся беззаконие выдавалось за борьбу с врагами, якобы пробравшимися во все сферы советского общества.

После смерти Сталина, особенно после XX съезда КПСС, Военная коллегия Верховного Суда СССР стала активно пересматривать дела в отношении необоснованно репрессированных,

в том числе и осуждённых ею в те мрачные годы. Свои приговоры Военная коллегия пересматривала по вновь открывшимся обстоятельствам. С 1954 года по февраль 1956 года ею было реабилитировано 7679 человек, абсолютное большинство из них по-смертно¹.

Реабилитацией необоснованно репрессированных занимаются и другие суды, эта работа продолжается и в новой России, реабилитирована не одна сотня тысяч, советских, да и не только советских граждан. Хочется надеяться, что когда-нибудь будет сказано, сколько же на самом деле было уничтожено людей во имя оказавшихся ложными идеалов «светлого будущего». Составлен и уточняется мартиролог – книга памяти невинно убиенных, который является не только напоминанием о мрачных страницах нашей истории, но и предупреждением всем людям о недопущении авторитарного правления и распоряжения их судьбами кем-то другим, кроме их самих.

Говоря о реабилитации необоснованно репрессированных, крайне важно обратить внимание на одну из проблем, касающуюся почти всех реабилитированных по различным делам.

Речь идёт вот о чём. Дела в отношении упоминавшихся в этой книге и ряда других лиц были прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления. Такое основание прекращения уголовных дел предусмотрено действующим законодательством, предусматривалось оно и действовавшим законодательством в то время, когда эти дела пересматривались.

Что значит прекратить дело за отсутствием в действиях состава преступления? В этих случаях суд устанавливает, что подсудимым или осуждённым при пересмотре судебных решений в порядке надзора совершены конкретные действия, которые, однако, не являются преступными потому, что они:

- либо не предусмотрены уголовным законом в качестве преступлений;
- либо же имевшие место деяния, хотя и предусмотрены уголовным законом, но отсутствуют признаки, указывающие на умысел или неосторожность лица, совершившего их;

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 143.

- либо деяния и предусмотрены уголовным законом как преступления, однако они совершены при обстоятельствах, лишающих эти деяния общественно опасного и противоправного характера (например, лицо действовало в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны), а также в случаях, когда к моменту рассмотрения дела в суде деяния, вменявшиеся подсудимому, декриминализованы.

Следует также иметь в виду, что прекращение дела за отсутствием в действиях подсудимого (осуждённого) состава преступления не освобождает реабилитированного от других видов ответственности, в частности, от возмещения вреда, причинённого действиями, не образующими состава преступления. Кроме того, реабилитация по указанному основанию не исключает вполне обоснованного морального осуждения действий, признанных не образующими состава преступления.

Наше же действия совершили упоминавшиеся в очерке лица, которые можно бы признать не образующими состава преступления?

Таких действий не установлено, да и их не было. Необоснованно арестованных обвиняли в том, чего вообще в природе не существовало, не было какого-либо деяния, которое подлежало бы соответствующей юридической квалификации, то есть отсутствовало само событие преступления. Всё, что им вменялось в вину – сфальсифицировано. Следовательно, имелись все юридические основания прекратить дела в отношении их не за отсутствием состава преступления, а за отсутствием, либо за неустановлением события преступления, поскольку вменённые осужденным деяния ими не совершались. В этом случае полностью восстанавливались бы и историческая и юридическая справедливость.

Представляется, что это имеет принципиальное значение. В таком случае не только необоснованно репрессированные реабилитируются по юридически справедливому основанию, но и восстанавливается историческая правда развития советского общества, каковы бы ни были трагическими многие её страницы.

Это невольное отступление от непосредственной темы книги обусловлено твёрдым убеждением автора в том, что реабилитация репрессированных за отсутствием в их действиях состава

преступления, хотя ими и не совершалось вообще никаких деяний, не согласуется с действовавшими и действующими нормами уголовно-процессуального законодательства, с принципами осуществления правосудия в правовом государстве, создание которого является одной из важнейших задач нашего общества. В противном случае фальсификация продолжается, фальсификация истории развития нашего государства, нашего общества.

Хочется верить в то, что когда-нибудь и на это обратят внимание властные органы государства и будут приняты все меры к тому, чтобы восстановить не только юридическую, но и историческую справедливость. «Париж стоит мессы».

Ещё раз скажу: в книге на основании материалов открытых судебных процессов рассказано лишь о немногих из тех, кто активно участвовал в уничтожении ни в чём не виновных людей, кто беспрекословно выполнял все «мудрые указания вождя народов», кто ради закрепления своего места в системе авторитарного аппарата управления страной готов был пойти – и активно шёл! – на самые бесчеловечные действия в отношении других людей. И таких, как Багиров, Рапава, Рухадзе и других, осужденных вместе с ними, было немало. Их порождала существовавшая сталинская система. Судебные процессы, о которых рассказано, – предостережение всем нам на будущее.

Москва, 1996

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН



Абакумов Виктор Семенович (1908–1954). Зам. наркома внутренних дел СССР (1941–1943), нач. Главного управления контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны СССР (1943–1946), министр госбезопасности СССР (1946–1951). Генерал-полковник (1945). Арестован 12.07.1951. Расстрелян 19.12.1954. *Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. – М.: Звенья, 199. – 141, 265.*

Абашидзе. Нач. 3 отделения 4 отдела УГБ НКВД Грузинской ССР. – 59.

Абдуллабеков Г.А. оглы. Зам. директора Азербайджанского тропического института. Свояк Г. Рахманова. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 229.

Абдулов Керим Яхья оглы. Председатель Али-Байрамлинского райисполкома Категория 1¹ в Сталинском списке² 03.10.1937. – 206.



Абрамов Михаил Николаевич (1893 или 1894–1920). Начальник штаба Сводного конного корпуса Красной армии. http://www.nivestnik.ru/2008_2/t4.shtml (03.03.2014)³. – 91.

Аванесянц. Следователь АзНКВД. – 237.

Авнатамов Николай Михайлович. Помощник прокурора Грузинской ССР. Кат. 1 в Сталинском списке 03.01.1938. – 121, 122.

Агабелян. – 134.

Агаев. Указан М.Д. Багировым как поручитель при его вступлении в партию. – 157.

¹ Расстрел.

² Сталинские списки включают людей, осужденных по личной санкции И.В. Сталина и его ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) (В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов), прежде всего, к расстрелу. Списки размещены на сайте <http://stalin.memo.ru>

³ Здесь и ниже в скобках указана дата обращения к соответствующему электронному ресурсу.

Агниашвили Петр Семенович (1898–1937). Второй секретарь ЦК КП/б/ Грузинской ССР (1932–1934). Кат. 1 в Сталинском списке 31.05.1937. – 69, 70, 113, 115, 116, 123, 124.

Азизов. Пропагандист Каспийского пароходства. – 224.

Айба Г.К. Колхозник. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 53, 105.

Айвазов (ум. 1942). Сотрудник НКВД Грузинской ССР. – 50.

Аксенов-Щербицкий С.М. Сотрудник АзНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 226.



Александров Иван Гаврилович (1875–1936). Экономист, экономико-географ. Участник разработки плана ГОЭЛРО. – 64.

Али Мурад Бейли Джамиль Джумуд оглы. Управляющий трестом «Сталинефть». – 238, 239.

Алибеков Али Ахмед оглы. Секретарь Дивичинского райкома КП/б/ Азербайджанской ССР. – 255.

Алиев Алихан. Нач. базы сельхозснабжения в Азербайджанской ССР. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 227, 261.

Алиев Баба Елдаш оглы. Член ВКП/б/ с 1904. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 158.

Алиев Гасан. Арестован АзНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 256.

Алиев Джебраил. Зам. начальника политотдела Каспийского пароходства. – 227.

Алиев И.А. оглы. Нарком лёгкой промышленности Азербайджанской ССР. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 215.

Алиев Мирза Гасан. – 215, 216.

Амиров А.Ю. оглы. Прокурор Шемахинского района. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 188.

Амиров. Секретарь паркома Бакинского порта. – 213, 214.

Анашкин Иван Иванович. Член ВКП/б/ с 1902. Кат. 1 в Сталинском списке 22.12.1937. – 251.

Анашкина Аграфена Ивановна. Жена И.И. Анашкина. – 158, 190, 242, 245, 259, 304.

Анашкина Лидия Ивановна. Дочь И.И. Анашкина и А.И. Анашкиной. Зав. отделом школ и заместителем секретаря Бакинского городского комитета ЛКСМ. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 242, 245, 304.

Анашкина. Сестра Л.И. Анашкиной. – 242, 245.

- Антадзе А.С.** Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 245.
- Антя Т.Т.** Председатель ВС Абхазской АССР. – 284.
- Антонян М.П.** (ум. 1938). – 106.
- Апраксин К.Н.** Адвокат на процессе А.Н. Рапавы и др., адвокат А.С.И. оглы Атакишиева. Редактор книги «Слово адвокату» (М., 1981). – 23, 154, 274.
- Арзанов В.Г.** Помощник Н.А. Кримиана. – 49, 60, 117, 127, 128.
- Арзян М.Л.** Член ВКП/б/ с 1905. – 158.
- Ароян Ю.И.** Фельдшерница внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 71.
- Артищев.** Инструктор политотдела Каспийского пароходства. – 228.
- Арустамов Левон Агасиевич.** Член ВКП/б/ с 1904. Кат. 1 в Сталинском списке 03.10.1937. – 158.
- Арутюнов Георгий К.** Секретарь председателя ГПУ Грузинской ССР Д.С. Киладзе. – 26, 52, 123, 126, 144, 305.
- Арутюнов И.М.** Инструктор политотдела Каспийского пароходства. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 230, 231.
- Арутюнов М.Г.** – 292.
- Арутюнов.** Инструктор Ленинского райкома партии города Баку. – 251, 255, 264.
- Арутюнова.** Жена Г.К. Арутюнова, впоследствии жена Н.М. Рухадзе. – 26.
- Асадуллаев И.** Нарком внутренней торговли Азербайджанской ССР. – 215.
- Асланов С.** Начальник Кубатлинского райотдела АЗНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 261, 262.
- Атакишиев Ага Салим Ибрагим оглы** (1903–1970). В ОГПУ-НКВД Азербайджанской ССР с 1933. Министр внутренних дел Азербайджанской ССР (1946–1951, 1953). Арестован в ноябре 1955. Приговорен к 25 годам заключения. Освобожден в 1969 по условно-досрочному освобождению). – 153, 162, 164, 170, 171, 177, 178, 190, 199, 202, 209, 211, 235, 241, 244, 253, 255–260, 268, 274, 278, 279, 305.
- 
- Афанасьев М.В.** Капитан, в дальнейшем майор административной службы, секретарь судебного состава Военной коллегии Верховного Суда СССР на процессе А.Н. Рапавы и др., М.Д. Багирова и др. – 23, 154.
- Ахмедов Шахбала.** Председатель ревизионной комиссии колхоза. Секретный осведомитель АЗНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 207, 208, 212.
- Ахуба Кемшар Джижевич** (1875–?). Колхозник сельхозартели им. Апсны Капш. <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/809> (02.03.2014). – 83, 84, 305.
- Ахун-Заде Ахмед Джавад Мамед оглы** (1892–1937). Поэт, переводчик, педагог. – 259.
- Ашурлы И.Г. оглы.** Директор Азербайджанской селекционной станции. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 200.



Ахундов Рухулла Али оглы (1897–1938). Первый секретарь ЦК КП/б/ Азербайджана (1925–1926). Нарком просвещения АзССР (1927–1930). Кат. 1 в Сталинском списке 19.04.1938. – 13, 14, 172–178, 180, 189, 197, 198, 204, 211.

Бабаян Асцатур Андреевич. Секретарь парторганизации нефтеперерабатывающего завода. Кат. 1 в Сталинском списке 25.09.1938. – 239, 240, 246, 257, 258, 306.

Бабаян И.С. Заместитель управляющего трестом «Азгаз». – 238.

Бабаян Степан Павлович. Секретарь парторганизации завода. Кат. 1 в Сталинском списке 19.04.1938. – 258.

Багдасаров Александр Семенович. Член ВКП/б/ с 1907. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 107, 108, 158.



Багиров Мир Джафар Аббас оглы (1895–1956). Нарком внутренних дел Азербайджанской ССР (1921–1927), Председатель СНК Азербайджанской ССР (1932–1933). 1-й секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР (1933–1953). Председатель СМ Азербайджанской ССР (1953). Арестован 13.03.1954. расстрелян 17.05.1956. – 18, 20, 21, 92, 152–159, 161–176, 178–184, 187–206, 209–218, 220–226, 228–245, 247, 249, 250, 252, 253, 255–257, 260, 262–281, 286, 296, 302–305, 308–314, 317–334, 336, 339–341, 343, 345–347, 349, 350.



Бажан Никола (Николай) Платонович (1904–1983). Поэт, переводчик, публицист, общественный деятель. – 60.

Байковский. – 283.

Барский Г.М. Пом. нач. 1-го отдела НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 115.

Барциц Виктор Максимович. Секретарь Гудаутского райкома партии. Кат. 1 в Сталинском списке 12.09.1938. – 284.

Бедия Ермолай (Эрик) Алексеевич (1890–1938). Нарком просвещения Абхазской АССР. Директор филиала Института Маркса–Энгельса–Ленина в Тбилиси Кат. 1 в Сталинском списке 22.11.1937. [http://www.pravda-pravo.ru/forum/index.php?topic=14.10;wap2\(05.03.2014\)](http://www.pravda-pravo.ru/forum/index.php?topic=14.10;wap2(05.03.2014)). – 69, 80, 81, 95–97, 306.

Бедия Нина. Жена Е.А. Бедии. – 97, 306.

Бейли Али Мурада. Управляющего трестом «Сталиннефть». – 246, 252.



Беккер Артур (1905–1938). Деятель КИМа один из руководителей Коммунистического союза молодежи Германии. В апреле 1938 в Испании тяжело раненный пленён франкистами, подвергшими его пыткам, в результате которых умер 16.05.1938. [http://de.wikipedia.org/wiki/Artur_Becker_\(Politiker\)](http://de.wikipedia.org/wiki/Artur_Becker_(Politiker)) (06.01.20143). – 185.

Белиев Д.Д. Секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджанской ССР. – 234.

Беляев Д.Д. Секретарь Аптекоуправления города Сухуми. – 99, 101.

Беляев К.Д. Секретарь райкома АзКП/б/. – 258.

Беришвили Нина. – 54.



Берия Лаврентий Павлович (1899–1953). Нарком, министр внутренних дел СССР (1938–1945, 03–06.1953). Маршал Советского Союза (1945). Арестован 26.06.1953. Расстрелян 23.12.1953. – 10, 18, 19, 23, 24, 26, 29–33, 39–42, 44, 46, 47, 49, 50, 57–59, 61–63, 68–71, 73, 74, 77–80, 83, 86, 89, 90, 95, 96, 107, 110, 111, 113–117, 120, 123–128, 130–132, 134, 135, 137, 142–147, 149, 152, 153, 155, 157–165, 169–171, 174, 182, 184, 185, 187–190, 198–200, 216, 229, 255, 256, 262, 267, 269, 271–274, 276–278, 282, 287, 288, 290, 292, 293, 296–298, 307, 312, 334, 349.

Билибин. Геолог-нефтяник. – 239, 264.



Блехерт Иван Францевич (1893 или 1894–1920). Начальник оперативного отдела штаба Сводного конного корпуса Красной армии. http://www.nivestnik.ru/2008_2/r4.shtml (03.03.2014). – 91.



Бобренов Владимир Александрович (1943). Руководитель секретариата Председателя Верховного Суда РФ. Писатель. – 95.



Бобкун-Луганец (Орельский) Иван Трофимович (1899–1939). Полпред СССР в Китае. – 142, 334.

Богачев П.Я. Адвокат Х.И. Григоряна. – 154, 272.

Богоявленский. – 250.

Богуславский А.Д. Технический руководитель совхоза им.3-го Интернационала. – 99, 101.



Бодлер Шарль Пьер (1821–1867). Французский поэт и критик. – 57.

Бокерия М.Д. – 290.

Боковец. Нач. следственного отдела АЗНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 248.



Болквдзе Вано (Иван Бежанович) (ок.1879–1937?). Председатель Верховного Суда Грузинской ССР. Кат. 1 в Сталинском списке 26.06.1937. http://m.slovari.yandex.ru/article.xml?book=revoluc&title=Болквдзе_Вано (15.03.2014). – 115, 118–121.

Большаков. Партийный работник Азербайджанской ССР. – 217.

Борц Семен Максимович. Инженер нефтяной промышленности. Кат. 1 в Сталинском списке 03.10.1937. – 240.



Борщев Тимофей Михайлович (1901–1956). Зам. наркома внутренних дел Азербайджанской ССР (1937–1938), нарком внутренних дел Туркменской ССР (1938–1941), начальник УНКВД-УНКГБ-УМГБ по Свердловской области (1941–1948). Обвинялся в аморальном поведении и злоупотреблениях во время проведения денежной реформы 1948. Уволен в запас в августе 1948. Заместителем председателя Бакинского горисполкома (1948–1952). Генерал-лейтенант (1945). Арестован 25.01.1955. Расстрелян 17.05.1956. – 153, 162–164, 170, 181, 182, 188, 190, 196, 197, 202, 205, 206, 209, 216, 225, 237, 238, 241, 244–248, 251, 267, 271, 272, 277–280, 332.

Бренер А.М. (ум. 1943). – 217, 219, 220.

Бренер М. Партийный работник Азербайджанской ССР. – 217.

Буачидзе Людмила Алексеевна. Жена Ф.М. Буачидзе. – 49.

Буачидзе Федор Моисеевич (1900–1937). Командир 2-й Грузинской стрелковой дивизии (1931–1937). <http://www.rkka.ru/handbook/personal/repress/komdiv.htm> (22.01.2014). – 47–49, 144, 308.

Будённый Семён Михайлович (1883–1973). Советский военачальник, один из первых Маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза, кавалер Георгиевского креста всех степеней. Командующий Первой конной армией РККА в годы Гражданской войны. – 255, 309, 342, 343.

Будников Ф.В. Сотрудник внутренней тюрьмы МГБ Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапава и др. – 25, 136.



Булычев Николай Васильевич (1905–1977). Оперуполномоченный 11 отдела УГБ АЗНКВД (1937–1938), помощник начальника, начальник 1 отделения 11 отдела УГБ АЗНКВД (1938–1939), начальник 3 отдела УГБ АЗНКВД (1939–1941). Полковник (1949). Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник.* – М.: Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010. – 226, 244, 254.

Бульвинская Зинаида Петровна. – 10, 309.



Буният-Заде Дадаш Ходжа оглы (1888–1938). Председатель СНК Азербайджанской ССР (1930–1932), нарком земледелия ЗСФСР (1932–1936). – 154, 172, 178, 181, 18, 189, 2112.



Бухарин Николай Иванович (1888–1938). Член Политбюро ЦК ВКП/б/ (1924–1929). Арестован 27.02.1937. Расстрелян 15.03.1938. http://ru.wikipedia.org/wiki/Бухарин_Николай_Иванович. – 67, 184, 198, 199.

Бушуев Георгий Иванович (1925–1998). Председатель Военной коллегии ВС СССР. Генерал-лейтенант юстиции. – 12.



Вавилов Николай Иванович (1887–1943). Академик АН СССР. Президент (1929–1935), вице-президент (1935–1940) ВАСХНИЛ, директор Всесоюзного института растениеводства и Института генетики АН СССР (1930–1940). – 79, 91.

Валуев Ф.И. Секретарь комитета комсомола завода им.Парижской Коммуны. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 230, 231.

Вардзиели Яков Михайлович. Прокурор Грузинской ССР. Кат. 1 в Сталинском списке 03.01.1938. – 40, 121.



Васильев Владимир Николаевич (1902–1969). Зам. нач., нач. 1 отделения Гагринского отдела НКВД Абхазской АССР (1937–1938), нач. 5 отделения НКВД Аджарской АССР (03–06.1939). Полковник. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник.* – М.: *Международное общество «Мемориал»*; *Звенья*, 2010. – 29, 97–99, 106.

Васильева. Работница монтажного цеха механического завода Азнефти им. Буденного. – 255.

Васина М.Д. Цензор-политредактор Главлита Грузинской ССР. Сокамерница С.А. Лакобы. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 80–82.



Вашакидзе Валериан Афанасьевич (1882–1937). Нарком социального обеспечения Грузинской ССР. http://m.slovari.yandex.ru/article.xml?book=revoluc&title=Вашакидзе_Валериан_Афанасьевич (13.02.2014). – 50, 144.

Вашакидзе Эмилия А. Секретарь председателя ГПУ Грузинской ССР Д.С. Киладзе. – 123, 125, 126.

Вашев. – 250.



Веденев Борис Евгеньевич (1885–1946). Энергетик, гидротехник. – 64.

Везиров Гейдар Салах оглы. Нарком земледелия Азербайджанской ССР. Кат. 1 в Сталинском списке 03.10.1937. <http://stalin.memo.ru/regions/regi2.htm> (04.01.2014). – 175, 178, 183, 198–200, 213, 257.

Велиев. Секретарь Бакинского городского комитета ЛКСМ. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 258.

Вельский. – 163.

Вермишев Леон Александрович (?–1937). Зам. постоянного представителя Грузинской ССР при Правительстве СССР. – 49, 50, 144.

Вермишева Е.А. Сестра Л.А. Вермишева. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 49, 310.

Веселов Д.В. Член ВКП/б/ с 1903. Аварийный комиссар Госстраха по Бакинскому порту. – 158, 190, 248.

Викторов Б.А. – 123.

Вилков. Указан М.Д. Багировым как поручитель при его вступлении в партию. – 157.

Винтер Александр Васильевич (1878–1958). Специалист в области строительства и эксплуатации электрических станций. – 64.



Власов Андрей Андреевич (1901–1946). Командующий 37-й, 20-й, 2-й ударной армиями. Генерал-лейтенант (1942). Руководитель Русской освободительной армии. Расстрелян 01.08.1946. – 11.





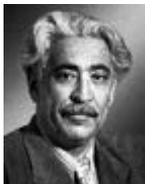
Влодзимирский Лев Емельянович (1905–1953). Нач. следственной части по особо важным делам НКГБ СССР. Генерал-лейтенант (1945). Арестован 06.1953. Расстрелян 23.12.1953. – 142.

Волков. – 201, 250.

Волковский. – 40.

Вольфсон. Начальник отделения НКВД Сухумского порта. – 285.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969). Советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза. – 150.



Вургун Самед (Векилов Самед Юсиф оглы, 1906–1956). Поэт. Драматург. – 243.



Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954). Прокурор СССР (1935–1939). Зам. министра, министр иностранных дел СССР (1940–1953). – 92, 147.

Габелашвили Леван Барнабович. Комендант-завхоз армянского дома культуры в Тбилиси. Арестован 24.09.1936. Расстрелян. – 46.

Габинашвили Гарсеван. Отец Г.Г. Габинашвили и В.Г. Перадзе. – 140.

Габинашвили Г.Г. Брат В.Г. Перадзе. Главный бухгалтер Горийской строительной конторы «Грузстроя». – 138–141, 311.

Габинашвили. Жена Г.Г. Габинашвили. – 140.

Гаврилов В.Л. Адвокат. – 23.

Гаврилов В.Н. Адвокат на процессе А.Н. Рапавы и др., адвокат М.Д. Багирова. – 154, 270, 271.



Гаврилов Петр Аркадьевич (1896–?). Зам. начальника особого отдела УГБ УНКВД АзССР (1935–1937). Арестован 03.05.1939 по обвинению в принадлежности к антисоветской заговорщической организации; приговорён к ссылке на 5 лет в Красноярский край, 09.05.1942, вновь зачислен в НКВД с 10.07.42. Полковник (1943). Осужден 25.10.1956 10 лет. Освобожден 24.12.1964 из лагеря в Мордовской АССР в порядке помилования. *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник.* – М., Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010. – 207, 208.

Гадзелиани. Председатель райисполкома Земо-Сванетского района. – 291.



Газарян Сурен Ованесович (1899–1982). Зам. начальника экономического отдела НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. <http://ru.hayazg.info> Газарян_Сурен_Ованесович (24.03.2014) – 128, 129, 291.



Галич (Гинзбург) Александр Аркадьевич (1918–1977). Поэт, сценарист, драматург, автор и исполнитель песен. – 18.

Галкин С.К. Адвокат на процессе А.Н. Рапавы и др., адвокат М.Д. Багирова. – 23.



Гамарник Ян Борисович (Яков Пудикович) (1894–1937). Начальник Политуправления РККА. Армейский комиссар 1-го ранга (1935). Покончил жизнь самоубийством. – 83.

Гамсахурдия. Сотрудник НКВД Грузинской ССР. – 44.

Гарин Е.Г. Зам. наркома земледелия Азербайджанской ССР. Арестован АзНКВД. – 259.

Гасанов Н. Председатель Куткашенского райисполкома. – 258.

Гасвани Лидия Ларионовна. Кат. 1 в Сталинском списке 31.05.1937. – 57, 58.

Гвамичава М.М. Адвокат. – 291.

Гварамия В.П. Заместитель наркома земледелия Грузинской ССР. – 291.

Гвоздѣв. Следователь АзНКВД. – 180.

Гегелашвили. – 283.

Гегечкори Нина Теймуразовна. Жена Л.П. Берии. – 312, 349.

Георгадзе Надежда. – 133.

Гидаба. – 283.

Гладенков Ф.М. – 290.

Глонти М.М. Сотрудник НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 44, 45, 68, 135.

Гогинашвили Иван. Колхозник. – 140.

Гогишвили Владимир Сильвестрович. Третий секретарь ЦК КП/б/ Грузинской ССР. Кат. 1 в Сталинском списке 22.11.1937. – 81.



Гоглидзе Сергей Арсентьевич (1901–1953). Нарком внутренних дел Грузинской ССР (1937–1938). Начальник Управления НКВД СССР по Ленинградской области (1938–1941), Управления НКВД (НКГБ, МГБ) Хабаровского края (1941–1943), уполномоченный МГБ СССР по Дальнему Востоку (1943–1951). Первый зам., зам. министра государственной безопасности СССР (1951–1953). Генерал-полковник (1945). Арестован 03.07.1953. Расстрелян 23.12.1953. http://ru.wikipedia.org/wiki/Гоглидзе_Сергей_Арсентьевич. – 24, 26, 28–30, 32, 40, 42, 43, 58, 60, 63, 69, 73, 74, 81, 83, 96, 98, 107–111, 113, 116, 118, 123, 126, 127, 129, 134, 135, 144, 145, 282, 287, 292, 293, 298.

Гогоберидзе Леван Давидович (1896–1937). Секретарь ЦК КП/б/ Грузинской ССР (1926–1930). – 63, 69, 70, 111–113.

Горделадзе. – 61.



Горкин Александр Федорович (1897–1988). Председатель ВС СССР (1957–1972). – 297.



Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936). Писатель. – 56.

Горянин. Партийный работник Азербайджанской ССР. – 217.

Горяев Ф.Д. Сотрудник 11 отдела АзНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 244, 253.

Гохбаум Е.Ф. Зав. отделом экономики и труда совхоза имени 3-го Интернационала. – 100, 102.



Гоцинский Нажмудин (1859–1925). Муфтий Северного Кавказа (с мая 1917). Один из лидеров мусульманского движения в Дагестане в 1917–1921. С 1921 скрывался на территории Чечни. Арестован 05.09.1925, расстрелян 28.09.1925. – 160.



Григорян Хорен Иванович (1902–1956). Начальник воднотранспортного отдела АзНКВД (1937–1939). Зам. наркома (1943–1947), министр (1947–1953) внутренних дел Азербайджанской ССР. Генерал-майор (1945). Арестован в мае 1955. Расстрелян 17.05.1956. – 19, 153, 154, 159–162, 177, 180, 182, 190, 192, 193, 199, 209, 211–214, 217, 221, 225–228, 230–232, 236, 244, 251, 253–256, 262, 267, 272, 278–280, 307, 341.

Гринёв М.М. Адвокат С.Ф. Емельянова. – 154, 274, 275.

Гудушаури. Нач. 2-го спецотдела НКГБ Грузии. – 78.

Гукалов Б.П. Зав. производственной практикой Грузинского индустриального института. – 290.

Гургенидзе. Сотрудник МГБ Грузинской ССР. – 140.

Гусейнов М. Зав. культурно-пропагандистским отделом ЦК КП/б/Азербайджана. – 211.

Гусейнов М.Г. оглы. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 243.

Гусейнов Маггерам. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 261.

Гусейнов Мусейб. Народный комиссар здравоохранения Азербайджанской ССР. – 249.

Гусейнов Салман. Председатель Исмаиллинского райисполкома. – 215, 258.

Гучмазашвили. Сотрудник МГБ Грузинской ССР. – 140.

Давидов Александр (ум. 1938). – 108.

Давидов Николай Давидович. Сотрудник НКВД Грузинской ССР. Кат. 1 в Сталинском списке 15.09.1937. – 107.

Давидов Саркис (ум. 1938). – 108, 109.



Давлианидзе Сергей Семенович (1904–1967). Зам. наркома государственной безопасности Грузинской ССР (06–07.1941, 06.1944–11.1945). В отставке с 1948. Генерал-майор. Арестован 23.07.1956. Приговорен ВТ Закавказского ВО 31.10.1957 к 25 годам лишения свободы. Наказание отбывал в Дубравном ИТЛ МВД, где умер. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 33, 34, 75, 115, 147, 287–293, 324.

Дадашев. – 188.

Дарахвелидзе. Кат. 1 в Сталинском списке. – 69.

Двали. – 45.

Дворкина М.Д. – 14.

Девдариани Иосиф Давидович. Кат. 1 в Сталинских списках 22.11.1937 и 03.01.1938. – 121.

Делерзон. Зав. отделом Бакинского горкома ЛКСМ Азербайджанской ССР. Редактор газеты «Молодой рабочий». – 234, 236.

Демерчан. – 105.

Дерзабекян Т.К. Член ВКП/б/ с 1907 г. – 158.

Деркач. Помощник капитана теплохода. – 227, 250.



Джавахишвили Михаил (Адамашвили Михаил Саввич) (1880–1937). Писатель. http://dic.academic.ru/dic.nsf/pseudonyms/654/Джавахишвили_Михаил (13.02.2014) – 42, 55–60, 62.



Джапаридзе Прокопий Апраксионович (1880–1918). Председатель Бакинского Совета рабочих, крестьянских, солдатских и матросских депутатов, комиссар внутренних дел, комиссар продовольствия в Бакинском СНК. Расстрелян в числе 26-ти бакинских комиссаров 20.09.1918. – 267.

Джапаридзе П.И. Следователь НКВД Абхазской ССР в Земо-Сванетском районе. – 291.

Джержения Дмитрий Иосифович (1897–1937). Председатель Гагрского райисполкома Кат. 1 в Сталинском списке 10.08.1937. <http://www.arsuara.ru/portal/book/export/html/809> (02.03.2014) – 82, 83.

Джикирба. – 283.

Джих-оглы. – 283.

Джичоев. – 40.

Джохадзе И.А. – 290.



Джуварлинский Мамед Исмаил оглы (1902–1937). Нарком просвещения Азербайджанской ССР. http://www.ourbaku.com/index.php5/Джуварлинский_Мамед_Исмаил_оглы (06.01.2014) – 183, 201–205.

Держинский Феликс Эдмундович (1877–1926). Участник польского и русского революционного движения, неоднократно арестовывался, сидел в тюрьме, находился в ссылках. После Октябрьской революции – член Петроградского ВРК; с 1917 г. председатель ВЧК; с 1922 г. – ГПУ; ОГПУ и нарком внутренних дел в 1919–1923 гг.; одновременно с 1921 г. – нарком путей сообщения. С 1924 г. – председатель ВСНХ СССР. – 126.

Дзидзигури Михаил Семёнович. Майор (1936). Кат. 1 в Сталинском списке 10.08.1937. Убит до расстрела. <http://www.google.ru/url?sa=t&rc=tj&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=0CC8QFjAC&url=http%3A%2F%2Fwww.rkka.ru%2Fhandbook%2Fpersonal%2Fchekist.xls&ei=XfvfUpLRKYeQ5ASwtIDgAw&usg=AFQjCNGP61AQcf-LiGpRGnATRZC9S87N3g&bvm=bv.59568121,d.bGE&cad=rjt> (22.01.2014). – 44, 68, 107, 127, 128.

Диасалидзе. Управляющий делами ЦИК Аджарской АССР. – 291.

Добровольская. – 283.

Довлатов Исая Иванович. (1887–1938). Член ВКП/б/ с 1906 г. Главный арбитр при СНК Азербайджанской ССР. <http://www.proza.ru/2010/11/10/1580> (07.01.2014) – 158, 167, 188–190.

Долидзе Г. Зав. отделом ЦК КП/б/ Грузии, секретарь райкома партии. – 113, 114.

Долотцев Александр Александрович (1916–?), генерал-майор (в 1955 г. – полковник) юстиции. Член судебного состава Военной коллегии Верховного Суда СССР на процессе А.Н. Рапавы и др. Оставил воспоминания о процессе (не опубликованы). – 23, 297.

Долуни. Инструктор Ленинского райкома АКП/б/ г. Баку. – 251, 255, 264.

Доронина К.С. Жена Киршбаума. – 187, 188.

Друкер Лев. – 250.

Думбадзе. Сотрудник НКВД Грузинской ССР. – 127, 128.

Думенко Борис Моисеевич (1888–1920). Командир Сводного конного корпуса Красной армии. – 91, 92.



Евдокимов Григорий Еремеевич (1884–1936). Член Президиума ЦИК СССР (1925–1927). Арестован 08.12.1934. Расстрелян 25.08.1936. – 119.



Ежов Николай Иванович (1895–1940). Нарком внутренних дел СССР (1936–1938), нарком водного транспорта (1938–1939). Генеральный комиссар госбезопасности (1937). Арестован 10.04.1939. Расстрелян 04.02.1940. – 13, 30, 42, 86, 94, 98, 128, 145, 169, 173, 188.



Емельянов Степан Федорович (1902–1988). Нарком внутренних дел (1939–1941), нарком, министр государственной безопасности (1941, 1943–1953), министр внутренних дел Азербайджанской ССР (1953). Генерал-майор (1945). Арестован 01.04.1954. Приговорён к 25 годам лишения свободы. Помилован и освобождён из лагеря 10.06.1970. – 153, 162, 164, 165, 168, 178, 193, 218, 233, 237, 239, 243, 250, 260–268, 274, 275, 279.



Енукидзе Абель Сафронович (1877–1937). Секретарь ЦИК СССР (1922–1935). – 13, 36, 72.



Ершов Леонтий Иванович (?). Механик. Кат. 1 в Сталинском списке 10.07.1937. – 246.



Есенин Сергей Александрович (1895–1925). Поэт. – 62.

Жганти А.Д. Адвокат. – 291.



Жгенти Тенгиз Гигоевич (1887–1937). Секретарь Всегрузинского ЦИК. Застрелился. – 70, 116, 119–121, 124.

Железняков. Надзиратель тюрьмы. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 248.

Жордания Георгий. Брат жены А.Н. Рапавы. – 40.



Жужунава Василий Георгиевич (1896–1937). Нач. управления НКВД Абхазской АССР, нарком внутренних дел Абхазской АССР (1936–1937). Капитан (1936). Кат. 1 в Сталинском списке 22.11.1937. *Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. – М.: Звенья, 1999.* – 29, 40, 127, 128.



Жуков Георгий Константинович (1896–1974). Маршал Советского Союза (1943). – 42, 348.

Журавский. Начальник районного отдела НКВД Шемахинского района. – 210, 349.

Зандарян С.О. – 103, 104.

Зверев А.В. Адвокат на процессе А.Н. Рапавы и др. – 23.

Зенин Ф.П. Помощник начальника политотдела Каспийского пароходства. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 228, 230, 252, 262, 264.

Зизикский Алибек хан (1876–1929). Уездный комиссар в Кубинском уезде (Азербайджан) в 1917 г. Активный деятель Азербайджанской демократической республики. Арестован 28.12.1926. Расстрелян 18.09.1929. <http://www.disput.az/index.php?showtopic=108834&page=11>, http://senat-media.blogspot.ru/2012_10_01_archive.html (03.01.2014) – 156.



Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936). Председатель Петросовета (1917–1926), председатель исполкома Коминтерна (1919–1926). Арестован 16.12.1934. Расстрелян 25.08.1936. – 13, 67, 119.

Зорин В.А. Адвокат на процессе А.Н. Рапавы и др. – 23.

Зыков. Сотрудник АзНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 244.

Ибрагимов Исафил. Зам. наркома земледелия Азербайджанской ССР. – 200, 214.

Ильков. Бухгалтер управления Сухумского порта. – 283, 285.

Инал-Ипа Константин Константинович (1922–1941). Сын К.П. Инал-Ипы. Кат. 1 в Сталинском списке 06.09.1940. – 88.

Инал-Ипа Константин Платонович (1895–1938?). Директор Гагринского курортного управления. Кат. 1 в Сталинском списке 10.08.1937. <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/809> (02.03.2014). – 82, 83, 85, 87, 318.

Исаков Дмитрий Павлович (1895–1947). Командующий Каспийской военной флотилией. Флагман 2-го ранга (1935), капитан 1-го ранга (1943). Арестован АзНКВД 23.06.1938. Осуждён 22.08.1942 на 5 лет ИТЛ. Освобождён 23.06.1943. – 251.

Ичмелян А.А. (ум. 1937). – 106.



Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991). Народный комиссар путей сообщения СССР (1935–1937, 1938–1942), тяжёлой промышленности СССР (1937–1939). – 38, 94, 111, 297.

Кадагшвили. Сотрудник НКВД Абхазской ССР. – 87.

Какучая Варлам Алексеевич (1905–1982). Нарком внутренних дел Абхазской АССР (1939–1941), нарком, министр государственной безопасности Северо-Осетинской АССР (1943–1947). Генерал-майор (1945). – 297–299.

Калайджан Мелик. Помощник прокурора Абхазской АССР. – 284.

Каландадзе Е.С. – 289.

Калашян. Оперативный работник Гагрского отдела НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 105.

Калинин. Директор электростанции «Красная звезда». – 232.

Калужина (урожденная Софийская) Мария Николаевна (1901–1979). – 12.



Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936). Председатель Моссовета (1918–1926), зам. председателя СНК РСФСР, СССР (1922–1926). Арестован 12.1934. Расстрелян 25.08.1936. – 66.



Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936). Нач. управления ПВО РККА. Командарм 1-го ранга (1935). – 83.

Каминский Яков Петрович. Редактор газеты «Бакинский комсомолец». Зам. нач. политотдела Азербайджанского отделения Закавказской железной дороги. Кат. 2 в Сталинском списке 12.09.1938. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 234, 236–238.

Канделаки М.С. Адвокат. – 291.

Капанидзе М. – 107, 108.

Капиш. – 283.



Каплан Фанни Ефимовна (Ройтблат-Каплан Фейга Хаимовна) (1890–1918). – 67, 319.

Капустин В.К. Член ВТ ЗакВО. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 217, 218, 231, 232.

Капша Анатолий. Управляющий трестом «Абтабаксырьё». – 284, 305.

Караев Али Гейдар оглы (1896–1938). Нарком по военным и морским делам Азербайджанской ССР (1920–1923). Секретарь ЦК АКП/б/, член ЦИК СССР. http://en.wikipedia.org/wiki/Aliheydar_Garayev (04.01.2014). – 172–175, 178, 189, 349.

Карели Г.М. Сотрудник НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 121.

Карпинский. Сотрудник АзНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 214.

Касимов Мамед. Начальник планового отдела завода им. Парижской Коммуны. – 227, 252.

Касимов Юсуф. Третий секретарь ЦК КП/б/ Азербайджана. – 174.

Каспаров С.С. Секретарь Шаумяновского райкома КП/б/ Азербайджана, г. Баку. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 222, 223, 258.

Касумов. Член бюро Бакинского горкома КП/б/ Азербайджана в 1938 г. – 236.

Кауфман. Старший механик Бакинского порта. – 227, 249.

Кахиани Михаил Иванович (1896–1937). Член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП/б/, уполномоченный Комиссии по Северо-Кавказскому краю (1934–1937). Кат. 1 в Сталинском списке 15.09.1937. – 109–111, 289.

Квициани. Третий секретарь райкома ВКП/б/ Земо-Сванетского района. – 291.

Квятковский Р.-Р.Л. Зам. зав. отделом партийных кадров ЦК КП/б/ Азербайджанской ССР. – 217, 219, 220.

Кебурия П.Д. Секретарь Зугдидского райкома партии. – 289.

Кевлишвили Варвара Лукинишна (ум. 1937). Секретарь Каспского райкома КП/б/ Грузинской ССР. – 52, 53, 144.

Кеворков В. Секретарь райкома АКП/б/. – 258.

Кедров. Сотрудник Госбанка Абхазской ССР. – 284.

Кереселидзе И.К. Знакомый В.Г. Мамаладзе. <http://istmat.info/node/28167> (01.01.2014) – 137, 138, 293, 294.



Керимов Эюб Алекперович (1912 – не ранее 1971). Председатель ВС Азербайджанской ССР, одновременно заместитель наркома внутренних дел, в дальнейшем – госбезопасности республики (1939–1953). Полковник (1943). *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник. – М.: Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010. – 168, 232, 262–264.*

Керкадзе Кетеван Ивановна. Жена М.И. Керкадзе. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 132, 133.

Керкадзе Мирон Иванович. Нач. управления милиции НКВД Грузинской ССР. – 130–132, 320.

Кетия Иса. Брат Н. Кетии. – 53, 105, 320.

Кетия Нестор (ум. 1937). Брат И. Кетии. – 53, 105, 320.

Кикория Патон. Секретарь Очамчирского райкома партии, депутат Верховного Совета СССР. – 284.



Киладзе Давид Семёнович (1885–1937). Председатель ГПУ Грузинской ССР, нач. УНКВД Грузинской ССР (1933–1934). Кат. 1 в Сталинском списке 15.09.1937. *Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. – М.: Звенья, 1999. – 26, 40, 52, 123–126, 144, 289, 321.*

Киладзе Шушана Константиновна. Жена Киладзе Д.С. – 123–125, 289.

Киларджишвили. Сотрудница НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 124, 133.



Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1934). Первый секретарь ЦК КП/б/ Азербайджана (1921–1926). Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии (1926–1934). – 36, 113, 183, 196.

Киришаум. Инструктор Бакинского горкома АзКП/б/. – 187, 316.

Кишмария Маханд Исламович (1899–?). Председатель Чилковского сельсовета. <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/809> (02.03.2014). – 82–84.

Клименчик. Следователь АзНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 203, 234.

Князев Е.И. Нач. внутренней тюрьмы МГБ Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 136, 137.



Кобулов Амаяк Захарович (1906–1955). Нач. Гагринского райотдела, и.о.наркома внутренних дел Абхазской АССР (1938), первый зам. наркома внутренних дел Украинской ССР (1938–1939), нарком внутренних дел Узбекской ССР (1941–1945). Генерал-лейтенант (1945). Арестован 27.06.1953. Расстрелян 26.02.1955. *Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. – М.: Звенья, 1999. – 27, 69, 98.*



Кобулов Богдан Захарович (1904–1953). Зам. наркома внутренних дел Грузинской ССР (1937–1938), СССР (1941–1943) и наркома государственной безопасности СССР (1941, 1943–1945), первый зам. министра внутренних дел СССР (1953). Генерал-полковник (1945). Арестован 27.06.1953. Расстрелян 23.12.1953. – 24, 26–28, 32, 33, 47, 50–52, 57, 59, 69, 70, 72, 81, 83, 89, 99, 107–110, 114, 116, 121, 123, 126, 127, 129, 131, 132, 135, 142, 144, 145, 282, 287–290, 292, 293, 298, 332.

Коваленко Г.Е. (?). Полковник юстиции. Член судебного состава Военной коллегии ВС СССР на процессе М.Д. Багирова и др. – 154.

Ковальчук. Сотрудник НКВД Грузинской ССР. – 52.

Ковшов С.Л. Сотрудник тюрьмы № 1 НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапава и др. – 45.

Колбая И.Т. Учитель. – 13.

Колбая Л. – 13.



Колпаков Марк Григорьевич (1896 или 1897 – 1920). Начальник разведки Сводного конного корпуса Красной армии. http://www.ninvestnik.ru/2008_2/r4.shtml (03.03.2014). – 91.

Комарский. Следователь АзНКВД. – 215.

Коновалов Л.Х. Секретарь райкома ЛКСМ Азербайджанской ССР. – 234.

Корветин. Зав. отделом Бакинского горкома ЛКСМ Азербайджанской ССР. Арестован. – 234.



Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972). Писатель, политический деятель. – 60.

Королев. Начальник Бакинского морского вокзала. – 227.



Косарев Александр Васильевич (1903–1939). Первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1929–1938). Арестован 28.11.1938. Расстрелян 23.02.1939. – 184–186, 235, 236, 322, 331.

Косарева Елена Александровна (1930). Дочь А.В. Косарева и М.В. Нанейшвили. – 186.

Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939). Генеральный, первый секретарь ЦК КП Украины (1928–1938). Арестован 03.05.1938. Расстрелян 26.02.1939. – 38, 322.





Костов Трайчо (1897–1949). Зам. председателя Совета Министров Болгарии (1946–1949). Расстрелян 16.12.1949. – 8.

Костромин Александр Александрович (1903–1961). Генерал-майор (в 1955 г. – полковник) юстиции. Член судебного состава Военной коллегии ВС СССР на процессе А.Н. Рапавы и др., М.Д. Багирова и др. Впоследствии заместитель председателя Военной коллегии. – 23, 154.

Кравченко А.П. Инженер. – 288.



Кравченко Сергей Антонович (1890 или 1891 – 1957). Начальник снабжения 2-й бригады Сводного конного корпуса Красной армии. http://www.nivestnik.ru/2008_2/r4.shtml (03.03.2014). – 91.



Крымян Никита Аркадьевич (1913–1955). Пом. нач., нач. отделения 4 отдела управления государственной безопасности НКВД Грузинской ССР (1935–1939), зам. нач. следственной части НКВД Грузинской ССР (1938–1939), нарком, министр Государственной безопасности Армянской ССР (1945–1947). Полковник (1943). Арестован 25.09.1953. Расстрелян 15.11.1955. *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник. М.: Международное общество «Мемориал»; Издательство «Звенья», 2010. – 23, 27, 31, 32, 34, 42, 44, 45, 47, 49, 51, 52, 57, 60, 63, 69–71, 81, 83, 96, 107, 110, 115–117, 127–129, 133–135, 147–150, 305.

Криштоф. – 283.

Кроль. – 249.

Кротков. Сотрудник АЗНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 203.



Круглов Сергей Никифорович (1907–1977). Зам. наркома внутренних дел СССР (1939–1941), зам., первый зам. наркома внутренних дел СССР (1941–1945), нарком, министр внутренних дел СССР (1945–1953, 1953–1956). Генерал-полковник (1945). Отстранен от руководства МВД СССР (01.1956), уволен на пенсию по инвалидности (07.1958). Лишён генеральской пенсии (1959), исключён из партии (06.06.1960). Попал под поезд у платформы Правда Ярославского направления Московской железной дороги 06.07.1977. – 162.

Крыжановский. Инструктор политотдела Бакинского пароходства. – 228, 323.

Крылов И.А. – 259.

Крюченков. Следователь АЗНКВД. – 231, 254.

Кудин. Следователь АЗНКВД. – 226, 254.

Кузовенко Владимир Фёдорович. Зам. нач. политотдела Каспийского пароходства. Кат. 1 в Сталинском списке 10.07.1937. – 225, 258.



Кукба Виктор Иосифович (1904 – не ранее 20.11.1940). Филолог, переводчик, партийный деятель. Второй секретарь Абхазского обкома КП(б) Грузии (1938). http://apsnyteka.org/1391-Kukba_V_Kororko_o_problemakh_izuchenja_abkhazskogo_folklora.html, http://www.apsuara.ru/lib_a/abh326.php (15.12.2013). – 284, 324.



Кулик Григорий Иванович (1890–1950). Зам. наркома обороны СССР. Маршал Советского Союза (1940–1942; восстановлен посмертно в 1957). Арестован 11.01.1947. Расстрелян 24.08.1950. – 143, 341.

Кульков Н.О. (ум. 1942). Секретарь Бакинского горкома КП/б/ Азербайджанской ССР. – 217–220, 222, 254, 259.

Кундахчян М. Отец М.М. Кундахчяна. – 103.

Кундахчян М.М. Учитель. – 103, 324.

Кундахчян Мисак. Брат М.М. Кундахчяна. – 103.

Кундахчян Ованес Крикорович (1891–?). – 103, 106.

Курасбедиани И.Н. Первый секретарь Квемо-Сванетского райкома КП/б/ Грузинской ССР. – 292.

Курели Иосиф Георгиевич. Врач больницы внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР (1937–1944). Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др., С.С. Давлианидзе. – 48.

Курилов Александр Никитич. Секретарь партийного комитета судоремонтного завода им.Парижской коммуны. Кат. 1 в Сталинском списке 25.09.1938. – 223, 224, 250, 262, 264.

Кутилов Л.С. Управляющий трестом «Азгаз». – 238, 246.

Куцава. Сотрудник МГБ Грузинской ССР. – 140.

Лаврентьев. Геолог треста «Молотовнефть». – 264.

Лавров. Командир отделения на оперативном посту «Пицунда». – 84, 85.

Лаврухин. Следователь АЗНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 248.

Ладария Владимир Константинович (1900–1937). Первый секретарь Абхазского областного комитета КП/б/ Грузинской ССР (1930–1936). – 39, 82, 83, 85–87.

Лазарев В.Г. Партийный работник Азербайджанской ССР. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 217, 219, 221.

Лакоба Василий Дмитриевич (1897–1937). Нач. республиканской милиции Грузинской ССР, в дальнейшем управляющий абхазским отделением «Азнефтесбыта». Двоюродный брат Н.А. Лакобы. Кат. 1 в Сталинском списке 10.08.1937. <http://goldfinger.moifoto.ru/100653/f2575777> (16.02.2014) – 80, 82, 83, 325.

Лакоба Михаил Аполлонович (1898–1937). Зам. наркома внутренних дел Абхазской ССР, в дальнейшем – управляющий конторой «Абтабаксырьё». Брат Н.А. Лакобы. Кат. 1 в Сталинском списке 10.08.1937. – 39, 80, 82, 83, 85.



Лакоба Нестор Аполлонович (1893–1936). Председатель СНК Абхазской ССР (1922–1936), председатель ЦИК Абхазской ССР (1930–1936). – 78–86, 325, 341.



Лакоба Рауф Нестерович (1922–1941). Сын Н.А. и С.А. Лакоба. Кат. 1 в Сталинском списке 06.09.1940. – 80, 81, 87–90, 325, 326.



Лакоба Сария Ахмедовна (1904–1939). Жена Н.А. Лакобы. – 79–82, 292.



Лакоба Тенгиз Васильевич (1923–1941). Троюродный брат Р.Н. Лакобы. Кат. 1 в Сталинском списке 06.09.1940. – 88.



Лакоба-Григолия Николай Михайлович (1922–1941). Двоюродный брат Р.Н. Лакобы. Кат. 1 в Сталинском списке 06.09.1940. – 88.

Латушкин В.Ф. Флагманский инженер-механик Каспийской военной флотилии. – 251.

Лебедев В.А. И. о. нач. политотдела Каспийского пароходства. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 230.

Лебедев Н.В. Секретарь райкома ЛКСМ Азербайджанской ССР. – 234.

Левкопуло Иван Харлампиевич (умер в 1990). Зам. зав. промышленным отделом ЦК КП/б/ Азербайджанской ССР. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 217, 219–221.



Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924). Председатель СНК РСФСР, СССР (1917–1924). – 12, 19, 66, 67, 78, 80, 95, 118, 135, 155, 161, 175, 221, 333.

Леткеман Г.И. Зав. пчеловодческим хозяйством совхоза им. 3-го Интернационала. – 39, 99–102.

Листенгартен Владимир Львович. Инженер нефтяной промышленности. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 240.



Локкарт Роберт Гамильтон Брюс (1887–1970). Вице-консул, генерал консул Великобритании в Москве (1912–1917). Глава специальной британской миссии при Советском правительстве (январь–сентябрь 1918). http://slovari.yandex.ru/~Локкарт_Роберт_Гамильтон_Брюс (02.05.2014). – 11.



Ломинадзе Виссарион (Бесо) Висарионович (1897–1935). Секретарь Магнитогорского коркома ВКП/б/. – 83.

Ломия П.Г. Адвокат. – 291.



Лордкипанидзе Тите (Гита) Илларионович (1896–1937). Нач. УНКВД Крымской АССР (1935–1937), нарком внутренних дел Крымской АССР (1937). Старший майор. *Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. – М.: Звенья, 1999. – 126–129, 134.*

Лукин. Начальник Каспийского пароходства. – 224, 227, 229.

Луцкан. – 283.

Любарский-Новиков Б.Г. Ответственный работник СНК Азербайджанской ССР. – 215.

Макаров. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 190.

Максимов. Сотрудник НКВД Грузинской ССР. – 45.

Мамаладзе В.Г. Зам. председателя Верховного Суда Грузинской ССР. <http://istmat.info/node/28167> (01.01.2014). – 137, 138, 293, 294, 320, 330.

Мамедов А. Заместитель наркома земледелия Азербайджанской ССР. – 215, 216.

Мамедов Гейдар. Секретарь Ленинского райкома КП/б/ Азербайджанской ССР. – 255.

Мамедов Мухмар. Работник Каспийского пароходства. – 230.

Мамедов Ф.А. оглы. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 208, 209, 258.

Мамедов. Секретарь Ленинского райкома партии города Баку. – 214, 251, 254, 264.

Мамулия Самсон (1892–1937). Секретарь ЦК КП/б/ Грузии. Кат. I в Сталинском списке 15.09.1937. – 69, 113.

Мамян. – 283.

Мануцгинович. Инженер треста «Каганович-нефть». – 246, 252.

Манучаров – 252.

Манучаров В. (ум. 1938). – 108.

Манучаров Г. (ум. 1938). – 108.

Манучаров К. (ум. 1938). – 108.

Манучаров Н.В. Член ВКП/б/ с 1902. – 158.

Маргиев И.И. Надзиратель внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 48.

Маргулов И.Х. Главный инженер треста «Азгаз». – 238, 246.

Марданов Николай Иванович. Уполномоченный по заготовкам Джавского района Грузинской ССР. Кат. I в Сталинском списке 22.11.1937. – 118.

Маркаров А.А. Секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджанской ССР. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 234, 235.



Маркарян Рубен Амбарцумович (1896–1956). Зам. наркома внутренних дел Азербайджанской ССР (1939–1941), нарком, министр внутренних дел Дагестанской АССР (1943–1953). Генерал-лейтенант (1945). Арестован в начале 1955. Расстрелян 17.05.1956. – 19, 153, 163, 183, 187, 190, 192, 193, 196, 206–209, 214, 215, 218, 219, 225–227, 232, 235, 240, 244, 248–252, 255, 267, 268, 272, 273, 278–280.

Маркман. Сотрудник АзНКВД. – 162.



Маркс Карл (1818–1883). Философ, экономист. Основоположник марксизма. – 78, 80, 95, 175, 333.

Масхарашвили. Зав. транспортным отделом Чиатурского марганцевого треста. – 288.



Матовосов Иван Иванович (1905–1979). Старший следователь следственной части НКВД и ГУГБ НКВД СССР (1939–1941), нарком, министр внутренних дел Армянской ССР (1943–1947), начальник 2 управления ГУЛАГ МВД СССР (1947–1953). Генерал-майор (1945). *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник. – М.: Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010. – 187.

Матикашвили Шалва Спиридонович. Руководитель НКВД Грузинской ССР (1924–1927). Председатель Госплана Грузинской ССР. Кат. 1 в Сталинском списке 26.06.1937. <http://forum.mozohin.ru/index.php?topic=148.0;wap2> – 42, 51, 116, 117.



Матулевич Иван Осипович (1895–1961). заместитель председателя Военной коллегии ВС СССР (1933–1940, 1948–1954). Генерал-лейтенант юстиции. – 64, 128, 241.

Машкович К.С. Нач. геологической службы треста «Азнефтедобыча». Арестован 20.02.1940. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 238, 239, 264.



Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930). Поэт. – 14, 57.



Мгалоблишвили Герман Андреевич (18??–1937). Председатель СНК Грузинской ССР (1931–1937). Категория 1 в Сталинском списке 10.08.1937. – 34, 47, 58, 61, 115, 116, 120, 121.

Мдивани Буду (Поликарп) Гургенович (1877–1937). Народный комиссар легкой промышленности, первый зам. председателя СНК Грузинской ССР (1931–1936). Арестован 1936. Расстрелян 10.07.1937. – 47, 57, 63, 115, 128, 349.

Меняйлов Иван Филиппович. Начальник Каспийского пароходства. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 224, 225, 230.



Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953). 1-й зам. наркома внутренних дел СССР (1938–1943), нарком, министр государственной безопасности СССР (1943–1946), министр государственного контроля СССР (1950–1953). Генерал армии (1945). Арестован 18.09.1953. Расстрелян 23.12.1953. *Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. – М.: Звенья, 1999.* – 28, 131, 132, 266, 267.

Мехтиев А.К.Г. оглы. Председатель Кедабского райисполкома. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 200, 201, 215, 250.

Мехтиев А. Председатель Арбатанского сельсовета (Сальянский район Азербайджанской ССР). – 244.

Мещеряков. Начальник следственной части АзНКВД. – 216.

Микеладзе Александр Нестерович. Председатель ГПУ Абхазской АССР. Кат. 1 в Сталинском списке 21.10.1937 – 84, 85, 123.

Микелов З.С. (ум. 1937). Начальник табачного управления наркомата земледелия Грузинской ССР. – 51, 52, 144, 289.



Микоян Анастас Иванович (1895–1978). Нарком внешней торговли СССР (1938–1949). – 216.

Милов Михаил Петрович. Начальник механико-судовой службы Каспийского пароходства. Арестован. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 224.

Минносян Н.М. Помощник прокурора Каспийского бассейна. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 225, 226, 232.

Мирзоев Кардашхан. Секретный сотрудник АзНКВД. В дальнейшем директор мясокомбината. – 207, 208.



Мирзоян Левон Исаевич (1896–1939). В 1926–1929 первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана (1926–1929), первый секретарь Казахского крайкома ВКП(б)/, ЦК КП(б) Казахстана (1933–1938). Арестован летом 1938. Расстрелян 26.02.1939. – 183, 184, 191, 193, 265, 330.

Мирзоян. Жена Л.И. Мирзояна. – 184.

Мирянашвили Г.А. Знакомый В.Г. Мамаладзе. <http://istmat.info/node/28167> (01.01.2014). – 137, 138, 293, 294.

Миркадыров. Партийный работник в Азербайджанской ССР. – 217.

Мирихулава Владимир Владимирович. Секретарь Орджоникидзевского райкома партии КП(б)/ Грузинской ССР. Кат. 1 в Сталинском списке 22.11.1937. – 81.

Митрофанов Александр. Начальник Сухумского порта. – 284.

Михаилиди Панайот Михайлович (1896–1938). Руководитель отдела в газете. http://www.greek-martirolog.ru/dbm_person/persona.php?id=4b1057a_53e7a (01.01.2014). – 292.

Михура Лука Мартынович. Геолог-нефтяник. Кат. 1 в Сталинском списке 06.09.1940. – 239, 264.

Мовсесов. Сотрудник НКВД Грузинской ССР. – 134, 135.

Можнов П.П. Инструктор ЦК ЛКСМ Азербайджана. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 234–236.



Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986). Председатель СНК СССР (1930–1941), нарком, министр иностранных дел СССР (1939–1949, 1953–1956). – 38, 94, 111, 216, 237.

Морковин. Сотрудник НКВД Грузинской ССР. – 45.

Морозов А.Н. Секретарь тройки при НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 108, 109.



Муралов Николай Иванович (1877–1937). Командующий войсками Московского военного округа (1921–1924). Арестован 17.04.1936. Расстрелян 01.02.1937. – 119.



Мусабеков Газанфар Махмуд оглы (1888–1938). Председатель СНК Азербайджанской ССР (1922–1930), СНК ЗСФСР (1932–1936). Арестован 06.1937. Расстрелян 09.02.1938. – 34, 174, 190, 191, 342.



Мусатов Николай (1910–?). Оперуполномоченный АЗНКВД (1935–1938). Боксёр. Подполковник (1943). Арестован 26.03.1956. Приговорен к 10 годам заключения. Освобождён 26.03.1966 по отбытии срока. <http://www.memo.ru/uploads/files/845.pdf> (06.01.2014) – 180, 201.

Мусаэлов. Зав. отделом Бакинского горкома ЛКСМ Азербайджанской ССР. – 234.

Мустафаев. Сотрудник АЗНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 244.

Мхеидзе П.М. (ум. 1937). Нач. отдела НКВД Грузинской ССР. – 64.

Мчедlishvili. Секретный сотрудник НКВД Грузинской ССР. – 107–109.



Надарая Сардион Николаевич (1903 – не ранее 1976). Пом. нач., нач. тюрьмы управления государственной безопасности НКВД Грузинской ССР (1937–1939), оперуполномоченный 3 отделения 1 отдела ГУТБ НКВД СССР (1939–1941). Полковник (1944). Арестован 26.06.53, приговорен ВКВС СССР на процессе в Тбилиси 19.09.55 по ст. 58–1 «б», 58–8 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы; освобождён 26.06.63 из лагеря в Мордовии. Не реабилитирован. *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник. – М.: Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010. – 23, 29, 33, 48, 143, 144, 147, 150.*

Накопия. Инспектор наркомата просвещения Абхазской СССР. Расстрелян. – 285, 331.

Нанейшвили Виктор Иванович (1878–1940). Отец М.В. Нанейшвили. Директор Всесоюзной торговой академии (1931–1939). Арестован 28.11.1939. расстрелян 22.03.1940. – 184, 186, 187, 331.

Нанейшвили Г.А. (ум. 1937). Профессор Тбилисского государственного университета. – 50, 51, 144.

Нанейшвили Мария Викторовна (1907–1993). Дочь В.И. Нанейшвили, жена А.В. Косарева. Сотрудница Наркомата иностранных дел. <http://museumdom.narod.ru/bio07/naneyshvili.html> (06.01.2014) – 184–186, 331.

Нанейшвили Павел Викторович. Сын В.И. Нанейшвили, брат М.В. Нанейшвили. Секретарь Копольского райкома КПР/б/ Белорусской ССР. <http://www.vse-adresa.org/book-of-memory/bukva-13/name-6/surname-132/repression-2> (06.01.2014) – 184.



Нарчемашвили. Указан М.Д. Багировым как поручитель при его вступлении в партию. – 157.

Наседкин Виктор Григорьевич (1905–1950). Зам. начальника Главного экономического управления НКВД СССР, начальник ГУЛАГ НКВД–МВД СССР (1941–1947). Генерал-лейтенант (1945). <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb345.htm> (02.01.2014). – 153, 193.

Наумов А.С. Пчеловод совхоза им.3-го Интернационала. – 99, 101, 102.

Недопекин. Главный механик треста «Азгаз». – 238, 246.

Немсицверидзе Г.З. (1895 или 1896 – 1937). Директор Боржомского курорта. – 51, 144.

Непаридзе В.С. – 288.

Непаридзе И.Г. – 288.

Нестеров-Митрошин Владимир Иванович. Секретарь райкома ЛКСМ Азербайджанской ССР. Кат. 2 в Сталинском списке 25.09.1938. – 234.

Нечипуренко Д.М. Домашняя работница И.К. и А.М. Орджоникидзе. – 74.



Нибладзе Ираклий Ильич (1906–1984). Нач. Аспиндзского райотдела НКВД (1937–1939). Зам. наркома внутренних дел (1942–1943), ГБ Грузинской ССР (1943–1945), первый зам. наркома ГБ Грузинской ССР (1945–1946); зам. министра ГБ Грузинской ССР (1946–1951), зам. министра внутренних дел Грузинской ССР (1951–1953). Генерал-майор (1945). *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник.* – М.: *Международное общество «Мемориал»*; *Звенья*, 2010. – 128, 139, 140.

Нилова. Секретарь Б.З. Кобулова. – 72, 332.

Новрузов Мусеиб. Председатель Шемахинского райисполкома. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 209–212, 256.



Нодев Освальд Яковлевич (1896–1938). Зам. наркома внутренних дел Азербайджанской ССР. Нарком внутренних дел Туркменской ССР. Арестован 17.12.1937. Расстрелян 29.08.1938. <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=11627>, <http://myazerbaijan.org/index.php?p=history/8> (03.01.2014) – 169, 170.

Носов Д.Г. Комендант штаба Сводного конного корпуса Красной армии. – 91.

Нуриев Гулам У.М. оглы. Начальник зернового управления Наркомата земледелия Азербайджанской ССР. <http://lib.rus.ec/b/272183/read> (07.01.2014) – 176, 199, 252.

Нутенко Я.М. Адвокат М.Т. Борщева. – 154, 166, 271.

Образцов М.С. Секретарь парткома электростанции «Красная звезда». Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 232, 233.

Овчаренко Дмитрий. Старший инспектор по пассажирским перевозкам Каспийского пароходства. – 227, 249, 250.

Овчян Б.Н. Член ВКП/б/ с 1906. – 158, 252.

Оганов Григорий Никитович (1902–1940). Старший геолог треста «Сталиннефть». Кат. 1 в сталинском списке 06.09.1940. – 239, 264.



Ойстрах Давид Фёдорович (1908–1974). Скрипач, альтист, дирижёр и педагог. Народный артист СССР (1953). Лауреат Ленинской (1960) и Сталинской премии первой степени (1943). – 11.

Окиншевич Юрий Александрович. Секретарь Ворошиловского райкома КП/б/ Азербайджана. Кат. 1 в Сталинском списке 03.05.1938. – 187, 220.

Окрошидзе В.Н. Нач. тюрьмы № 1 НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 45, 47.

Окуджава А.В. Следователь НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 131, 132.

Окундяев. Следователь АзНКВД. – 246.



Орахелашвили Иван (Мамия) Дмитриевич (1881–1937). Зам. председателя СНК СССР (1923–1925), первый секретарь Закавказского краевого комитета ВКП/б/ (1926–1929), зам. директора Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б) (1932–1937). – 42, 63, 69–71, 111, 115, 123, 173, 333.

Орахелашвили Мария (Мариам) Платоновна (1886 или 1887–1937). Жена И.Д. Орахелашвили. Нач. управления школ Наркомпроса РСФСР. – 71, 72.

Орджоникидзе Антонина Михайловна. Жена И.К. Орджоникидзе. – 67, 74, 77, 332.

Орджоникидзе Георгий Дмитриевич. Сын Д.Г. Орджоникидзе. Кат. 1 в Сталинском списке 03.01.1938. – 289.

Орджоникидзе Георгий Абессаломович (ум. 1938). Двоюродный брат Г.К. Орджоникидзе. Преподаватель математики Тбилисского военного училища. Кат. 1 в Сталинском списке 14.02.1938. – 76.



Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (1886–1937). Нарком тяжелой промышленности СССР (с 1932). Член политбюро ЦК ВКП/б/ с 1930. – 32, 50, 62, 63, 65–71, 73–78, 110, 111, 113, 125, 171, 172, 250, 267, 275, 289, 333, 334.

Орджоникидзе Дмитрий Георгиевич. Двоюродный брат Г.К. Орджоникидзе. Кат. 1 в Сталинском списке 15.09.1937. – 75–77, 289, 333.

Орджоникидзе (Павлуцкая) Зинаида Гавриловна (1894–1960). Жена Г.К. Орджоникидзе. http://ru.rodovid.org/wk/Орджоникидзе_8С:349204 [http://www.kamchadaly.ru/?con=ktxt&id=640&t_name=kamchad_abc&title=Орджоникидзе_\(Павлуцкая\)_Зинаида_Гавриловна](http://www.kamchadaly.ru/?con=ktxt&id=640&t_name=kamchad_abc&title=Орджоникидзе_(Павлуцкая)_Зинаида_Гавриловна) (11.01.2014). – 78, 250, 266, 275.

Орджоникидзе Иван Георгиевич. Двоюродный брат Г.К. Орджоникидзе. – 75, 77.

Орджоникидзе Иван Константинович. Брат Г.К. Орджоникидзе. – 74, 332, 333.

Орджоникидзе Константин Константинович. Брат Г.К. Орджоникидзе. – 74, 75.

Орджоникидзе Нина Давыдовна (ум. 1938). Жена П.К. Орджоникидзе. http://www.kamchadaly.ru/?con=ktxt&id=640&t_name=kamchad_abc&title=Орджоникидзе_Нина_Давыдовна. – 74.

Орджоникидзе Павел (Папулия) Константинович (ум. 1937). Брат Г.К. Орджоникидзе. Зам. начальника Закавказской железной дороги. – 50, 63, 68, 73–75, 128, 334.

Орджоникидзе Савва Валерианович (ум. 1938). Тройродный брат Г.К. Орджоникидзе. Кат. 1 в Сталинском списке 03.01.1938. – 76.

Орельская Нина Валентиновна (ум. в 1939). Жена И.Т. Бовкуна-Луганца (Орельского). – 142.

Осипов Баграт Михайлович. Зам. нач. секретно-политического отдела НКВД Грузинской ССР. – 129, 130, 334.

Осипова Р.С. Жена Б.М. Осипова. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 129, 130.

Осташко И.А. Секретарь Бакинского горкома ЛКСМ. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 234, 236, 237, 251.

Павленко Пётр Андреевич (1899–1951). Писатель. – 60.



Палиани А.Г. Прокурор Земо-Сванетского района. – 291.

Панкратьев Михаил Иванович (1901–1974). Прокурор СССР (1939–1940). Вступил в конфликт с Л. Берия, выступая за продолжение репрессий. Генерал-майор юстиции. В отставке с 1950. <http://www.genproc.gov.ru/history/history/person-11983/> (03.01.2014). – 162.



Панцулая Давид Павлович. Секретарь Горийского райкома КП/б/ Грузинской ССР. Кат. 1 в Сталинском списке 03.01.1938. – 289.



Парамонов Георгий Иович (1907 – не ранее 1968). Оперуполномоченный секретно-политического отдела управления государственной безопасности НКВД Закавказской Советской Федеративной Советской Республики и Грузинской ССР (1935–1938), нач. отделения 4 отдела управления государственной безопасности НКВД Грузинской ССР (1938). Полковник (1943). Арестован 12.08.53, приговорен к 25 годам лишения свободы. Срок снижен до 15 лет (1966). Освобожден 12.08.68 из лагеря в Мордовии. *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник. – М.: Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010. – 23, 28, 29, 31–33, 43–45, 52, 55, 57, 69, 75, 96, 97, 110, 111, 117, 118, 122–125, 147–151.*



Паулос Фридрих Вильгельм Эрнст (1890–1957). Немецкий военачальник (с 1943 года – генерал-фельдмаршал) и командующий 6-й армией, окруженной и капитулировавшей под Сталинградом. – 11.



Пачулия Григорий Алексеевич (1904–1981). Нарком внутренних дел Абхазской АССР (08.1937–10.1938), зам. начальника 2 отдела УГБ НКВД Грузинской ССР (10.1938–05.1939). Майор (1943). Арестован 27.09.1955. Приговорен ВТ Закавказского ВО 29.06.1956 к ВМН. 08.09.1956 Военной коллегией ВС приговор изменен на 25 лет заключения. Наказание отбывал в Дубравном ИТЛ МВД. Освобожден 25.10.1977 на основании ст. 362 УПК РСФСР (по болезни). Футболист, заслуженный мастер спорта (лишен звания в 1950). 2-й призер чемпионата СССР 1931. В сборной СССР 2 неофициальных матча (1931–1932). В 1935–1936 руководитель и тренер «Динамо» (Тбилиси). <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb381.htm>, <http://allfutbolist.ru/players/1062>, <http://www.footbook.ru/index.php?type=3&pid=32964> (14.12.2013). – 87, 98, 100, 101, 147, 149, 281–286.

Пашков. Механик теплохода. – 251.

Пашьян А.Х. (ум. 1938). – 106.

Педан А.А. Пчеловод. – 99, 102.

Перадзе Вера Гарсевановна. Жена Д.Е. Перадзе – 137, 139–141, 311.

Перадзе Д.Е. Начальник пограничного отряда. Полковник. – 138–142, 335.

Перекальский Михаил Михайлович. Старший инспектор-консультант Военной коллегии ВС СССР, полковник юстиции. – 297.

Петерсон Арвид Петрович. Инженер нефтяной промышленности. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 240.

Петров Н.В. – 303, 308, 309, 311, 317, 320, 321, 323, 327–329, 331, 332, 335, 340, 342, 346, 347, 350, 351.



Петровский Григорий Иванович (1878–1958). Председатель Всеукраинского ЦИК (1920–1938). – 79.

Петросян Ашот З. Зам. нач. исправительно-трудовой колонии. – 134, 135.

Петросян Г.А. Секретарь Дзержинского райкома КП/б/ Азербайджанской ССР, г. Баку. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 40, 135, 221.

Пилия. Оперативный уполномоченный ГПУ Абхазской АССР. – 85.

Пильщик Липа. Директор судоремонтного завода им. Закфедерации. – 227, 229, 250, 263, 264.

Пипин оглы Давлет Мустафаевич. Крестьянин-середняк. – 99, 101.

Пипин оглы Шевки Мустафаевич. Табаковод. – 99, 101.

Платонов В.К. Швейцар дома отдыха. – 99, 101.

Плешаков Михаил Георгиевич (1886 – 1937, либо 1938). Член ВКП/б/ с 1906 г. член Центральной Контрольной Комиссии РКП(б) – ВКП(б), председатель Центральной контрольной комиссии КП(б) Азербайджана секретарь ЦК КП(б) Азербайджана член Президиума ЦК КП(б) Азербайджана. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. <http://www.knowbysight.info/PPP/08185.asp> (03.01.2014) – 158.

Подаров. Начальник следственного отдела АзНКВД, зам. министра государственной безопасности Азербайджанской ССР (1951). Полковник. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 261, 266.

Польшин (ум. 1942). Зам. нач. отдела НКВД Грузинской ССР. – 64.

Полякова Д. – 185.

Попов А.Н. Помощник нач. 3-го отдела АзНКВД. – 232.

Попов Г.И. Член ВКП/б/ с 1905. – 158, 248, 264.

Постолов Я.П. Нач. оперативного пункта на мысе Пицунда. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 100.



Постышев Павел Петрович (1887–1939). Секретарь ЦК ВКП/б/ (1930–1933). Второй секретарь ЦК КП/б/ Украины (1933–1937). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП/б/ (1934–1938). Арестован 22.02.1938. Расстрелян 26.02.1939. – 236.

Потт Иосиф Георгиевич. Слесарь. Кат. 1 в Сталинском списке 10.07.1937. – 246.

Путилов. Управляющий трестом «Азгаз». – 246.



Пушкин Александр Сергеевич (1799–1937). Поэт, драматург, прозаик. – 57.

Пушкин. Провокатор в Абхазском НКВД. – 285.

Пхаладзе И.Ф. – 288.



Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937). Зам. председателя ВСНХ СССР (1923–1927, 1931–1932). Зам., первый зам наркома тяжелой промышленности СССР (1932–1936). Арестован 12.09.1936. Расстрелян 01.02.1937. – 119.



Радек Карл Бернгардович (1885–1939). Член Исполкома Коминтерна (1920–1924). Арестован 16.09.1936. Убит в тюрьме 19.05.1939. – 119.



Раев Михаил Григорьевич (Каминский Яков Семёнович) (1894–1939). Нарком внутренних дел Азербайджанской ССР (01–11.1938). Старший майор госбезопасности (1937). Арестован 12.11.1938. Расстрелян 04.03.1939. – 163, 170, 194, 217, 221, 222, 272, 278.

Размадзе М. (ум. 1938). – 108.

Размадзе Р.Я. Нач. санитарной части внутренней тюрьмы МГБ Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 136, 137.

Райзман. Следователь НКВД. – 235.



Рапав Аавксентий Нарикиевич (1899–1955). Нарком внутренних дел (1938–1943), нарком, министр государственной безопасности (1943–1948), министр юстиции Грузинской ССР (1948–1953). Генерал-лейтенант (1945). Арестован по «мингрельскому делу» (1951), освобожден (1953). Министр государственного контроля Грузинской ССР (04–07.1953). Арестован 17.07.1953. Расстрелян 15.11.1955. http://www.hrono.ru/biograf/bio_r/rapava_an.php (14.12.2013). – 18, 19, 23–25, 28–30, 32, 38–41, 45, 46, 52, 54, 60, 63, 67, 69, 73–79, 82, 86, 88, 92, 96, 106, 107, 109, 110, 114, 124–126, 130–132, 137, 143, 145, 147, 148, 150, 152, 268, 270, 281, 286, 287, 292, 293, 296, 297, 302, 304–306, 308–312, 314, 316–324, 327, 330, 333, 334, 336, 337, 339–341, 343–345, 348, 351.

Рахманов Гасан. Начальник политотдела Каспийского пароходства, секретарь Нахичеванского обкома партии. – 174, 182, 189, 224–229, 231, 232, 249, 250, 262, 263, 303, 338.

Рахманов Лятиф. Брат Г. Рахманова. – 229.

Рахманов. Отец Г. Рахманова. – 229.

Рахманов. Дядя Г. Рахманова. – 229.

Рахманов Усейн Паша оглы. (1902–1938). Председатель СНК Азербайджанской СССР (1933–1937). Кат. 1 в Сталинском списке 19.04.1938. – 173, 178, 182, 183, 200, 211.

Рашковец И.П. Юрист, писатель. – 95.

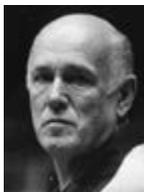
Рембо Жан Никола Артюр (1854–1891). Французский поэт, один из основоположников символизма. – 57.



Ризаев Новруз Керим Оглы (1886–1941). Нарком внутренних дел Азербайджанской СССР (1927–1929). http://www.ourbaku.com/index.php5/Ризаев_Новруз_Керим_Оглы (07.01.2014). – 191–195, 257, 264, 265.



Рихтер Святослав Теофилович (1915–1997). Пианист. – 11.



Роговский Владимир Александрович. Зав. отделом редакции газеты «Заря Востока». Кат. 1 в Сталинском списке 22.11.1937. – 117.

Родионов. Уполномоченный Наркомата связи СССР в Азербайджанской ССР. – 215.

Розиноер Александр Львович. Инженер нефтяной промышленности. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 240.

Розовский Наум Савельевич (1898–1942). Главный военный прокурор (1935–1939). Армвоенюрист (1938). Арестован 07.09.1939. Умер в лагере 10.04.1942. – 44, 94.





Ромоссовский Константин Константинович (1896–1968). Маршал Советского Союза (1944). – 42.

Романский К. Сотрудник АЗНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 262.

Ростомов Д. (ум. 1938). – 108.

Рохлин Абрам Вениаминович (1881–1941). Зав. сектором эксплуатации Главжилуправления жилищно-коммунального хозяйства. Единородный брат К.И. Чуковского (1881–1969). http://www.ourbaku.com/index.php5/Рохлин_Абрам_Вениаминович (07.01.2014). – 192–194.



Руденко Роман Андреевич (1907–1981). Прокурор Донецкой (1937–1938) и Сталинской областей (1938–1940), член тройки УНКВД по Донецкой области. Заместитель прокурора (1942–1944) и прокурор (1944–1953) Украинской ССР, Генеральный прокурор СССР (1953–1981). Представитель государственного обвинения на процессе А.Н. Рапавы и др., М.Д. Багирова и др. – 23, 144, 147, 154, 268, 269, 293.

Рудь В.М. Пчеловод совхоза «Кохара». – 99, 101, 102, 339.

Русавский Семен Абрамович. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 239, 240.

Русадзе Георгий Сергеевич. Председатель Ахалцихского районного исполнительного комитета. Кат. 1 в Сталинском списке 22.08.1937. – 117.

Руссо. – 283.

Рустапов. Начальник Астаринского райотдела АЗНКВД. – 261.

Рухадзе Г.З. – 290.



Рухадзе Николай Максимович (1905–1955). В 1939–1941 гг. начальник следственной части НКВД Грузинской ССР. Зам. наркома внутренних дел (1941–1948), министр государственной безопасности Грузинской ССР (1948–1952). Генерал-лейтенант (1944). Арестован 11.07.1952. Расстрелян 15.11.1955. <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/almanah-dict-bio/1022931/15> (14.12.2013). – 18, 19, 23–26, 29, 31, 32, 39–41, 45, 46, 52–54, 67, 74, 77, 79, 86, 88, 92, 96–106, 110, 121, 130–132, 135–141, 145, 147–150, 152, 268, 270, 281, 286, 290, 293, 294, 296, 297, 302, 305.

Рыбаков. Следователь АЗНКВД. – 215.



Рыков Алексей Иванович (1888–1938). Председатель СНК РСФСР (1924–1929), СССР (1924–1930). Арестован 27.02.1937. Расстрелян 15.03.1938. – 13, 66, 184, 198, 199.



Рыльский Максим Фадеевич (1895–1964). Поэт. – 60.

Саакадзе Георгий (1570–1629). Полководец, военный и политический деятель грузинского царства Картли. – 55.



Савинков Борис Викторович (1879–1925). Руководитель Боевой организации партии эсеров. Писатель, публицист. – 11.

Савиных. Работник Каспийского пароходства. – 225.



Савицкий Константин Сергеевич (1905–1955). Помощник начальника IV отдела НКВД Грузинской СССР (до 04.1939). Зам. начальника отделения IV управления НКВД СССР (1941–1943). Секретарь наркома государственной безопасности СССР (1943–1945), зам. начальника секретариата НКГБ СССР (1945). Помощник первого заместителя министра внутренних дел СССР (1953). Полковник (1943). Арестован 27.06.1953. Расстрелян 15.11.1955. *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник.* – М.: *Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010.* – 23, 26, 27, 30–32, 34, 42, 44, 45, 47, 49, 51, 52, 57, 63, 69, 74–76, 81, 83, 94, 96, 97, 108, 110, 111, 114–118, 121–123, 125, 127, 128, 134, 147–150, 281, 297.

Сагиров Г.З. Прокурор пограничных и внутренних войск АзНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 256.

Сакварелидзе. – 57.

Санакоев Михаил Александрович. Нач. Юго-Осетинского областного отделения – отдела ГПУ, нач. управления НКВД по Автономной области Юго-Осетии (1930–1935). Кат. 1 в Сталинском списке 03.11.1938 <http://www.knowbysight.info/SSS/13190.asp> (20.01.2014). – 40.

Санников С.Е. Адвокат на процессе А.Н. Рапавы и др. – 23.

Сафаров Гасан Гулам оглы. Кат. 1 в Сталинских списках 07.12.1937 и 19.04.1938. – 171, 172, 178.

Сафаров. Специалист нефтяной промышленности. – 250.

Сахелашвили С.С. Зав. кафедрой Грузинского индустриального института. – 290.

Сванидзе В.А. Студент Грузинского индустриального института. – 290.

Свиридов. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 100, 101.

- Севоян.** Сотрудник АзНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 214.
- Севумян.** – 252.
- Сейсян Павел Арутюнович** (1904–1937). Зав. земельным отделом Гагрского райисполкома. <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/809> (02.03.2014). – 82, 83.
- Секирин.** Партийный работник в Азербайджанской ССР. – 217.
- Семенкович Г.В.** Зав. питомником Гудаутского райлесхоза. – 99, 101.
- Семеновский Г.С.** Адвокат Х.И. Григоряна. – 154, 272, 273.
- Семерджиев Иван Григорьевич.** Нарком здравоохранения Абхазской АССР (1922–1928). В дальнейшем – нач. Главного курортного управления и зам. наркома здравоохранения Абхазской АССР. Личный врач Н.А. Лакобы. Кат. 1 в Сталинском списке 21.10.1937). – 79.
- Сергеев Михаил Ильич.** Генерал-майор юстиции. – 12.
- Сероян Андрей.** Секретный осведомитель АзНКВД. – 208.
- Симонич-Кулик Кира Ивановна** (ум. в 1940). Вторая жена Г.И. Кулика. – 143.
- Симонов.** – 283.
- Сихарулидзе Тома Яковлевич.** Директор Грузинского телеграфного агентства. Кат. 1 в Сталинском списке 10.08.1937. – 116, 117.
- Скоркин К.В.** – 303, 317, 321, 327, 329, 342, 351.
- Слобода Константин Иосифович.** Кат. 1 в Сталинском списке 03.01.1938. – 44.
- Слущкий (скорее всего, Наум Федорович).** Кат. 1 в Сталинском списке 03.05.1938. – 167.
- Слущкий (скорее всего, Семен Борисович).** Инженер нефтяной промышленности. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 240.
- Смирнов Гавриил Аркадьевич** (1904–1954). – 10.
- Смирнов Константин Петрович.** – 10.
- Смирнов Н.Г.** – 9.
- Смирнов С.Н.** – 14, 214.
- Смирнова (урожденная Калужина) Валентина Акимовна** (1927–1990). Кандидат исторических наук. – 12, 14.
- Смирнова (урожденная Бучина) Ульяна Осиповна** (ум. в 1969). – 10.
- Смирнова И.М.** – 14
- Смотриков Л.С.** Зам. наркома социального обеспечения Азербайджанской ССР. – 248, 254.
- Ставонин П.Г.** Начальник отдела кадров Каспийского пароходства. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 227, 230, 231.



Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878 или 1879–1953). Первый секретарь ЦК ВКП/б/ (1922–1953). Председатель СНК СССР (1941–1946), председатель СМ СССР (1946–1953). Генералиссимус (1945). – 7, 10, 12, 13, 17–20, 22–24, 26, 31, 36, 38, 45, 59, 66, 68, 74, 77–79, 82, 84–86, 88, 94, 96, 111–114, 116, 125, 135, 142, 145, 146, 157, 158, 161, 166, 171, 172, 182, 185, 187, 188, 190, 194–198, 205, 224, 237, 265, 267, 276, 277, 296, 299.

Старшова Лидия Артемьевна. Машинистка НКВД Грузинской ССР. – 133, 134.

Степаняц Нерсес Айрапетович (?). Инженер механического завода Азнефти им. Буденного. Кат. 1 в Сталинском списке 03.05.1938. – 246, 255.

Степоян В.А. Расстрелян. – 290.



Стефанов Алексей Георгиевич (1902–1967). Особуполномоченный НКВД СССР (1939–1941). Зам. начальника отдела кадров, начальник Особой инспекции НКГБ СССР (1941–1947). Зам. начальника Тюремного управления МВД СССР (1947–1953). Уволен из МВД в 1956. Генерал-майор (1945). – 162.

Столпиевский. Заведующий трубной базой треста «Кагановичнефть». – 246, 250.



Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996). Разведчик. В ОГПУ-НКВД-МГБ с 1925. Генерал-лейтенант (1945). Арестован 21.08.1953. Приговорён к 15 годам лишения свободы. Освобождён в 1968. *Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. – М.: Звенья, 1999. – 26, 41.*

Султанишвили Клавдиоз Иванович. Нач. секретно-политического отдела НКВД Грузинской ССР. Кат. 1 в Сталинском списке 21.10.1937. – 133.

Султанов А.С. Секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджанской ССР. – 167, 234, 252.

Султанов Бахишбек И. Главный геолог треста «Молотовнефть». – 188, 238, 246.

Султанов Гамид Гасан оглы (1889–1938). Председатель СНК Нахичеванской ССР (1925–1929). Нарком коммунального хозяйства Азербайджанской ССР. – 175, 178, 183, 190, 197, 198, 201–205, 211, 213, 214, 240, 241, 342.



Султанова Айна (1895–1938). Председатель Верховного Суда, нарком юстиции Азербайджанской ССР. Жена Г. Султанова, сестра Г. Мусабекова. http://az.wikipedia.org/wiki/Айна_Султанова (10.01.2014). – 240–242.



Сумбатов (Сумбатов-Топуридзе) Ювельян Давидович (1889–1960). Нарком внутренних дел Азербайджанской ССР (1937–1938). Начальник административно-хозяйственного управления, хозяйственного управления НКВД-МВД СССР (1938–1947). Генерал-лейтенант (1945). Арестован 15.07.1953. Помещен в психиатрическую больницу (12.1955, диагноз – реактивный психоз). Дело прекращено 29.08.1960 в связи со смертью. – 162, 165, 175, 176, 182, 195, 197, 200, 234, 246, 271, 272, 277, 278.

Сурмава Е.М. Надзиратель внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 48.

Сыроваткин Борис Васильевич. Директор механического завода Азнефти им. Буденного. Кат. 1 в Сталинском списке 03.10.1937. – 255.

Табидзе Тициан (1895–1937). Поэт. – 55–58, 60–62.



Тагиев А. Надзиратель внутренней тюрьмы АзНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 244.

Таги-Заде Кудрат Баба оглы. Зав. кафедрой заочного института при народном комиссариате просвещения Азербайджанской ССР. – 170, 171, 256.



Талыблы Беокага Миргасым оглы (1897–1938). Поэт, публицист, член Союза писателей СССР с 1934 г. Кат. 1 в Сталинском списке 03.10.1937. http://mediateka.musigi-dunya.az/yaz_birliyi_75/ru/r_qurb/b_talibli_biogr.html – 176.

Танан. Заместитель управляющего Госбанком Абхазской АССР. – 284.

Тартаковский Б.Г. – 14.

Татаршвили А.С. Нач. управления по делам искусств при СНК Грузинской ССР. – 57, 61.

Татишвили М.А. Адвокат. – 291.

Твалчрелидзе Д.С. Пом. министра госбезопасности Грузинской ССР республики по хозяйственным вопросам. – 41, 80, 81, 120, 126, 133.

Твардовский Александр Трифонович (1910–1971). Писатель. Поэт. – 53.



Тедеев. – 290.

Темурчев Владимир Анастасьевич. http://www.greek-martirolog.ru/dbm_person/persona.php?id=53f205d_7557f (01.01.2014). – 292.

Тер-Газарян Григорий Седракович. Инженер нефтяной промышленности. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 240.

Тестов Я.В. Сотрудник тюрьмы № 1 НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 45.

Тестова Т.С. Фельдшер внутренней тюрьмы НКВД Грузинской ССР. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 48, 49.



Тито, Броз Тито Иосип (1892–1980). Деятель югославского и международного рабочего движения, государственный и политический деятель СФРЮ, маршал (1943), дважды Народный герой Югославии (1944, 1972), Герой Социалистического Труда (1950). – 8.

Тихомиров. Профессор. – 202.



Тихонов Николай Семёнович (1896–1979). Поэт. – 8, 60.

Токарев Михаил Дмитриевич. Генерал-майор юстиции. – 12.

Толкачев Николай. Генерал-майор юстиции. – 12.



Томский (Ефремов) Михаил Павлович (1880–1936). Председатель ВЦСПС, зав. Объединённым государственным издательством (ОГИЗ). Покончил жизнь самоубийством. – 83.



Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович (1879–1940). Нарком по военным и морским делам, Председатель Реввоенсовета РСФСР, СССР (1918–1925). – 66, 92, 93, 119.

Трубач Дмитрий Иванович. Директор электростанции «Красная звезда». Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 232.

Туркия Семен Степанович. (1894–1937). Управляющий делами ЦИК Абхазской АССР. Кат. 1 в Сталинском списке 10.08.1937. <http://www.arsuaga.ru/portal/book/export/html/809> (02.03.2014) – 82.



Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937). Советский военный деятель, внёсший значительный вклад в организацию Красной армии. Маршал Советского Союза (1935). Репрессирован в 1937, реабилитирован в 1957. – 10.

Тыминский Федор Иосифович. Начальник финансового отдела Каспийского пароходства. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 200.



Тычина Павел Григорьевич (1891–1967). Поэт, государственный деятель. – 60.

Уголев Р.И. Адвокат на процессе А.Н. Рапавы и др. – 23.



Ульрых Василий Васильевич (1889–1951). Председатель Военной коллегии ВС СССР (1926–1948). Генерал-полковник юстиции (1943). – 95.

Ульянов Иван Васильевич (ум. 1939). Начальник геотопографического отдела Азербайджанского нефтекомбината (г. Баку). – 158, 189, 190, 199, 245, 248.



Унковский Николай Николаевич (1895–1942). Нач. штаба Каспийской военной флотилии, командир дивизиона канонерских лодок, командир учебного корабля «Правда». Капитан 2-го ранга (1937). Арестован АзНКВД 15.07.1938. Осуждён 22.08.1942 на 5 лет ИТЛ. Умер после освобождения по дороге домой (?). http://www.ourbaku.com/index.php5/Унковский_Николай_Николаевич (11.01.2014) – 251.

Упштейн. Троцкистка. – 27.

Усейнов Ага-Бала. Начальник Бакинского порта. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 227, 228, 251, 264.

Устьян М.А. Колхозник. – 99, 101, 102.

Устьян С.М. – 106.

Фарадж-Заде Аскер Мамед оглы. Председатель Госплана Азербайджанской СССР. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 167, 171, 172, 178, 183, 189, 201.

Фаталиев Тонд Ахмед оглы. Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 250.



Фриновский Михаил Петрович (1898–1940). Зам. наркома, первый зам. наркома внутренних дел СССР (1936–1938). Нарком Военно-морского флота СССР (1938–1939). Командарм 1-го ранга (1938). Арестован 06.04.1939. Расстрелян 04.02.1940. – 42, 98, 201, 202.

Фунтиков Фёдор Адрианович (1875 или 1876–1926). Председатель Закаспийского временного правительства (07.1918–01.1919). Арестован 01.1925. Расстрелян 05.05.1926. [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Фунтиков_Фёдор_Адрианович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Фунтиков_Фёдор_Адрианович) – 11, 245.

Хазан Александр Самойлович (1906–1955). Начальник 1-го отделения 4-го отдела (1935–1937), пом. нач. 4-го отдела НКВД Грузинской ССР (1937–1938). Арестован и освобождён в 1938. Служил в центральном аппарате НКВД (1942–1945). Подполковник. Расстрелян 15.11.1955 – 23, 27, 28, 30–32, 34, 41–45, 47, 50–52, 55, 57, 58, 69, 72, 75, 76, 85, 96, 107, 110, 113–115, 118–129, 133, 147–150, 289.

Халилов М. Заместитель председателя СНК Азербайджанской ССР. – 215, 216.

Халипов А.С. Управляющий делами ЦИК Аджарской АССР. – 289.

Хандомиров Рубен. Нач. бюро экономических изысканий «Азгос-проекта». Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 261.

Хантемирян Т.К. Учитель. – 103.

Хануки. – 289.

Ханцев П.И. Секретарь Кагановичского райкома АКП/б/. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 249, 254.

Хасаев. Председатель Сальянского райисполкома. – 245.

Хват Александр Григорьевич (1907–1993). Следователь следственной части НКВД СССР. Полковник (1944). *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник. – М.: Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010. – 91, 187.*



Хитров Е.С. Начальник службы эксплуатации Каспийского пароходства. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 227, 228, 230, 231, 250.

Хмельницкий Богдан (1596–1657). Гетман войска Запорожского. – 9.



Хорdziани К. Секретарь райкома ВЛКСМ Земо-Сванетского района. – 291.

Хорунжий В. – 185.



Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971). Первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964). – 7, 20.

Худобашев. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 249.

Хумаров. Заместитель начальника административно-хозяйственного управления НКВД Грузинской ССР. – 291.

Хухунашвили М.М. Секретный сотрудник МГБ Грузинской ССР. Осужден в 1956 г. на 8 лет лишения свободы. – 137, 138, 293–295.

Цатуров. Геолог-нефтяник. – 264.

Церетели Давид Константинович (1896–1937). Художник. Кат. 1 в Сталинском списке 26.06.1937. – 41, 61.



Церетели Шалва Отарович (1894–1955). нач. управления рабоче-крестьянской милиции ГПУ-НКВД Грузинской ССР (1932–1939), первый зам. наркома внутренних дел Грузинской ССР (1941–1943), наркома, министра государственной безопасности Грузинской ССР (1943–1948), зам. министра внутренних дел Грузинской ССР (1948–1949); зам. министра государственной безопасности Грузинской ССР (1949–1953). Генерал-лейтенант (1945). Арестован 13.08.1953. Расстрелян 15.11.1955. *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник.* – М.: Международное общество «Мемориал»; *Звенья*, 2010. – 23, 26, 41, 42, 74, 75, 77, 97, 108, 124, 125, 142, 143, 147, 149, 150.

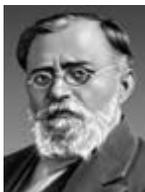
Цинман. Начальник 4-го отдела АзНКВД. – 203, 234.

Цишба-Пеккель П.Я. – 292.

Цомая К.В. Директор Тбилисского медицинского института, профессор. – 289.

Цулая Г.И. – 290.

Цурцулия Михаил. Секретарь прокуратуры Абхазской АССР. – 284.



Цхакая Михаил (Миха) Григорьевич (1865–1950). Председатель Президиума ЦИК Грузинской ССР (1923–1931), член Президиума ЦИК СССР (1922–1937). – 79.

Цхаладзе С.А. Студент Грузинского индустриального института. – 290.

Цхомария Александр Михайлович. Зам. наркома просвещения Абхазской АССР. Кат. 1 в Сталинском списке 03.01.1938. – 13, 285.

Чакаберия В.С. (ум. 1942). Зав. отделом руководящих партийных органов Аджарского обкома КП/б/ Грузии. – 45, 46.

Чакрян М.Е. – 105.

Чалмаз Михаил Исламович (1902–1937). Нарком земледелия Абхазской АССР. Кат. 1 в Сталинском списке 10.08.1937. <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/809> (02.03.2014). – 82, 83.

Чанба Хигу Петрович (1887–?). Колхозник сельхозартели «Ашицра». <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/809> (02.03.2014). – 82–84.



Чарквани Кандид Нестерович (1907–1994). Первый секретарь ЦК КП/б/ Грузии (1938–1952). – 40, 143.

Чахвадзе. – 111.

Чепцов Александр Александрович (1902–1980). Председатель Военной коллегии ВС СССР и зам. председателя ВС СССР (1948–1957), генерал-лейтенант юстиции (1949). Председатель судебного состава Военной коллегии ВС СССР на процессе А.Н. Рапавы и др. Уволен в запас в 1957 по инициативе Г.К. Жукова, указавшего в служебной записке в ЦК КПСС, что в 1946–1951 Чепцов способствовал незаконному осуждению ряда генералов Советской армии по сфальсифицированным в отношении их делам. – 23, 154.

Черномазов. Партийный работник в Азербайджанской ССР. – 217.

Черняков. Председатель воднотранспортного суда Каспийского пароходства. – 227.

Чигашев. Красноармеец оперативного поста «Пицунда». – 84.

Чиковани А.И. – 290.

Чихладзе. – 47.



Чичинадзе Виссарион Алексеевич (1887–1937). Главный инженер Гидроэлектропроекта. <http://energymuseum.ru/whois/?item=138> (13.02.2014). – 62–65, 348.

Чичинанадзе. Сын В.А. Чичинанадзе. – 65.

Чобашвили В.Н. Зам. декана химического факультета Грузинского индустриального института. – 290.



Чукбар Антон Иванович (1885–1937). Управляющий Госбанком Абхазской АССР (1932–1937). Кат. 1 в Сталинском списке 03.01.1938. Избит до смерти на допросе в НКВД Абхазской ССР. <http://mkra.org/deyatel/174/726/> (14.12.2013). – 283, 284.



Чуковский Корней Иванович (1882–1969). Русский советский поэт, публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, детский писатель. – 339.

Чхаидзе Датиго. Сотрудник НКВД Грузинской ССР. – 135.

Чхаидзе (ум. 1938). Осуждён вместе с Б.Г. Мдивани. – 40.

Чхеидзе В.Г. Зав. учебной частью Грузинского индустриального института. – 290.

Шабанбеков Г.М. Начальник районного отдела НКВД Шемахинского района после Журавского (04–10.1937). Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 210, 212.

Шабанова. Врач. Жена Али Гейдар оглы Караева. – 173, 175.

Шавдия Теймураз Николаевич. Племянник Нины Теймуразовны Гегечкори, жены Л.П. Берии. Унтершарфюрер СС. Арестован 18.02.1952. приговорён к 25 годам лишения свободы. <http://www.zaxodi-v-internet.ru/beriya-merkulov.html> (21.01.2014). – 41.

Шайликов. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 256.

Шалаб оглы Али Мамедович. Табаковод-единоличник. – 99, 101.

Шамсов Израиль Михайлович. Сотрудник АзЧК в 1921 г. Кат. 1 в Сталинском списке 22.12.1937. – 170.

Шарапов. Указан М.Д. Багировым как поручитель при его вступлении в партию. – 157.

Шария Иван. Прокурор города Сухуми. – 137, 284.



Шаумян Степан Георгиевич (1878–1918). Председатель Бакинского СНК в 1918. Расстрелян в числе 26-ти бакинских комиссаров 20.09.1918. – 267.



Шахбазов Мусейб Алиевич. Нарком просвещения Азербайджанской ССР (1935–1936). Кат. 1 в Сталинском списке 07.12.1937. – 170.

Шварцман Лев Леонидович (1907–1955). Работал в следственной части (в т. ч. зам. начальника) НКВД-НКГБ-МГБ СССР. Полковник (1943). Арестован 13.07.1951. Расстрелян 13.05.1955. *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник. – М.: Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010. – 185.*

Шемадов Дмитрий. Секретарь парткома Сухумского порта. – 284.

Шифферс Михаил Александрович (1899–?). Флагманский штурман Каспийской военной флотилии. Капитан 3-го ранга (1936). http://www.ourbaku.com/index.php5/Шифферс_Михаил_Александрович http://ru.wikipedia.org/wiki/Шифферс_Михаил_Александрович (11.01.2014). – 251.

Шнейдер В.А. Зам. начальника секретно-политического отдела АзНКВД. Свидетель на процессе М.Д. Багирова и др. – 188, 215, 216.

Шнейдер. Директор судоремонтного завода имени Парижской Коммуны. – 225, 250, 252.

Шония Владимир Яковлевич (1898 – не ранее 1953). Прокурор Абхазской ССР, прокурор Грузинской ССР (до 1951). Под арестом в 1952–1953 по «мингрельскому делу». Освобожден в 1953. – 284.

Шошни Ш.Н. Зав. аспирантурой Грузинского индустриального института. – 290.

Шукшин. – 248.

Шульга Г.Г. – 290.

Щенников. Командир 1586-го зенитного артиллерийского полка 47 зенитного артиллерийского верхнеднепровской дивизии Резерва Главного командования. Подполковник. – 9.

Эбжноу Сейда Ежигович (1892–1937). Зам. председателя колхоза «Худара». <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/809> (02.03.2014). – 82, 84.

Элиава Георгий Григорьевич (1892–1937). Микробиолог. Основоположник фаготерапии. – 42, 60.



Элиава Шалва Зурабович (1883–1937). Зам. наркома внешней торговли СССР (1931–1936), легкой промышленности СССР (1936–1937). – 63, 70, 72, 115.

Энгелов Анастас Феофилактович (1891–1937). Уполномоченный представитель Абхазии в Грузинской ССР. <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/809> (02.03.2014) – 82.



Энгельс Фридрих (1820–1895). Философ. Теоретик марксизма. – 78, 80, 95, 175, 333.

Эрьян Х.А. Секретарь комсомольской организации колхоза. Свидетель на процессе А.Н. Рапавы и др. – 105.



Эфендиев Султан Меджид Меджид оглы (1887–1938). Председатель ЦИК Азербайджанской ССР (1931–1937). – 154, 167, 173, 178–180, 189, 211.

Юдович Борис Абрамович. Управляющий трестом заводов нефтяного машиностроения. Кат. I в Сталинском списке 07.12.1937. – 238, 246.



Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938). Зам. председателя ОГПУ СССР (1931–1934), нарком внутренних дел СССР (1934–1936). Генеральный комиссар государственной безопасности (1935). Арестован 28.03.1937. Расстрелян 15.03.1938. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941. М.: Звенья, 1999 – 13, 30, 86, 128, 145.



Якубов Мир-Теймур Мир Алекпер оглы (1904–1970). Председатель Верховного Совета Азербайджанской ССР (1938–1941). Нарком, министр внутренних дел Азербайджанской ССР (1941–1950). Генерал-лейтенант (1945). *Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник.* – М.: Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010. – 168.

Ямковой И.М. Комендант тылового штаба Сводного конного корпуса Красной армии. – 91.



Яшвили Паоло Джибразлович (Иашвили) (1895–1937). Поэт, общественный деятель. Застрелился. – 55–57, 60–62.

ПУБЛИКАЦИИ

Н.Г. Смирнова

Книги, брошюры:

1. Расстреляны на рассвете. – Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1979.
2. Субһ чафы кулллэнэдилэр. – Баку, Азәрбајчан дәвлэт нәш-ријјаты, 1984.
3. Ушедшие в бессмертие. – М.: Юридическая литература, 1986.
4. Бакинская коммуна и ее комиссары. – М.: Знание, 1987.
5. Высшие суды революции. – М.: Знание, 1990.
6. Вплоть до высшей меры. – М.: Московский рабочий, 1997.
7. Репрессированное правосудие. – М.: Гелиос АРВ, 2001.

Статьи:

1. Возмездие // Человек и закон, 1973. № 2. С. 94–107.
2. Дело об убийстве бакинских комиссаров // Неотвратимое возмездие. – М.: Воениздат, 1974. С. 73–89.
3. Делото по убийството на бакинските комисари // Неотвратимото възмездие. – София: Военно издательство, 1977. С. 66–80.
4. Дело об убийстве бакинских комиссаров // Неотвратимое возмездие. Изд. второе, дополнен. – М.: Воениздат, 1979. С. 58–71.
5. Případ vraždy bakušských komisařů // Nevyhnutelná odplata. – Praha: Naše vojsko, 1981. С. 70–84.
6. Герои-революционеры // Ленинское знамя. 1983, 20 сентября, № 217 (19770).
7. Легендарные комиссары // Красный воин. 1983, 20 сентября, № 216 (18171).

8. Дело об убийстве бакинских комиссаров // Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. – М.: Воениздат, 1984. С. 55–67.
9. Дело об убийстве бакинских комиссаров // Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. – М.: Воениздат, 1987, с изменениями. С. 72–85.
10. Суд в начале истории // Советская культура. 1989, 2 декабря, № 143 (6711).
11. Реввоен трибунал Республики // Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных силах СССР. – М.: Воениздат, 1988. С. 29–40.
12. В связи с реабилитацией // За и против. 1991. № 6. С. 2–3.
13. Расстрелянные генералы // Юридическая газета. 1991, № 10.
14. [Рецензия на книгу В.П. Портнова и М.М. Славина Становление правосудия Советской России (1917–1922)] // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 12. С. 40.
15. О реабилитации жертв политических репрессий // Обозреватель. 1997. № 9. С. 72–76.
16. Так было. Кольцо «А» // Литературный журнал. 1999. № 9. С. 63–81.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АзНКВД – НКВД Азербайджанской ССР.
ВКП/б/ - Всесоюзная коммунистическая партия /большевиков/.
ВМН – высшая мера наказания.
ВО – военный округ.
ВС – Верховный Суд.
ВТ – военный трибунал.
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности.
ГУЛАГ – Главное управление лагерей НКВД.
Зав. – заведующий.
ЗакВО – Закавказский военный округ.
Зам. – заместитель.
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь.
ЛКСМ – Ленинский коммунистический союз молодёжи.
МВД – министерство внутренних дел.
МГБ – министерство государственной безопасности.
Нарком – народный комиссар.
Наркомат – народный комиссариат.
НКВД – народный комиссариат внутренних дел.
НКГБ – народный комиссариат государственной безопасности.
ОГПУ – объединенное государственное политическое управление.
Пом. – помощник.
Райком – районный комитет.
СМ – Совет министров.
СНК – Совет народных комиссаров.
ст. – статья
УГБ – управление государственной безопасности.
УК – Уголовный Кодекс.
УПК – Уголовно-процессуальный Кодекс.
ЧК – Чрезвычайная комиссия.
ЦИК – центральный исполнительный комитет.



Деревня Удеревка. Слева направо – Н.Г. Смирнов, А.К. Смирнов (дед), К.А. Смирнов (дядя), А.В. Смирнова (вторая жена А.К. Смирнова), У.О. Смирнова (Бучина, мать), З.Г. Смирнова (сестра). 1928 г.



Померания. Младший лейтенант Н.Г. Смирнов (в центре) на лафете зенитного орудия. 1945 г., апрель



Старший лейтенант Н.Г. Смирнов (в центре) среди однокашников по учебе в Военно-Юридической Академии. 1951 г.



С женой В.А. Смирновой (Калужиной). 1952 г.



Выпуск Военно-юридической Академии. Н.Г. Смирнов третий слева во втором ряду снизу. 1953 г.



Санаторий «Лунёво». 1953 г., декабрь



Каспийское море. Н.Г. Смирнов – справа. 1956 г., апрель. Баку



Слева направо –Н.Г. Смирнов, М.Н. Калужина (Софийская, теща), С.Н. Смирнов (сын), В.А. Смирнова, У.О. Смирнова. 1958 г.



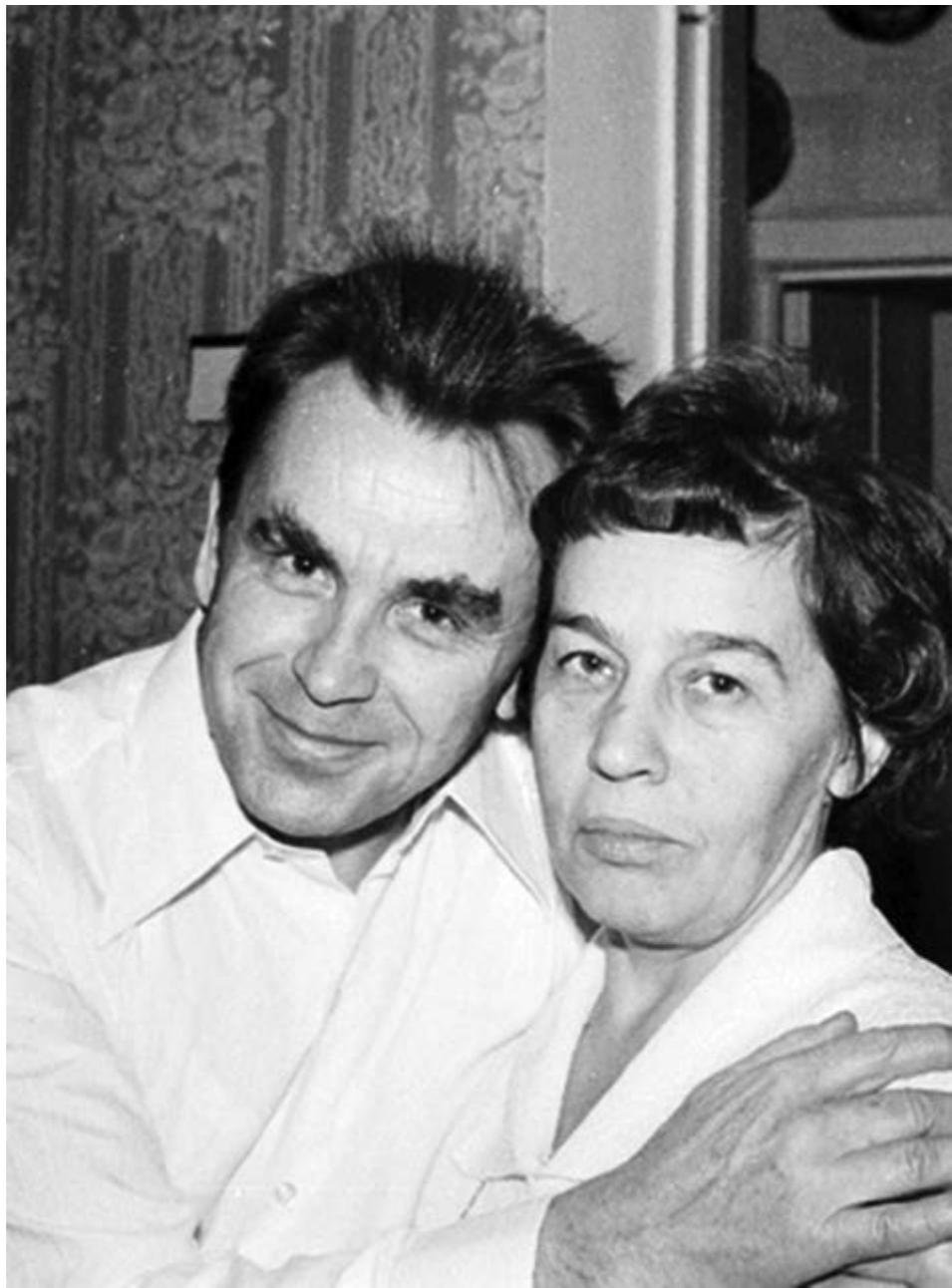
Инспекционная поездка в Центральную группу войск в Чехословакию. Н.Г. Смирнов – второй слева в первом ряду. 1973 г., июль



Слева направо М.Г. Порубиновский, Н.Г. Смирнов, Ю.П. Шарапов-Антонов, В.А. Смирнова. 1967 г., май. Измайлово



Лыжная прогулка в Сокольниках. Слева М.Д. Дворкина, справа Н.Г. Смирнов. Начало 1960-х.



50 лет В.А. Смирновой. 1977 г., ноябрь



25 лет со дня окончания Военно-юридической Академии. Н.Г. Смирнов – первый справа. 1978 г., февраль



Н.Г. Смирнов (первый слева) – помощник Председателя Верховного Суда РФ с коллегами. 1998 г., май



С внучкой Е.С. Смирновой. 1989 г., лето



Некоторые публикации Н.Г. Смирнова

Издания АИРО-XXI в 2003–2014 гг.

2003

- Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет / Составители Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков.
- Марк Юнге.* Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачёва. («АИРО – Первая публикация в России»).
- И.А. Гордеева.* «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. («АИРО – Первая монография»).
- Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова.
- In Memoriam. Г.М. Адиебеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов / Составители Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.
- Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.
- Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.
- Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 / Составитель В.Э. Молодяков. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Мегалополисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.
- Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Сост., введение, коммент. В.А. Невежина.

2004

- Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.
- Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.
- Из старых тетрадей. *С.Б. Веселовский.* Страницы из Дневника. 1917–1923. *В.С. Веселовский.* Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.

Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.

Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.

Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.

Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.

Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.

Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.

А.А. Куренышев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО – Монография»).

Россия: удачи минувшего века / Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.

Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. («АИРО – Первая публикация в России»).

2005

Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. («АИРО – Первая монография»).

Жанат Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО – Монография»).

В.Д. Соловей. Русская история: новое прочтение. («АИРО – Монография»).

С.И. Ваянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО – Монография»).

П.Б. Уваров. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО – Монография»).

1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО – Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) / Под редакцией Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Лотара Майера.

Б.Г. Тартаковский. Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО – Первая публикация»).

Б.Г. Тартаковский. Из дневников военных лет. («АИРО – Первая публикация»).

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО – Первая публикация». Публ. В.Э. Молодякова / Под редакцией Г.А. Бордюгова.

Норман Неймарк. Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО – Первая публикация в России»).

Стивен Коэн. Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)

- Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Кьяри, Борис Соколов, Андрей Турков.* Великая война: трудный путь к правде. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).
- Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).
- Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов.* Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).
- Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацуро Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) / Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.
- Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.
- Жанет Кундакбаева.* Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.
- Владимир Самарин.* Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.
- Борис Соколов.* Моя книга о Владимире Сорокине.
- 60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005). Совм. с Фондом Фридриха Науманна.
- Ст. Б. Веселовский.* Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи / Сост. А.Г. Макаров и С.Э. Макарова.
- Рой Медведев.* Социализм в России?
- Япония 2004–2005. Ежегодник.

2006

- Дмитрий Люшкин.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).
- А.Г. Ложкин.* Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).
- Ф.Г. Куначёва.* Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).
- В.Э. Молодяков.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).
- Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой / Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).
- Молодёжь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.
- Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.

- Э. *Саблина*. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под редакцией и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).
- Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А.Г. Макаров и С.А. Макаров.
- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.
- Портрет современного японского общества.
- В.Э. *Молодяков*. Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).
- Н.А. *Четырина*. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).
- П. *Павленко*. Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.
- Павел *Гвоздев*. Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации.
- Япония. Ежегодник. 2006.
- Сергей *Валянский*. Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).
- В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

- Я.В. *Леонтьев*. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен *Козн*. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина *Каргина*. Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. *Тепляков*. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. *Гоголев*. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И.А. *Алексеева*. История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. *Колесов*. Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих *Фирсов*. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).

С.И. Валянский. Язык мой – враг мой.

Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.

Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.

Япония открыта миру. Коллективная монография.

В.Г. Воловников. О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).

В.Д. Соловей. Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).

Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.

С.Ф. Платонов. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.

Александр Рабинович. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).

Николай Андреев. Первые стихи.

Владимир Путин. Рано подводить итоги.

Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.

Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.

Константинов С.В. «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.

Леонид Козлов. В диалоге с прошлым.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Козна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.

- Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).
- А.А. Куреньшев.* Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера.
- Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).
- Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.
- Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.
- Роберт Эдельман.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.
- А.Г. Тепляков.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).
- В.А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В.Н. Томлин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).
- Н.И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).
- Эрик Кулевиг.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).
- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*

Ф.Д. Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя.

Возвращаясь на улицу Юности.

Л.А. Боева. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).

Б.В. Соколов. Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).

Япония 2009. Ежегодник.

Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.

А.К. Конопацкий. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

Пётр Баратов. «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).

Венков А.В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО-XXI. 2010 г. – 884 стр.

Кравчук Н.В. История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII–XV вв. – М.: «АИРО-XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).

Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.

Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 320 с.

Ю.М. Коликов. Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.

Виктор Кригер. Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).

Н.К. Веселовская. Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940–1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2010. – 184 с.

Г.А. Бордюгов. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).

Посадский А. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО-XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.

- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО-XXI, 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО-XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Козн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.
- Стивен Козн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.

- А.А. Куреньшиев.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суrowцева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 164 с.
- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Коэн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО–XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).
- Р.А. Медведев.* «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 228 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 520 с.
- Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 584 с.
- 20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО–XXI, 2011. – 172 с.
- Япония 2011. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2011. – 288 с.
- Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО–XXI, 2011. – 280 с.
- А.Д. Цыганок.* Русский взгляд на израильские войны: Вторая Ливанская – 2006 и в секторе Газа – 2009. – М.: АИРО–XXI; Крафт+, 2011. – 352 с.

2012

- Чермен Касаев.* Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк.* Геноциды Сталина. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО–XXI, 2012. – 480 с.

- В.В. Агеносов.* Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 208 с.
- А.Г. Ложкин.* Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография»).
- Синто: память культуры и живая вера. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенцев.* Донцы. Из истории донского казачества. – М.: АИРО-XXI, 2012 г. – 180 с.
- Н.В. Кравчук.* Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО–XXI, 2011. – 104 с.
- А.Д. Цыганок.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 432 с.
- А.А. Куреньшев.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО–XXI, 2012. – 404 с.
- Т.А. Филиппова.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография»).
- А.Н. Соломатин.* Основы подготовки журналистов для работы в районах военных действий и экстремальных ситуациях. Программа курса лекций. Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 32 с.
- А.Д. Цыганок.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Гареева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 448 с.
- Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2012–224 с.
- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2012. – 450 с.
- Эльгена Васильевна Молодякова. К 75-летию со дня рождения. Библиографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и И.Л. Тимониной. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 120 с. + 8 с. илл.

- С.С. Михайлов.* Погост Николо-Шатур: История мешёрского прихода. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. – 104 с.: ил. Б. тир. (Б-ка альм. «Мещёра-край»).
- Мещёра-край: альм. по истории и культуре Мешерского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». – М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.Г. Шаповал.* История сел Дунилово и Горицы. От неолита до современности. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российская провинция»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 268 с.
- Федор Крюков.* Православный мир старой России. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 200 с.
- Федор Крюков.* Картинки школьной жизни старой России. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 328 с.
- Светлана Лурье.* Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография»).
- Федор Крюков.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 362 с.
- Алексей фон Лампе* – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 536 с. – («АИРО – первая публикация»).

2013

- Две родины Стивена Козна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 224 с. + ил.
- Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 700 с.
- Невольник чести. Путь и судьба Владимира Полютова / Сост.: Т.Б. Григер канд. ист. н., доц., Н.В. Полютова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 152 с. + 52 с. ил.
- “...Ведь не безнадежность перед нами”. Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Стивен Козн; всту-пит. статья – Ж. Артамонова; составление и комментарии – Ж. Артамонова, Е. Суббота. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2013. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 412 с.
- Федор Крюков.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI. 2013. – 548 с.
- Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2013 – 312 с.
- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов.* 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.

- Л.Н. Суворова.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Ю. Каратеев.* Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин.* Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- М.И. Мельтюхов.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов.* В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская.* Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул.* Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещёра-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

2014

- М.Н. Мосейкина.* У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. Том 1 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 392 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-236-0.
- З.С. Бочарова.* Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 408 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-238-4.
- З.С. Бочарова.* Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Том 3 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и

- А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 336 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-240-7.
- А.В. Антошин.* На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. Том 4 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-242-1.
- А.В. Антошин.* От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. Том 5 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-244-5.
- Г.А. Бордюгов, А.Ч. Касаев.* Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг. Том 6 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-246-9.
- В.В. Агеносов* Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 736 с.; илл. – ISBN 978-5-91022-230-8. – ISBN 978-5-90670-527-3
- Л.В. Совинский.* В зеркале времени. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 592 с. + 32 с. илл.
- Война и мир в новой и новейшей истории России. (К 100-летию начала Первой мировой войны). Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2014. – 252 с.
- Всё остается людям. Анатолий Котеленец: к 100-летию со дня рождения / Составители: Е.А. Котеленец, Т.А. Котеленец, О.Б. Беляков. М.: АИРО-XXI, 2014. – 112 с. + 28 с. илл.
- В.Я. Гросул.* Труды по теории истории. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 548 с.
- Татьяна Филиппова, Пётр Баратов.* «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 272 с. + 88 с. илл.
- Юлия Сидур – Карл Аймермахер. «Время новых надежд...». Переписка 1986–1992 / Обработка текста Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 512 с., илл. – (Серия «АИРО – первая публикация в России» / под ред. Г.А. Бордюгова).

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Н.Г. Смирнов
РАПАВА, БАГИРОВ И ДРУГИЕ.
Антисталинские процессы 1950-х гг.

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

1 ISBN 591022274-0



9 785910 222742

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 22.09.2014
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 23,0
Тираж 500 экз. Зак.